

Академия
Фундаментальных
Исследований

А. Гаусрат

ИСТОРИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ

- *Арнольдисты*
- *Вальденцы*
- *Франциск Ассизский*
- *Сегарелли*
- *Дольчино*

А. Гаусрат

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ

Арнольдисты

Вальденцы

Франциск Ассизский

Сегарелли

Дольчино

Перевод с немецкого
под редакцией Э. Л. Радлова

Издание второе

URSS

МОСКВА

Гаусрат Адольф

Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. Пер. с нем. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 328 с.
(Академия фундаментальных исследований: история.)

Внимание читателей предлагается книга немецкого историка и богослова Адольфа Гаусрата (1837–1909), посвященная описанию деятельности выдающихся личностей и религиозных движений эпохи Средневековья, сыгравших важную роль в истории католической церкви и всего средневекового общества.

Настоящее издание представляет собой второй том книги, в котором рассматриваются различные течения, чьи представители выступали в Средние века за ликвидацию частной собственности, имущественное равенство, апостолическую бедность и взаимопомощь, проповедовали аскетизм и любовь к ближнему. Автор описывает арнольдистов — последователей Арнольда Брешианского, религиозное движение вальденцев; освещает жизнь и деятельность святого Франциска Ассизского, основателя ордена францисканцев; рассматривает идеи Герардо Сегарелли, основавшего секту апостоликов, и его ученика Дольчино. Первый том, в котором описывается жизнь и деятельность французского философа Пьера Абеляра и итальянского религиозного и общественного деятеля Арнольда Брешианского, выходит одновременно со вторым в нашем издательстве.

Книга рекомендуется историкам, философам, религиоведам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 20,5. Зак. № ЖЛ-33.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02425-9

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724-25-45
	URSS

11000 ID 156929

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

УЧЕНИКИ АРНОЛЬДА.

Wenn der Leib in Staub zerfallen,
lebt der grosse Name noch ¹⁾.

Schiller.

Идея Арнольда изъ Брешіи заключалась въ томъ, чтобы вырвать религію изъ рукъ испорченнаго духовенства и вручить заботу о ней благочестивымъ мірянамъ, рѣшившимся вести апостольскій образъ жизни, отъ котораго отступили священники. Такимъ образомъ Арнольдъ оказался первымъ виновникомъ движенія среди мірянъ, могучее теченіе котораго вскорѣ забыло о своемъ первоначальномъ источникѣ. Собственно, чтобы понять, какъ изъ нѣсколькихъ нищихъ студентовъ Арнольда могло возникнуть цѣлое воинство нищенствующихъ монаховъ, направлявшее всю исторію двухъ слѣдующихъ столѣтій, мы должны вернуться къ общему соціальному положенію.

Какъ на широкую арену и плодородную почву для этого движенія укажемъ прежде всего на средневѣковое бродяжничество, которое было чрезвычайно распространено, и которое выработало привычки, необходимыя для того образа жизни, который избрали для себя по религіознымъ мотивамъ секты бѣдныхъ людей. Апостольскіе странники, пошедшіе по слѣдамъ Арнольда, являются только частью кочующаго населенія, не имѣвшаго опредѣленнаго мѣста жительства, странствовавшаго по всему свѣту и жившаго на подаенія милосердыхъ людей. Чѣмъ строже становилось въ средніе вѣка закрѣпощеніе крестьянскаго сословія, чѣмъ уже цехъ и гильдія ограничивали свободу ремесль, тѣмъ сильнѣе съ другой стороны возрастало число людей, бѣжавшихъ отъ давящей неволи и скитавшихся по вѣту. Какъ велико было число этихъ вѣчныхъ странниковъ, видно изъ данныхъ объ ихъ участіи въ общественныхъ празднествахъ, на которыхъ однихъ странствующихъ музыкантовъ насчитывали тысячи ²⁾. Благодаря особенностямъ призрѣнія бѣдныхъ въ средніе вѣка, по дорогамъ попадались

¹⁾ И если тѣло обратится въ прахъ, великое имя продолжаетъ жить.

²⁾ W. Hertz, Spielmannsbuch, Einleitung.

толпы плетущихся изъ замковъ въ монастыри и изъ монастырей въ замки ка-
лѣкъ, на деревянныхъ ногахъ или безногихъ, передвигавшихся съ помощью
скамейки, хромыхъ и слѣпыхъ и еще больше притворныхъ больныхъ. Къ нимъ
надо прибавить скомороховъ, служившихъ на потѣху низшихъ классовъ; они
показывали на ярмаркахъ дрессированныхъ животныхъ, начиная съ медвѣдей
и кончая обезьянами и сурками, заставляли вертѣться на палкахъ тарелки,
бросали мечи и продѣлывали разные тому подобные фокусы.

Но рядомъ съ этими двумя классами существовали и иного рода стран-
ники, исполнявшіе во время своего вѣчнаго скитанія чрезвычайно почтен-
ныя и необходимыя обязанности. Это—странствующие ученики, лѣчившіе
народъ, преподававшіе въ замкахъ, учившіе музыкѣ и искусству слагать стихи
дворянскихъ юношей и дѣвицъ, разносившіе вѣсти въ отдаленнѣйшія мѣста.
И разносчики являлись людьми весьма полезными: разнося товаръ, они не-
рѣдко распространяли серьезные сочиненія и новыя ученія ¹⁾. Такимъ обра-
зомъ постоянные странники составляли значительную часть всего народонасе-
ленія, которой нельзя пренебрегать, и которую нельзя измѣрять современнымъ
масштабомъ. Различныя побудительныя причины могли заставить и серьезныхъ
людей избрать этотъ образъ жизни. Самой обыкновенной было, разумѣется,
отвращеніе къ зависимости осѣдлага человѣка. Раздоръ, несчастье, скука за-
ставляютъ цѣлыя семьи взяться за странническій посохъ, а люди, втянувшіеся
въ странническую жизнь или родившіеся въ ея условіяхъ, рѣдко возвраща-
ются снова къ осѣдлой жизни. И вотъ намъ приходится наблюдать не только
цѣлыя поколѣнія странствующихъ семей нищихъ и артистовъ, но и стран-
ствующие религіозныя секты. Арнольдисты, вальденцы, францисканцы и
апостолики составляютъ часть средневѣковаго бродячаго люда, состоявшаго
не изъ однихъ только канатныхъ плясунонъ и рюмоплетонъ, но и изъ тако-
го же почти множества кающихся, пилигримонъ и странствующихъ проповѣд-
никовъ, предпринявшихъ бродяжническую жизнь съ цѣлью проповѣдыванія
евангелія, во исполненіе обѣта или эпитиміи или служенія особому святому
или, по крайней мѣрѣ, выставившихъ эту цѣль какъ предлогъ. Значитель-
ную долю этихъ духовныхъ бродягъ составляли пилигримы и богомольцы, какъ
тѣ, которые дѣйствительно шли на богомолье къ святымъ мѣстамъ или на
могилы апостоловъ, такъ и тѣ, жизнь которыхъ состояла въ безцѣльномъ ша-
таньи по святымъ мѣстамъ. Они украшаютъ свои платья раковинами, которыя
зачастую куплены, а въ пальмовой палкѣ изъ святой земли спрятано смерто-

1) Bernardo Guidonis, Practica. ed. Douais, 249.

носное оружіе ¹⁾). Такіе пилигримы дѣлають хожденіе по святымъ мѣстамъ своей профессіей, а свинцовыя медали, продаваемыя на мѣстахъ богомолья и украшающія ихъ шляпы, свидѣтельствуютъ, подобно альпійской палкѣ англичанина, о всѣхъ посѣщенныхъ ими мѣстахъ ²⁾).

Vil müscheln und ouch spenglein
Bedeckent mangeln bilgrein,
Der durch kaufschatz us is komen
Mere danne durch der sele fromen.

Иногда стремленіе къ странствіямъ становилось эпидемичнымъ. На воззваніе къ первому крестовому походу поднялись цѣлыя деревни; крестьяне подковали своихъ быковъ и пустились въ путь съ женами и дѣтьми, а послѣдвія о каждомъ городѣ спрашивали: не это ли Іерусалимъ? Ученики Арнольда и Вальдо дали, подобно своимъ учителямъ, обѣтъ вѣчнаго странствія, а за Дольчино цѣлыя деревни покидали свои дворы и слѣдовали за пророкомъ въ чащи лѣсовъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Это бродяжничество считалось особой еретической школой, а въ рукописи анонима изъ Пассау Stertzer'ы, т. е. попросту бродяги ³⁾, считаются отдѣльной сектой. Къ этимъ предкамъ бродяги Куражъ ⁴⁾ нашъ инквизиторъ причисляетъ всѣхъ бродягъ, притворяющихся страдающими разными немочами, женщинъ, нанимающихъ дѣтей для нищенства, пилигримовъ, утверждающихъ, будто они пришли изъ С. Яго или Іерусалима, плутовъ, отпускающихъ волоса и бороду, таскающихъ на себѣ желѣзныя цѣпи и кольца или бичующихъ свои голыя плечи, не причиняя себѣ боли, женщинъ въ мужской одеждѣ, кающихся Магдалинъ, обращенныхъ евреевъ, исцѣленныхъ бѣсноватыхъ, мнимыхъ врачей, фальшивыхъ бароновъ, поддѣльныхъ ветерановъ, плутоватыхъ колдуновъ, продавцовъ реликвій, заклинателей дьявола, искателей кладовъ, людей, собирающихъ по фальшивымъ документамъ разнаго рода подаванія и фабрикующихъ изъ всевозможныхъ корней амулеты и заговоры, притворныхъ глухо-нѣмыхъ, говорящихъ посред-

1) Daz swert brach er uz der palmen. Gr. Wolfdietrich, 708. Ср. Renner 13606.

2) Hucher, Des Enseignes des Pelerinages. Bull. monum. XIX, 505 и сл.

3) Maxima bibl. p. p. XXV, S. 275. De hypocritis, qui nuncupantur Stertzer. Вставка въ Гретсеровскую рукопись анонима изъ Пассау.

4) Типъ женщины-бродяги изъ временъ Тридцатилѣтней войны, созданный Гриммельсгаузеномъ (ок. 1624—1676). *Пер.*

ствомъ знаковъ, авантюристовъ, обручающихся съ тридцатью женщинами и всѣхъ ихъ обманывающихъ. На одну ступень съ этими бродягами ставитъ авторъ этого перечисленія и вальденцевъ и особенно обстоятельно поучаетъ, какъ слѣдуетъ производить слѣдствіе надъ этими послѣдними, наиболѣе опасными бродягами.

Толпы такихъ пилигримовъ ходили, нищенствуя, по странѣ, и отдаленные отъ свѣта деревни и замки встрѣчали ихъ не безъ удовольствія: вѣдь единственно черезъ нихъ получали они вѣсти о внѣшнемъ мірѣ; они рассказывали о далекихъ странахъ, о своихъ приключеніяхъ. Поздвѣ къ нимъ присоединились самобичеватели, бродившіе по свѣту подъ предлогомъ наложеннаго на себя строгаго покаянія и предпочитавшіе факироподобныя самобичеванія мученичеству ежедневнаго труда.

Трудно провести границу между свѣтскими и духовными бродягами, ибо и церковные странники, преслѣдовавшіе религіозныя цѣли, занимались, подобно остальнымъ бродягамъ, нищенствомъ, или пѣніемъ, или рассказами легендъ изъ жизни святыхъ, или мелкой торговлей, или разносили письма. Мы найдемъ примѣры занятій всѣхъ этихъ родовъ. Учитель Вальдо былъ *joculator*’омъ, ходившимъ по ярмаркамъ; Францискъ самъ называетъ себя *joculator*, а Салимбене насмѣхается надъ Сегарелли какъ надъ *joculator*’омъ. Вальдо началъ проповѣдь апостольской жизни среди нищихъ, а Іоаннъ Милостивый образовалъ нищенствующій орденъ изъ прокаженныхъ. Прототипъ всѣхъ благочестивыхъ бродягъ, святой Алексѣй, легенда о которомъ побудила Вальдо послѣдовать его примѣру, странствовалъ по свѣту, искалъ защиты отъ непогоды и вѣтра подъ лѣстницами замковъ или раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими странниками „комнату для больныхъ“ ¹⁾ и полагалъ, что такой бродячей жизнью лучше служить Богу, чѣмъ семейной жизнью и обыкновеннымъ трудомъ. Съ двѣнадцатаго вѣка все болѣе и болѣе увеличивается число его послѣдователей. Приверженцы Арнольда въ Парижѣ тоже описываются какъ нищіе, бродящіе изъ дома въ домъ ²⁾. Обращенный бродягою Вальдо тоже отдается бродячей жизни ³⁾; первые ученики святого Франциска называютъ себя Божьими комедіантами; двое изъ нихъ, странствовавшіе по Англіи въ царствованіе Генриха III, были въ качествѣ стран-

1) Alexius III, 199, 205.

2) Hist. pontif. c. 31. Auditores non habuit nisi pauperes et qui ostiatim elemosinas publice mendicabant, unde cum magistro vitam transigerent.

3) Chron. anonymi canonici Laudunensis Monum. Germ. S. S. XXVI, 447.

ствующихъ комедіантовъ очень гостепрѣмно приняты въ Оксфордѣ въ одной кельѣ бенедиктинцевъ, такъ какъ монахи разсчитывали провести пріятный вечеръ благодаря ихъ искусству, но ихъ вытолкали въ спину, когда оказалось, что вмѣсто веселыхъ пѣсенъ, они знаютъ только проповѣдь покаянія ¹⁾). Сегарелли облачается въ одежду *joculator'a*, когда церковь сняла съ него апостольское одѣяніе ²⁾). На свадьбу одного богатаго человѣка явились незваными гостями, по примѣру другихъ странниковъ, двое апостоликовъ, которые, не взирая на свою апостольскую мантию и длинные волосы, пириществовали вмѣстѣ съ другими и, по показанію Салимбене, своими дурными выходками вызвали изгнаніе апостоликовъ изъ пармской епархіи ³⁾). Такъ кишѣло духовными бродягами, жившими словомъ Божіимъ. Подобно комедіанту, переносившему изъ замка въ замокъ новые мелодіи, пѣсни и разсказы или извѣстія о чужихъ странахъ и новостяхъ дня, жилъ и охваченный релігіознымъ стремленіемъ сектантъ, не имѣвшій возможности раскрыть свою внутреннюю жизнь въ нѣдрахъ церкви. И подобно тому, какъ пестрая толпа странствующихъ комедіантовъ представляетъ переходную общественную ступень отъ знаменитыхъ пѣвцовъ, жившихъ въ тѣсной дружбѣ съ князьями, къ ярмарочнымъ фокусникамъ, глотавшимъ передъ зрителями ножи, ходившимъ на головѣ, пожиравшимъ огонь, такъ и эти странствующіе монахи образуютъ рядъ переходовъ отъ такихъ людей, какъ Арнольдъ, Сегарелли, Дольчино, бывшихъ желанными гостями у кардиналовъ, епископовъ и дворянъ, къ нищенствующимъ монахамъ, составившимъ мученіе деревень. Вѣдь дается же титулъ *lescheor* „лизоблюдь“, означающій на старофранцузскомъ языкѣ низшую ступень фигляровъ, при случаѣ одному духовному товарищу Конрада Марбургскаго, способствовавшему введенію нищенствующихъ орденовъ въ Германію ⁴⁾). Часто среди этихъ апостольствующихъ странниковъ попадались странствующіе клирики, *clerici vagabundi*, т. е. люди, прошедшіе курсъ наукъ, но пустившіеся странствовать по монастырямъ, трактирамъ и резиденціямъ, охваченные всеобщимъ стремленіемъ къ странствіямъ. Среди нихъ были люди всѣхъ возрастовъ: неудавшіеся студенты, а также бывшіе монахи и пустынники, бѣжавшіе изъ скучныхъ келій, платившіе

1) Anton Wood, *Historia et antiquitates universitatis Oxoniensis*, Oxonii 1674. I, 69.

2) Salimbene, *Edit. Parm.* 117.

3) Salimbene, *Edit. Parm.* 371.

4) Specklin, *Collectanea in usum chronici Argentinensis*, изъ *Arbogaster Chronik*, которю онъ пользовался. *Illgens Zeitschrift*, 1840.

за гостепрѣимство мѣряяъ разказами легендъ, пѣніемъ священныхъ пѣсенъ, подарками амулетовъ или реликвій ¹⁾. Но они, подобно своимъ блиставшимъ мѣрскимъ дурачествами коллегамъ, составили себѣ дурную репутацію и носили прозвище „безпутныхъ священниковъ“ (loter) вслѣдствіе своей совмѣстной жизни съ легкомысленнымъ людемъ. Слѣдовательно Вальдо и Францискъ не создали толпы апостольствующихъ странниковъ тѣмъ, что они, какъ полагають, побудили тысячи богатыхъ людей раздать свое имущество, но они въ сущности привлекли къ себѣ лучшіе элементы распространенной повсюду гильдіи и частью переняли ихъ привычки, частью улучшили ихъ въ христіанскомъ духѣ.

Другой источникъ этого движенія слѣдуетъ искать въ условіяхъ эпохи. Сильныя финансовыя перемѣны и соціальныя перевороты, явившіеся послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, тоже играютъ роль въ этомъ внезапно вспыхнушемъ стремленіи къ религіозно-бродяжнической жизни. Тамъ, гдѣ вырастають большіе города, расцвѣтаетъ торговля, образуется промышленное сословіе, являются дороги, облегчающія сообщеніе, тамъ усиливается и бродяжничество. Къ тому же изъ поэтическихъ произведеній того времени намъ извѣстно, какъ походы въ святую землю всюду страшно усилили стремленіе въ даль, непреодолимую страсть къ странствіямъ. Стремленіе въ даль, во вновь открытыя отдаленныя страны, въ Палестину, Египетъ и далѣе, составляетъ интересъ этой эпохи. Если къ тому же примемъ въ соображеніе, что именно страны, въ которыхъ особенно сильно развилось нищенство, подвергались болѣе другихъ странъ непрерывнымъ военнымъ бѣдствіямъ, лишавшимъ имущества все новыя части народонаселенія, выбрасывая ихъ на улицу, то намъ станетъ понятнымъ образованіе новыхъ религіозныхъ сектъ, общимъ лозунгомъ которыхъ было апостольское странствіе.

Эти духовные странники имѣли и общій религіозный бранный кличъ, его далъ имъ Арнольдъ изъ Брешии; они всѣ настойчиво утверждаютъ, что считаютъ бродячую жизнь чисто апостольской и противопоставляють ее развращенной жизни осѣдлаго духовенства. Они заявляютъ въ одинъ голосъ съ Арнольдомъ изъ Брешии, что испорченность церкви происходитъ отъ ея свѣтской власти и свѣтскихъ владѣній и можетъ быть исправлена только возвращеніемъ къ нищенской апостольской жизни.

У арнольдистовъ странничество явилось прежде всего вслѣдствіе бѣд-

¹⁾ Cp. Schultz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. I, 524 и др. Hertz, Spielmannsbuch, Einleitung.

ственной положеніи ихъ бѣжавшаго изъ отечества и свободнаго какъ птица учителя. Для Вальдо бродяжничество составляетъ принадлежность подражанія апостольской жизни, а Францискъ и апостолики видятъ подражаніе жизни самого Іисуса Христа въ такой жизни, когда не знаешь, куда преклонить голову. Когда эти представленія овладѣли умами, то уже не одни только привычные бродяги стали странничать Христа ради, но мы слышимъ о множествѣ знатныхъ и богатыхъ людей, старающихся найти въ апостольской страннической жизни счастье, котораго не могли имъ доставить богатство и знатность.

То, что бѣдность, какъ идеаль, могла принять значеніе новаго евангелія, указываетъ на постоянно продолжавшееся болѣзненное состояніе церкви, и несомнѣнно, что требованіе Арнольда, чтобы духовенство отказалось отъ своихъ владѣній и жило безъ имущества и свѣтской власти, все страстнѣе овладѣвало массой по мѣрѣ того, какъ духовенство окружало себя все большей пышностью, а папство заявляло притязаніе на всю небесную и земную власть. Александру III, побѣдителю Барбароссы, приходится имѣть дѣло съ проповѣдью Вальдо, Иннокентію III съ Іоахимомъ изъ Флориса и Францискомъ, Иннокентію IV съ Сегарелли, Бонифацію VIII съ Дольчино. Чѣмъ болѣе папство отдается свѣтскимъ интересамъ, тѣмъ рѣшительнѣе и радикальнѣе становятся требованія арнольдистовъ, тѣмъ фанатичнѣе ихъ проповѣди. Отсутствіе дисциплины въ духовенствѣ продолжаетъ быть главной темой оппозиціи. У насъ нѣтъ основанія думать, чтобы испорченность тогдашняго клира значительно превышала испорченность рыцарскаго или городского сословія, хотя проповѣди реформаторовъ и акты соборовъ полны жалобъ на развращенность духовенства. Мистическое представленіе о томъ, что спасеніе можетъ быть получено только черезъ посредство священниковъ, представленіе, которое они сами внушили народу, отомстило имъ за себя. Изъ мистическаго круга этихъ представленій естественно вытекаетъ, что таинство пресуществленія можетъ совершаться только черезъ посредство чистыхъ рукъ, поэтому міряне считали себя въ правѣ требовать отъ духовенства такой святости, которую считали недостижимой для себя самихъ, и полагали, что отъ нихъ отнимаютъ спасеніе, если единственный человекъ, у котораго они могутъ его найти, дѣлаетъ себя неспособнымъ даровать его имъ. Поэтому они обратились къ сектантамъ, удовлетворявшимъ, повидимому, этому мѣрилу, надъ которымъ бѣлое духовенство открыто смѣялось. Ко всему этому присоединилось еще то, что вслѣдствіе размноженія населенія въ городахъ церковь не имѣла силы удовлетворять всѣмъ потребностямъ суевѣрной массы, и вотъ бродившимъ повсюду еретикамъ открылось обширное поле дѣйствія.

Такими оппонентами въ двѣнадцатомъ вѣкѣ были катары и арнольдисты. Первые суть потомки дуалистическихъ сектъ древней церкви, проникшіе уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ изъ Болгаріи въ Верхнюю Италію и продолжавшіе благополучно распространяться по мѣрѣ возраставшаго соприкосновенія между латинской и греческой церквами, такъ что въ двѣнадцатомъ вѣкѣ они дѣлали значительные успѣхи одновременно въ южной Франціи и на Дунаѣ. Позабытые дуалистическіе сектанты греческой церкви, подобно летучимъ мышамъ, вспугнутые въ своихъ темныхъ норахъ шумомъ крестовыхъ походовъ, плотно прилѣпились къ полкамъ крестоносцевъ и начали и на западѣ свое боящееся свѣта занятіе. Но въ то время какъ эти новые манихеи работали во мракѣ и никакъ не могли освободиться отъ неприятнаго, пресмыкающагося характера свойственнаго ереси, арнольдисты мужественно выступили со своей оппозиціей противъ церкви, ставшей свѣтской, и создали оппозиціонные элементы къ открытой борьбѣ. Они присвоили себѣ лозунгъ великаго пророка изъ Брешии: мірское принадлежитъ князьямъ, духовенству же должно отказаться отъ всего мірскаго и быть бѣднымъ, смиреннымъ слугою мира, а не распрей. Арнольдъ, изгоняемый изъ страны въ страну вслѣдствіе церковнаго проклятія и ненависти святого Бернара, вынужденъ былъ вести жизнь *clericus vagabundus*, и его ученики, жившіе въ тѣхъ же условіяхъ, привыкли къ вѣчному странствію. Уже въ 1142 г., когда Арнольдъ принялъ каеэдру Абельяра въ Парижѣ, его ученики начали прибѣгать къ общественной благотворительности, прося милостыню, чтобы прокормить себя и своего учителя. И тогда, когда Арнольдъ въ 1146 г., примирившись внѣшнимъ образомъ съ церковью, появился въ Римѣ, окружавшіе его послѣдователи были все странники; большинство изъ нихъ присоединилось къ нему, вѣроятно, съ его родныхъ полей битвы, ибо римляне называютъ ихъ попросту ломбардами ¹⁾; единственный же, выступившій въ литературѣ за основныя положенія Арнольда, а именно въ письмѣ къ Барбароссѣ, Вецило, судя по имени, алеманнъ и послѣдовалъ въ Римъ за лишеннымъ отечества пророкомъ изъ Цюриха или изъ другого мѣста констанцской епархіи. Эта первая школа Арнольда образовалась изъ бездомныхъ апостольствующихъ бродягъ. Около 1164 г., когда Іоаннъ Салисберійскій писалъ свою *historia pontificalis*, она еще держалась какъ отдѣльная секта; однако другъ папы, осудившаго на смерть Арнольда, сообщаетъ, что она, благодаря своему достойному образу жизни и строгой нравствен-

1) *Histor. pontificalis. Mon. Germ. hist. scr. XXII, 538.*

ности, пользуется одобреніемъ народа и поддержкой особенно со стороны благочестивыхъ женщинъ. Пророкъ изъ Брешии показалъ вѣрующимъ Италиі, Галліи и Германіи примѣръ проповѣдника евангелія, живущаго въ добровольной бѣдности. Онъ самъ велъ требуемую имъ апостольскую жизнь, слѣдовательно, она была возможна. Его ученики видѣли ее въ немъ, дѣлили ее съ нимъ и рѣшили и безъ него исполнять все, что онъ имъ завѣщалъ.

Съ кругомъ мыслей, въ которомъ вращалась эта секта ломбардовъ, или арнольдистовъ, мы познакомились въ біографіи Арнольда изъ письма упомянутаго Вецило, и хотя хорошее свидѣтельство о ломбардахъ Іоанна Салисберійскаго и заставляетъ думать, что даже въ Римѣ они выставляли противъ духовенства скорѣе аскетическое благочестіе Арнольда, а не его полемическія положенія, но изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что ихъ ненависть къ римской церкви была не меньше ненависти ихъ учителя. Онъ научилъ ихъ избѣгать обмірщившихся священниковъ, какъ чумы¹⁾, не исповѣдываться имъ и не принимать отъ нихъ святыхъ даровъ, но, какъ совѣтуетъ и ап. Іаковъ, 5, 16, лучше ужъ каяться въ грѣхахъ другъ передъ другомъ и давать другъ другу отпущеніе. Старое предубѣжденіе патареновъ, что дѣйственность таинствъ зависитъ отъ достоинства совершающихъ ихъ священниковъ, раздутое Гильдебрандомъ и Даміани въ ихъ агитаціи противъ женатыхъ священниковъ, превратилось въ преобразовательный принципъ. Если священники суть не истинные священники, то „брось алтари, поповъ и таинства, истинный епископъ душъ самъ тебя напитаетъ“. Вотъ каково было начало религіознаго движенія мірянъ, наполнившаго цѣлое столѣтіе послѣ Арнольда; арнольдисты суть представители религіозной самопомощи тамъ, гдѣ суевѣрная масса въ тупомъ благочестіи принимала священниковъ такими, какіе они есть.

Настоящій источникъ испорченности духовенства Арнольдъ видѣлъ въ римскомъ папствѣ и коллегіи кардиналовъ. Письмо Вецило доказываетъ, что арнольдисты раздѣляли этотъ взглядъ. Басня о дарѣ Константина, утвержденіе, что церковь должна владѣть помѣстьями и землями, и что Христосъ оставилъ папѣ свѣтское княжество, арнольдистъ Вецило также считаетъ началомъ зла. Но въ то время, какъ вальденцы и апостолики дѣйствительно

¹⁾ Clericum negociatorem, vel ex inope divitem vel ex ignobili gloriosum, quasi pestem fuge, сказано въ письмѣ Вецеля. Jaffé, Monum. Corb. Wib. Ep. 404. Ср. Т. I, Арнольдъ изъ Брешии. Гл. VI, ст. 351 и сл.

вѣрять, что Константинъ сдѣлалъ папѣ Сильвестру подобный даръ и тѣмъ внесъ въ церковь гибель, просвѣщенный и ученый арнольдистъ, въ которомъ еще проявляется вліяніе критической школы Абеяра, объявляетъ весь этотъ рассказъ вымысломъ, настолько уже разоблаченнымъ въ Римѣ, что даже поденщики и старыя бабы не поддаются на обманъ. И позднѣйшіе арнольдисты продолжали враждебно относиться къ папѣ, чѣмъ и объясняются постоянно повторявшіяся проклятія, которыми ихъ осыпалъ папа даже тогда, когда они перестали существовать какъ отдѣльная секта, а давно уже слились съ другими сектами. Отъ секты отдѣлялись, но идея Арнольда продолжала жить и имѣть многихъ послѣдователей. Долго еще продолжали называть арнольдистами всѣхъ строго благочестивыхъ людей, предъявлявшихъ духовенству ригористическія требованія и полагавшихъ, что дѣйственность таинства зависитъ отъ исполненія ихъ.

Но трудъ всей жизни Арнольда имѣлъ и политическую сторону. На основаніи своихъ аскетическихъ положеній онъ оспаривалъ право епископовъ на свѣтскую власть; эту отнимаемую отъ епископовъ власть онъ переносилъ какъ въ Брешию, такъ и въ Римѣ на городскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался сторонникомъ свободы городовъ и народныхъ трибуновъ. вмѣстѣ съ властью и церковные доходы должны были перейти къ коммунаѣ. И на этой сторонѣ ученія Арнольда, которая должна была произвести цѣлый политическій переворотъ, его ученики настаивали съ большою энергіей, о чемъ мы узнаемъ изъ того же письма Вецило, которое насъ знакомитъ одновременно съ мѣстами изъ Писанія, отцовъ церкви и римскихъ юристовъ, на которыхъ новая школа основывала свои религіозные планы. Въ своемъ новомъ евангеліи они требуютъ ¹⁾, чтобы духовныя лица совершенно отказались отъ свѣтскихъ дѣлъ, ограничивались исключительно проповѣдываніемъ евангелія и вели жизнь апостоловъ — бѣдную, миролюбивую и безбрачную. Свѣтскую власть они предоставляютъ королю. Въ этомъ отношеніи они остались тѣмъ, чѣмъ были — первыми гибеллинами Италіи. Въ своемъ обращеніи къ Конраду III Гогенштауфену въ 1149 г. ²⁾ арнольдисты римскаго сената, прося его прійти спасти Италію, говорятъ тѣмъ же языкомъ, который употребляетъ Дольчино въ

1) Ср. Т. I. Арнольдъ изъ Брешии, стр. 351, и родственныя по духу писанія римскихъ арнольдистовъ, ст. 341 сл. Jaffé, Monum. Corb. Wibaldi Ep. 404 ст. 539—43.

2) Ср. Т. I. Арнольдъ изъ Брешии, стр. 340.

своихъ фанатическихъ посланіяхъ, и на которомъ гибеллины Далте ставятъ то же самое въ обязанность позднѣйшимъ вѣнценосцамъ имперіи. Подчиненіе правителю, получившему власть отъ Бога, арнольдистъ Вецило считаетъ обязательнымъ для послѣдователей апостоловъ: этому училъ ап. Павелъ, а ап. Петръ платилъ подать кесарю. Если вообще судить объ арнольдистахъ по письму Вецило, то среди нихъ было распространено знаніе императорскихъ правъ и юстиніановскихъ законовъ, и римскіе юристы, которые при Фридрихѣ I и Фридрихѣ II упоминаются въ качествѣ первыхъ борцовъ за императорскую власть противъ папскихъ захватовъ, и которые при этомъ говорятъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ о звѣрѣ высокогѣрія, взобравшемся на престолъ Петра, очень близко стоятъ къ образу мыслей арнольдистовъ, хотя и нельзя причислить ихъ къ этой сектѣ. И сектанты съ своей стороны не могли въ непрестанной борьбѣ между государственной властью и папою не видѣть въ императорѣ своего союзника, и всѣ кровавые законы противъ еретиковъ, издаваемые Гогенштауфенами, не помѣшали тому, что даже Долчино ждетъ спасенія отъ Фридриха, короля сицилійскаго, арагонскаго наследника Гогенштауфеновъ, и является рѣшительнымъ гибеллиномъ. Впрочемъ Вецило единственный арнольдистъ, имя котораго намъ извѣстно. Объ одномъ весьма ученомъ арнольдистѣ, оппонентѣ аббата Герхо Рейхерсбергскаго на диспутѣ въ Римѣ, рассказываетъ намъ самъ Герхо. Этотъ диспутъ состоялся въ присутствіи папы Евгенія III въ Латеранскомъ дворцѣ, вѣроятно въ 1149 г., и его протоколы были сданы на сохраненіе въ папскій архивъ. Что собственно было достигнуто этимъ религіознымъ диспутомъ, Герхо не говоритъ ¹⁾. Далѣе мы наталкиваемся еще на замѣтку объ арнольдистахъ, которая указываетъ по меньшей мѣрѣ на то, что ихъ и ихъ учителя не забыли въ лагерѣ Барбароссы. Одинъ современникъ осады Кремы 1159—1160, остававшейся долго еще памятной благодаря храброй защитѣ города геройскими горожанами и отвратительному способу веденія войны Барбароссой, сообщаетъ ²⁾, что въ числѣ осаждавшихъ было множество бѣдныхъ, оборванныхъ людей, которыхъ рыцари Барбароссы съ насмѣшкой называли сынами Арнольда, filii Arnoldi. Но именно эти шайки и нанесли городу наибольшій вредъ: а именно, какъ только жители Кремы показывались на стѣнахъ города,

¹⁾ Zeitschrift für kathol. Theologie IX, Innsbruck 1885, ст. 549. Ср. Арнольдъ изъ Врешии, стр. 345. W. Ribbeck, Forschungen zur deutschen Geschichte XXV, 559 и Breyer, Die Arnoldisten, Zeitschr. für Kirchengeschichte 12, 397.

²⁾ Annales Laud. Monum. Germ. hist. scr. XVIII, 611.

въ нихъ попадали метательныя копыя и камни, мѣтко бросаемыя арнольдowymi сыновьями, и наносимыя ими раны были всегда смертельны; точно эти бродяги были по профессіи ярмарочными фокусниками, примѣнявшими свой вѣрный глазъ и свою твердую руку на военной службѣ. Если даже эти оборваные противники папы назывались арнольдowymi сыновьями только въ насмѣшку, а не были дѣйствительно арнольдистами, все же изъ этой самой насмѣшки слѣдуетъ заключать, что приверженцы Арнольда причислялись къ міру бродягъ, и что насмѣшники считали ломбардовъ или арнольдистовъ бродягами. Когда три года спустя послѣ этихъ событій Іоаннъ Салисберійскій, 1163, писалъ свою *historia pontificalis*, онъ, упоминая объ ученикахъ Арнольда, говоритъ, что они еще и теперъ называются сектой ломбардовъ, слѣдовательно, Ломбардія остается главнымъ очагомъ арнольдистскаго ученія. Въ 1184 г. на веронскомъ соборѣ Люцій III, въ соглашеніи со старикомъ Барбароссой, предаль проклятію вмѣстѣ съ катарами, патаренами и вальденцами и арнольдистовъ¹⁾. Слѣдовательно, они продолжаютъ жить не только въ побужденіи къ бѣдной жизни, сообщенномъ ими другимъ обществамъ, но составляютъ отдѣльную общину, подобно катарамъ и леонистамъ. Немного спустя послѣ этого собора перелагатель въ стихи Оттона Фрейзингскаго свидѣтельствуемъ въ своемъ поэтическомъ воззваніи къ Арнольду²⁾, что въ странѣ алеманновъ еще царятъ духъ Арнольда. Такимъ образомъ мы еще можемъ нѣкоторое время прослѣдить дѣятельность этой секты по документамъ³⁾. Отступившій отъ секты катаровъ, Бонакурзусъ, читалъ въ 1190 г. въ Миланѣ публичную лекцію противъ еретиковъ, отъ которыхъ онъ отступилъ; въ этой лекціи онъ указываетъ какъ на признакъ еретичества арнольдистовъ на ихъ совѣтъ избѣгать принятія святыхъ тайнъ вслѣдствіе развращенности духовенства⁴⁾. Въ старомъ перечнѣ еретиковъ арнольдисты точно такъ же опредѣляются какъ сектанты, которые утверждаютъ, что слѣдуетъ презирать церковныя таинства вслѣдствіе развращенности духовенства⁵⁾. Еще въ 1286 г. епископъ въ Мендѣ (Mende) Вильгельмъ Дурандусъ упоминаетъ объ

1) Mansi, Collectio concil. XXII. 492 и сл.

2) Ligurinus III, 310 и сл.

3) Ср. сопоставленіе у Breyer, Arnoldisten. Zeitschrift für Kirchengeschichte, 12, 398 сл.

4) Bonacursus. Vita haereticorum. D'Achery, Spicilegium vet. scriptorum I, 214.

5) Döllinger, Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters II, 328. По одному списку, Cod. Ottobon. 136 и сл.

арнольдистахъ, хотя въ это время они вообще перешли въ секту вальденцевъ. „Нигдѣ“, говоритъ онъ устами арнольдистовъ, „мы не читаемъ, чтобы Іисусъ передалъ надзоръ за своей паствой, или отправленіе своихъ таинствъ, или ключи отъ вратъ рая нечестивымъ и сластолюбивымъ священникамъ, но только такимъ, которые являются послѣдователями апостоловъ въ вѣрѣ и въ жизни. Таинства, раздаваемая нечистыми, не имѣютъ силы и не способствуютъ нашему спасенію“¹⁾). Относительно крещенія они, какъ полагаетъ Дурандусъ, держатся кромѣ того мнѣнія, что не погруженіемъ въ воду сообщается Духъ Святой, но послѣдующимъ за нимъ рукоположеніемъ, и ссылаются при этомъ на Дѣянія, 8, 17, гдѣ рассказано, что обращенные самаряне получили Духа Святого только послѣ рукоположенія апостоловъ²⁾). Но недостойные пастыри не могутъ сообщать Духа Святого, ибо никто не можетъ дать того, чего самъ не имѣетъ. Изъ того, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ выставляется особенное отношеніе арнольдистовъ къ таинствамъ, не слѣдуетъ заключать, что арнольдисты вообще воздерживались отъ таинствъ; они, по совѣту Арнольда, каились другъ передъ другомъ въ грѣхахъ и раздавали между собой отпущеніе и причастіе, что вполнѣ доказано относительно соединившихся съ ними ломбардскихъ вальденцевъ. По меньшей мѣрѣ они получали то и другое у священниковъ, которые, по ихъ мнѣнію, были богоугодны, а не у развращенныхъ.

Въ это время среди рабочихъ союзовъ Верхней Италіи начала появляться оппозиція противъ официальнаго духовенства; церковь уже тогда приписывала это явленіе подстрекательству арнольдистовъ. Въ быстро развивавшихся ломбардскихъ городахъ и низшія сословія неоднократно организовались въ религіозныя братства. Такіе союзы имѣли своего патрона-покровителя, свою отдѣльную часовню или отдѣльный алтарь въ церкви, они назначали молитвенные часы, помогали другъ другу въ нуждѣ и провожали

1) *Rationale divinatorum officiorum* lib. 4 cap. 1, num. 19; Arnoldistae tamen perfidi haeretici dicunt nusquam legi quod immundis et luxuriosis ministris Christus sponsam suam ecclesiam traderet custodiendam, vel potestatem sacrorum mysteriorum peragere, vel claves regni, vel potestatem ligandi vel solvendi: quia illi soli (ut ait Gregorius) et iusti in hac carne positi potestatem habent. .. sicut Apostoli, qui vitam vel fidem illorum cum eorum doctrina tenent. Unde ut dicunt, a talibus sacramenta praestita nec valent nec proficiunt ad salutem.

2) *Ibidem* lib. I, cap. 8, num. 12: asserunt, quod nunquam per baptismum aquae homines Spiritum sanctum accipiunt, nec Samaritani baptizati illum receperunt, donec manus impositionem acceperunt.

похороны своихъ умершихъ членовъ. Такъ въ Миланѣ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ образовалось братство гумиліатовъ, которое само совершало свои благочестивые обряды и заботилось о своемъ назиданіи, ибо духовенство въ большихъ городахъ имѣло слишкомъ мало лишняго времени, чтобы заботиться о нихъ. Изъ этой потребности возникли религіозныя рабочія товарищества, работавшія на общій счетъ, главнымъ образомъ среди ткачей ¹⁾. Мужчины и женщины жили и ткали отдѣльно, но существовали также братства изъ женатыхъ членовъ, и даже низшее духовенство примкнуло къ одному союзу гумиліатовъ. Последнее не могло помѣшать арнольдистской закваскѣ проникнуть въ братство гумиліатовъ и сдѣлать изъ него главный очагъ оппозиціи обмірщившейся церкви. Недаромъ названія ткачъ, тессерандъ и еретикъ стали во многихъ мѣстахъ синонимами. Положенія, приписываемыя анонимомъ изъ Лана (Laon) гумиліатамъ, ставятъ ихъ между арнольдистами и вальденцами ²⁾. „Въ ломбардскихъ городахъ“, говоритъ онъ, „существовали граждане, жившіе въ домахъ вмѣстѣ со своими семьями, избравъ для себя какой-нибудь опредѣленный образъ благочестивой жизни; они воздерживались отъ лжи, клятвъ и процессовъ, довольствовались простой одеждой и заступались за католическую вѣру“. Когда они обратились къ папѣ съ просьбой утвердить ихъ уставъ, онъ одобрилъ ихъ скромный и честный образъ жизни, но запретилъ имъ устраивать религіозныя собранія и серьезно грозилъ имъ, если они будутъ продолжать публично проповѣдывать. Но въ нихъ сознаніе религіознаго призванія уже перевѣсило давно погребенное чувство уваженія къ церкви, и они были отлучены отъ церкви. Тѣмъ не менѣе они продолжали существовать, и всякій могъ ихъ узнать по ихъ темной одеждѣ. Курія прекрасно знала, что этой оппозиціей она обязана проискамъ арнольдистовъ, и въ своихъ проклятіяхъ соединяла постоянно арнольдистовъ, вальденцевъ и гумиліатовъ, прибѣгнувъ противъ этой соединенной оппозиціи и къ свѣтскому оружію. И Барбаросса опять одолжилъ, въ чрезвычайно театральной формѣ, свой мечъ на удовлетвореніе ярости высшаго духовенства. Бергамскій поэтъ увѣряетъ ³⁾, что Фридрихъ внослѣдствіи жалѣлъ о смерти пророка Арнольда, но этого нельзя заключить изъ его позднѣйшаго отношенія къ арнольдистамъ. Униженной покорностью Александру III Барбаросса добился примиренія съ церковью,

¹⁾ Tiraboschi, vetera Humiliatorum monumenta. Mediol. 1766. Preger, Verhdg. der Bayer. Akademie XIII, 1, 1875.

²⁾ Mon. Germ. XXVI, 449 и сл.

³⁾ V. 850. Ср. Т. I, Арнольдъ изъ Врешіи, ст. 349.

что дало ему возможность усмирить своих могущественных вассалов въ Германіи. Но уже при Люціи III отношенія вновь испортились, ибо курія выступила теперь заступницей за Генриха Льва и требовала помощи въ борьбѣ съ римлянами и крестоваго похода для поддержки короля Балдуина III, а въ то же время сухо отнеслась къ желаніямъ императора въ дѣлѣ земель Матильды, раздачи нѣмецкихъ епископствъ и возстановленія въ санѣ преданныхъ имперіи италіанскихъ епископовъ. Въ октябрѣ 1184 г. императоръ имѣлъ въ Веронѣ свиданіе съ Люціемъ III для обсужденія этихъ вопросовъ. Люцій III воспользовался этимъ присутствіемъ главы имперіи, чтобы выпустить свой большой и богатый послѣдствіями эдиктъ противъ всѣхъ еретиковъ ¹⁾, который не только послужилъ основаніемъ для позднѣйшихъ списковъ еретиковъ, но и установилъ епископскую инквизицію, вмѣнивъ въ обязанность епископамъ ежегодное посѣщеніе еретиковъ и предложивъ опредѣленные правила для веденія процессовъ и наказанія диссидентовъ. При описаніи ересей главныя черты картины сняты съ катаровъ и вальденцевъ, но нѣкоторые обороты тѣмъ яснѣе напоминаютъ арнольдистовъ, которые въ концѣ и называются по имени. „Такъ какъ нѣкоторые“, говоритъ декретъ, „подъ личиною благочестія, силу котораго они однако отрицаютъ, по словамъ апостола, присвоиваютъ себѣ значеніе проповѣдниковъ, хотя тотъ же апостолъ говоритъ: какъ могутъ они проповѣдывать, когда они не посланы, то папа подвергаетъ навсегда отлученію тѣхъ, „кто несмотря на запрещеніе или не будучи на то посланными и не получивъ на то позволенія отъ апостольскаго престола или отъ своего епископа, осмѣливаются проповѣдывать въ частныхъ домахъ или публично“; точно такъ же папа отлучаетъ всѣхъ, „кто не боится думать и учить о таинствахъ причащенія, крещенія, отпущенія грѣховъ и брака и о прочихъ таинствахъ иначе, чѣмъ учить ихъ совершать святая римская церковь“. То же отлученіе распространяется на ихъ покровителей и защитниковъ; еретики священники и монахи лишаются своихъ духовныхъ преимуществъ, и ихъ выдаютъ для наказанія свѣтской власти. Тому же приговору подлежатъ и подозрѣваемые, если они не могли оправдаться передъ епископомъ. Рецидивисты подлежатъ смертной казни, не будучи даже выслушаны. Епископы должны подъ угрозой лишенія сана объявить эти распоряженія и одинъ или два раза въ годъ объѣзжать подозрительныя мѣстности и выслѣживать еретиковъ. Эти епископскія инкви-

¹⁾ Mansi, Coll. concil. XXII, 492. Watterich, Vitae pontif. II, 658. Heffele, Conciliengeschichte 5, 726.

зиціи должны были въ каждомъ мѣстѣ снимать клятвенныя показанія съ лицъ, пользующихся хорошей репутаціей о томъ, кто по слухамъ совращенъ въ еретичество. Графы, бароны и остальные власти обязуются, по требованію епископа, исполнять эти эдикты, исходящіе отъ императора и отъ церкви, а на область или городъ, противящіеся этому, налагается отлученіе. Но и тѣ еретики, которымъ удалось избѣгнуть смертной казни, остаются опороченными: они не допускаются ни какъ адвокаты, ни какъ свидѣтели и не имѣютъ права занимать офиціальную должность. Подъ конецъ въ это проклятiе прямо включаются катары, патарены, гумилаты, ліонскіе нищіе, пассагиры, іозефины, арнольдисты и публикане.

Эти запугивающіе эдикты, которые безъ сомнѣнія были давно уже подготовлены, были теперь съ большой пышностью, при содѣйствіи императора, объявлены всему свѣту. 4-го ноября 1184 г. собрались въ соборѣ всѣ находившіеся въ Веронѣ епископы и свѣтскіе вельможи. Сначала герольдъ, по приказанію императора, прочелъ императорскій эдиктъ противъ еретиковъ. Затѣмъ поднялся самъ Барбаросса и распростеръ руки на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, изгоняя тѣмъ опальныхъ изъ всѣхъ четырехъ концовъ свѣта. Послѣ этого онъ снялъ перчатку съ руки, поднялъ ее и гнѣвнымъ жестомъ бросилъ ее на землю въ знакъ того, что онъ объявляетъ еретикамъ борьбу на жизнь и на смерть. Затѣмъ былъ прочитанъ строгій императорскій указъ противъ еретиковъ, ставившій ихъ внѣ закона, и подѣ конецъ была объявлена папская булла объ отлученіи, въ которой были перечислены и преданы вѣчной анаемѣ отдѣльные сектанты. Какъ юношей Фридрихъ выдалъ пророка Арнольда его палачамъ, такъ и старикомъ, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти мученика, онъ поступилъ съ арнольдовыми сыновьями, и какъ тогда онъ купилъ императорскую корону, пожертвовавъ Арнольдомъ, такъ и теперь онъ надѣялся этимъ выставленіемъ на показъ своего религіознаго рвенія пріобрѣсти для своего сына, Генриха, римскую корону и заставить папу не дѣлать затрудненій къ браку Генриха съ Констанцей, наслѣдницей норманскаго государства. Но папа медлилъ отвѣтомъ, а когда къ концу года Фридрихъ повторилъ свою просьбу, онъ получилъ рѣзкій отвѣтъ: „не могутъ быть одновременно два императора, сынъ не можетъ быть украшенъ императорскою короною, если отецъ не откажется отъ нея“ ¹⁾. Такимъ образомъ Барбаросса преда-

¹⁾ Cp. die Chronik des Arnold von Lübeck, 3, 11. Watterich, Vitae pontif. 2, 659.

ніемъ арнольдистовъ достигъ не большаго, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ продажей Арнольда. Расчетъ на благодарность куріи оказался по обыкновенію невѣрнымъ. Отталкивающее отношеніе куріи не могло способствовать усиленію рвенія Фридриха въ преслѣдованіи еретиковъ, а городскія власти и безъ того мало были склонны служить нетерпимости епископовъ. Такимъ образомъ зло продолжало незамѣтно расти. Преслѣдованіе не вырвало арнольдистовъ съ корнемъ, но оно имѣло одно послѣдствіе: оно заставило партію, рассчитывавшую сначала на открытую агитацію, избрать тайные пути, на которыхъ она вошла въ союзъ съ родственными ей сектами, надъ которыми тяготѣла та же судьба, какъ и надъ ней, и которыя съ самаго начала были близки идеямъ Арнольда. Съ этого времени названіе арнольдисты исчезаетъ, но ученіе Арнольда выплываетъ во всей своей полнотѣ у ломбардскихъ вальденцевъ. Первоначально мирные ліонскіе нищіе становятся на родинѣ Арнольда въ боевое отношеніе къ Риму. Имя Вальдо вытѣсняетъ имя Арнольда, но ненависть Арнольда вытѣсняетъ слабость Вальдо по отношенію къ Риму. Правда, въ угрожающихъ буллахъ противъ еретиковъ и въ императорскихъ указахъ арнольдисты вплоть до времени Фридриха II все еще упоминаются какъ самостоятельная секта рядомъ съ ліонскими нищими ¹⁾; точно такъ же доминиканецъ Стефанъ де Борбоне, бывшій въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка инквизиторомъ въ юго-восточной Франціи ²⁾, сообщаетъ, что одинъ пойманный вальденецъ разсказывалъ ему, что среди семнадцати различныхъ тайныхъ обществъ въ Миланѣ находятся и арнольдисты все еще какъ отдѣльная партія ³⁾; напротивъ, миноритъ Давидъ Аугсбургскій, учитель Бертольда, указываетъ въ 1252 г. на арнольдистовъ только какъ на вѣтвь вальденцевъ ⁴⁾. Въ различныхъ провинціяхъ положеніе дѣла могло быть различно, но, если и существовали кое-гдѣ отдѣльные арнольдисты, все же главными послѣдователями Арнольда въ тринадцатомъ вѣкѣ являются вальденцы, которые

1) Ср. эдикты Фридриха въ Bernardo Guidonis Practica, ed. 9. Douais 30.

2) Edit. Lecoq de la Marche. Paris 1877. P. 279.

3) Ibidem 279.

4) Cum olim una secta fuisse dicuntur Povre de Leon et Ortidiarii et Arnoldistae et Runcharii et Waldenses et alii. Döllinger, Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters 2, 317. Ср. такъ же цитируемый тамъ же стр. 330 Вюрцбургскій кодексъ: Cum olim una secta dicitur fuisse Poverleon, Ordilebonii et Arnotuste (Arnaldiste) et Rucharii et Wal-

въ Ломбардіи восприняли образъ мыслей пророка изъ Брешии и съ истинно апостольскимъ рвеніемъ возвѣщали міру благо бѣдной жизни. И названіе ломбарды, которое Іоаннъ Салисберійскій давалъ послѣдователямъ Арнольда, перешло на эту радикальную, порвавшую со своимъ основателемъ, вѣтвь ліонскихъ нищихъ, члены которой были скорѣй учениками Арнольда, чѣмъ Вальдо.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВАЛЬДЕНЦЫ.

Hi certa nusquam habent domicilia,
viri et mulieres circumeunt nudi pedes.
laneis induti, nil habentes, omnia sibi
communia tanquam apostoli, nudi
nudum Christum sequentes.

Walther Map.

„Когда добрый король Карлъ Великій дѣлилъ свои земли, онъ отдалъ Провансъ, эту страну виноградниковъ, лѣса и проточныхъ водъ, сластолюбивымъ лакомкамъ, комедіантамъ, потому-то провансальцы, въ качествѣ ихъ потомковъ и по сію пору сочиняютъ лучшіе пѣсни и лады, чѣмъ всякій иной народъ“, такъ сообщаетъ одна римованная хроника тринадцатаго вѣка ¹⁾. Въ то время южная долина Роны, отъ Ліона до Марсея, была эльдорадо странниковъ, наслаждавшихся мягкимъ климатомъ, плодоноснымъ ландшафтомъ и веселымъ добродушіемъ ея жителей. По временамъ наплывъ бродячаго люда подъ этимъ прекраснымъ небомъ былъ такъ великъ, что, напримѣръ, городъ Тулуза положительно запретилъ имъ входить въ дома безъ приглашенія ²⁾.

Подобныя условія жизни естественно должны были привлечь и духовныхъ бродягъ, классической почвой которыхъ Провансъ оставался до взрыва войнъ съ альбигойцами. Въ хроникѣ одного безымяннаго каноника изъ Лана рѣшеніе Вальдо начать апостольскую странническую жизнь приписывается вліянію одного странника ³⁾. Восемнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Арнольда, въ 1173 г., узнаемъ мы изъ этого источника, жилъ въ большомъ приронскомъ городѣ Ліонѣ одинъ человѣкъ, по имени Вальдезіусъ, который, говорить намъ каноникъ, разбогатѣлъ благодаря денежнымъ операціямъ,

1) Philippe Mouskes, Chronique rimée. Ed. Reiffenberg, Brüssel. 1838, 22—29 и сл. 6298 и сл. У W. Hertz въ указ. м.

2) Hüllmann, Städtewesen des Mittelalters IV, 233.

3) Chronicon anonymi Laudunensis. Mon. Germ. Script., XXVI, 447—449.

беззаконному ростовщичеству. Въ то время онъ долженъ былъ быть еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ, ибо у него были только двѣ маленькихъ дочери—*ragvulas filias*—п онъ прожилъ почти до 1218 г., т. е. еще болѣе сорока лѣтъ ¹⁾. Однажды въ воскресенье богатый купецъ отправился на площадь, гдѣ народъ толпился вокругъ *joculatores*, дававшихъ всевозможныя представленія, довольствуясь самой незначительной платой. Мы имѣемъ живыя описанія подобныхъ представленій, на которыхъ одни показывали дрессированныхъ животныхъ, другіе бѣгали по канату и прыгали сквозь кольца, другіе еще вызывали смѣхъ слушателей комическими ссорами между собой или отпускали шутки, надъ которыми, какъ говорятъ, въ Аррасѣ даже самъ больной Господь Богъ такъ смѣялся, что выздоровѣлъ ²⁾. Нашъ же Вальдо остановился передъ однимъ изъ тѣхъ менестрелей, которые собирали вокругъ себя кругъ слушателей своими полными интереса разказами (*fableaux, fabellae*). Йокулаторъ былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ въ своемъ родѣ и излагалъ трогательную исторію святого Алексѣя, человѣка Божіяго, покровителя набожныхъ странниковъ, особенно чтимаго въ тѣ времена, такъ что курія позаботилась о томъ, чтобы его мощи были открыты въ 1216 г. на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ. Согласно легендѣ, Алексѣй былъ сыномъ богатаго римскаго сенатора пятаго вѣка; онъ покинулъ въ брачную ночь невѣсту и родителей, началъ бродить по свѣту какъ странствующій кающійся и, испытавъ всю нужду и лишенія самыхъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, вернулся неузнаннымъ какъ больной нищій въ домъ своихъ богатыхъ родителей и открылъ свое имя только на смертномъ одрѣ. Найдены старо-французскій ле, къ которому, можетъ быть, весьма близко стоитъ пѣсня менестреля изъ Ліона, столь глубоко растрогавшая Вальдо. Онъ начинается такъ:

Signour et dames, entendés un sermon
D'un saintisme home qui Alessis ot nom.

Мораль его была такова:

La fois del siècle se va toute falant
Fraisle est la vie: ne duerra lonc tans ³⁾.

¹⁾ Пренія вальденскаго собора отъ 1218 г. заставляють предполагать, что Вальдо умеръ незадолго передъ тѣмъ.

²⁾ Jubinal, Nouveau recueil de contes. Paris, 1842. 2, 377 W. Hertz въ указ. м. XX.

³⁾ La vie de S. Alexis. Paris 1872. Rivista Christiana. Mai 1887. Cp. Comba, histoire des Vaudois d'Italie. Paris. Fischbacher, 1887. Очень мило передаетъ легенду Гете во второй части писемъ изъ Швейцаріи (изд. Nempel,

Эта легенда произвела такое впечатлѣніе на ліонскаго гражданина, что онъ взялъ этого странника къ себѣ въ домъ и вель съ нимъ дальнѣйшія бесѣды, имѣвшія тотъ результатъ, что на слѣдующее утро богатый ростовщикъ обратился въ теологическія школы, ища въ нихъ совѣта относительно состоянія своей души. Это былъ интересный случай, и магистры засыпали кающагося добрыми совѣтами. Они знали много путей—*de multis modis eundi ad deum edoctus*—выборъ былъ большой; но, когда Вальдо потребовалъ краткаго отвѣта на то, какой вѣрнѣйшій путь къ христіанскому совершенству, тогда одинъ изъ учителей указалъ ему на совѣтъ, данный Иисусомъ Христомъ богатому юношѣ: „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и приходи и слѣдуй за мной“. Это значило на языкѣ того времени „подражать евангельскому совершенству“, и тотъ, кто такъ поступалъ, былъ *perfectus*. Магистръ можетъ быть рассчитывалъ такимъ способомъ легче отдѣлаться отъ меланхолика, но, если онъ думалъ, что Вальдо остановится передъ этимъ совѣтомъ, какъ верблюдъ передъ игольнымъ ушкомъ, то онъ слишкомъ вязко цѣнилъ серьезное намѣреніе этого фанатика. Подъ вліяніемъ испытаннаго имъ нравственнаго потрясенія, Вальдо рѣшается послѣдовать совѣту евангелія, которое онъ считаетъ словомъ Божиимъ. Но даже и при этомъ возбужденномъ настроеніи духа онъ выказываетъ себя опытнымъ дѣльцомъ въ томъ, какъ онъ осторожно заканчиваетъ свои дѣла и ясно распоряжается своимъ имуществомъ. Онъ предлагаетъ женѣ, чтобы она взяла на себя управленіе всѣми принадлежащими ему землями, водами, лѣсомъ, лугами, домами и виноградниками, наличное же состояніе онъ употребляетъ на то, чтобы вознаграждать тѣхъ, кого онъ ростовщически ограбилъ, при этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что средневѣковая церковь всякое взиманіе процентовъ считала ростовщичествомъ. Затѣмъ часть своего имущества онъ даетъ въ приданое своимъ двумъ маленькимъ дочерямъ. Но

т. 16, ст. 276). И его рассказчица заливается слезами, рассказывая о мученіяхъ святого, когда по возвращеніи онъ замѣчаетъ непрерывную грусть своихъ родителей и жены объ его исчезновеніи. „Ибо онъ по сту разъ въ день слышалъ, какъ произносили его имя его возлюбленные родители и его прекрасная супруга, видѣлъ, какъ она тосковала по немъ, и какъ его отсутствіе изнурило ихъ“. На этомъ мѣстѣ рассказчица не могла удержаться отъ слезъ. „Я не могу представить себѣ болѣе жалкаго положенія“, говорила она, „и большаго мученія, какъ то, что испыталъ этотъ святой человѣкъ у своихъ и по собственной волѣ“. Конечно впечатлѣніе, производимое этой легендой на простые сердца въ двѣнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ, достойно примѣчанія.

съ тѣмъ же безопаднымъ самоуправствомъ, которое впослѣдствіи вызвало отпаденіе половины его послѣдователей, онъ, не совѣтуясь съ матерью, отвозитъ дѣвочекъ въ Пуату въ монастырь Фонтевро, монахини котораго, носившія прозвище *pauperes Christi*, посвящали себя исправленію падшихъ и преступниковъ. У него осталась еще значительная часть его капиталовъ, и ею онъ распорядился какъ король денежнаго рынка. Въ это время во Франціи и Германіи былъ сильный голодъ. И вотъ онъ съ Троицы до праздника поклоненія веригамъ св. Петра (1-го августа) раздаетъ три раза въ недѣлю хлѣбъ, овощи и мясо. Тогда отъ его состоянія осталась только небольшой остатокъ, который онъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы (15 августа) бросилъ на улицѣ толпѣ нищихъ со словами: „Никто не можетъ служить двумъ господамъ, Богу и мамону“. Когда его сограждане сбѣжались, думая, что онъ лишился разсудка, онъ всталъ на выступъ дома и закричалъ: „Граждане, друзья! я совѣтъ не сумасшедшій, какъ вы это думаете, но я расправился съ моими врагами, сдѣлавшими изъ меня своего раба, такъ что я постоянно все больше и больше заботился о деньгахъ, чѣмъ о Богѣ, и больше служилъ творенію, чѣмъ Творцу. Я знаю, что большинство будетъ меня бранить за то, что я сдѣлалъ это публично. Но я такъ поступилъ ради себя и ради васъ. Себя ради, чтобы тѣ, кто впослѣдствіи увидятъ въ моихъ рукахъ золото, могли бы сказать, что я дуракъ. Васъ ради, чтобы вы научились возлагать надежду на Бога, а не на богатство“. Уже на слѣдующій день, при выходѣ изъ церкви, ему приходится просить Христа ради у одного изъ своихъ прежнихъ друзей (*Pro deo—pauperes pro tam di Dio*). Другъ принялъ его гостеприимно, увѣряя его, что, пока онъ живъ, онъ всегда готовъ дать старому товарищу все необходимое. Но, когда объ этомъ услышала жена Вальдо, у которой онъ отнял дочерей, она пришла внѣ себя отъ этой новой обиды. Она побѣжала къ архіепископу Лионскому со своимъ горемъ и жаловалась ему, что ея мужъ побирается у чужихъ, а не у нея. Ея рассказъ до слезъ растрогалъ всѣхъ, не исключая архіепископа. По приказанію архіепископа приводятъ Вальдо и его гостеприимнаго друга; женщина гнѣвно хватаетъ мужа за его оборванную одежду и спрашиваетъ его: „Не лучше ли было бы, человѣкъ, чтобы я подавала тебѣ милостыню въ оставленіе моихъ грѣховъ, чѣмъ чтобы это дѣлали чужіе?“ И съ тѣхъ поръ Вальдо было запрещено ѣсть въ Лионѣ у кого-либо кромѣ своей жены.

И изъ этого разсказа, въ которомъ портретъ Вальдо набросанъ только слабыми чертами, мы видимъ, что это былъ конечно незаурядный человѣкъ.

Его первые шаги указываютъ на религіозную чуткость и на незнающую преградъ энергію, на дѣловитость и фантастическое презрѣніе къ свѣту, и, хотя въ его отношеніи къ женѣ проявляются тираническія черты характера, вызвавшія въ послѣдствіи распаденіе секты, однако привязанность къ нему друга и обиженной имъ жены указываетъ на могучую личность, привлекавшую вокругъ себя сотни людей, съ которой не могъ разорвать тотъ, кому она хоть разъ раскрыла свои мысли. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ опасныхъ сектантовъ, заставляющихъ человѣка возстать противъ своего отца, дочь противъ матери, и сноху противъ родителей мужа. Въ дни святого Бернара Вальдо подъ вліяніемъ такого внутренняго переворота ушелъ бы въ монастырь. Но, повидимому, въ ушахъ молодого купца и послѣ его обращенія продолжала звучать легенда о святомъ нищемъ Алексѣѣ. Передъ его глазами стоялъ странникъ, пробудившій его совѣсть отъ сна, и этимъ объясняется рѣшеніе почтеннаго купца стать такимъ же благочестивымъ менестрелемъ, какъ тотъ, такъ какъ въ такой бродячей жизни онъ видѣлъ подражаніе жизни апостоловъ. Четыре года спустя, узнаемъ мы изъ того же источника, Вальдо далъ клятву не имѣть ни золота, ни серебра и не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Тотъ, кто нашель бы такое теченіе событій невѣроятнымъ, пусть вспомнитъ, что эта же легенда о святомъ Алексѣѣ во время чумы 1300 г. въ Антверпенѣ вызвала союзъ алексіанцевъ, занявшихся, по примѣру этого святого, уходомъ за бѣдными и больными, и духовенство, отъ котораго они, подобно вальденцамъ, держались вдалекѣ, честило ихъ лицемѣрными бродягами ¹⁾.

Община, которую Вальдо собралъ вокругъ себя, состояла сначала изъ нищихъ, которыхъ онъ раньше кормилъ. „Бѣдныхъ, стекавшихъ къ нему, онъ прежде всего познакомилъ съ новымъ завѣтомъ на народномъ языкѣ“, говоритъ анонимъ изъ Пассау. Поэтому его послѣдователи просто назывались нищими изъ Ліона. Организациія міра нищихъ, вскорѣ распространившаяся по всему бродячему міру Ронской долины, вотъ въ чемъ заключалась удачная попытка Вальдо. Даже во время духовнаго мрака этого міра, тысячи бродягъ стремились вырваться изъ него и только ждали, чтобы кто-нибудь помогъ имъ и указалъ имъ путь ко спасенію. Такимъ путеводителемъ явился для нихъ Вальдо, который тѣмъ самымъ сталъ королемъ нищихъ Ронской долины, отцомъ *pauperes de Lugduno*.

¹⁾ Такъ Joh. Gocsemius, Canonicus въ Люттихѣ ок. 1348 г. *Gesta pontificum Leodiens. I, c. 3 in Chapeavilli gestorum pontiff. Leodiens. scriptores II, 350.*

Но въ чемъ заключался лозунгъ, который Вальдо сдѣлалъ обязательнымъ для „бѣдныхъ людей изъ Ліона?“ Ответъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ другомъ повѣствованіи, рисующемъ намъ Вальдо еще съ другой стороны, и изъ котораго мы узнаемъ, что его обращеніе не было моментальной импровизаціей, а его публичному выступленію предшествовалъ періодъ сосредоточенія и прилежнаго изученія писанія. Это второе повѣствованіе заполняетъ пробѣлъ, оставленный Ланской хроникой, оно носитъ болѣе клерикальный оттѣнокъ, выставляетъ какъ средоточіе исторіи обращенія теологическое наставленіе ліонскихъ священниковъ, о которомъ ліонскій каноникъ говоритъ вскользь, и которое эта хроника выставляетъ причиной новаго взгляда на жизнь, возникшаго у богатаго купца. Доминиканецъ Стефанъ де Борбоне ¹⁾, знавшій лично ученыхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ Вальдо, такъ описываетъ происхожденіе вальденцевъ, породившихъ, по его мнѣнію, секты бѣдной жизни (*insererunt in professione paupertatis*): одинъ богатый чело-вѣкъ города Ліона, слышавшій время отъ времени евангеліе во время бого-служеній, былъ охваченъ желаніемъ познакомиться со всѣмъ писаніемъ. Онъ обратился къ одному молодому писцу духовнаго званія, по имени Бернарду Идросу, и къ одному грамматикѣ Стефану де Анза, котораго видѣлъ еще нашъ доминиканецъ въ дни своей юности. Они вдвоємъ за деньги перевели для Вальдо писаніе на романскій народный языкъ; при этомъ они вели дѣло такъ: Стефанъ диктовалъ переводъ писцу, который тотчасъ же записывалъ его на простомъ нарѣчій. Слѣдовательно, Вальдо, несмотря на свое богатство, не былъ ученымъ (*non multum literatus*). Хотя онъ говорилъ, по происхожденію, на романскомъ языкѣ, онъ не понималъ латинской бібліи, но зато съ удвоеннымъ рвеніемъ ухватился онъ, подобно всѣмъ самоучкамъ, за открывшійся для него источникъ знанія. Послѣ того какъ онъ, при помощи своихъ сотрудниковъ, составилъ романскую біблію изъ многихъ писаній ветхаго и новаго завѣта, онъ поручилъ перевести на романскій языкъ и важнѣйшія мѣста изъ отцовъ церкви (святыхъ), давъ имъ заглавіе „изреченія“. Они, по позднѣйшимъ сообщеніямъ, были выбраны изъ четырехъ главныхъ отцовъ западной церкви: Августина, Иеронима, Амвросія и Григорія Великаго ²⁾. Слѣдовательно, въ правотѣрности „изреченій“ не можетъ быть сомнѣнія. При многократномъ перечитываніи евангелія у Вальдо, по

1) Издано А. Lecoq de la Marche. Anecdotes historiques. Paris, 1877. De septem donis Spiritus sancti tit. 7. c. 31.

2) Bern. Guidonis, Practica, ed. Douais 244. Также Moneta, adversus Catharos et Valdenses и David v. Augsburg, Preger S. 29.

жизнию Стефана де Борбоне, явилось стремление провести в свою жизнь евангельское совершенство, в котором жили апостолы. Но апостольское совершенство он видел в бедности, освобождавшей душу от земных забот, так что она вполне могла жить согласно евангелию. Поэтому он продал свое имение, бросил, чтобы показать свое презрение к миру, полученные деньги в уличную грязь, где их подбирали нищие, и начал свою деятельность среди мира нищих.

Третье повествование о начале этого замечательного движения мы находим в хронике анонима из Пассау, которую раньше ошибочно приписывали инквизитору Райнеру Саккони, доминиканцу пассауской епархии, принимавшему в 1316 г. в нижней Австрии участие в яростном преследовании еретиков¹⁾. В этой хронике рассказано, как однажды на собрании именитейших граждан Лиона, на котором присутствовал Вальдо, один из присутствовавших скоропостижно умер. Это происшествие напомнило Вальдо угрозу: „Безумный, в эту ночь душу твою возьмут от тебя“; он раздал свое богатство бедным и решил посвятить свою жизнь, подобно апостолам, проповеди евангелия.

Эти рассказы не исключают один другого, скорее же каждый заключает в себя долю истины, но ни один из них в сущности не дает нам ясного представления об окончательных побудительных причинах Вальдо. Когда человека охватит религиозный ужас, он начинает действовать как бы непроизвольно, толкаемый внешней силой. „Куда ты хочешь идти?“—„Я не знаю, это знает ужь Бог“—„Чем я тебя обидѣла, останься и помоги мнѣ воспитывать нашихъ малютокъ!“—„Жена, не приставай ко мнѣ съ мірскими заботами. Да благословитъ тебя Богъ, а я долженъ уйти отсюда, чтобы познать волю моего Господа“. Этот дошедший до нас разговор одного анабаптиста шестнадцатаго вѣка, происходил и в тринадцатомъ между Вальдо и его женой, между Францискомъ и его матерью, между Салимбене и его отцомъ и безчисленнымъ множествомъ другихъ. Мы же должны отказаться отъ стремления понять людей, которые сами себя не понимали. Они дѣйствуютъ подъ напоромъ представлений, которыя не могутъ

¹⁾ Это сообщение находится в *Maxima bibliotheca veterum patrum* XXV, 264, в сочинении *Summa de Catharis et Leonistis. Adversus Waldenses*, с. 5 и говоритъ слѣдующее: *Secta pauperum de Lugduno tali modo orta est. Cum cives maiores pariter essent in Lugduno, contigit quendam ex eis mori subito coram eis. Unde quidam inter eos tantum fuit territus, quod statim magnum thesaurum pauperibus erogavit.*

быть ясно выражены. Тѣмъ замѣчательнѣе отдѣльная черта Вальдо, сообщаемая намъ ланскимъ каноникомъ, которая пожалуй можетъ бросить лучъ свѣта въ эту тьму, а именно способъ, какъ Вальдо распорядился своимъ имуществомъ. Его жена получаетъ недвижимое имущество, его дочери часть наличныхъ денегъ, бѣдные получаютъ остальное, а церковь не получаетъ *ничего*. Согласно духу того времени кающійся грѣшникъ долженъ былъ бы основать монастырь, или церковь, или часовню, или сдѣлать вкладъ на алтарь съ отправленіемъ мессы за спасеніе своей души или подарить священническое облаченіе или церковную утварь или ужь по меньшей мѣрѣ воскъ на свѣчи; но ничего подобнаго не приходитъ Вальдо на умъ, что служить доказательствомъ того, что его обращеніе было не церковнаго происхожденія. Уже тогда онъ не придавалъ значенія спасительному посредничеству церкви, мессамъ о душѣ, святымъ; онъ даже не ставитъ алтаря св. Алексѣю. Онъ дѣлаетъ только то, о чемъ читаетъ въ евангеліи, а тамъ онъ не нашелъ ничего о посредникахъ въ дѣлѣ спасенія, о чистилищѣ и отпущеніи. Свидѣтельство о томъ, что писаніе дало толчокъ къ обращенію богатаго купца, мы находимъ также у Стефана де Борбоне въ указаніи на литературныхъ помощниковъ Вальдо ¹⁾; это доказывается и тѣмъ, какъ узко придерживается обращенный писанія, и тѣмъ значеніемъ, которое съ самаго начала имѣла вальденская библія въ глазахъ его приверженцевъ. Изъ того, что члены секты славились знаніемъ всего писанія наизусть, являлись какъ бы ходячими библіями, что они отправляются на римскій соборъ съ романскимъ переводомъ подъ мышкой, можно заключить, что съ самаго начала изученіе писанія являлось средоточіемъ жизни ихъ тайнаго кружка, а указаніе на распредѣленіе труда при переводѣ библіи указываетъ на то, что это исполинская литературная работа занимала не одного Вальдо, но и другихъ людей многие годы. Вполнѣ освоеннымъ съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ, основательно знакомымъ съ пророками и апокалипсисомъ, свѣдущимъ въ произведеніяхъ лучшихъ отцовъ церкви выступило общество на духовное поприще, вполнѣ увѣренное въ правотѣ своего дѣла. Оно было сначала небольшимъ кружкомъ изслѣдователей писанія, прежде чѣмъ стало великимъ движеніемъ къ возрожденію. Когда затѣмъ Вальдо серьезно проникся идеей объ евангельской нищетѣ и роздалъ свое имущество, онъ былъ уже почти равнодушенъ къ церкви. Она не получила отъ него ни гроша. Не то, чтобы онъ подка-

¹⁾ И David v. Augsburg такъ же изображаетъ начало движенія. Ср. Preger, Dav. v. A. München 1878, p. 25.

ивался подъ нее, подобно катарамъ, но мотивы его образа дѣйствія вытекали изъ изученія писанія, а не изъ посѣщенія мессъ. Его озабочивалъ пробѣлъ, оставляемый церковью въ религіозной жизни народа, который онъ и рѣшился заполнить.

Переходъ отъ изученія писанія къ провозвѣстничеству произошелъ, можетъ быть, не такъ внезапно и драматично, какъ изображаютъ позднѣйшіе писатели. Вальдо все снова и снова перечитывалъ свой любимый переводъ и выучилъ его наконецъ наизусть, говоритъ Стефанъ де Бурбоне; бѣднымъ, собиравшимся вокругъ него, онъ сказывалъ евангеліе на народномъ нарѣчій, сообщаетъ анонимъ изъ Пассау. То же онъ дѣлалъ и въ свои первыя странствія. Менестрели, бродившіе съ мѣста на мѣсто, повѣствовали свои свѣтскія *fableaux* передъ: *Signour et dames!* Также, какъ мы знаемъ, не было недостатка на ярмаркахъ въ рассказчикахъ захватывающихъ легендъ изъ жизни святыхъ. Только евангелія и словъ апостоловъ никто не сказывалъ. Это было новое поприще, которое и избралъ для себя Вальдо, и на которое онъ направилъ и подготовилъ собравшихся вокругъ него бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ. *Multos homines et mulieres ad idem faciendum ad se convocando, firmans eis evangelia* ¹⁾. Но всѣ главные свидѣтели согласны въ томъ, что эти женщины и мужчины были именно нищіе, которыхъ онъ кормилъ.

Къ сказыванію евангелія присоединились затѣмъ толкованія, примыкавшія къ проповѣди апостоловъ. „Они начали избочлчать свои и чужіе грѣхи“, сообщаетъ ланскій каноникъ. Затѣмъ ужъ не замедлили указанія на общее состояніе. „Онъ жаловался, что на землѣ исчезъ апостольскій образъ жизни. И онъ хотѣлъ возстановить его“. Итакъ дѣло Вальдо заключалось въ религіозной организаціи нищенствующей братіи; эта идея была затѣмъ вскорѣ осуществлена миноритами съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что они остались вѣрными сынами церкви. Вальдо сначала раздавалъ нищимъ хлѣбъ, потомъ проповѣдывалъ имъ евангеліе, потомъ научилъ и ихъ идти проповѣдывать ²⁾. Благодаря постоянной подвижности безродныхъ бродягъ идея Вальдо распространилась съ удивительной быстротой, а большой успѣхъ ея побудилъ также богатыхъ и литературно-образованныхъ людей присоединиться къ этому движенію. Такъ почти всѣ друзья Дуран-

¹⁾ Steph. de Borbone въ ук. м.

²⁾ Анонимъ изъ Пассау въ ук. м. говоритъ: *Magnum thesaurum pauperibus erogavit. Et ex hoc maxima multitudo pauperum ad eum confluit, quos ipse docuit habere voluntariam paupertatem et esse imitatores Christi et Apostolorum.* Max. bibl. XXV, 264.

дуса изъ Хуэска, примирившіеся въ качествѣ католическихъ нищихъ съ церковью при Иннокентіи III, были или клирикалми, или литературно-образованными вальденцами. Не такъ было сначала. *Idiotae et illiterati*, простые и необразованные нищіе, *pauperes de Lugduno, rover de Leun*, мужчины и женщины бродили, сказывая евангеліе по селамъ, провикали въ дома, проповѣдывали на улицахъ и общественныхъ площадяхъ и наконецъ завладѣли даже кафедрями. Въ этихъ хожденіяхъ Вальдо видѣлъ возстановленіе временъ апостольскихъ. Въ долинѣ нижней Роны, гдѣ толпы бродягъ кочевали изъ года въ годъ, внизъ и вверхъ по рѣкѣ, такая жизнь не была столь рискованной, какъ она была бы подъ нашимъ небомъ. И матерьялъ для такой странствующей толпы вѣрующихъ уже имѣлся. Уже само названіе *rover de Leun* показываетъ, что большинство изъ приверженцевъ жило въ такихъ условіяхъ, что они ничего не теряли, принимая апостольство, и духовные лѣтописцы не скрываютъ, что считаютъ этихъ нищихъ въ деревянныхъ башмакахъ набожными бродягами, добывающими хлѣбъ именемъ Бога вмѣсто того, чтобы добывать его трудомъ ¹⁾. Но такое продолжительное движеніе не можетъ быть объяснено низменными послѣдними причинами, оно должно было бы въ такомъ случаѣ вскорѣ прекратиться, такъ какъ встрѣтило бы неизменное равнодушіе въ другихъ. Народъ очень быстро подмѣчаетъ дурныя побужденія. То, что переживаетъ вѣка, должно глубоко корениться въ чувствахъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ознакомленіи съ бѣдной жизнью апостоловъ изъ вновь пріобрѣтеннаго евангелія этимъ душамъ было открытъ новый идеаль, который производилъ очарованіе на цѣлый рядъ поколѣній; онъ заключался въ томъ, чтобы жить такъ, какъ жилъ Іисусъ со своими учениками, или, какъ тогда выражались „соблюдать евангельское совершенство“. — „Хочешь ли быть совершеннымъ?“ вотъ вопросъ, поставленный ихъ сердцамъ Іисусомъ Христомъ.

Такимъ образомъ по Ліону и селамъ Ронской долины бродила бѣдная толпа евангелистовъ, женщинъ и мужчинъ, которые призывали къ покаянію, приносили евангельское утѣшеніе и, щедро раздавая хлѣбъ жизни, принимали отъ пробужденныхъ ежедневный насущный хлѣбъ. При этомъ

1) Alanus ab Insulis, de fide catholica, Migne, 210, 377: Dicunt praedicti haeretici quod nullo modo debeant propriis manibus laborare, sed ab illis quibus praedicant necessaria accipere. Стр. 378: Cum non velint laborare propriis manibus, malunt otiose vivere. Также Eberhardt de Bethune, contra Valdenses. Bibl. maxima p. p. XXIV, 1572. Bernhard de Fontcaude, тамъ же, стр. 1591: Ambulant inquiete nil operantes.

точно соблюдались формы перваго отправленія на проповѣдь апостоловъ. Придерживаясь заповѣди Іисуса двѣнадцати апостоламъ, Матѣ. 10, которой и катары снабжали, какъ правиломъ, своихъ странствующихъ проповѣдниковъ, отправляя ихъ въ путь, бѣдные изъ Ліона, леонисты, какъ ихъ называлъ также народъ по городу Леона, шли къ бѣднымъ людямъ, разбѣяннымъ по долинамъ Роны, лишеннымъ духовнаго попеченія. Они бродили по двое (*δύο δύο* Мрк. 6, 7) въ шерстяныхъ вретницахъ (*laneis*), безъ денегъ въ карманахъ и безъ посоха въ рукахъ: босые или въ открытыхъ крестьянскихъ деревянныхъ башмакахъ, сабо, почему ихъ также называли сабататами. „Нагими слѣдуютъ они за нагимъ Христомъ“, подсмѣивается одинъ англійскій прелатъ, бывший ежедневнымъ застольнымъ гостемъ своего короля ¹⁾. „Находясь постоянно въ пути, они не имѣютъ уже родины“. У мірянь, которыхъ они поучали слову Божію, они искали крова и требовали хлѣба, ибо всякій трудящійся достоинъ пропитанія.

Особеннымъ новшествомъ кажется повѣствователямъ то, что и женщины принимаютъ участіе въ бродячей жизни и, подобно мужчинамъ, проповѣдуютъ, молятся, утѣшаютъ ²⁾. Интереснымъ для насъ отличіемъ отъ ломбардовъ является то, что ученики Арнольда ставятъ на первый планъ полемику противъ развращенной церкви, ліонскіе же бѣдняки сначала стремятся только раздавать евангельское утѣшеніе находящемуся въ пренебреженіи народу. Но столкновенія съ духовенствомъ все-таки не заставили себя ждать. Вальдо распорядился своимъ большимъ имѣніемъ, не давъ ни гроша церкви. Уже это одно было подозрительно. Онъ проповѣдывалъ, не имѣя на то полномочія отъ церкви, это было противно всѣмъ церковнымъ постановленіямъ. Когда въ довершеніе всего его приверженцы осмѣлились завладѣть церквами и кафедрами, терпимость, выказываемая до тѣхъ поръ духовенствомъ набожному движенію, достигла границъ. Митрополитъ пригласилъ Вальдо къ себѣ на судъ, такъ какъ до него дошла жалоба на то, что

1) *Vidimus in concilio Romano sub Alexandro III celebrato Valdesios, homines idiotas, illiteratos, a primate ipsorum Valde dictos... hi certa nusquam habent domicilia, bini et bini circumeunt, nudi pedes, laneis induti, nihil habentes, omnia sibi communia tanquam apostoli, nudi nudum Christum sequentes.* Walther Map, *de nugis curialium*, p. 64 и сл. Ed. Wright. 1850.

2) *Hoc quoque probrosum in eis videbatur, quod viri et mulieres simul manebant in una domo, et de eis diceretur, quod quandoque simul in lectulis accubabant.* Chron. Burchardi et Cuonradi Ursperg. Mon. Germ. XXIII, 366. Ep. Innoc. XIII, 94. XV, 137.

ліонскіе бѣдняки распространяють ложныя ученія и причиняють соблазнъ. Если этотъ архіепископъ былъ Жанъ де Вельмень, согласно предположенію сдѣланному Бернадомъ Гвидонисомъ въ началѣ четырнадцатаго вѣка ¹⁾, то церковныя власти начали воздвигать препятствія движенію только восемь лѣтъ спустя послѣ обращенія Вальдо, такъ какъ Жанъ де Вельмень, бывшій епископомъ въ Пуатье, былъ назначенъ на ліонскій архіепископскій престолъ только въ 1181 г. ²⁾. Но, такъ какъ Вальдо еще въ 1179 г. жаловался въ Римъ на церковныя власти, воспрещавшія его ученикамъ свѣтскую проповѣдь, то должно быть еще предшественникъ Вельмена выступилъ впервые противъ движенія. Но въ этотъ промежутокъ времени смиренный кающійся, который безъ всякихъ возраженій позволилъ въ свой первый призывъ на судъ архіепископа указать себѣ столъ, за которымъ онъ долженъ получать пропитаніе, превратился въ самоувѣреннаго апостола. Вмѣстѣ съ главными руководителями своего братства ³⁾ Вальдо предсталъ передъ духовнымъ судомъ или синодомъ, который заявилъ духовнымъ бродягамъ, что имъ не можетъ быть позволено излагать народу писаніе или проповѣдывать. Но вмѣсто того, чтобы, какъ раньше, смиренно покориться, Вальдо объявилъ, что Іисусъ заповѣдалъ своимъ вѣрнымъ проповѣдывать евангеліе всякой твари, и, слѣдовательно, они должны повиноваться Богу болѣе, чѣмъ людямъ. Напрасно ихъ убѣждали, что не къ нимъ относится эта заповѣдь, а къ апостоламъ да и къ послѣднимъ только послѣ того, какъ они получили силу свыше. Это не производило на нихъ впечатлѣнія, такъ какъ они думали, что и они въ такой же степени призваны. „Такимъ образомъ“, полагаетъ нашъ доминиканецъ, „они впали сначала въ непослушаніе, потомъ въ презрѣніе и, наконецъ, они были отлучены, а когда они не покорились, изгнаны изъ Ліона“. Когда они сдѣлали попытку продолжать свое апостольское хожденіе, митрополитъ выпустилъ противъ нихъ отлученіе и запретилъ имъ показываться въ его епархіи. Вальдо послушался, онъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и покинулъ область, входъ въ которую былъ ему запрещенъ, но и не думалъ о разрывѣ съ церковью. Въ своемъ оптимистическомъ самодовѣріи, представлявшемъ одну изъ главныхъ чертъ храбраго мужа, онъ непоколебимо вѣрилъ, что папа и соборъ разрѣшать имъ проповѣдь евангелія, заповѣданную Христомъ всѣмъ тварямъ.

1) Bern. Guidonis Practica, ed. Douais. 244.

2) Gallia christiana 4, 131.

3) Vocati ab archiepiscopo Lugdunensi. Steph. de Borbone въ ук. м.

Въ надеждѣ на это онъ въ 1179 г., два года спустя послѣ того какъ официально выступилъ на это поприще, шесть лѣтъ спустя послѣ своего обращенія, отправляется со своими главными приверженцами въ Римъ, гдѣ Александръ III, побѣдитель Барбароссы, собралъ вселенскій соборъ. На этотъ такъ называемый третій Латеранскій соборъ съѣхалось не менѣе тысячи духовныхъ и свѣтскихъ князей, а среди толпы просителей, стремившихся въ святой городъ, появились и эти простяки въ своихъ деревянныхъ сандаляхъ—главари новаго общества, пришедшіе хлопотать о снятіи съ нихъ архіепископскаго отлученія и о позволеніи проповѣдывать. Они представили папѣ книгу на романскомъ языкѣ, содержащую ихъ переводъ и комментаріи на псалтирь и бѣдшую часть книгъ новаго и ветхаго заветъа, и просили о полномочіи проповѣдывать евангеліе. Но въ то время въ Римѣ не интересовались переводами библіи. Тамъ были опять заняты составленіемъ новыхъ декретовъ о привилегіяхъ святаго престола на основаніи подлоговъ Граціана; вопросы, волновавшіе Вальдо, были далеки отъ римскихъ теологовъ. Поэтому папа поручилъ посланнику Генриха II Англійскаго, Вальтеру Ману, вести переговоры съ двумя жокаками нищихъ. Веселый англійскій прелать, пугае *sigalius* котораго указываютъ, какъ онъ все принималъ съ веселой стороны, сдѣлалъ и изъ этого допроса фарсъ. Ему было ясно съ самаго начала, что іерархія и проповѣдь мірянъ несовмѣстимы. „Они пока начинаютъ чрезвычайно смиренно“, говоритъ Магъ, „ибо не стоятъ еще на твердыхъ ногахъ, но, стоятъ намъ впустить ихъ, и они вышвырнутъ насъ“. „Мы видѣли“, начинаеть онъ свое сообщеніе, „на римскомъ соборѣ, состоявшемся при папѣ Александрѣ III, вальденцевъ, простыхъ, необразованныхъ людей (*homines idiotas, illiteratos*), прозываемыхъ такъ по имени своего главы Вальдо, бывшаго гражданиномъ города Ліона на Ронѣ“. Далѣе Магъ рассказываетъ, какъ вальденцы представили папѣ свой переводъ библіи и настойчиво молили святаго отца дать имъ полномочіе проповѣдывать евангеліе, при чемъ они воображали себя опытными евангелистами, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности едва обладали званіями ученика. Они были подобны птицамъ, по мнѣнію Мапа, которыя полагають, что могутъ всюду свободно летать, такъ какъ не видятъ тонкихъ силковъ и сѣтей, въ которые онѣ попадаютъ. Ученый схоластикъ видитъ повсюду затрудненія выражаться о Богѣ такъ, чтобы не впасть въ ереси Савеллія, Праксія, Арія, Несторія. И даже тѣмъ, кто всю свою жизнь погружается въ тонкости ученія церкви, достаточно трудно избѣжать этихъ опасностей, подстерегающихъ ихъ всюду. „Но благодаря

стараніямъ этихъ ученыхъ вѣтъ недостатка въ наставленіяхъ. Всюду носится поученіе добродѣтели, всюду лежатъ сокровища мудрости, такъ что тотъ, кому Богъ это даровалъ, можетъ черпать полными горстями. Неужели церковь должна метать жемчугъ передъ свиньями, поручить слово Божіе идіотамъ, которые, какъ мы знаемъ, неспособны воспринять его? Этого да не будетъ. Елей долженъ возливаться на бороду Аарона и оттуда уже стекать на платье; слово принадлежитъ священнику и черезъ него уже доходить до паствы, которая есть риза Христа. Изъ источника слѣдуетъ черпать воду, а не изъ уличной лужи“. Поэтому прелаты смотрѣли на это новое явленіе какъ на сорную траву и рѣшили вырвать ее съ корнемъ. Такъ какъ Мацъ такимъ образомъ выражался о сектантахъ, то ему и было поручено покончить дѣло съ ними. „Я, ничтожнѣйшій изъ многихъ тысячъ, собравшихся на соборъ“, говоритъ онъ скромно, „сдѣлалъ ихъ посмѣшищемъ“. Папа направилъ просителей къ кардиналу, бывшему предсѣдателемъ комиссіи по вопросамъ обученія, а этотъ поручилъ Мапу вести допросъ вальденцевъ. Поэтому къ нему были приведены два вальденца, бывшіе повилимому главами ихъ секты. Они предстали передъ прелатомъ какъ люди, совершенно не намѣревающіеся добиться истины путемъ ученаго спора, но съ намѣреніемъ, исповѣданіемъ истины заставить его замолчать, какъ если бы онъ говорилъ несправедливо. „Созѣаюсъ“, говоритъ онъ, „я сидѣлъ съ трепетомъ, боясь, чтобы въ наказаніе за мои грѣхи я не былъ лишенъ способности рѣчи передъ такимъ большимъ собраніемъ“. Затѣмъ кардиналъ велѣлъ Мапу обратиться съ вопросами къ обоимъ приведеннымъ, обдумывая самъ отвѣты. „И такъ сначала я предлагалъ совсѣмъ легкіе вопросы, на которые могъ бы отвѣтить всякій, ибо я зналъ, что осель требуетъ чертополоха, но презираетъ латукъ. Вѣруете ли вы въ Бога Отца? Они отвѣчали: Да. А въ Сына? Они отвѣчали: Да. А въ Духа Святаго? Они отвѣчали: Да. А въ Матерь Христа? и снова они отвѣчали: Да“. Тогда со всѣхъ сторонъ раздался смѣхъ, и на простяковъ посыпались издѣвательства, ибо они должны были отвѣтить въ Матерь Божію или въ Матерь Іисуса мы вѣримъ, а не въ Матерь Христа ¹⁾. Настолько для этого схоластически образованнаго общества

¹⁾ Comba, histoire des Vaudois d'Italie, p. 47, видитъ заблужденіе скорѣе въ томъ, что выраженіе credere in годится только для обозначенія вѣры въ три лица Троицы, о вѣрѣ въ Марію они должны были бы сказать à la mère, но тогда Мацъ самъ былъ бы виновенъ въ невѣрномъ

Спаситель, о которомъ учило евангеліе, и съ которымъ такъ сердечно сблизились Вальдо и его друзья, оказался вытѣсненнымъ вторымъ лицомъ никейскаго ученія о Троицѣ, что одного этого незнакомства съ техническими выраженіями христологіи было достаточно, чтобы доказать неспособность вальденцевъ къ проповѣди евангелія. „Они были подобны Фазтону“, говоритъ Мапъ, „который хотѣлъ править, а самъ даже не зналъ именъ лошадей“. А незнакомые со свѣтомъ странники изъ ронской долины оробѣли отъ всеобщаго издѣвательства и опечаленные покинули собраніе (*Confusi recesserunt*). Пускай они покрѣпче завяжутъ шнурки своихъ сабо и вернутся домой; къ проповѣдыванію они, по мнѣнію Мапа, не имѣютъ ни малѣйшаго призванія. Но насмѣшка подѣйствовала на апостоловъ долины Роны иначе, чѣмъ полагали надменные прелаты, да и въ глазахъ ихъ приверженцевъ соборъ не пользовался уже тѣмъ авторитетомъ, какъ рассчитывало духовенство. То, что они несмотря на это поражение (*licet a nobis damnatis et derisis*) продолжали проповѣдывать и находить приверженцевъ, кажется англійскому декану очень дурнымъ знаменіемъ времени, и только воспоминаніе о цѣломъ рядѣ печальныхъ событій древней исторіи помогаетъ ему перенести равнодушно подобныя заблужденія. Между тѣмъ самъ папа Александръ III отнесся къ новому явленію гораздо разумнѣе, чѣмъ догматическая конгрегація собора и ея шутливый докладчикъ. Отъ него не ускользнули ни зернышко истины, заключавшееся въ ученіи вальденцевъ, ни искренняя набожность ихъ руководителя. То, что Вальдо удалось импонировать даже папѣ, свидѣтельствуетъ о силѣ его индивидуальности. Никто также не утверждалъ, что ліонскіе бѣдные люди — еретики. 27-й канонъ синода жалуется на то, что въ Гаскони, въ округѣ Альби и Тулузы и въ другихъ мѣстностяхъ, еретики, которыхъ называютъ то катарамъ, то патаренами, то публиканами, ведутъ свое зловерное дѣло уже не втайнѣ, а совершенно открыто и соблазняютъ простыхъ и слабыхъ людей; но нѣтъ рѣчи ни о Ліонѣ, ни о леонистахъ. Допросъ, произведенный Мапомъ, убѣдилъ прелатовъ, что они имѣютъ дѣло не съ еретиками, но съ безвредными глупцами, и это дало возможность папѣ отнестись къ удивительнымъ самопроизвольнымъ евангелистамъ съ отеческимъ благоволеніемъ, наиболѣе подходящимъ духовному князю. Онъ съ добротой выслушалъ благія намѣренія Вальдо, похвалилъ его рѣшеніе жить въ добровольной бѣдности,

выраженіи, между тѣмъ какъ онъ упрекаетъ вальденцевъ въ томъ, что они желали править, не зная истиннаго имени лошадей.

обнялъ его и далъ ему поцѣлуй мира, но по его дѣлу далъ уклончивый отвѣтъ: Вальдо и его приверженцы могутъ проповѣдывать, но только тогда, когда священники прямо обращаются къ нимъ за помощью. Такимъ образомъ они могли утѣшаться тѣмъ, что, если они встанутъ въ мирныя и дружественныя отношенія къ церкви, она сама привлечетъ ихъ къ себѣ на помощь для проповѣди и раздачи духовнаго утѣшенія¹⁾.

Когда перечитываемъ каноны, постановленные этимъ соборомъ въ тѣ дни, когда его комиссія подшучивала надъ лионскими бѣдными, то становится вполне понятнымъ, почему прелаты не торопились поставить на каѳедры проповѣдниковъ, главнымъ положеніемъ которыхъ было: преемники апостоловъ должны жить въ апостольской бѣдности²⁾. Такъ, на примѣръ, четвертый канонъ этого собора жалуется на то, что посѣщенія многихъ епископовъ ложатся такой тяжестью на приходы, что часто имъ приходится продавать пожертвованные набожными людьми церковныя сосуды, чтобы уплатить расходы по приему епископа. Поэтому архіепископъ не долженъ приводить съ собой болѣе 40—50 лошадей, а епископъ болѣе 20—30. Охотничьи же собаки и птицы совершенно лишни, по мнѣнію собора, при объѣздѣ церквей; также епископы не должны требовать дорогихъ ѣздъ и поборовъ (tallia); точно такъ же епископъ не долженъ требовать денегъ за совершеніе таинствъ или налагать произвольныя подати. Также и аббаты не должны требовать денегъ за принятіе въ монастырь или раздавать пріораты за деньги. Клирики и монахи не смѣютъ выступать передъ судомъ въ качествѣ адвокатовъ, а также быть управляющими имѣній. То, что духовныя лица пріобрѣли на своей должности, должно послѣ ихъ смерти переходить къ церкви, а не къ ихъ родственникамъ. Эти и подобныя имъ рѣшенія, улаживающія борьбу за „мое и твое“ между членами духовенства, достаточно ясно указываютъ, какъ обстояло дѣло въ церкви, и какъ сильно она нуждалась въ проповѣди Вальдо. Но именно поэтому Вальдо пришлось бы долго ждать, если бы онъ по совѣту папы сталъ ждать, пока епископы пригласятъ его проповѣдывать.

Одно время Вальдо дѣйствительно былъ, повидимому, того мнѣнія, что

1) *Dampnavit hoc concilium hereses et omnes hereticorum fautores necnon et defensores. Waldesium amplexatus est papa, approbans votum quod fecerat voluntarie paupertatis, inhibens eidem, ne vel ipse aut socii sui predicacionis officium presumerent nisi rogantibus sacerdotibus.* Chron. Laudun. Mon. Germ. XXVI, p. 449. Mansi XXII, 456. Canon. X.

2) Mansi, coll. conc. XXII, 210—466.

онъ получать приглашеніе со стороны высшаго духовенства. Онъ, согласно данному ему приказанію, держался спокойно — *quod preceptum modico tempore observaverunt* ¹⁾. Но, когда призванія не послѣдовало, онъ рѣшилъ не ждать праздно, пока больная церковь позоветъ его, но дать больной горькое лѣкарство, хочеть ли она того, или нѣтъ. Къ тому же и толпу его евангелистовъ невозможно было долго сдерживать. Кто привыкъ къ странствію, уже не можетъ долго оставаться неподвижнымъ. Снова „бѣдные люди“ наводнили дороги и деревни своего отечества. Но тѣмъ самымъ они нарушили послушаніе высшей власти, и одинъ современникъ, сторонникъ церкви, Аланусъ, говорить о нихъ, правда, не какъ объ еретикахъ, но какъ о людяхъ, которые осмѣливаются проповѣдывать не имѣя ни церковнаго полномочія, ни божественнаго вдохновенія, ни знанія, ни учености ²⁾. Не будучи еретиками, они тѣмъ не менѣе были отлучены и преслѣдуемы.

Преслѣдованія начались въ южной Франціи. Два года спустя послѣ третьяго латеранскаго собора, предписавшаго вальденцамъ не двигаться, нарбонскую метрополию получилъ архіепископъ Бернгардъ (1181 — 1191). Новый духовный князь нашель въ своей епархіи ліонскихъ бѣдныхъ людей въ полномъ разгарѣ дѣятельности. Онъ призвалъ ихъ на судъ и присудилъ ихъ къ церковной цензурѣ. Но это наказаніе не подѣйствовало, и духовная власть оказалась вынужденной устроить религіозный диспутъ съ сектантами. Мы не знаемъ ни времени, ни мѣста, гдѣ онъ происходилъ; рассказываютъ только, что на собраніе были посланы представители обѣихъ сторонъ, и обѣ выбрали въ третейскіе судьи дворянина Раймунда изъ Давентріа. Но и этотъ третейскій судья рѣшилъ противъ приверженцевъ Вальдо. На основаніи этого диспута аббатъ Бернгардъ изъ Фонкода написалъ трактатъ противъ сектантовъ ³⁾, который можно считать протоколомъ преній, такъ какъ авторъ заявляетъ, что онъ желаетъ сообщить аргументы, съ помощью которыхъ вальденцы защищали свои мнѣнія, и свидѣтельства изъ писанія, которыми „мы ихъ опровергали“. Хотя аббатъ и производитъ названіе вальденцы отъ „глухой долины ихъ заблужденій“, онъ однако не можетъ доказать ихъ еретичества. Онъ порицаетъ ихъ непослушаніе, ихъ презрѣніе къ духовному званію, ихъ притязанія на право проповѣдывать и позволять проповѣдывать даже женщинамъ, ихъ умѣнье

¹⁾ Chron. Laud. въ ук. м.

²⁾ Alanus, Summa quadripartita contra Haereticos, Waldenses, Judaeos et Paganos. Ed. de Visch. Antw. 1654. p. 258.

³⁾ Maxima Bibliotheca patrum. XXIV, 1585 и сл.

проводить женщинъ и обабившихся мужчинъ; но, хотя онъ и называетъ ихъ еретиками, онъ привелъ противъ нихъ только одно обвиненіе: что вальденцы отрицають, чтобы наши милостыни, посты, молитвы и мессы были сколько-нибудь полезны мертвымъ¹⁾. Что они отрицали даже и чистилище, этого аббатъ не говоритъ, онъ только полагаетъ, что существуютъ такіе еретики, которые дошли даже до такого заблужденія. Онъ изливаетъ на нихъ цѣлые потоки текстовъ священнаго писанія, но даже изъ его повѣствованія явствуетъ, что они отскакивали отъ учениковъ Вальдо, ибо послѣдніе тоже были хорошо вооружены цитатами, и мужчины и женщины защищали свое право проповѣдывать. Ничто не могло поколебать ихъ вѣры въ свое призваніе. Но церковь, воспрещавшую имъ возвѣщать евангеліе, они въ душѣ уже не считали истинною церковью Христовой, хотя и выражались въ то время объ этомъ еще чрезвычайно осторожно.

Въ это же время появляются вальденцы и въ Мецѣ, который, находясь на перепутьи народовъ, всегда былъ убѣжищемъ безродныхъ людей²⁾. Они проникли туда при епископѣ Бертрамѣ 1180—1212. Бертрамъ самъ открылъ въ своемъ соборѣ двухъ вальденцевъ, которыхъ онъ лично зналъ по процессу въ Монпелье. Они распространились по городу и епархіи. (*Multitudo non modica*). Но епископу не удалось добиться ихъ изгнанія, такъ какъ у нихъ были въ городѣ могущественные заступники. И здѣсь въ ихъ употребленіи оказалась біблія на народномъ языкѣ, которую они объясняли собиравшимся вокругъ нихъ приверженцамъ. Они прямо въ лицо противорѣчили священникамъ, опровергая ихъ словами изъ писанія. Папа Иннокентій III, которому было доложено объ этомъ, порицалъ нахальство мірянъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Вальтеръ Мапъ. Но въ то время, какъ англійскій прелатъ прямо сознавался, что интересы священниковъ требуютъ, чтобы мірянамъ была воспрещена проповѣдь, умный италіанецъ доказываетъ то же самое софистически извращенными текстами. Вальденцы должны превратить свои палки въ змѣй, какъ Моисей, или доказать, что ихъ пришествіе было предсказано въ писаніи, какъ Іоаннъ Креститель, тогда имъ не запретятъ проповѣди, иначе же къ нимъ должны быть примѣнены слова посланія Іакова: „не многіе дѣлайтесь учителями“. Но Иннокентій не исполнилъ одобряетъ и поведеніе духовенства. Посланіе, сопровождающее папскую грамоту, порицаетъ епископское донесеніе за его неполноту. Въ чемъ заклю-

¹⁾ Въ ук. м. ст. 1598.

²⁾ Alberici chron. подъ 1190 г. M. G. XXIII, 878. Caesarii Heisterbac. De miraculis et visionibus sui temporis lib. V, c. 20. Innoc. III Epist. II, 141, 142.

чается ученіе этихъ людей? Отклоняется ли оно отъ ученія церкви? Кѣмъ сдѣланъ переводъ писанія и съ какимъ намѣреніемъ? Дѣйствительно ли духовенство исчерпало въ мирныя средства? Иннокентій не безусловно вѣрять епископу и склоненъ перенести весь процессъ въ Римъ. Но епископъ настаивалъ на своей точкѣ зрѣнія ¹⁾ и указалъ на одного пресвитера, по имени Криспина, какъ на главную пружину всего движенія. По папскому приказу трое лицъ изъ чернаго духовенства въ согласіи съ епископомъ начали слѣдствіе, результатомъ котораго было сожженіе переводовъ библіи, которые удалось захватить, и временное изгнаніе сектантовъ въ 1199 г. ²⁾ Но оппозиціонное настроеніе продолжалось, и, когда на югѣ разразилась война съ альбигойцами, Иннокентій III велѣлъ епископу Бертраму и въ его епархіи проповѣдывать крестовый походъ на еретиковъ, въ чемъ продолжали свои услуги графъ фонъ Баръ и другіе дворяне ³⁾.

Въ то время какъ проаганда ставшихъ евангелистами нищихъ распространилась такимъ образомъ на сѣверъ до Меца, она и на югѣ перешла за Пиринеи, гдѣ король арагонскій Альфонсъ уже въ 1192 г. издалъ строгій эдиктъ противъ вальденцевъ, инсаббататовъ и ліонскихъ бѣдныхъ людей; она распространилась даже за Альпы, такъ что въ 1209 г. епископъ туринскій оказался вынужденнымъ просить императора Оттона IV выступить противъ *haeretici Valdenses* ⁴⁾. Въ Ломбардіи же бѣдные люди смѣшались съ обществомъ арнольдистовъ и гумиліатовъ, которые не замедлили вызвать въ скромной кучкѣ нищихъ болѣе смѣлый поворотъ противъ Рима.

Когда въ 1184 г. Люцій III собралъ соборъ въ Веронѣ, то духовенство было уже такъ озлоблено, что въ грозныя проклятія противъ катаровъ, патареновъ и арнольдистовъ были включены и ліонскіе бѣдные люди, и даже декретъ осуждаетъ именно „всѣхъ тѣхъ, кто подъ личиною набожности безъ церковнаго полномочія проповѣдуетъ публично или втайнѣ“, при чемъ прежде всего подразумѣваются арнольдисты и вальденцы.

Веронскими проклятіями, въ помощь которымъ Барбаросса предложилъ свой мечъ, оттолкнули бѣдныхъ людей отъ братскаго союза съ церковью, которой они хотѣли помочь. Но, такъ какъ движеніе въ обществѣ нищихъ

¹⁾ Ep. II, 235.

²⁾ Alberic. chron. Mon. Germ. XXII, 878. подъ 1199 г.

³⁾ Gallia christiana XIII, 754. Cp. Cäsar von Heisterbach подъ 1221 г.

⁴⁾ Отвѣтъ императора, а можетъ быть, только набросокъ его напечатанъ въ *Semeria, Storia della chiesa Metropolitana di Torino. 1840. Comba, Vaudois I, 130 сл.*

продолжалось, а руководители его, несмотря на свое непослушаніе, продолжали утверждать, что они не враги церкви, а ея лучшіе друзья, то въ рѣшительную минуту былъ еще разъ поднятъ вопросъ, правильно ли будетъ отнестись къ этимъ маленькимъ людямъ такъ сурово. Изъ писемъ Иннокентія III ясно видно, что папа отчасти обвинялъ самихъ епископовъ, и вотъ онъ сдѣлалъ еще разъ попытку привлечь къ церкви *rauperes*, которыхъ епископы такъ неразумно оттолкнули.

Эти попытки къ примиренію начались въ тулузской епархіи. Въ 1206 г. состоялся въ Памье въ тулузской епархіи между руководителями вальденцевъ и нѣкоторыми католическими епископами религиозный диспутъ, на которомъ присутствовали испанскій епископъ Діего изъ Осма, извѣстный покровитель и ревнитель святого Доминика, и графъ Рожеръ де Фуа, пріобрѣтшій извѣстность въ войнѣ съ альбигойцами, жена и сестра котораго держали сторону вальденцевъ. Эти переговоры имѣли, — можетъ быть, благодаря посредничеству молодого Доминика, — благоприятный для церкви результатъ: часть вальденцевъ, по большей части священники и среди нихъ нѣкто Дурандусъ изъ Хуэска, вернулась въ лоно церкви ¹⁾. Однако даже Иннокентій III не рѣшился выгнать изъ нихъ стремленіе къ апостольскому хожденію и привязать ихъ къ монашеской кельѣ. Пришлось ограничиться тѣмъ, что ихъ странствованія дали католическую цѣль, обязавъ ихъ отыскивать еретиковъ и примирять ихъ съ католической церковью. Подобныя же обязательства принялъ на себя въ Ломбардіи другой глава общества, Бернардь Примусъ, со своимъ товарищемъ Вильгельмомъ Арнальди ²⁾. Оба продолжали апостольское хожденіе, жили хлѣбомъ, подаваемымъ имъ добрыми людьми, проповѣдывали покаяніе, но также увѣщевали друзей, оставшихся въ мірѣ и жившихъ трудомъ своихъ рукъ, вернуться подъ власть римской церкви, при чемъ главную роль играетъ вопросъ о десятинахъ, первыхъ плодахъ и другихъ подобныхъ налогахъ ³⁾. Вальдо еще былъ живъ въ то время, когда благодаря этимъ мѣрамъ Иннокентій сдержалъ обѣщанія, данныя Вальдо и несдержанныя Александромъ III; но мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ онъ отнесся къ этому запоздалому посредничеству.

Иннокентій III установилъ даже особый символъ вѣры для католиче-

¹⁾ Innoc. III. Ep. XI, 196—198. XII, 17. 66—69. XIII, 53, 57, 58. XV, 82. 90—94, 96, 146. Епѣ Duchesne, *hist. Franc. S. S. V*, стр. 561.

²⁾ Ep. XIII, 94. *Chron. Burchardi et Cuonradi Ursperg. M. G. S. S. XXIII*, 396.

³⁾ Innoc. Ep. XI, 196, XIII, 94.

ских бѣдныхъ людей, когда въ концѣ 1208 г. утвердилъ ихъ братство ¹⁾). Онъ начинается тринитарнымъ и христологическимъ исповѣданіемъ, исключаящимъ какую-либо склонность къ доктринамъ катаровъ и устраняющимъ всякое сомнѣніе въ объективномъ дѣйствіи таинствъ. Таинства можетъ совершать только священникъ, а кто ихъ раздаетъ безъ церковнаго посвященія, тотъ еретикъ. Католическіе бѣдные люди признаютъ соборованіе, бракъ и клятву, считаютъ похвальнымъ возвѣщеніе евангелія, но только по порученію папы или епископовъ. Главной задачей католическихъ бѣдныхъ людей должно быть разысканіе и обращеніе еретиковъ, оспаривающихъ католическую церковь. Они вѣрують въ чистилище и убѣждены, что молитва и пожертвованія живыхъ полезны умершимъ. Они готовы исполнять всѣ церковныя постановленія и вносить десятину и налоги. За то имъ позволяется проповѣдывать евангеліе въ общественныхъ школахъ, но все же подъ руководствомъ епископовъ и съ намѣреніемъ вернуть тѣмъ самымъ заблуждающимся въ лоно католической церкви. Ихъ друзья, не принявшіе странствующей жизни и мало склонные къ преподаванію, должны жить въ своихъ домахъ, соблюдая монашескій уставъ (*religiose et ordinate*), управлять своимъ имуществомъ справедливо и милосердно, работать своими руками и аккуратно приносить церкви десятину, первые плоды и дары.

Замѣчательно, что какъ въ этомъ отношеніи странствующіе учителя и оубдлые вѣрующіе явились прообразомъ будущаго раздѣленія на миноритовъ и ихъ тертіаріевъ, такъ и вообще близко соприкасается узаконенный куріей статутъ католическихъ бѣдныхъ людей 1208 года съ уставомъ святого Франциска слѣдующаго 1209 года. Ясно видно, что обоими статутами курія преслѣдовала одинаковую цѣль. Характерное для миноритовъ запрещеніе принимать и расходовать деньги, котораго не придерживались позднѣйшіе вальденцы, и которое для отцовъ секты вытекало только изъ поведенія Вальдо, но ничѣмъ другимъ не доказывалось, въ 1208 г. было сдѣлано Иннокентіемъ обязательнымъ для католическихъ бѣдныхъ людей. Ихъ обѣтъ бѣдности совпадаетъ съ обѣтомъ миноритовъ и содержитъ совершенно тѣ же наставленія, что и уставъ святого Франциска, одобренный куріей годъ спустя. Послѣ того какъ католическіе бѣдные люди отреклись отъ міра и отъ всего, чѣмъ они въ немъ обладали ²⁾, и дали обѣтъ бѣдности, они

1) XV. Cal. Jan. pontif. anno undecimo. Ep. XI, 196. XIII, 94.

2) И авторъ Chron. Ursperg. Mon. Germ. XXIII, 396, называетъ миноритовъ и проповѣдующихъ монаховъ вмѣстѣ съ гумиліатами и ліонскими бѣдными людьми, и вкладываетъ въ уста Бернарда Примуса призна-

уже не должны были заботиться о завтрашнем днѣ, они не должны были принимать ни золота, ни серебра, ни чего-либо подобнаго, а только насущную пищу и одежду. Подобно тому какъ и у миноритовъ, главный обѣтъ этихъ присоединившихся снова къ церкви вальденцевъ состоятъ въ слѣдованіи апостольскому совершенству и въ жизни согласной съ евангельскими совѣтами. Часы сдѣланы обязательными и для инсаббататовъ, и для босоногихъ. Такъ какъ это были по преимуществу клирики, и почти всѣ они были знакомы съ писаніемъ, то они посвятили себя чтенію писанія, увѣщаніямъ, преподаванію и выступили противъ всѣхъ заблуждающихся въ вѣрѣ, дабы вернуть ихъ въ лоно церкви. Они пожелали и своей одеждой отличаться отъ своихъ бывшихъ товарищей, чтобы всѣ видѣли, что они не хотятъ имѣть съ ними ничего общаго, пока тѣ не примирятся съ церковью. Поэтому имъ была предписана бѣлая монашеская одежда, обыкновенная одежда пустынножителей.

Такимъ образомъ католическіе бѣдные люди представляютъ нищенствующій орденъ, отрекающійся отъ собственности, дабы исполнить требованія евангельскаго совершенства и очень мало отличающійся отъ братства Франциска Ассизскаго, узаконеннаго Иннокентіемъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Подобно *virgi poenitentiales* изъ Ассизъ, и они получили отъ Иннокентія III нѣкоторыя привилегіи ¹⁾ и обѣщаніе защиты противъ епископовъ. Но миръ длился недолго, по крайней мѣрѣ во Франціи. Едва только Дурандусъ изъ Хуэска со своимъ получившимъ амнистію отрядомъ прибылъ на родину, какъ уже полетѣли жалобы архіепископа нарбонскаго и епископовъ его епархіи на то, что католическіе бѣдные люди ведутъ себя противно повелѣнію; они не измѣнили нисколько своихъ прежнихъ пріемовъ, попрежнему носятъ извѣстную одежду вальденцевъ, допускаютъ въ свои церкви и не присоединенныхъ вальденцевъ и соблазняютъ мірянъ и бѣглыхъ монаховъ ²⁾. Вслѣдствіе этого Иннокентій велѣлъ имѣть тщательный надзоръ за взятыми имъ подъ свое покровительство людьми, но обращаться съ ними милостиво, чтобы поймать ихъ, если они дѣйствительно остались въ душѣ еретиками, согласно словамъ апостола, „такъ какъ я былъ хитеръ, я поймалъ васъ“. Однако епископы должны, слѣдуя примѣру мудрыхъ врачей, попробовать сначала успокаивающую мазь прежде, чѣмъ взяться за раска-

ніе, которое св. Францискъ могъ бы также хорошо признать идеей своей жизни: *se gerere vitam Apostolorum, nihil volentes possidere aut certum locum habere.*

¹⁾ Ер. XI, 196, 198. XIII, 57.

²⁾ Ер. XII, 68.

ленное желѣзо ¹⁾). Споръ длился еще въ некоторое время, но учрежденіе Иннокентія оказалось непрочнымъ. То, чего имъ хотѣлъ достигнуть папа, съ избыткомъ осуществляли въ то же время минориты превыше папскаго ожиданія, его же католическіе бѣдные люди остались ренегатами, къ которымъ обѣ стороны относились недружелюбно. Въ концѣ концовъ Александръ IV присоединилъ ихъ въ 1256 г. къ августинскимъ еремитамъ, такъ что даже ихъ имя исчезло. Секта же въ общемъ осталась нетронутой этимъ отпаденіемъ маленькихъ группъ, а послѣ того какъ война съ альбигойцами излила свои ужасы на родину вальденства, о мирномъ соглашеніи уже больше не было рѣчи и со стороны церкви.

Болѣе важное значеніе, чѣмъ этотъ расколъ, отдѣлившій только болѣе слабые духомъ элементы—клериковъ и ученыхъ—отъ храбраго ядра нищихъ, былъ расколъ, раздѣлившій это самое зерно на двѣ враждебныя половины. Ліонскіе бѣдные люди порвали съ ломбардскими бѣдными людьми, и наступила схизма леонистовъ и ломбардцевъ, сдѣлавшая воинствующей жизнь учредителя секты и такъ озлобившая его противниковъ въ его собственной общинѣ, что даже послѣ его смерти они оспаривали его блаженство.

Съ папскимъ поцѣлуемъ мира на губахъ вернулся Вальдо въ 1180 г. изъ Рима, какъ ему велѣлъ папа, въ Ліонъ, чтобы стараться примириться съ епископомъ и ждать, когда тотъ пожелаетъ воспользоваться его проповѣдью и миссіей. Вальдо со своими друзьями держался, какъ ему приказалъ святой отецъ, въ некоторое время терпѣливо и послушно, готовый предложить свои услуги архіепископу ²⁾). Но, такъ какъ епископамъ и на умъ не приходило самимъ же разрѣшить проповѣдь, которая была вопіющимъ свидѣтельствомъ противъ ихъ свѣтской жизни, то Вальдо вернулся къ своей прежней дѣятельности. Но и теперь, судя по всѣмъ слѣдамъ, которые мы имѣемъ о его дѣятельности, онъ твердо держался связи съ церковью и смотрѣлъ на своихъ евангелическихъ посланныхъ какъ на помощниковъ духовенства, а не какъ на его противниковъ. Онъ вмѣстѣ съ симпатизировавшими ему друзьями, какъ Виветъ и Петръ изъ Реланы, держался той умѣренной точки зрѣнія, что, пока священникъ не лишентъ своего сана церковію, преподаваемые имъ святыя дары дѣйственны, и братья могутъ и должны ихъ принимать въ надеждѣ на благодать Божію. Онъ признавалъ также и таинство покаянія и ходилъ на исповѣдь. Но именно въ этомъ Вальдо и разошелся съ болѣе

¹⁾ Ер. XII, 67.

²⁾ Chron. Laud. въ ук. м.

радикальными умами, развившимися въ періодъ преслѣдованія. Однако очарованіе его личности было достаточно велико, чтобы удержать вокругъ его знамени по крайней мѣрѣ старыхъ земляковъ. Когда вскорѣ послѣ его смерти объ партіи созвали въ Бергамо въ 1218 г. общій соборъ, Вальдо все еще считался общепризнаннымъ главой ultramontanorum¹⁾. Слѣдовательно, онъ до самой смерти оставался главою общества въ ронской долинѣ и въ областяхъ, имѣвшихъ оттуда миссіонеровъ.

Между тѣмъ множество саббататовъ перекочевали въ Ломбардію, гдѣ они возвѣщали евангеліе. Здѣсь въ сектантскомъ мірѣ вѣяло совсѣмъ инымъ воздухомъ, и духъ Арнольда охватилъ вновь прибывшихъ, которые, смѣшавшись съ ломбардцами, сдѣлались рѣшительными противниками римской церкви²⁾, и, примкнувъ къ гумиліатамъ, привялись противъ приказанія Вальдо за работу для добыванія средствъ къ жизни. „Они размножились на землѣ“, говоритъ инквизиторъ Бернардо Гвидонъ, „и распространились по этой провинціи (Лионъ) и въ сосѣднихъ областяхъ и въ округахъ Ломбардіи. Отдѣленные и отрѣзанные отъ церкви, они смѣшались съ другими еретиками и впитали въ себя ихъ заблужденія, при чемъ смѣшали свои выдумки съ заблужденіями старыхъ еретиковъ и ересей“³⁾. Послѣ того, какъ церковь предала ихъ сатанѣ, этотъ ввергнулъ ихъ въ безчисленныя новыя заблужденія⁴⁾. Такъ же описанъ ходъ событій уже у Стефана де Борбоне. Пришедшіе изъ Лиона бѣдные люди попали въ Ломбардіи въ общество гумиліатовъ и арнольдистовъ, и эти заставили ихъ встать въ рѣзкое оппозиціонное положеніе къ Риму, что первоначально вовсе не входило въ намѣренія апостоловъ лионскихъ бѣдныхъ людей. Съ тѣхъ поръ леонисты, гумиліаты и арнольдисты являются трилистникомъ, постоянно нераздѣльно упоминаемымъ въ папскихъ проклятiяхъ.

Прежде всего мы встрѣчаемъ у ломбардскихъ бѣдныхъ людей арнольдистскія идеи. Они утверждаютъ, что разрѣшеніе грѣховъ, данное недостой-

¹⁾ Ср. Rescriptum heresiarcharum Lombardie ad pauperes de Lugduno, qui sunt in Alamania, изданное Прегеромъ въ Abhandlungen d. bayer. Akademie der Wissenschaft. XIII, 1. München 1875. Также отдѣльно подъ заглавіемъ: Beiträge zur Geschichte der Waldesier im Mittelalter. München, 1875.

²⁾ По мнѣнію Давида изъ Аугсбурга, ст. 36, *pover Leun* и *Arnotuste* составляли раньше *одну* секту.

³⁾ Bernardo Guidonis. *Practica Inquisitionis heretice pravitatis*. Ed. Douais. Paris, 1886.

⁴⁾ *Ibidem* 245. Ср. Давида изъ Аугсбурга въ ук. м., ст. 26.

нымъ пастыремъ, не имѣеть силы ¹⁾, но каждый добродѣтельный человѣкъ есть пресвитеръ. Поэтому они приписываютъ себѣ апостольскую власть призывать къ покаянію, выслушивать исповѣдь тѣхъ, кто желаетъ имъ довѣриться, разрѣшать отъ грѣховъ и налагать епитиміи. Точно такъ же они вполнѣ согласны съ Арнольдомъ въ осужденіи римскихъ прелатовъ и католическаго духовенства, которыхъ они вмѣстѣ съ Арнольдомъ называютъ слѣпцами, ведущими слѣпыхъ, наемниками, не хранящими евангельской истины и не подражающими апостольской бѣдности. Римскую же церковь они называютъ домою лжи. Она есть синагога беззаконныхъ, звѣрь апокалипсиса, вавилонская жена. Ея священники суть книжники, ея монахи—фарисеи, неизвѣстные Богу и потому лишенные вѣчнаго блаженства ²⁾. Все это чисто арнольдистскія положенія. Вмѣстѣ съ Арнольдомъ они полемизируютъ также противъ всякихъ свѣтскихъ украшеній церкви, противъ леновъ, владѣнія крѣпостными людьми, бенефицій, десятиныхъ и всего, что церковь захватила изъ земныхъ благъ. Вмѣсто этого обмѣрившагося духовенства они желаютъ имѣть отрядъ учителей, не имѣющихъ осѣдлости, подобно апостоламъ, живущихъ на ежедневныя подаванія или на доходъ съ собственнаго труда. Если бы у нихъ была власть, говорятъ они, они отняли бы у священниковъ и монаховъ ихъ обезпеченные доходы, десятины и приношенія ³⁾, какъ это требовалъ въ свое время Арнольдъ. Именно это болѣе рѣзкое, арнольдистское вальденство ломбардцевъ распространилось впослѣдствіи черезъ Альпы въ Германію и дошло, по показаніямъ Давида изъ Аугсбурга и анонима изъ Пассау, до отрицанія всѣхъ римскихъ обрядовъ и ученій. Уже немедленно послѣ смерти Вальдо вышло посланіе ломбардцевъ къ ихъ братьямъ и сестрамъ въ Алеманніи, принадлежащимъ къ ломбардцамъ. Изъ епархіи Пассау, гдѣ намъ слѣдуетъ искать этихъ братій, они распространились во Франконіи, Тюрингіи, Богеміи до Бранденбурга, и здѣсь повсюду секта принимаетъ болѣе рѣзкій арнольдистскій тонъ ⁴⁾.

Слѣдить далѣе за различіями, выработавшимися между франко-романскими и ломбардо-алеманнскимъ вальденствомъ по мѣрѣ ихъ развитія,

1) Quod sacerdos in mortali peccato non possit conficere; quod transubstantiatio non fit in manu indigne conficientis sed in ore digne sumentis. Анонимъ изъ Пассау, Flacius, Catalogus testium veritatis, p. 545. Ср. еще Practica 246 и изданное Прегеромъ посланіе въ ук. м.

2) Rainer Sacchoni, Martène et Durand, V, 1775. David von Augsburg въ ук. м. гл. 4 и 5. Анонимъ изъ Пассау въ ук. м.

3) Анонимъ изъ Пассау у Фладіуса 543.

4) Ср. Haupt, Beiträge zur Geschichte des Mittelalt. Waldsth. Hist. Zeitschr. 61. Die religiösen Secten in Franken. Würzburg, 1882. W. Watten-

превосходить границы нашей задачи. Ихъ отношеніе къ римской церкви было совершенно различное: примирительное и послушное со стороны партіи, находившейся подъ руководствомъ Вальдо, и агрессивное и мятежное въ партіи, находившейся подъ вліяніемъ ломбардцевъ. Это служитъ мѣриломъ и ихъ различнаго отношенія къ таинствамъ римской церкви, къ покаянію, къ ученію о чистилищѣ, о возношеніи даровъ, о почитаніи святыхъ, и къ католическимъ обрядамъ. Но тѣ же рѣзкія выраженія; считаемыя характерными для ломбардцевъ, встрѣчаются при случаѣ и у вальденцевъ, и къ скрытому способу выраженія, въ которомъ упрекаютъ вальденцевъ, прибѣгаютъ впоследствии и ломбардцы. Правила, предлагаемыя для распознаванія обѣихъ группъ, получаютъ все новыя исключенія, поэтому мы предпочитаемъ примкнуть въ главныхъ чертахъ къ подробному описанію этой секты, находящемуся въ *Practica* доминиканца Бернардо Гвидона, тулузскаго инквизитора 14-го вѣка, тѣмъ болѣе, что онъ въ своемъ произведеніи ссылается, а частью даже приводитъ дословно, на сочиненія и предварительные труды болѣе старыхъ ломбардскихъ и нѣмецкихъ главныхъ инквизиторовъ этой ереси.

Сначала организація *pauperes de Lugduno* была совсѣмъ простая. Съ одной стороны стоять странствующие учителя, собственно вальденцы, отказавшіеся отъ собственности, ведущіе апостольскій образъ жизни и дѣйствительно соблюдающіе заповѣдь евангельскаго совершенства, почему они носятъ названіе *perfecti*. Съ другой стороны, обращенные ими, живущіе по ихъ ученію, но оставшіеся въ прежнихъ условіяхъ жизни, называемые *credentes* ¹⁾. Слѣдовательно, Вальдо организовалъ союзъ странствующихъ проповѣдниковъ обоаго пола, находящихся въ постоянномъ странствованіи ²⁾ съ цѣлью призывать къ покаянію, возвѣщать евангеліе и приглашать къ подражанію апостольской жизни. Ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы бродить по міру въ бѣдности и безъ всякаго имущества, исполняя слово евангельское. Но съ теченіемъ времени изъ толпы нищихъ, которую первоначально привлекъ къ себѣ Вальдо, образовались дисциплинированныя евангелисты, среди ко-

bach, Waldenserprocesse in der Mark, въ *Sitzungsberichte der Berliner Akademie*. 1886 и сс.

1) *Practica* 251. Duo sunt genera secte ipsorum, quidam enim eorum sunt perfecti, et ipsi vocantur proprie Valdenses... Hi dicunt se esse apostolorum succesoros et sunt magistri aliorum et confessoros et circum-eunt per terras visitando et confirmando discipulos in errore.

2) Hi certa nusquam habent domicilia. Walther *Map.* въ ук. м. (См. выше стр. 19).

торыхъ большинство обладало твердымъ знаніемъ писанія, а нѣкоторые даже образованіемъ ученаго. Буржуа и крестьяне, принимавшіе и угощавшіе ихъ и затѣмъ заботившіеся о ихъ дальнѣйшемъ пути, назывались друзья и подруги. Но въ эти времена вальденцы все еще только евангелисты и евангелистки, безродные странники. Какъ таковыхъ и запрещаетъ упомянутый эдиктъ Альфонса, короля арагонскаго, отъ 1192 г. ¹⁾ принимать вальденцевъ, инсаббататовъ, ліонскихъ бѣдныхъ людей, слушать ихъ проповѣдь, давать имъ пищу или оказывать какое-либо благодѣяніе. Во всѣхъ сообщеніяхъ инквизиторовъ *raureges* суть бродячіе нищіе, набожные бродяги, безродные проповѣдники покаянія. Эти *perfecti* странствуютъ въ сопровожденіи своихъ женъ, которыя тоже проповѣдуютъ слово и не желаютъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Они читаютъ вслухъ, молятся вмѣстѣ съ вѣрующими, друзьями и подругами, благословляютъ ихъ бѣду, а тѣ цѣлуютъ ихъ, даютъ имъ пристанище или убѣжище ²⁾ и пропитаніе, исповѣдуются передъ ними и получаютъ отъ нихъ отпущеніе грѣховъ. Такъ какъ они отдали свое имущество въ общую кассу, то имъ приходится жить на то, что имъ даютъ старшины изъ поступающихъ сборовъ, или на подарки вѣрующихъ и друзей ³⁾. Они приходятъ въ деревни какъ тихіе, дружелюбные странники. Когда ихъ спрашиваютъ о цѣли ихъ путешествія, они вообще отвѣчаютъ, что ихъ путь лежитъ въ святой городъ. Но, такъ какъ за ними всюду слѣдитъ инквизиція, то они часто мѣняютъ свою личину. Такъ, Стефанъ де Борбоне рассказываетъ объ одномъ странствующемъ проповѣдникѣ, настоящимъ Протеѣ, который сегодня являлся въ шляпѣ, украшенной раковинами, и съ посохомъ пилигрима, завтра принималъ видъ кающагося и аскета, въ одномъ мѣстѣ являлся странствующимъ башмачникомъ или бродягемъ, въ другомъ бродячимъ полевымъ работникомъ ⁴⁾. Но чаще всего они изображаютъ изъ себя купцовъ, и доминиканецъ, извѣстный подъ названіемъ

1) Напечатано у Hahn, *Geschichte der Ketzler im M.-A.* 2, 703.

2) Mansi XXIII, 553—558. Martène et Durand. *Concilium Tarragonense ob Waldenses haeret. celebratum.* Thes. nov. anecdot. V, 1795 и сс. *Doctrina de modo procedendi contra haereticos.* Ср. также Alanus въ ук. м. По рѣшеніямъ арагонскаго собора подозрѣваются въ ереси: *qui audit praedictionem vel lectionem Inzabbatatorum, vel qui flectit genua orando cum eis, vel qui dedit osculum eis, vel qui credit Inzabbatatos esse bonos homines, etc.* *Practica* 135, 138.

3) *Practica* 249.

4) Въ ук. м. 293.

анонима изъ Пассау, рассказываетъ слѣдующее¹⁾: „Они являются въ замки дворянъ въ качествѣ продавцовъ мелкаго товара. Они предлагаютъ матерію на платье, кольца и другія украшенія. А если ихъ спросятъ, нѣтъ ли у нихъ еще чего на продажу, они отвѣчаютъ: да, у меня имѣются еще большія драгоценности, и я дамъ вамъ ихъ, если вы не выдадите меня священникамъ. У меня есть драгоценный камень, посредствомъ котораго можно видѣть Бога, и другой—зажигающій въ сердцахъ любовь къ Богу. Затѣмъ они приводятъ слова священнаго писанія, показывающія истинно благочестивую жизнь, затѣмъ тѣ, въ которыхъ Господь изображаетъ жизнь фарисеевъ и книжниковъ“²⁾. Распространяя такимъ образомъ священное писаніе на языкъ страны, они гордятся тѣмъ, что ихъ братья и сестры знаютъ все священное писаніе наизусть, между тѣмъ какъ едва ли можно найти священника, который могъ бы сказать наизусть хотя бы одну главу. Это знаніе библіи достигается тѣмъ, что они ставятъ своимъ вѣрующимъ въ обязанность заучивать ежедневно нѣсколько заповѣдей, въ крайнемъ случаѣ: хотя бы одно единственное слово, и такимъ образомъ къ концу года заучивается уже болѣе трехъ сотъ словъ³⁾. Тотъ же свидѣтель⁴⁾ зналъ одного простаго крестьянина, могшаго сказать наизусть всю книгу Іова, и многихъ знавшихъ наизусть Новый Заветъ⁵⁾. Конечно, при этомъ не обходилось безъ недоразумѣній, которыя ученые теологи съ издѣвательствомъ подымали на смѣхъ. Одинъ вальденецъ будто бы перевелъ ев. Іоанна I, 11 „et sui eum pop gesserunt“ такъ: „и свиньи не приняли его“. Другой перевелъ слово псалма (67, 31) „incera ferae harundinis“ словами: „накажи звѣрей ласточки“. Также и названія ихъ: „псаломъ дѣвушки, псаломъ мести, псаломъ розъ“ возбуждали насмѣшки противниковъ. Но даже и они удивлялись учительскому рвенію perfecti; такъ, нашъ источникъ рассказываетъ объ одномъ вальденцѣ, который даже зимой переплывалъ каждую ночь холодную Ибсу, только чтобы пріобрѣсти для своей секты новыя души. Вообще же perfecti не занимаются инымъ трудомъ; если же они ведутъ какую-либо торговлю, то только для вида, чтобы не быть узанными и схваченными⁶⁾. Съ этой же цѣлью они по-

1) Preger въ ук. м. ст. 7. Max. Bibl. pp. XXV, 273.

2) Ср. сходное описаніе у Давида изъ Аугсбурга, ст. 33.

3) Contra Waldenses Maxima. bibl. pp. XXV, 264.

4) Maxima bibl. patr. XXV, 264.

5) Подобныя же примѣры Steph. de Borbone 308 и сл. и у минорита Давида изъ Аугсбурга, писавшаго между 1256 и 1272 гг. въ ук. м.

6) Practica 249.

ступаютъ въ братства монаховъ или клириковъ, чтобы лучше скрыться, ибо духовная одежда лучше всего прикрывала ихъ духовныя занятія ¹⁾. Несмотря на свою бѣдность, они охотно давали своимъ гостепримнымъ друзьямъ деньги или подарки или оказывали имъ услуги, чтобы такимъ образомъ заручиться для себя или для своихъ вѣрныхъ убожищемъ и чтобы тѣмъ вѣрнѣе совращать души. Они также посѣщаютъ церкви и проповѣди и вообще держатъ себя со вѣшной стороны во всемъ безупречно и не легко проговариваются неосторожнымъ словомъ. Они соблюдаютъ церковныя праздники и совѣтуютъ своимъ credentes дѣлать то же самое. Въ большинствѣ случаевъ они тогда стоятъ на колѣняхъ, наклонившись надъ скамейкой, и провозносятъ про себя тридцать, сорокъ разъ подъ рядъ единственную признаваемую ими, согласно евангелію, молитву—Отче Нашъ. И въ своемъ кругу также они читаютъ эту молитву до и послѣ ѣды, передъ сномъ и возставши отъ сна, до полудня и послѣ полудня. Другой же молитвы кромѣ Отче Нашъ у нихъ нѣтъ. Сочиненныя ими ритмы, которые они называютъ тридцатью ступенями святого Августина, они заставляютъ выучивать дѣтей, чтобы лучше запечатлѣть въ ихъ памяти свое ученіе ²⁾. Они не читаютъ Богородицы и символа вѣры, ибо они были введены римскою церковью, а не находятся въ евангеліи ³⁾. Однако у нихъ имѣются семь членовъ о Божествѣ и семь членовъ о человѣчествѣ, десять заповѣдей и семь дѣяній милосердія, составленныхъ ими самими ⁴⁾. Ими они гордятся и всегда готовы привести изъ нихъ свидѣтельство о своей вѣрѣ ⁵⁾. „На этомъ ихъ легко поймать, ибо,

1) Ср. также David von Augsburg, ст. 36.

2) David von Augsburg, ст. 35.

3) Practica 249.

4) Тамъ же 250.

5) Въ какой нибудь связи съ упомянутыми адѣсь десятью заповѣдями вальденцевъ находятся конечно десять заповѣдей барбовъ, опубликованныя Jean Leger, *histoire générale des Églises évangéliques des Vallées de Piémont*, Leyden, 1669. Tom. I, 198 и представляющія примѣръ того, какую форму приняли первоначальныя положенія основателя въ жизни позднѣйшихъ осѣдлыхъ общинъ. Эти заповѣди гласятъ: 1) non amar lo mont. 2) Fugir la mala consortia 3) Si ez possible aver paaz con tuit. 4) Non contendre en judici. 5) Non veniar si meseime. 6) Amar li ennemic. 7) Voler sostenir trabails, calomnias, menaças, riprovanças, vergognas, enjurias e totas generacions de torments par la verità. 8) Possesir las armas en patientia. 9) Non amenar joug com li non fidel. 10) Non communicar las malas obras e totalment à las sabent Idololatria, e del servici sentent zò meseime, e enaïmi de las autras. Изъ средневѣ-

если имъ приказать, чтобы они сказали *credo*, именно „Вѣрую во единого Бога Отца“ и т. д., то они отвѣчаютъ, что не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ ихъ никто этому не училъ“ ¹⁾. Передъ тѣмъ какъ сѣсть за ѣду они говорятъ: *Benedicite, Kyrie eleison, Christe eleison, Kyrie eleison, Pater noster* и др. Затѣмъ старшій говоритъ на простонарѣчьи: „Боже, благословившій пять хлѣбовъ и двѣ рыбы въ пустынѣ, благослови для своихъ учениковъ этотъ столъ, и все, что на немъ есть, и все, что на него подадутъ“, и онъ дѣлаетъ знаменіе креста, говоря: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь“. Послѣ же ѣды старшій говоритъ словами Апокалипсиса 7, 12: „благословеніе и слава, и премудрость, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ, аминь. Подай Господи справедливое вознагражденіе и хорошую награду всѣмъ, кто намъ благодѣтельствуетъ и насъ благословляетъ. Господи, подавшій намъ тѣлесную пищу, пошли намъ и духовную. Да будетъ Богъ съ нами и мы съ нимъ навсегда“. А остальные отвѣчаютъ: „Аминь!“ При этомъ они поднимаютъ къ небу сложенные руки. Когда они находятся въ вѣрномъ мѣстѣ и знаютъ, что слуги не подслушиваютъ за ними, тогда они проповѣдуютъ, научаютъ и увѣщываютъ также и на основаніи своего ученія. Иногда они совершали эти общія поученія, потушивши огонь, но на слѣдствіи объясняли всегда, что это дѣлалось для того, чтобы ихъ не могли увидѣть снаружи. При прощаніи они умоляютъ своихъ хозяевъ не выдавать ихъ капеланамъ, клирикамъ, монахамъ и инквизиторамъ, ибо эти люди арестуютъ ихъ. Преслѣдуетъ же ихъ римская церковь только за то, что они служатъ Богу, соблюдаютъ евангельское совершенство, подражая Христу и апостоламъ. Только потому, что истина и путь къ Богу извѣстны имъ лучше, чѣмъ капеланамъ, клирикамъ и монахамъ, эти и преслѣдуютъ ихъ. Но они обязаны стараться ускользнуть отъ несправедливыхъ преслѣдованій, ибо Христосъ сказалъ: „Если васъ будутъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой“ ²⁾.

Вальденцы не высказывали никакихъ особенностей кромѣ возбужденнаго молитвеннаго настроенія, простой одежды и удаленія отъ всякихъ общественныхъ увеселеній. Они ѣдятъ то же, что и другіе люди, постятся по понедѣльникамъ и средамаъ, когда желаютъ и могутъ, но употребленіе мяса не запрещено въ эти постные дни, по пятницамаъ же и въ Великій постъ они придержи-

ковой формы этихъ положеній слѣдуетъ заключить, что они стараго происхожденія; хотя въ частностяхъ и приноровлены къ позднѣйшимъ потребностямъ.

¹⁾ Practica 249, 250.

²⁾ Practica 250, 251.

ваются церковныхъ постановленій о постѣ, чтобы не возбудить толковъ, хотя они держатся того мнѣнія, что нѣтъ грѣха ѣсть мясо и въ эти дни, такъ какъ это нигдѣ не запрещено I. Христомъ ¹⁾).

И объ официальныхъ собраніяхъ ихъ вѣрующихъ, устраиваемыхъ *perfecti*, нашъ инквизиторъ рассказываетъ слѣдующее ²⁾. Какъ только *perfecti* или *Valdenses* приходятъ въ какое-нибудь мѣсто, ихъ приверженцы сообщаютъ другъ другу, что учителя пришли. Они собираются у дома, гдѣ эти послѣдніе нашли пристанище, чтобы послушать ихъ и поглядѣть на нихъ, посылаютъ имъ, что у самихъ имѣется хорошаго изъ ѣды и питья, и слушаютъ ихъ проповѣди на собраніяхъ, происходящихъ обыкновенно по ночамъ, когда другіе спятъ и покоятся. Но они не сразу выдаютъ тайну своихъ заблужденій, но сначала описываютъ словами евангелія и апостоловъ жизнь настоящаго ученика Христова, при чемъ повторяютъ старое арнольдистское положеніе, что истинными преемниками апостоловъ бываютъ только тѣ, кто подражаетъ имъ и ведетъ такую же жизнь, какъ они; изъ этого они заключаютъ, что папа и епископы и прелаты и клирики, обладающіе мірскими богатствами и не подражающіе святости апостольской, не могутъ быть истинными пастырями и руководителями церкви Божіей, но суть хищные волки, которымъ Христосъ не поручалъ своей церкви, и которымъ поэтому не слѣдуетъ повиноваться. Также они говорятъ, что нечистый не можетъ сдѣлать чистымъ другого, связанный не можетъ развязать другого, осужденный не можетъ оправдать другого, и тотъ, кто самъ находится на пути къ аду, не можетъ вести никого другого къ небу. Такимъ способомъ они унижаютъ священниковъ и епископовъ, чтобы возбудить къ нимъ ненависть, чтобы имъ перестали вѣрить и повиноваться. Вообще вальденцы сначала учатъ своихъ *credentes* тому, что хорошо и нравственно, при чемъ увѣщываютъ ихъ на добродѣтель и добрыя дѣла и призываютъ избѣгать пороковъ. Они говорятъ имъ, что человѣкъ не долженъ лгать, ибо тотъ, кто лжетъ, убиваетъ свою душу, какъ говоритъ писаніе; человѣкъ не долженъ дѣлать другимъ того, чего не желаетъ, чтобы другіе ему дѣлали. Они запрещаютъ, на основаніи евангелія, всякую клятву какъ смертный грѣхъ. Свое поученіе они подтверждаютъ текстами изъ евангелія или посланій Петра или Павла или Іакова, при чемъ они ссылаются „это взято

1) 248, 249. То же сообщеніе у Давида изъ Аугсбурга, ст. 22 сл.

2) *Practica* 251. То же описаніе у Давида изъ Аугсбурга, 30.

оттуда и оттуда“¹⁾. Или они говорят: „такой-то и такой-то святой говорить, такой-то и такой-то учитель пишет“, импонируя этимъ своимъ вѣрующимъ. При этомъ у нихъ есть евангеліе на простонарѣчїи и на латинскомъ языкѣ, который нѣкоторые изъ нихъ понимаютъ. Иные умѣютъ также читать и прочитываютъ то, о чемъ они говорятъ и проповѣдуютъ, другіе говорятъ безъ книги, преимущественно тѣ, которые не умѣютъ читать, но выучили свою рѣчь наизусть²⁾.

Главное занятіе странствующихъ вальденцевъ заключается въ исповѣдыванїи и успокоенїи душъ, давая имъ отпущеніе и накладывая на нихъ епитимїи, заключающїяся главнымъ образомъ въ постъ и прочитыванїи Отче Нашъ³⁾. Давать это отпущеніе, увѣряютъ вальденскіе настоятели, они имѣютъ такое же полномочіе отъ Бога, какъ и сами апостолы, ибо и они также посланы⁴⁾. То, что народъ такъ стремился къ ихъ отпущенію и такъ твердо вѣрилъ въ него, служить сильнѣйшимъ выраженїемъ недовѣрія его къ постоянному духовенству. Поэтому съ глубокой злобой сообщаетъ нашъ инквизиторъ, какъ вѣрующіе просятъ perfecti о молитвѣ, какъ ихъ утѣшенїи утѣшаютъ ихъ, какъ они ихъ цѣлуютъ, какъ они предъ ними благоговѣютъ, какъ они воображаютъ, что возложеніе ихъ рукъ можетъ спасти ихъ отъ всякой опасности⁵⁾. Получая отъ нихъ отпущеніе, они чувствуютъ себя очищенными отъ всякихъ грѣховъ, и поэтому исповѣдь и отпущеніе называютъ *melioramentum*, ибо черезъ этотъ актъ покаянїя они становятся лучше⁶⁾. Не всегда однако представляется случай исповѣдаться у странствующаго вальденца, поэтому *credentes* имѣютъ право и даже обязаны, согласно указанїямъ посланїя ап. Іакова, исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ между собою⁷⁾. Право же разрѣшать имѣетъ только *major omnium* и даже, по крайней мѣрѣ согласно свѣдѣнїямъ изъ нашего источника, пресвитеръ можетъ принимать только исповѣдь, но не давать окончательнаго разрѣшенїя⁸⁾. Такимъ образомъ съ теченїемъ времени и среди самихъ perfecti

1) Ст. 252.

2) Тамъ же 252.

3) 252.

4) 252.

5) *Practica* 224.

6) Тамъ же 133.

7) *Practica* 137.

8) *Practica* 137.

возникла рѣзко разграниченная іерархія, обнимающая, по Бернардо Гвидону три степени, извѣстныя и въ Новомъ завѣтѣ. Наружно они ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, посвященные же узнаютъ различныя степени по способу перекрещиванія башмачныхъ ремней ¹⁾. Епископъ, называемый также мајог оппінш, избирается пресвитерами и діаконами большинствомъ голосовъ. Послѣ единодушнаго выбора, совмѣстной молитвы и исповѣданія въ своихъ грѣхахъ, совершаемаго выбраннымъ сначала частнымъ образомъ, затѣмъ въ общей формѣ и передъ всей паствою, слѣдуетъ посвященіе. Его совершаетъ, если выдается случай, другой мајог, если же такового не имѣется, пресвитеръ. Произнося молитву Господню, онъ кладетъ на голову посвящаемому руку, и тотъ такимъ способомъ получаетъ Духа Святого. Затѣмъ всѣ присутствующіе діаконы и пресвитеры тоже кладутъ на его голову руки. Нашему рассказчику кажется особенно страннымъ, что при посвященіи въ епископы отсутствуютъ всякія формулы, символы, знаки достоинства, елей или священническіе знаки, одно простое рукоположеніе. Теперь этотъ епископъ имѣетъ право совершать таинства исповѣданія и причащенія, возвѣщать всюду евангеліе и уполномочивать пресвитеровъ принимать исповѣдь. Самъ мајог можетъ разрѣшать всѣ исповѣдуемые ему грѣхи, онъ можетъ освободить отъ части или отъ всего наказанія, что однако случается не часто. Но при отпущеніи онъ не говоритъ, какъ католическій паптеръ, *absolvo te*, но: „Богъ да разрѣшитъ тебѣ всѣ грѣхи, я же возлагаю на тебя въ раскаяніе за твои грѣхи и въ покаяніе до самой смерти молитву, постъ или то и другое“.

Пресвитера же посвящаютъ такъ: выбранному въ пресвитеры епископъ возлагаетъ, послѣ предварительной молитвы и исповѣданія въ грѣхахъ, руки на голову, а послѣ епископа остальные пресвитеры и присутствующіе, чтобы онъ получилъ Святого Духа. Этимъ рукоположеніемъ передается священническое достоинство. Посвященный такимъ образомъ пресвитеръ имѣетъ власть выслушивать исповѣдь въ грѣхахъ, но онъ не можетъ ни освобождать отъ наказаній, ни совершать евхаристію. Если бы умерли всѣ другіе епископы, что легко могло случиться во времена преслѣдованій, тогда онъ можетъ ординировать новаго епископа и пресвитера, ибо, такъ какъ пресвитеры и діаконы принадлежатъ къ числу тѣхъ, кто отказался отъ всего ради Христа, они стоятъ на одномъ ряду съ апостолами. Въ такихъ крайнихъ случаяхъ

1) 245.

даже простой вѣрующій имѣеть право совершать посвященіе со словами: „Всякій праведный есть пастырь“ 1).

Діаконы посвящаются такъ же, какъ и пресвитеры, и діаконы подобно имъ даютъ обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія. Діаконъ долженъ оказывать мажор'у или пресвитеру необходимыя услуги, но не имѣеть права исповѣдывать. „Такимъ-то образомъ“, говоритъ Бернардо Гвидонъ, „посвящаются въ священники, безъ знаковъ достоинства и символовъ, міряне и неученые или даже ученые, послѣ того только какъ они оказались надежными сектантами“. Но тотъ, кто не имѣеть ни одной изъ этихъ трехъ степеней, не принадлежитъ къ perfecti, а только къ credentes или amici 2). Что эти священники должны были давать обѣтъ не только бѣдности, но и цѣломудрія, было вполне послѣдовательно послѣ ожесточенной продолжительной полемики противъ нравовъ духовенства 3). Вѣрующимъ же, правда, рекомендовалось безбрачіе, но, если кто изъ нихъ заявлялъ, что не способенъ на это, то онъ, по совѣтамъ апостола, не принуждался къ целибату 4).

Кромѣ этого іерархическаго устройства имѣютъ силу и обыкновенныя священнодѣйствія. Святыя тайны раздавалъ или могъ раздавать всякій глава семьи, даже если онъ не принадлежалъ къ perfecti. Только однажды въ году, именно въ Великій четвергъ, совершалась евхаристія 5). Подъ вечеръ отецъ или другой какой глава семьи сзываетъ всѣхъ членовъ семьи, мужчинъ и женщинъ; столъ накрываютъ бѣлой скатертью, на которую ставятъ кубокъ съ хорошимъ, чистымъ виномъ и прѣсннй хлѣбъ. Затѣмъ глава семьи говоритъ присутствующимъ: „мы молимъ Бога, да не взыщетъ Онъ съ насъ за грѣхи наши и проститъ намъ наши преступленія, милосердія своего ради, и да исполнитъ наши справедливыя просьбы, милости своей ради. Скажемъ же семь разъ Отче нашъ во славу Божию и Святой Троицы, да исполнитъ Онъ наше прошеніе“. Затѣмъ, стоя на колѣняхъ, они говорятъ семь разъ Отче нашъ и затѣмъ встаютъ. Тогда священнодѣйствующій дѣлаетъ знаменіе креста надъ хлѣбомъ и кубкомъ и, разломивъ хлѣбъ, даетъ по кусочку каждому изъ присутствующихъ и затѣмъ даетъ каждому выпить изъ кубка. Во все это время они стоятъ на ногахъ 6). Этимъ

1) 247.

2) Practica 137, 138.

3) 137.

4) 249.

5) Ст. 247.

6) 247, 224.

кончается ихъ литургія, и они твердо убѣждены, что приняли такимъ образомъ тѣло Христово. Если остается что-нибудь отъ хлѣба и вина, они это прячутъ до Пасхи, когда и съѣдаютъ до конца. Большимъ же они даютъ въ теченіе года только освященный хлѣбъ и освященное вино. Таковъ, по свидѣтельству Бернардо Гвидона, былъ способъ освященія даровъ у вѣхъ вальденцевъ, пока не наступило ихъ раздѣленіе на ломбардскихъ бѣдныхъ людей и леонистовъ ¹⁾. Эти двѣ группы разошлись во взглядѣ на крещеніе дѣтей и на дѣйствительность такого вынужденнаго католическаго крещенія, какъ видно изъ преній на ихъ бергамскомъ соборѣ. Вообще же ихъ культъ, даже въ описаніи враждебнаго къ нимъ инквизитора; производитъ впечатлѣніе чего-то чрезвычайно достойнаго, напоминающаго времена апостоловъ, и только кое-гдѣ застѣнчиво, неувѣренно и почти трусливо рѣшается онъ дѣлать намеки на извѣстные, худые толки духовенства о сектантахъ ²⁾.

Нашъ инквизиторъ оказывается хорошо освѣдомленнымъ и относительно конвента старшинъ, которыхъ особенно усердно выслѣживала инквизиція ³⁾. Это собраніе старѣйшихъ происходило одинъ или два раза въ годъ, по большей части на какой-нибудь отдаленной мызѣ, которую они заранѣе потихоньку занимали черезъ посредство кого-нибудь изъ *credentes*. Тамъ они сходились какъ будто случайно, какъ если бы они были купцами, или имѣли иное какое дѣло въ данной мѣстности. На этихъ собраніяхъ прежде всего посвящались новые пресвитеры и діаконы. Среди нихъ распредѣлялись звѣтмъ области для работы, въ которыхъ уже имѣются *credentes* или *apici*, чтобы они, каждый въ своемъ округѣ, исповѣдывали, совершали молитвы и собирали подаянія. При этомъ странники сообщали о своихъ успѣхахъ, давали отчетъ въ поступившихъ доходахъ и въ истраченныхъ деньгахъ ⁴⁾ и передавали остатокъ ихъ въ общую кассу. Звѣтмъ старшій выдавалъ каждому то, въ чемъ онъ нуждался, ибо они при вступленіи въ общество отказались отъ личной собственности въ пользу общей кассы.

1) 247.

2) 248. Давидъ изъ Аугсбурга прямо признаетъ вальденцевъ виновными въ этихъ обвиненіяхъ, ст. 30 и 31. Напротивъ, Иннокентій III говоритъ о нихъ Бернарудо Примусу какъ объ очень распространенной молвѣ. *Mon. Germ. XXIII*, 396. *Ep. Inn. III, XIII, 94, XV, 137. Suspectum mulierum consortium.*

3) 249.

4) Ст. 249.

Бернардо Гвидонъ ¹⁾ утверждаетъ, что этотъ общій конвентъ имѣлъ главнаго представителя, называвшагося majoralis, на котораго слѣдуетъ смотрѣть какъ на папу вальденцевъ: дѣйствительно, самъ Вальдо заявилъ притязаніе на такое положеніе, но именно это притязаніе, какъ мы увидимъ, и вызвало главнымъ образомъ разрывъ между ломбардцами и леонистами, такъ что не можетъ быть рѣчи о постоянномъ вальденскомъ папѣ.

Когда въ позднѣйшей стадіи развитія ліонскихъ бѣдныхъ людей католическіе епископы упрекаютъ ихъ не только въ непослушаніи, но и въ ереси, то они съ большой энергіей выставляютъ на первый планъ то, что вальденцы находятся въ пагубнѣйшемъ заблужденіи относительно духовнаго права вязать и разрѣшать грѣхи ²⁾. Не будучи ни клириками, ни священниками и не получивши посвященія отъ епископа, а будучи простыми неслѣдующими мірянами, они исповѣдуютъ, налагаютъ епитиміи и даютъ отпущеніе, не останавливаясь передъ тѣмъ, что церковь требуетъ, чтобы христіанинъ исповѣдывался своему собственному священнику, и что въ церкви нѣтъ истиннаго покаянія и отпущенія грѣховъ ³⁾. Они же напротивъ отрицаютъ право папы вязать и разрѣшать, потому что онъ не истинный послѣдователь Петра и поэтому не имѣетъ власти исключать кого-либо изъ общенія со Христомъ ⁴⁾. Вообще папа не имѣетъ будто никакой надъ ними власти, а также и епископы ⁵⁾. Напротивъ, они увѣряютъ, что одни они уполномочены Богомъ отпускать грѣхи. Также они отрицаютъ, что хлѣбъ и вино становятся тѣломъ и кровью Христовой, если мессу совершалъ грѣховный священникъ: грѣшникомъ же они считаютъ всякаго, не принадлежащаго къ ихъ сектѣ ⁶⁾. Также они отвергаютъ всѣ каноническія положенія, декреты, учрежденія, постановленія о постахъ и предписанія отцовъ церкви ⁷⁾, а также всѣ степени римской іерархіи, ибо все это основано только на человѣческихъ преданіяхъ, а не на словѣ писанія ⁸⁾. Богомъ установлены только епископскій, пресвитерскій и діаконскій саны, всѣ другіе суть измышленія человѣческаго высокоумія

¹⁾ Ст. 248.

²⁾ 134.

³⁾ 134. 135. 246. 224.

⁴⁾ 134.

⁵⁾ 133. 134.

⁶⁾ 246.

⁷⁾ Ст. 246.

⁸⁾ 248.

Принужденные отрицать исключительное право папы вязать и разрѣшать, они пришли и къ вопросу, поскольку вообще обосновано писаніемъ ученіе о чистилищѣ, относительно котораго папа присваиваетъ себѣ исключительную власть? Такъ какъ они этого ученія не находятъ нигдѣ въ словѣ Божіемъ, то они утверждаютъ¹⁾, что души, по разлученіи съ тѣломъ, попадаютъ непосредственно въ рай, если онѣ спасены, и въ адъ, если онѣ осуждены, и что для душъ не существуетъ еще третьяго мѣстопребыванія, иного кромѣ неба и ада. Но съ этимъ вмѣстѣ отпадаетъ и мысль, что ходатайства церкви могутъ быть чѣмъ-либо полезны душамъ умершихъ. Тѣ, кто на небесахъ, не нуждаются въ нихъ, а для тѣхъ, кто въ аду, нѣтъ спасенія. Поэтому ходатайства церкви, приношенія и заупокойныя обѣдни суть одинъ обманъ народа и измышленія своекорыстія²⁾, бесполезныя для мертвыхъ и полезныя только для кошелька священниковъ³⁾. Но съ заступничествомъ церкви отпадаетъ и заступничество святыхъ. Святые въ небесахъ не внимаютъ ни молитвамъ вѣрующихъ, ни почитанію, оказываемому паствой ихъ образамъ. Они не ходатайствуютъ за насъ, поэтому намъ незачѣмъ молить ихъ о заступничествѣ⁴⁾. Они не помогаютъ выйти изъ чистилища, ибо чистилища нѣтъ, а чистилищемъ является эта жизнь, въ которой мы должны очиститься для вѣчнаго блаженства. Поэтому тамъ, гдѣ вальденцевъ не принуждаетъ къ этому сосѣдство католиковъ, они пренебрегаютъ чтить дни и изображенія святыхъ и, если могутъ сдѣлать это незамѣтно, работаютъ въ праздники святыхъ; они признаютъ только праздники Богородицы, апостоловъ и евангелистовъ. Однако, чтобы не запугать вѣрующихъ, они не всѣмъ сообщаютъ эти взгляды, составляющіе скорѣе тайное ученіе perfecti. Но съ поклоненіемъ святымъ связана вѣра въ чудеса. „Такъ какъ они сами не совершаютъ чудесъ“, говоритъ Бернардо Гвидонъ, „то они утверждаютъ, что чудесъ, совершающихся въ церкви черезъ заслугу и заступничество святыхъ, не существуетъ. Ибо никто изъ нихъ конечно не видалъ чуда“⁵⁾. Дѣйствительно, это представляетъ пунктъ, въ которомъ секта далѣе всего вышла за предѣлы средневѣковаго міра, міра чудесъ. Можно почти предположить, что тутъ воздѣйствовали черезъ посредство арнольдистовъ нѣкоторыя идеи Абе-

1) 252. 247. 135.

2) 252. 135.

3) 247. Также у Давида изъ Аугсбурга ст. 28.

4) Ст. 248.

5) Тоже у Давида изъ Аугсбурга въ ук. м. ст. 27.

ляра, и это предположеніе еще подтверждается, когда мы читаемъ въ упомянутомъ нами донесеніи изъ епархіи Пассау, въ которомъ Арнольдъ въ свое время работалъ лично, описаніе тамошняго вальденства, которое, должно быть, одинаково близко стояло и къ арнольдистской полемикѣ и къ изъясненіямъ Абеляра. Упомянутый уже выше священникъ епархіи Пассау, часто присутствовавшій при инквизиціи противъ сектантовъ, сообщаетъ, опираясь на свой служебный опытъ, въ чемъ вальденцы упрекаютъ католическую церковь, и онъ находится не въ такомъ положеніи, чтобы обличить ихъ рассказы въ лжи ¹⁾). Прежде всего, говорятъ онъ, они указываютъ на развращенность духовенства, которую церковь старается прикрыть тѣмъ, что говоритъ народу, что священникъ, какъ только надѣваетъ бѣлое священническое одѣяніе, становится чистъ, какъ ангелъ. Такъ какъ опытъ показалъ имъ, что исповѣдальня дѣйствуетъ прямо таки развращающимъ образомъ, то они имѣютъ собственныхъ „духовныхъ отцовъ“. Они отвергаютъ католическія таинства, ибо они раздаются за деньги, а месса есть въ сущности одна болтовня. Во время крещенія священники предлагаютъ вопросы на латинскомъ языкѣ, которыхъ и сами не понимаютъ. Къ этому еще народъ обманываютъ мнимыми чудесами. Заставляютъ образа точить кровь, слезы, миро, свѣчи зажигаться съ неба, заставляютъ людей представляться больными, чтобы потомъ излѣчивать ихъ въ церкви. Обманываютъ паству и фальшивыми мощами, показываютъ реликвіи ангеловъ или капли пота Христа или молоко Пресв. Дѣвы Маріи и выдаютъ кости быковъ за реликвіи святыхъ ²⁾). Такимъ образомъ во время слѣдствія надъ вальденцами пассаускій священникъ самъ пришелъ къ убѣжденію, что многія жалобы еретиковъ весьма основательны. Но всякій вспомнить, что это тѣ же возраженія, которыя Абеляръ дѣлаетъ святому Норберу и его помощнику Фарзиту, а его ученикъ Беренгаръ святому Бернару. Такими-то извилистыми тропинками проникли идеи философа изъ Пале къ крестьянамъ пассауской епархіи.

Противодѣйствіе церкви этому возрожденію арнольдистской оппозиціи становилось очевидно тѣмъ страстнѣе, чѣмъ сильнѣе и упорнѣе становился съ каждымъ десятилѣтіемъ противникъ. Жестокія постановленія веронскаго собора 1184 г. были еще усилены законами противъ еретиковъ четвертаго латеранскаго собора 1215 г., а потомъ къ этому прибавилось еще новое усиленіе

¹⁾ Напечатано у Прегера въ ук. м. 64 сл. Іезуитъ Гретзеръ благо- разумно выпустилъ это мѣсто въ Max. Bibl. XXV.

²⁾ Прегеръ въ ук. м. ст. 45.

кровавыхъ мѣръ въ эдиктахъ Фридриха II. Подъ такимъ тяжелымъ гнетомъ инквизиціи благонамѣренные евангелисты большой дороги превратились въ скрытныхъ членовъ тайныхъ обществъ, а въ постоянной борьбѣ съ епископами и инквизиторами выработался способъ веденія войны, находящійся, положимъ, въ противорѣчій съ лозунгомъ вальденцевъ: „да будетъ ваше слово да, да и нѣтъ, нѣтъ“, но вполне понятный при такомъ положеніи дѣла. Преслѣдуемые оказываются искусными въ уверткахъ, двусмысленныхъ объясненіяхъ и выраженіяхъ и, по выраженію Бернардо Гвидона: *valde difficiles ad examinandum propter fallaces et duplicitates verborum* ¹⁾. Чрезвычайно жизненно описаль намъ инквизиторъ обыкновенный ходъ такого допроса вальденцевъ. Такъ какъ сектантъ долженъ былъ быть постоянно наготовѣ попасть въ такое положеніе и, можетъ быть, уже счастливо вынесъ раньше нѣсколько допросовъ, то онъ ведетъ себя очень умно. Онъ входитъ съ безпечнымъ видомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно чиста ²⁾. (*Venit quasi intrepidus et quasi nullius mali sibi conscis et securus*). На вопросъ, знаетъ ли онъ, почему его призвали на допросъ, онъ спокойно и весело отвѣчаетъ: „Нѣтъ, господинъ, это я желалъ бы узнать отъ васъ!“ Когда его спрашиваютъ, какова его вѣра, онъ отвѣчаетъ: „Я вѣрую во все, во что долженъ вѣровать добрый христіанинъ“. Когда же его спросятъ, кого онъ считаетъ добрымъ христіаниномъ, онъ отвѣчаетъ: „того, кто вѣруетъ согласно ученію святой церкви“. Когда далѣе спрашиваютъ, что онъ подразумѣваетъ подъ святой церковью, онъ отвѣчаетъ вопросомъ: „Господинъ, а какую церковь считаете вы святой?“ Если ему отвѣчаютъ: римскую, во главѣ которой стоитъ папа, а за нимъ прелаты, то онъ отвѣчаетъ: „Это думаю и я“, про себя же онъ прибавляетъ: „Что ты такъ думаешь“. Когда его спрашиваютъ по отдѣльнымъ статьямъ: о воплощеніи, воскресеніи, вознесеніи, то онъ живо отвѣчаетъ: „Въ это я твердо вѣрую“. Когда же его спрашиваютъ, пресуществляетъ ли священникъ во время мессы хлѣбъ въ истинное тѣло Христово, то онъ говоритъ уклончиво: „Развѣ мнѣ не слѣдовало бы въ это вѣровать?“ Если же инквизиторъ настаиваетъ, говоря, я не спрашиваю, долженъ ли ты въ это вѣровать, а вѣруешь ли ты, то онъ говоритъ: „Я вѣрую въ то, во что мнѣ велите вы

¹⁾ Ту же жалобу высказываетъ Давидъ изъ Аугсбурга, учитель Бертольда. Ср. Preger, David v. A. München. 1878. 24 сл.

²⁾ Practica. 252. То же описаніе у Давида изъ Аугсбурга ст. 49 § 43 и у анонима изъ Пассау Max. Bibl. XXV, ст. 266. гл. VI. 271 гл. VII.

и другіе хорошіе учителя“. На это ему говорятъ: „Тѣ хорошіе учителя, которымъ ты хочешь вѣрить, суть учителя твоей секты, и, если я согласенъ съ ними, тогда ты мнѣ вѣришь, а иначе нѣтъ“. Тогда онъ говоритъ: „И вамъ я вѣрю охотно, если вы учите меня тому, что для меня хорошо“. Отвѣтъ: „Ты считаешь хорошимъ то, что тебѣ сказали твои учителя, но отвѣчай прямо: вѣруешь ли ты, что на алтарѣ находится тѣло Христово? Тогда онъ быстро отвѣчаетъ: „Я вѣрю въ это“, но при этомъ думаетъ, что вообще всѣ тѣла принадлежать къ тѣлу Христову. Если же его спросятъ, есть ли освященная жертва то же тѣло, которое родила Дѣва Марія, которое было распято на крестѣ и вознеслось на небо, то вмѣсто отвѣта онъ спрашиваетъ: „А развѣ вы въ это не вѣруете?“ Если я говорю: „конечно, я въ это вѣрую“, то онъ говоритъ: „И я вѣрую въ это“, но при этомъ думаетъ, что вы въ это вѣруете. Если же уличаютъ его въ двуязычїи, то онъ возражаетъ съ видомъ обиженнаго: „Если все, что я говорю, вы желаете представлять иначе, а не разумно и просто, то я ужъ и не знаю, что мнѣ отвѣчать. Я простой человѣкъ, безъ научнаго образованія, не ловите меня на словахъ“. „Такъ и отвѣчай же просто“, говорятъ ему тогда, „и безъ задней мысли“. „Охотно“, отвѣчаетъ онъ. Тогда его спрашиваютъ: „Можешь ли ты поклясться, что ты никогда не учился ничему, направленному противъ вѣры, въ которой мы наставлены и которую считаемъ истинной?“¹⁾ При вопросѣ: „Можешь ли ты поклясться“, онъ впервые блѣднѣетъ. Одно изъ вальденскихъ положеній заключается именно въ томъ, что І. Христосъ запретилъ клятву. Поэтому каноническое право давно уже постановило, что всякій, отказывающійся произнести клятву передъ духовнымъ судомъ, долженъ eo ipso считаться еретикомъ²⁾. Поэтому онъ отвѣчаетъ уже нѣсколько менѣе твердо: „Если я долженъ клясться, я охотно поклянусь“. Отвѣтъ: „Дѣло не въ томъ, долженъ ли ты, а въ томъ, желаешь ли ты?“ Онъ возражаетъ: „Если вы мнѣ велите поклясться, я поклянусь“. Тогда я говорю: „Я не принуждаю тебя клясться. Ибо, такъ какъ ты думаешь, что запрещено клясться, то ты сложивъ грѣхъ на меня“. Тогда онъ говоритъ: „Зачѣмъ же я буду клясться, если вы мнѣ этого не велите?“ „Для того“, отвѣчаю я, „чтобы очистить себя отъ подозрѣнія, которое на тебѣ тяготѣетъ, что ты вальденецъ, считающій, что всякая клятва запрещена“. Тогда онъ спрашиваетъ, что долженъ онъ говорить при клятвѣ? Отвѣтъ: „Клянись, какъ

¹⁾ Ст. 252. 253. Ср. Max. Bibl. XXV, 274. гл. IX.

²⁾ 134. См. David von Augsburg ст. 35. 41.

умѣешь“. На это онъ возражаетъ: „Я не знаю какъ, если вы мнѣ не скажете“. „Ну“, возражаю я, „если бы я долженъ былъ клясться, то я, поднявши одну руку и положивъ другую на евангеліе, сказалъ бы: „Клянусь святымъ евангеліемъ Божиимъ, что я не учился и не вѣровалъ ничему, что противно истинной вѣрѣ, которую исповѣдуетъ римская церковь“. И теперь еще онъ будетъ, подъ видомъ смущенія и волненія, пытаться переставить слова такъ, чтобы они не представляли прямого увѣренія, будетъ вставлять или выпускать или измѣнять слова или будетъ говорить что-нибудь другое, что онъ не еретикъ, помощью Бога и святого евангелія. Если его затѣмъ спросятъ, убѣжденъ ли онъ, что онъ дѣйствительно поклялся, онъ отвѣчаетъ: „Вы же слышали“. Когда же они видятъ, что присутствующіе берутъ ихъ сторону и считаютъ ихъ простыми, ограниченными людьми, то они еще начинаютъ плакать и жалобиться и давать инквизиторамъ хорошія обѣщанія, чтобы отклонить ихъ отъ дѣла: „Если я въ чемъ прегрѣшилъ“, говорятъ они, „я охотно готовъ нести покаяніе, только снимите съ меня этотъ позоръ, въ которомъ я невиновенъ, и который на меня наговоренъ злонамѣренными людьми“. Если же онъ наконецъ соглашается произнести недвусмысленную клятву, то слѣдуетъ ему сказать: „Я знаю, что вы имѣете право въ такомъ крайнемъ случаѣ дать извѣстное число клятвъ, но я не удовольствуюсь ни десятью, ни сотнею клятвъ, но заставляю все снова клясться, и кромѣ того я имѣю свидѣтелей, противъ которыхъ твои клятвы не помогутъ. Слѣдовательно, ты совѣмъ бесполезно запятнаешь свою совѣсть, такъ какъ все равно не выпутаешься“. Часто случалось, что отъ страха многіе признавались въ своихъ заблужденіяхъ, надѣясь спастись; другіе же въ этихъ случаяхъ заявляли, что, если имъ надо клясться безъ конца, такъ лучше они совѣмъ не будутъ клясться, ибо считаютъ всякую клятву грѣхомъ. Если такого спросятъ, почему раньше онъ готовъ былъ клясться, онъ отвѣчаетъ, я хотѣлъ однимъ грѣхомъ спасти мою жизнь, а затѣмъ наложить на себя за этотъ грѣхъ необходимое покаяніе ¹⁾.

Такимъ-то способомъ немилосердный охотникъ на еретиковъ преграждалъ преслѣдуемой имъ дичи всякій выходъ, и самъ пылаетъ охотничьей страстью, поучая младшихъ, какъ надо вести ихъ кровавое ремесло ²⁾. Но, когда такой несчастный дѣлалъ признаніе, то этимъ его мучительный допросъ далеко

¹⁾ 257.

²⁾ Давидъ изъ Аугсбурга еще немилосерднѣе и пожалуй суровѣе, чѣмъ Бернардо Гвидонъ. Ср. ст. 42 се.

еще не кончался; теперь ему ставят вопросы, отъ кого онъ заразился ересью, съ кѣмъ онъ былъ знакомъ, какія мѣста посѣщаль онъ въ послѣдніе годы, гдѣ онъ въ каждомъ мѣстѣ останавливался, съ какими людьми входилъ онъ тамъ въ сношенія? Раскаивающемуся прямо говорятъ, что его возвращенію къ истинной церкви до тѣхъ поръ не повѣрятъ, пока онъ не выдастъ всѣхъ своихъ товарищей по еретичеству ¹⁾. Тогда во всѣ мѣста, въ которыхъ онъ признается, что останавливался, посылаются немедленно легіоны инквизитора, и ужасный процессъ снова вспыхиваетъ въ сотнѣ мѣстѣ.

Если не удалось изобличить виновнаго на первомъ допросѣ, то его отправляютъ въ тюрьму, гдѣ онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ протомиться цѣлые годы. Такихъ нѣмецкій инквизиторъ Давидъ Аугсбургскій ²⁾ рекомендуетъ доводить до сознанія угрозами смерти, или обѣщать имъ помилованіе, если они признаютъ обвиненіе руге и выдадутъ другихъ; или онъ совѣтуетъ запугать ихъ, что имѣются противъ нихъ свидѣтели, и что, если они будутъ осуждены на основаніи показаній этихъ свидѣтелей, то они уже не могутъ рассчитывать ни на какое помилованіе ³⁾. Въ крайнемъ случаѣ ихъ морятъ голодомъ, чтобы ослабить ихъ силу сопротивленія, но ни въ какомъ случаѣ къ нимъ нельзя допускать извнѣ посѣтителей, могущихъ возбуждать ихъ къ упорству. Только вѣрующіе и благоразумные посѣтители получаютъ доступъ, такіе, которые возбуждаютъ въ нихъ надежду на помилованіе, если они сознаются въ своемъ грѣхѣ и выдадутъ другихъ. Инквизиторъ приводитъ даже дословно тѣ льстивые вопросы, которыми эти посредники должны соблазнять заключеннаго. Если обработанный такимъ способомъ смягчился, то его снова выводятъ, причемъ нѣмецкій инквизиторъ снова предупреждаетъ вести дѣло хитро, чтобы звѣря, сдѣлавшагося довѣрчивымъ, не загнать снова въ его берлогу. Кто пожелаетъ познакомиться съ извращеннымъ сердцемъ фанатика, съ его коварной злобой, пусть прочтетъ эти указанія ⁴⁾.

1) David v. Augsburg стр. 40.

2) S. 43 сл.

3) Относительно свидѣтелей Давидъ изъ Аугсбурга, ст. 45 № 38, говоритъ: *Sicut contra reum lex majestatis admittuntur pro testimonio alii criminosi, ita hereticus contra hereticum potest testificari, vel periurus vel alius criminosus, in testimonium criminis et favorem fidei christianae.*

4) David von Augsburg, стр. 44.

Конецъ всего судопроизводства всегда одинъ и тотъ же. Одни послѣ тысячи мученій очищаютъ себя отъ подозрѣній торжественной клятвой, но они постоянно остаются подъ наблюденіемъ инквизиціи, и, если на нихъ снова падетъ подозрѣніе, они отравляются, какъ бы они ни клялись, на костеръ. Или они сознаются. Тогда, если ихъ преступленіе легко, на нихъ возлагается тяжелая епитимія, имъ нашиваютъ на платье желтый еретическій крестъ, и достаточно, чтобы они сняли этотъ крестъ, чтобы ихъ подвергнуть заключенію снова и уже окончательно. Волѣ тяжелые преступники иногда обращаются на истинный путь и даютъ клятвенное отреченіе, тогда они остаются на всю жизнь въ тюрьмѣ; иные остаются твердыми, несмотря на всѣ мученія и многолѣтнее слѣдствіе и угрозы; эти кончаютъ на кострѣ. Инквизиторы же зорко слѣдятъ за тѣмъ, кто повидимому сожалѣетъ объ ихъ смерти. Тотъ, кто отрицаетъ приговоръ, избѣгаетъ сношеній съ доносчиками, неприязненно смотритъ на инквизиторовъ или передаетъ погребенію останки погибшихъ на кострѣ, тотъ находится подъ тщательнымъ надзоромъ и призывается на судъ, какъ только являются новыя подозрѣнія ¹⁾.

Таково было положеніе дѣла еще при жизни Вальдо, тогда какъ ученіе приняло тотъ видъ, какой предполагаетъ Бернардо Гвидонъ, только уже въ слѣдующія десятилѣтія ²⁾. Какъ самъ Вальдо справился съ преслѣдованіемъ, до насъ не дошло. Объ его дальнѣйшей жизни мы имѣемъ только скудныя извѣстія въ упомянутомъ уже посланіи италіанскихъ бѣдныхъ людей „къ ихъ братьямъ и сестрамъ, друзьямъ и подругамъ, живущимъ благочестиво по ту сторону Альпъ“. Братьевъ по вѣрѣ, къ которымъ направлено это обращеніе, слѣдуетъ искать въ епархіи Пассау ³⁾, написавшіе посланіе принадлежали къ ломбардцамъ. Посланіе было написано десятью представителями италіанскихъ бѣдныхъ людей къ ихъ странствующимъ братьямъ и сестрамъ, а также и къ нѣмецкимъ осѣдлымъ друзьямъ и подругамъ по поводу собора ихъ секты, состоявшагося въ Бергамо въ маѣ 1218 г. Изъ него явствуетъ, что Вальдо умеръ незадолго передъ тѣмъ, но что онъ къ концу своей дѣятельности находился въ жестокихъ несогласіяхъ съ ломбардской вѣтвью своей секты. Въ то время какъ ліонскіе бѣдные люди,

¹⁾ David v. Augsburg стр. 42.

²⁾ Наконецъ вальденство, описываемое анонимомъ изъ Пассау (Max. Bibl. XXV), не оставляетъ незатронутымъ почти ни одного римскаго церковнаго обряда.

³⁾ Preger, Waldesier, стр. 43 сл.

которых ломбардцы называютъ ультрамонтанами, остались и послѣ его смерти его приверженцами, ломбардцы должно быть отлучили его, ибо даже послѣ его смерти они оспариваютъ его блаженство. Тамъ говорится также объ италіанскихъ братьяхъ, исключившихъ французовъ, и о французскихъ, исключившихъ ломбардцевъ, изъ чего видно, что союзъ не отличался особеннымъ миролюбіемъ. Какъ на главный пунктъ спора посланіе десяти ломбардцевъ указываетъ на вопросъ, можно ли считать Вальдо безусловно блаженнымъ, или нѣтъ? Лионскіе бѣдные люди на это отвѣчаютъ: „Мы говоримъ, что Вальдо находится у Бога въ раю“, и непремѣннымъ условіемъ возобновленія общности съ италіанскими братьями они ставятъ признаніе блаженства общаго основателя. Ломбардцы же, видящіе въ признаніи блаженства Вальдо отказъ отъ ихъ прежняго осужденія усопшаго, предлагаютъ только условное признаніе: если Вальдо и другой глава секты, Виветь, достаточно заслужили у Бога за всѣ свои прегрѣшенія и ошибки, тогда они пожалуй могутъ быть блаженны. Изъ того, что даже послѣ смерти Вальдо его ломбардскіе братья по вѣрѣ питали къ нему такую злобу, слѣдуетъ заключить, что внутри секты были жестокія несогласія, и что для полнаго совпаденія его жизни съ апостольскою присоединились и опасности отъ лжебратій (2 Кор. 11, 26), какія испыталъ когда-то Павелъ.

Причины такого разрыва, согласно упомянутому посланію, лежали прежде всего въ вопросѣ о предстоятельствѣ. Вальдо, сообщаютъ ломбардцы, не желалъ, чтобы при его жизни или послѣ его смерти кто-либо былъ *graepositus* оумъ какъ у италіанскихъ, такъ и у ультрамонтанскихъ братьевъ. Изъ этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что Вальдо желалъ демократическаго, а не іерархическаго устройства бѣдныхъ людей, но и изъ свидѣтельства отъ 1250 г. ясно видно ¹⁾, что Вальдо заявилъ притязаніе на высшую власть по сю и по ту сторону горъ, ибо одинъ ломбардскій учитель, по имени Тома, аргументируетъ такъ: „Каждый членъ общины могъ передать Вальдо свое право руководить самимъ собою. Такъ же точно и цѣлая община или совокупность всѣхъ общинъ могла передать Вальдо руководство всѣми и передала ему его. На основаніи этого права они избрали его священникомъ и прелатомъ надъ всѣми“. Эта аргументація авалогична аргументаціи монашеской общины, въ которой тоже каждый отдѣльный членъ отказывается отъ своей воли въ пользу главы. По примѣру другихъ орденскихъ началь-

¹⁾ *Moneta Cremonensis adversus Catharos et Valdenses libri quinque.* Ed. Richinus. Rom. 1743. сл. 403. У Препера ст. 19.

никовъ и Вальдо захватилъ въ свои руки весь авторитетъ и не хотѣлъ дѣлиться имъ ни съ кѣмъ. Но для ломбардцевъ, въ отечествѣ которыхъ церковный авторитетъ былъ распатанъ въ корнѣ, подобныя религіозныя ассоціаціи не представляли ничего новаго, и тамъ со времянь Патаріи хорошо были знакомы съ аскетической общинной жизнью, а потому и возстали противъ монархическаго правленія Вальдо, не принимавшаго въ расчетъ ихъ особенностей, и, даже когда, со смертію Вальдо, и у самихъ ультрамонтанъ прекратилось это папство нищихъ, все же разрывъ не могъ быть устраненъ, ибо ненависть ломбардцевъ противъ отца ліонской общины была непримирима.

Другія несогласія относились къ вопросу о причастіи. Вальдо, желавшій остаться въ лонѣ церкви и смотрѣвшій сначала на своихъ братьевъ какъ на странствующихъ помощниковъ церковнослужителей, какими впоследствии являются нищенствующіе ордена, не колебался принимать причастіе изъ рукъ католическихъ священниковъ. Его ученики оправдывали этотъ обычай тѣмъ, что не личность священника, а произнесеніе словъ писанія обуславливаетъ претвореніе хлѣба и вина, и отъ него зависитъ благодать. Но они также говорятъ, что никто, будь онъ добрый или злой, не можетъ вызвать претвореніе, одинъ только І. Христосъ совершаетъ это чудо. На основаніи этой точки зрѣнія Вальдо могъ позволить своимъ приверженцамъ принимать причастіе католической церкви. Онъ также держался утѣшительныхъ словъ Августина: „Богъ вѣренъ, онъ ужъ сдѣлаетъ это“. Среди же ломбардцевъ твердо держалось ученіе Арнольда во всей его рѣзкости, что всѣ таинства нечестивыхъ недѣйственны. Поэтому ломбардцы стремились имѣть собственное духовенство, и они съ большой горечью возражаютъ на шаткую теорію французовъ, что изъ ихъ ученія вытекаетъ, что таинство евхаристіи можетъ быть совершаемо не только мірянами и нечестивыми, но также и женщинами и блудницами, какъ это допускается уже въ крайнемъ случаѣ для крещенія. Но изъ упомянутаго посланія мы узнаемъ, что италіянскіе бѣдные люди сами сначала раздѣляли умѣренное мнѣніе французскихъ учениковъ Вальдо; только на родинѣ Арнольда они перешли къ болѣе рѣзкому взгляду арнольдистовъ, а для оправданія такой перемѣны убѣжденій они ссылаются на то, что они должны были сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: „Когда я былъ ребенкомъ, я говорилъ какъ дитя и имѣлъ разумъ дитяти и дѣтскія выдумки. Но ставши мужемъ я сбросилъ все дѣтское“. Они и теперь не противорѣчатъ мнѣнію ліонскихъ братьевъ, что претвореніе хлѣба и вина совершаютъ не священники, а Богъ по молитвѣ священниковъ, но они оправдываютъ свою арнольдо-патарейскую точку зрѣнія тѣмъ, что Богъ

не внимаетъ молитвѣ нечестиваго, чѣмъ опровергается опять вся уступка.

Также относительно крещенія они, какъ о нихъ сообщаютъ, заявляли, что дѣти, крещенныя священниками римской церкви, не могутъ спастись ¹⁾. Непремѣннымъ слѣдствіемъ этого было, что они сами совершали крещеніе, ибо въ томъ, что крещеніе дѣтей необходимо, французскіе и ломбардскіе бѣдные люди были согласны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ передовыхъ людей ²⁾. Напротивъ, соборованіе они совершенно отрицаютъ, ибо оно представляетъ скорѣе отлученіе отъ церкви, чѣмъ таинство ³⁾. Подобный же споръ вертѣлся и вокругъ обязательности исповѣди, которую ученики Вальдо признавали, ломбардцы же и въ этомъ настаивали на свободѣ, провозглашенной Арнольдомъ изъ Брешии. Сначала и италіанскіе братья ходили на исповѣдь, теперь же они стали говорить: „послѣ того какъ истины священнаго писанія сдѣлались извѣстными, мы не можемъ уже въ это вѣровать, и мы не хотимъ исповѣдываться, если бы даже вальденцы и стали насъ въ этомъ неволить“.

Третій спорный пунктъ касался вопроса: должны ли проповѣдники, а таковыми были всѣ дѣятельные члены секты, зарабатывать себѣ пропитаніе работой, или нищенствомъ въ дружескихъ семьяхъ. Вальдо держался конечно послѣдняго мнѣнія, что доказалъ на дѣлѣ при первомъ же выступленіи на проповѣдь въ Лионѣ. Въ спорѣ съ ломбардцами онъ заявилъ, „что онъ только тогда примирится съ италіанскими бѣдными людьми, когда они распустятъ рабочіе союзы“. Такъ какъ въ отлучительной буллѣ Люція III въ 1184 г. говорится о „гумиліатахъ или лионскихъ бѣдныхъ людяхъ“, слѣдовательно обѣ партіи разсматриваются какъ одна секта, то ясно, какіе рабочіе союзы имѣлъ Вальдо въ виду. Гумиліаты, какъ мы видѣли раньше, были религіозные союзы мірянъ ⁴⁾. Ихъ уставъ обязывалъ ихъ къ артельной ручной

1) Ср. Disputatio inter Catholicum et Paterinum haeticum у Martène и Durand, thesaurus nov. anecdot. V, 1754 сл. Pauperes Lombardi credunt quod malus sacerdos non possit consecrare corpus Christi, nec Deus ad preces illius... item, quod pueri baptizati a sacerdotibus ecclesiae Romanae non salvantur.

2) Давидъ изъ Аугсбурга рассказываетъ о вальденцахъ, отрицавшихъ крещеніе дѣтей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и позднѣйшіе баптисты. Въ ук. м. 27.

3) Тамъ же, ст. 27. Ср. David de inquisitione haeticorum. у Дэллингера, Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters. 2, 315. Martène, thes. V. 1779. Tractatus de haeresi pauperum de Lugduno.

4) Otto Morena ad an. 1159 Mon. G. S. S. XXVI, 611. Прегеръ въ ук. м. 32.

работѣ, именно они зарабатывали пропитаніе тканьемъ шерстяныхъ матерій. Поэтому понятна жалоба Вальдо на то, что италіанскіе братья дозволяютъ рабочіе союзы, вмѣсто того, чтобы жить исключительно возвѣщеніемъ евангелія. Слѣдовательно въ тѣ времена гумиліаты соединились съ ломбардскими вальденцами, а также съ оставшимися арнольдистами. Позднѣе, правда, вновь наступилъ разрывъ. Когда Иннокентію III удалось вернуть часть вальденцевъ въ лоно церкви въ видѣ католическихъ бѣдныхъ людей, тогда и гумиліаты вернулись его стараніями въ католическую церковь. Папская же подтвердительная булла отъ 12 іюня 1201 г. прямо ссылается на плохую славу гумиліатовъ какъ еретиковъ. Однако не только папа, но и Вальдо порицалъ присоединеніе своихъ членовъ къ этимъ рабочимъ артелямъ. Его братья и сестры должны странствовать съ мѣста на мѣсто и поучать евангелію, за что друзья и подруги должны давать имъ кровь, пищу и одежду. Въ такомъ союзѣ хотя бы и съ еще болѣе съ набожнымъ рабочимъ товариществомъ. Вальдо видѣлъ превращеніе своихъ энтузіастическихъ плановъ въ будничную пошлость. Къ чему же выбросилъ онъ свое имущество на улицу, если его ученики снова принимаются за земныя дѣла? Слѣдовательно въ требованіяхъ къ своимъ товарищамъ Вальдо былъ энтузіастъ и радикалъ, при этомъ такъ рѣзко велъ споръ и съ такимъ упорствомъ опирался на свой авторитетъ, что италіанскіе братья отпали отъ него и даже послѣ его смерти оспаривали его права на вѣчное блаженство. По отношенію же къ церкви тотъ же человекъ былъ напротивъ уступчивъ и миролюбивъ. Онъ не освободился окончательно отъ пустившаго въ немъ глубокіе корни благоговѣнія къ церкви, а объятіе и поцѣлуй мира святого отца заставили его забыть дурное обращеніе Вальтера Мапа и его прелатовъ, которое ломбардцы не могли простить собору. Онъ твердо намѣренъ крѣпко держаться связи съ церковью. Онъ принимаетъ церковное причастіе и посылаетъ своихъ учениковъ на исповѣдь. Если бы отъ него зависѣло, разрыва съ Римомъ никогда бы не произошло. Онъ желалъ бы сдѣлать изъ своихъ апостольствующихъ странниковъ братьевъ, служащихъ у духовенства. Слѣдовательно съ этой стороны онъ находился на болѣе защищенной линіи, чѣмъ ломбардцы. Но, сглаживая въ своемъ кругу никогда со времени Арнольда не замолкавшую оппозицію, онъ съ другой стороны значительно углубилъ ее, настаивая на изученіи писанія. Оно послужило ему началомъ, и чтеніе библіи оставалось благодаря ему собственно характерной чертой его секты ¹⁾. Вальденцы суть чтенцы библіи и ставятъ

¹⁾ Они утверждаютъ: *quod doctrinam Evangelicam paene nullus servet in ecclesia. Bibl. patrum maxima XXV, 265.*

писаніе выше всякаго другого авторитета. Вальдо уже потому не могъ установить продолжительнаго мира съ церковью папы, что Римъ со времени войны альбигойцевъ по просту запретилъ чтеніе священнаго писанія на простонарѣчій, и вальденцамъ пришлось бы отказаться отъ основнаго положенія своей секты, если бы они подчинились этому. Такъ какъ Вальдо умеръ незадолго передъ вальденскимъ соборомъ въ Бергамо, состоявшимся въ маѣ 1218 г., то онъ пережилъ еще нествозство инквизиціи, получившей за десять лѣтъ передъ тѣмъ новый толчокъ съ началомъ войнъ альбигойцевъ. Однако мы не находимъ его среди ея жертвъ. Если бы онъ умеръ мученикомъ за свое дѣло, то врядъ ли воспоминаніе объ его мученичествѣ могло затеряться, и также можно предположить, что итальянскіе бѣдные люди не стали бы оспаривать у усопшаго право на вѣчное блаженство, если бы этотъ усопшій былъ мученикомъ за ихъ дѣло. Такимъ образомъ его конецъ, какъ и его начало, покрыты для насъ мракомъ.

Впрочемъ значеніе, приписываемое его союзу, а именно, что онъ возвѣстилъ евангельскую истину въ то время, когда церковь совершенно забыла ученіе объ оправданіи черезъ вѣру, мы не въ состояніи приписать вальденству. Конечно, послѣднее въ своемъ окончательномъ развитіи дошло до того, что отбросило всѣ таинства, обряды и учрежденія римской церкви, какъ несогласныя съ писаніемъ ¹⁾. Римъ представлялся имъ антихристомъ, осуществившимъ во всѣхъ пунктахъ какъ разъ противоположное тому, чего желалъ Христосъ. Но система оправданія, которой они замѣнили римскую, есть опять-таки система дѣлъ благочестія. Накопленіе Отче нашъ, полученіе отпущенія черезъ посредство епископовъ, іерархическое раздѣленіе на *credentes* и *perfecti* носятъ средневѣковый характеръ, и ни оправданіе черезъ вѣру, ни всеобщее священничество не играютъ здѣсь роли. До ихъ соприкосновенія съ гуситами у нихъ такъ же отсутствовало ученіе ап. Павла, какъ и у ихъ противниковъ. Поэтому несправедливо считали ихъ маленькой лампой, которая одна среди долгой ночи среднихъ вѣковъ давала свѣтъ евангельской истины. Въ дѣйствительности уже потому они не имѣютъ этого значенія, что евангельскій свѣтъ, горящій въ позднѣйшихъ писаніяхъ вальденцевъ, они зажгли впервые на кострѣ Гуса и на кострѣ передъ Эльстерторъ къ Виттенбергѣ. До тѣхъ поръ они оставались сынами среднихъ вѣковъ, съ католической вѣрой во вѣшнія средства къ спасенію. Истинное ихъ исто-

¹⁾ Эта сторона ихъ ученія особенно подробно разсказана у анонима изъ Пассау.

рическое значеніе заключается скорѣе въ томъ, что они были прямыми или косвенными посредниками идеи святого Франциска о жизни въ бѣдности и въ вѣчномъ странствіи. Это еретики дали той эпохѣ идеаль апостольскаго хожденія, зажегшій пламенѣвшее любовью сердце католическаго святого, и въ которомъ этотъ гениальный идиотъ нашель форму, въ которой можно было помочь и послужить и бѣднымъ страны и самой церкви. Нищенствующіе ордена возникли въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ тѣмъ пунктомъ, изъ котораго исходили вальденцы, и долгое время нельзя было отличить ліонскихъ бѣдныхъ людей отъ ассизскихъ нищихъ. Такъ два ключа текутъ совсѣмъ рядомъ, и только какой-нибудь камень преткновенія вдругъ раздѣляетъ ихъ и обуславливаетъ то, что они навсегда принимаютъ противоположныя теченія, такъ что одинъ становится дикими разрушительными водами, другой покорнымъ, урегулированнымъ каналомъ, оплодотворяющимъ церковное поле, которое первый подмываетъ и разрушаетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФРАНЦИСКЪ.

Ich möcht als Spielmann reisen
Weit in die Welt hinaus
Und singen meine Weisen
Und geh'n von Haus zu Haus.
Eichendorff.

Мы видѣли арнольдистовъ, выступающими въ качествѣ свирѣльныхъ агитаторовъ противъ извратившагося духовенства, вальденцевъ, бродящихъ по свѣту какъ апостольствующіе странники, призывая къ покаянію и привлекая души на свою сторону. И вотъ между 1208—1212 гг., въ то время когда Иннокентій III обратилъ вниманіе на вальденцевъ, желая преобразовать ихъ въ „католическихъ бѣдныхъ людей“, возникло въ залитыхъ солнцемъ Ассизскихъ горахъ общество, къ которому болѣе подходило бы имя, придуманное Иннокентіемъ для вальденцевъ. Признанное церковью, въ дружбѣ съ епархіальнымъ епископомъ, это маленькое братство бѣдной жизни не имѣло ничего общаго съ мрачнымъ характеромъ своихъ предшественниковъ. Одинъ изъ старѣйшихъ свидѣтелей описываетъ напротивъ ассизскихъ кающихся какъ группу веселыхъ странниковъ, радующихся въ Богѣ ¹⁾. Во главѣ ихъ выступаетъ человекъ Божій, Францискъ, поющій на провансальскомъ языкѣ хвалу Богу. *Joculatores domini*, Божьими бродячими комедіантами ²⁾ называютъ они себя, и это имя не слѣдуетъ принимать только въ шутку. Ассизское кающееся братство дѣйствительно принадлежало въ значительной степени къ бродячимъ людямъ, получавшимъ за свои представленія пищу и кровъ. Рассказываютъ, что, когда въ 1224 г. двое изъ ихъ членовъ пришли въ Англію; они находили пріютъ въ монастыряхъ въ качествѣ бродячихъ комедіантовъ, но были прогнаны развращенными оксфордскими бенедиктинцами, такъ какъ не знали никакихъ весе-

1) Анонимъ изъ Перуджии, *Acta Sanctorum*. Ed. Boll. October, T. II, 582.

2) *Speculum vitae beati Francisci*. Venetiis 1505, pag. 124 a.

лыхъ фокусовъ 1). О Францискѣ, который сочинялъ стихи, пѣлъ, жестикулировалъ и держалъ трогательныя рѣчи, нельзя было утверждать даже этого. Все его существо было полно веселія. Онъ ненавидѣлъ нахмуренныя лбы, печальныя лица и выставляемую на показъ набожность. Его ученики суть *gaudentes in domino* 2). Товарищи его странствій рассказываютъ свои веселыя воспоминанія о томъ, какъ радость, наполнявшая душу Франциска, часто прорывалась у него въ французскихъ пѣсняхъ или въ французскихъ радостныхъ восклицаніяхъ 3). „Тогда онъ дѣлалъ даже видъ, что аккомпанируетъ себѣ на скрипкѣ; иногда, какъ мы видѣли своими глазами, онъ поднималъ съ земли кусокъ дерева, клалъ его на лѣвую руку, а въ правой держалъ палку съ натянутой ниткой. Онъ водилъ ею по дереву, какъ по скрипкѣ, и пѣлъ, по-французски съ соотвѣтствующими жестами, о Господѣ. Часто эти танцы въ три па кончались слезами, и веселье переходило въ жалобу состраданія о страданіяхъ Господа“ 4). Въ другой разъ онъ воспѣваетъ солнце, луну и звѣзды, или онъ указываетъ на примѣръ гистріоновъ, изображающихъ императора Карла, Роланда и Оливье, палатиновъ Карла, мужественныхъ рыцарей и храбрыхъ героевъ, побившихъ невѣрныхъ 5). Когда онъ сочинилъ свою извѣстную пѣснь солнцу, онъ собирался призвать къ себѣ своего брата Пачифико, носившаго въ мѣрѣ прозвище „короля пѣвцовъ“, чтобы онъ сложилъ это стихотвореніе по правиламъ искусства. Затѣмъ онъ хотѣлъ дать ему нѣсколькихъ братьевъ, съ которыми онъ долженъ былъ ходить изъ города въ городъ проповѣдывать и затѣмъ послѣ проповѣди воспѣвать на улицахъ и площадяхъ передъ собравшимся народомъ Пѣснь солнцу. „Мы Божьи комедіанты“, должны были они говорить, „и просимъ о наградѣ за проповѣдь и пѣніе, а именно, чтобы вы твердо пребывали въ истинномъ покаяніи. Ибо слуги Господа суть не что иное какъ *joculatores dei*, исправляющіе сердца людей

1) Anton Wood, *Historia et Antiquitates universitatis Oxoniensis*. Oxonii 1674. I, 69.

2) Уставъ отъ 1221. Глава 7.

3) *Tres socii*. Acta S. S. II, 732. *Euntes in Marchiam Anconitanam... vir sanctus alta et clara voce laudes Domini gallice cantans, benedicebat et glorificabat Altissimi bonitatem*. Также и у Бонавентуры, Acta S. S. II. 1. 746, Францискъ бродитъ по лѣсамъ: *laudes Domino lingua Francorum, decantans cum júbilo*.

4) Thom. von Celano, *Vita II*, 67. Ed. Amoni, p. 188.

5) Ubertino von Casale, *Archiv für Lit. u. K. G.* III, 75: *Facietis sicut faciunt istriones, qui cantant ictus Rolandi et pugnatorum*. *Speculum* 9 b.

и возбуждающіе души къ истинному веселью“¹⁾). Настоящими бродягами о Господѣ проявляютъ себя онъ и братъ Массеусъ на большой дорогѣ; дорога дѣлится на три пути: во Флоренцію, Сіену и Ареццо. Тогда Массеусъ говоритъ: „Отецъ, по какой дорогѣ пойдемъ мы?“ Францискъ отвѣчаетъ: „По той, по какой захочетъ Господь Богъ“. Тогда сказалъ братъ Массеусъ: „А какъ намъ узнать волю Божию?“ Францискъ велитъ ему кружиться вокругъ себя, такъ что тотъ нѣсколько разъ падаетъ отъ головокруженія; наконецъ Францискъ кричитъ: стой! Тогда онъ его спрашиваетъ: „Въ какую сторону повернуто твое лицо?“ Массеусъ отвѣчаетъ: „Въ сторону Сіены“— „Такъ это и есть дорога, по которой Богъ желаетъ, чтобы мы шли“²⁾).

Такой радостный представитель апостольской жизни въ бѣдности является совершенно новую эру нищенствующаго движенія, начало которому было положено серьезнымъ Арнольдомъ изъ Брешии и строгимъ Вальдо. Отброшенъ мрачный духъ оппозиціи; проповѣдь покаянія превратилась въ радостный гимнъ благости Творца и красотѣ творенія; новые бѣдные люди придерживаются аскетизма, но не забывая словъ: „когда вы поститесь, не будьте унылы, какъ фарисея“. „Когда онъ молился“, передаютъ объ упомянутомъ любимомъ его братѣ Массеусѣ, „онъ испускалъ радостные крики, воркуя на подобіе голубя ууу съ веселымъ лицомъ и радостнымъ сердцемъ“³⁾). Какъ возникло это новое направленіе, объ этомъ мы правда знаемъ не больше, чѣмъ о первыхъ шагахъ Вальдо.

О Вальдо мы знаемъ очень мало вѣрнаго, о Францискѣ же до насъ дошло много невѣрнаго. Разказами о немъ наполнены цѣлыя фоліанты, но эти разказы суть легенды, и если изъ этихъ легендъ выбросить все невозможное, чудесное, а оставить только возможное, то оставшееся не есть еще исторія, а только прозаическая часть легенды. Бабочка, у которой оборвали крылья, все же остается бабочкой, только она не можетъ летать. Поэтому невозможно составить біографію Франциска въ принятомъ значеніи слова⁴⁾). Прежде всего жизнь Франциска передана намъ поэтами, которые поэтически переработали данный имъ матеріалъ, и первымъ изъ этихъ

1) Speculum S. Francisci 124 a.

2) Fioretti di S. Francesco, cap. 11.

3) Fioretti 32: Quando egli orava, facea un giubilo in forma d'uno suono, a modo di colombo ottuso, U. U. U.

4) О достовѣрности источниковъ см. ниже примѣчаніе: Легенда о Францискѣ.

поэтовъ былъ самъ Францискъ. Онъ не только оставилъ послѣ себя стихи, но онъ всю свою жизнь чувствовалъ и передавалъ своимъ близкимъ какъ поэтъ. Съ самаго начала онъ фантастически связываетъ всѣ событія своей жизни съ міромъ своей вѣры, онъ переживаетъ чудеса и рассказываетъ о нихъ какъ о чемъ-то повседневнои; онъ слышитъ голоса свыше, разговариваетъ съ животными какъ себѣ подобными, солнце ему сестра, а вода—братъ, бѣдность—его мать, воспитывающая его въ уединеніи, дочерей которой онъ встрѣчаетъ на большой дорогѣ. Кресты даютъ ему совѣты, и распятый возбуждаетъ въ немъ представленіе о райскомъ блаженствѣ и страданіяхъ на Голгоѣѣ. Не то, чтобы онъ хотѣлъ притворяться или обманывать. Его жизнь въ мірѣ фантазій имѣетъ для него ту же истинность, какъ для насъ наша жизнь въ разумѣ. И онъ дѣлится своими опытами со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, какъ мы дѣлимся своими съ нашими современниками. То, что мы называемъ снами, для средневѣковыхъ людей есть истинное познаніе, то, что мы называемъ бодрствованіемъ, есть для нихъ обманъ чувствъ и дѣвольское навожденіе. Они иначе чѣмъ мы связываютъ всѣ ощущенія, относятъ ихъ къ міру, который для насъ не существуетъ, и переживаютъ совсѣмъ иныя вещи, ибо на все иначе смотрятъ. Такъ и Франциску его внѣшняя жизнь представлялась сномъ, а его сны были для него истинной жизнью. Но онъ въ то же время обладалъ даромъ придавать этому міру сновъ поэтическіе образы и многозначительно выражать и изображать его содержаніе. Такимъ образомъ сама его жизнь была сновидѣніемъ въ странѣ поэзій. Только такіе поэты, какъ Тома изъ Челано и Бонавентура, могли вѣрно передать эти сновидѣнія поэта, но, между тѣмъ какъ поэзія героя и его пѣвцовъ слилась воедино, дѣйствительность рано превратилась въ прекрасный мѣлъ.

Къ этому присоединилась еще вторая причина. И церкви принадлежатъ значительная часть въ образованіи легенды. Она произвела Франциска въ святые раньше, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось, но въ продиктованномъ ею житіи святого она опредѣленно заявила, какого Франциска она канонизировала. Такимъ образомъ уже старѣйшія данныя его біографіи представляютъ сомнительную достовѣрность.

Но этимъ установленіемъ официальной *vita* процессъ далеко не былъ еще законченъ. Смотря по переменѣ побѣдъ партій въ орденѣ и въ куріи эти жизнеописанія вновь перерабатывались, а нѣкоторыя переработки совершенно исчезали. Слѣдовательно не интересъ къ исторической правдѣ диктовалъ это жизнеописаніе, а поэзія и церковная политика. Поэтому можно судить, какое историческое значеніе можетъ имѣть такое съ самаго начала

поэтическое изложение фантастических событий жизни, которое, смотря по тому, какая партия въ орденѣ брала верхъ, измѣнялось въ ту или другую сторону ¹⁾. Видѣнія превратились въ поэтическое произведение, которое измѣнялось сообразно тенденціи ордена и общей церковной политикѣ. Если бы за этимъ покрываломъ мы пожелали отыскать съ полной достоверностью первоначальныя происшествія, то это привело бы насъ только къ новымъ ошибкамъ. Впрочемъ мы и безъ того должны здѣсь отказаться отъ обсуждения біографическихъ частныхъ, ибо для насъ вопросъ заключается только въ томъ, какой видъ приняла у Франциска идея Арнольда Брешианскаго и Вальдо о слѣдованіи по стопамъ Иисуса и апостоловъ, а для обсуждения этого вопроса намъ прежде всего служатъ завѣщаніе святого, орденскій уставъ и сохранившіеся отрывки его поученій и поэтическихъ произведеній, дающіе по меньшей мѣрѣ положительныя указанія на цѣли святого.

Кромѣ этихъ лежащихъ внѣ всякаго сомнѣнія основныхъ идей новаго учрежденія, несомнѣнно еще и то, что съ Францискомъ начинается не только новая форма бѣдной жизни, но и новый видъ міровоззрѣнія, котораго нельзя найти до него. Въ францисканскихъ литературныхъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ такое настроеніе, которое не наблюдалось до него въ литературѣ среднихъ вѣковъ. Что Богъ есть отецъ и безсловесной твари, что мы должны къ ней относиться съ братской любовью, что мы воздаемъ хвалу Богу, когда мы чувствуемъ ея великолѣпіе, милосердность, полезность, что еще высшую любовь мы должны оказывать слабымъ и больнымъ личностямъ нашего собственнаго рода—вотъ мораль всѣхъ его словъ и поступковъ. Сестра ласточка и братъ огонь, сестра боль и братъ голодъ, сестра нищая и братъ разбойникъ, всѣхъ ихъ надо переносить съ одинаковымъ снисхожденіемъ, терпѣніемъ и любовью, ибо всѣ они—дѣти нашего Небеснаго Отца. Вотъ ученіе святого Франциска. На этотъ тонъ настроены всѣ его ощущенія, а слышны ли были до Франциска гдѣ-либо въ Италіи, странѣ жестокаго обращенія съ животными, нетерпѣнія, мстительности, подобныя рѣчи? Появленіе во францисканствѣ такого новаго настроенія остается историческимъ фактомъ, если бы даже вся біографія святого была одна легенда.

¹⁾ Ср. ученое введеніе Георга Фойгта къ „Denkwürdigkeiten des Minoriten Jordanus von Giano“, который первый перешагнулъ за данныя болландиста Суиска (Suyske) въ его *Commentarius praeivius*. И еще Karl v. Hase, *Gesamm. Werke* 5, 21 и сл., а особенно ясное резюме Sabatier, *Vie de S. François* LI и сл.

Францискъ происходилъ изъ симпатичнаго народа Умбри, среди зеленѣющихъ долинъ и миловидныхъ холмовъ которой расцвѣли, нѣсколько столѣтій спустя, и гармоническія души Перуджино и Рафаеля. Идиллическій фонъ картинъ Рафаеля былъ также и фономъ его жизни, и многія слова святаго носятъ на себѣ его нѣжныя отраженія. Всей своей манерой Францискъ является истиннымъ сыномъ своего ландшафта, и его народъ призналъ себя въ немъ. Это было началомъ его популярности. Между склонами горнаго конуса Перуджіи и отрогомъ Monte Subasio, по которому такъ живописно лѣнятся дома горнаго городка Ассизъ, точно ласточкины гнѣзда по скалѣ, живетъ веселый и безпечный этрусскій народецъ, давшій Перуджію и Рафаелю модели для ихъ юношей, ангеловъ и мадоннъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь стройныя юношескія фигуры Спозалиціо, и на насъ смотрятъ большіе глаза Сикстинской мадонны съ круглаго серьезнаго личика многихъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Тотъ же самый типъ представляютъ и старѣйшіе портреты самого Франциска, а также и большія картины на сводахъ ассизской верхней церкви, на которыхъ Джіотто съ наивной наглядностью изобразилъ для народа жизнь этого святаго. Тома изъ Челано описываетъ его маленькимъ и хрупкимъ, со свѣтлыми волосами и черными открытыми глазами ¹⁾). Какъ сынъ Умбри Францискъ унаслѣдовалъ обаятельную, чарующую привлекательность, характеризующую земляковъ Рафаеля. Старѣйшія легенды согласны въ томъ, что обращенію Франциска предшествовала веселая, бурная, даже безпутно проведенная молодость. Сынъ купца Бернардоне является возжакомъ всѣхъ сумасшедшихъ выходокъ, главаремъ ассизской молодежи, *princeps juventutis*. Съ сильнымъ отвращеніемъ ко всякому скучному правильному труду онъ соединяетъ положительную склонность ко всему необычному, возбуждающему удивленіе. Нашъ лучшій источникъ, Иорданусъ изъ Джіано, свидѣтельствуетъ и о позднѣйшей жизни святаго, что онъ не желалъ оставаться позади кого бы то ни было: „*cum esset gloriosus animo et nollet aliquid se precellere*“ ²⁾). Также и Тома изъ Челано говоритъ о стремленіи юноши къ похваламъ и славѣ ³⁾). Вначалѣ эта черта проявлялась въ ребяческомъ стремленіи привлечь на себя вниманіе. И

1) Celano I, 706. *Caput mediocre ac rotundum, facies utrinque oblonga et protensa, frons parva et plana, mediocres oculi, nigri et simplices, fuscii capilli.*

2) *Denkwürdigkeiten des Minoriten Jordanus von Giano.* Изд. Voigt. Cap. 10.

3) Celano I, Acta S. S. II, 685. *Quia gloriae cupidus erat, gloriae fastigio eum allicit et exultat.*

здѣсь, какъ это часто бываетъ, геній выступилъ на сцену съ побрякушками и въ пестромъ костюмѣ шута. Онъ рассуждалъ о будущихъ подвигахъ, которые онъ совершить, онъ говорилъ на языкѣ трубадуровъ вмѣсто того, чтобы говорить на своемъ родномъ языкѣ; какъ комедіантъ, благодаря одеждѣ *joculatores*, называемой *piragti*, являлся раздѣленнымъ вертикально на двѣ различно окрашенныя половины ¹⁾, такъ еще большее удивленіе возбуждалъ Францискъ своимъ платьемъ, передъ котораго былъ сдѣланъ изъ наилучшей, а задъ изъ наигрубѣйшей матеріи, чтобы спереди походило на дворянина, а сзади на нищаго. Но во всѣхъ своихъ дурачествахъ онъ не причинялъ никому вреда и былъ безгранично веселъ.

Его юность совпадаетъ съ воинственной эпохой, наступившей послѣ внезапной смерти Генриха VI (1197). И онъ былъ увлеченъ ея потокомъ. При столкновенияхъ между Перуджіей и Ассизами онъ попался въ плѣнъ перуджинцамъ и могъ ежедневно смотрѣть съ валовъ Перуджіи на игру вечернихъ солнечныхъ лучей на горахъ Ассизъ. Но въ то время, какъ другіе горевали и падали духомъ, онъ оставался въ хорошемъ расположеніи духа и увѣрялъ своихъ товарищей, что сдѣлается еще великимъ человѣкомъ ²⁾. Вернувшись въ 1203 г. въ Ассизы, онъ еще больше, чѣмъ раньше, увлекался нарядами и пиршествами. Тѣмъ не менѣе психологически представляется вполне вѣроятнымъ сообщеніе Челано, что у молодого расточителя при видѣ бѣдныхъ всегда сжималось сердце отъ мысли, что онъ расточаетъ деньги, которыми могъ бы помочь другимъ. Тогда онъ высыпалъ всѣ свои деньги въ шляпу перваго попавшагося нищаго. Расточитель съ такимъ мягкимъ сердцемъ, какъ у Франциска, не могъ иначе поступать. Недаромъ же его биографъ съ гордостью рассказываетъ про него, что до самой смерти онъ не оттолкнулъ ни одного нищаго, просившаго его *per l'amor di Dio*, а это что-нибудь значить въ Италіи ³⁾. Однажды только отослалъ онъ прочь одного бѣднаго, просившаго у него Христа ради, но тотчасъ же онъ подумалъ про себя: если бы этотъ бѣдный попросилъ у тебя именовъ того или другого знатнаго господина, ты навѣрное помогъ бы ему, и онъ бѣжить за нищимъ, чтобы исправить свою ошибку ⁴⁾. Такимъ образомъ и изъ-подъ шутовскаго наряда дурака уже теперь выступаетъ будущій святой. Затѣмъ сначала болѣзнь

1) W. Hertz въ ук. м. XXVI.

2) *Tres socii*, Acta S. S. II, 725. О томъ же *Celano vita* II, ст. 10.

3) *Celano* II, 278.

4) *Tres socii*, Acta S. S. II, 725.

вызываетъ въ немъ болѣе серьезное, вдумчивое настроеніе ¹⁾). Выздоровѣвши, онъ пожелалъ принять участіе въ войнѣ за „дѣтя Апуліи“, но, вооружившись съ большимъ шумомъ и съ хвастливой роскошью, онъ отправился въ Сполето только для того, чтобы вернуться оттуда на слѣдующій же день, и сдѣлался на родинѣ дѣйствительно предметомъ насмѣшекъ для своихъ товарищей ²⁾). Послѣ этихъ печальныхъ опытовъ надъ самимъ собой, преслѣдуемый упреками родителей, мучимый постоянно возвращавшейся лихорадкой, онъ начинаетъ ненавидѣть свою прежнюю жизнь. Онъ повернулъ спину къ старой жизни, не видя передъ собой какой-нибудь новой. Онъ не желаетъ взяться за предлагаемое отцомъ торговое дѣло, а другого онъ не находитъ. Съ виду это пропащій человекъ, скрывающийся отъ упрековъ домашнихъ въ тайномъ убѣжищѣ, гдѣ размышляетъ о состояніи своей души.

Глубоко гнѣздящаяся въ немъ симпатія къ страданіямъ бѣдныхъ даетъ ему новое направленіе ³⁾). Онъ самъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи ⁴⁾), что Богъ указалъ ему возможность начать покаяніе, направивъ его къ прокаженному для оказанія имъ милосердія. Пока онъ былъ погрязшимъ въ грѣхахъ, ему казалось ужаснымъ даже взглянуть на прокаженного. Теперь же, когда его охватило сокрушеніе о своихъ собственныхъ грѣхахъ, и онъ разошелся со всей своей семьей и оказался одинокимъ, онъ находитъ удовлетвореніе въ томъ, что посвящаетъ себя уходу за людьми, еще болѣе несчастными, чѣмъ онъ. Это онъ называетъ началомъ своего покаянія. Оно заключалось въ побратаніи съ прокаженными, которымъ онъ рѣшился помогать, видя ихъ покинутыми всѣми. Въ своей первой легендѣ Челано рассказываетъ, что обращеніе Франциска и переговоры съ епископомъ предшествовали его дѣятельности въ лепрозоріи (Acta S. S. III, 668); во второй онъ рассказываетъ эти два событія въ обратномъ порядкѣ, въ которомъ ихъ описываютъ и Трое товарищей ⁵⁾). Послѣ всѣхъ излишествъ, легкомыслія и роскоши, выказанныхъ имъ, раскаявающийся юноша ищетъ покаянія въ томъ, что посвящаетъ себя прокаженнымъ, которыхъ всѣ избѣ-

1) Celano I, acta S. S. 685. Tres socii 726.

2) Tres socii 725. Celano II, S. 12. 14.

3) Tres socii 726. Celano II, ст. 16: Pauperum amator existit praecipuus.

4) Beati patris Francisci opera omnia ed. Von der Burg. Coloniae. 1849, ст. 45. Текстъ по Ваддингу. У болландистовъ Acta Sanctorum Oct. II, 663.

5) Tres socii 726 ср. съ Vita II, ст. 18 сл. Завѣщаніе, которое Челано цитируетъ какъ источникъ своего рассказа, рѣшаетъ это противорѣчіе въ пользу tres socii и vita.

гають ¹⁾. Отъ богатства, которымъ онъ злоупотреблялъ, отъ насмѣшекъ товарищей, наслажденія которыхъ возбуждаютъ въ немъ отвращеніе, какъ запахъ кубка утромъ послѣ ночного кутежа, онъ ищетъ убѣжища у самыхъ несчастныхъ, въ благодарности которыхъ онъ увѣренъ. „Такъ-то Господь“, говорится въ завѣщаніи, „указалъ мнѣ, брату Франциску, начало покаянія; когда я еще жилъ въ грѣхахъ, мнѣ казалось вообще тяжелымъ смотрѣть на прокаженныхъ; но самъ Господь ввелъ меня въ ихъ среду, и я провелъ у нихъ нѣкоторое время. А когда я отъ нихъ ушелъ, тогда то, что мнѣ казалось тяжелымъ, превратилось въ пріятное испытаніе для души и тѣла“. Всѣмъ извѣстно, какъ легенды украшаютъ эту дѣятельность. Рыцарь Христовъ сходитъ съ лошади и, чтобы побѣдить самого себя, даетъ прокаженному вмѣстѣ съ милостыней поцѣлуй мира. По второй легендѣ прокаженный тотчасъ же исчезъ, какъ только Францискъ отвернулся, ибо, какъ свидѣтельствуемъ Бонавентура, это былъ Христосъ, который его такимъ образомъ призвалъ ²⁾. Три товарища рассказываютъ, какъ онъ устроилъ больнымъ въ лепрозоріи праздникъ, обдаривъ ихъ и поцѣловавъ каждому руку, а по Томѣ изъ Челано онъ прожилъ съ ними довольно продолжительное время и обмывалъ ихъ ужасныя раны. По Фиоретти одинъ ропшущій Говъ выздоровѣлъ, какъ только губка святого коснулась его ранъ. Достоверно то, что съ того времени уходъ за прокаженными остался главной заботой его первыхъ учениковъ. Въ Шпейерѣ минориты празднуютъ одинъ изъ старѣйшихъ своихъ капитуловъ *extra muros apud leprosos* ³⁾, и часто въ Германіи ихъ помѣщаютъ на ночь въ пристройкахъ лепрозорій. О братѣ Бентивольо рассказываютъ, что, когда онъ получилъ приказаніе немедленно отправиться изъ Траве Бонанти въ Монте Сансиво, онъ захватилъ съ собой одного прокаженного, котораго не хотѣлъ оставить на произволъ судьбы, и, не видя на опасность заразиться, пронесъ его пятнадцать миль ⁴⁾. Подобное же проявленіе героической доброты сердечной было первымъ актомъ, которымъ Францискъ заявилъ свѣту о началѣ своей новой жизни. Съ тѣхъ поръ какъ онъ увидѣлъ благодарный взоръ этихъ несчастныхъ существъ, никакая иная радость не казалась уже ему истинной радостью кромѣ той, которую онъ доставлялъ людямъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ онъ.

1) Vita II, ст. 18 сл. Ed. Amoni, Roma, tipografia della pace. 1880.

2) Vita II, ст. 20.

3) Jordanus von Giano 33. Voigt ст. 112.

4) Fioretti, 42.

Между этимъ періодомъ, посвященнымъ уходу за прокаженными, и тѣмъ временемъ, когда онъ выступилъ официально какъ проповѣдникъ евангелія, лежитъ, по словамъ житія, переходное время, посвященное переговорамъ съ родительскимъ домомъ и первымъ неувѣреннымъ попыткамъ начать новую духовную жизнь. Въ своемъ завѣщаніи онъ просто говоритъ: „Послѣ этого я оставался только короткое время въ прежнихъ условіяхъ и вскорѣ повернулъ свѣту спину“. Но легенда заставляетъ этотъ разрывъ произойти болѣе непосредственно. Она приписываетъ Франциску подобный же актъ отреченія, какъ и ліонцу Вальдо. И онъ разбрасываетъ деньги на всѣ четыре стороны; но, такъ какъ это были деньги его отца, то разрывъ съ этимъ послѣднимъ былъ окончательный ¹⁾. Отецъ пожаловался на него епископу; на картинѣ Джіотто разгнѣванный купецъ стоитъ передъ неудачнымъ сыномъ съ свирѣпымъ лицомъ и сжатými кулаками. Францискъ возвращаетъ отцу его деньги, но разрываетъ съ тѣхъ поръ всякую связь съ нимъ и заявляетъ, что съ этихъ поръ онъ будетъ только говорить: „Отче нашъ небесный“ и никогда уже: „Отецъ Петръ Бернадоне“ ²⁾. Даже одежду, взятую имъ изъ родительскаго дома, онъ возвращаетъ отцу на глазахъ у епископа, чтобы, какъ сказано Вальтеромъ Мапомъ о Вальдо, „нагимъ слѣдовать за нагимъ Христомъ“ ³⁾. Когда и послѣ того Бернадоне продолжаетъ проклинать его при всякой встрѣчѣ, онъ проситъ одного стараго калѣку нищаго стать ему отцомъ, такъ какъ онъ потерялъ родного, и проситъ у него благословенія каждый разъ, какъ тотъ его проклинаетъ ⁴⁾. Когда Тома изъ Челано писалъ, вскорѣ послѣ смерти своего героя, его первую біографію, исторія первыхъ шаговъ Франциска была извѣстна его многочисленнымъ товарищамъ юности, поэтому сообщаемые имъ внѣшніе факты нельзя считать плодами его воображенія. Они передаютъ молву провинціального итальянскаго городка. Въ автобіографіи завѣщанія, напротивъ, юность Франциска не представляется и вполнину такой взбалмошной, когда онъ серьезно и съ достоинствомъ рассказываетъ, что выходъ изъ грѣховной жизни его юности былъ ему указанъ видомъ страданій прокаженныхъ, и что Богъ указалъ ему этотъ выходъ.

1) Celano I, acta S. S. II, 686, 687.

2) Tres socii 729. Vita II, 24. Что Францискъ отклонилъ свѣтскій судъ и призналъ судъ епископа, есть конечно только тенденціозная выдумка монашескаго разсказа.

3) То же выраженіе употребляетъ и Бонавентура 746: Ut nudus nudum sequeretur Crucifixum 746.

4) Tres socii 730. Celano II, ст. 24.

Сполетанецъ Иорданусъ изъ Джіано считаетъ, что обращеніе Франциска произошло въ 1207 г. ¹⁾. Выступилъ же онъ какъ проповѣдникъ покаянія въ 1209 г. Слѣдовательно именно въ то время, когда Иннокентій III старался пріобрѣсти для церкви вальденцевъ, кающіеся изъ Ассизъ выступили съ совершенно подобной же проповѣдью. Промежутокъ между этими двумя сроками легенда заполняетъ для Франциска его заботой о покинутыхъ церквяхъ и часовняхъ, для которыхъ онъ выпрашиваетъ масло для лампадъ и камней для ихъ починки ²⁾. И въ завѣщаніи объ этомъ періодѣ говорится: „Господь внушилъ мнѣ такую вѣру въ своихъ церквяхъ, что я наввно молился ему, говоря: Мы молимся тебѣ, пресвятый Господи Иисусе Христе, здѣсь и во всѣхъ церквяхъ, находящихся во всемъ мірѣ, и благословляемъ тебя, спасаго весь міръ своимъ святымъ крестомъ“. Значить и у него осталось воспоминаніе о томъ, какъ онъ подолгу простаивалъ въ то время на колѣняхъ въ церквяхъ и нашелъ тамъ твердую вѣру въ своего Господа Иисуса Христа, и въ церкви же онъ нашелъ лозунгъ для своей новой жизни. Одинокое размышленіе въ скрытой пещерѣ, пилигримство въ Римъ, сборы въ пользу заброшенныхъ святыхъ, сношенія съ нищими и прокаженными составляютъ въ разсказѣ его ученика подготовительныя ступени къ выступленію Франциска въ качествѣ проповѣдника покаянія. Свободное время онъ наполняетъ собственноручной постройкой церковей. „Кто дастъ мнѣ камень, тотъ получитъ награду, кто дастъ мнѣ два камня, получитъ двойную награду“, выкрикиваетъ онъ на улицахъ Ассизъ ³⁾. Двѣ церкви его родного города передаютъ о Францискѣ мѣстное преданіе, собранное, сохраненное и прикрашенное ихъ причтомъ. Одна церковь Санто-Даміано находится передъ восточными воротами города, другая внизу въ равнинѣ, С. Марія дельи Анджели. По преданію первой св. Францискъ послѣ своего обращенія посвятилъ свои заботы развалившемуся дому Божію. Собственными руками онъ возстановилъ близкую къ разрушенію церковь. Не подозрѣвая того, онъ этимъ приготовилъ мѣсто, въ которомъ позднѣе нашла уѣжище его подруга Клара Шифи (Scifi) ⁴⁾, которая, по поэтическому выраженію Бонавентуры, расцвѣла здѣсь подобно лиліи или взошла для него подобно утренней

1) Jordanus von Giano 1 и 2. У Voigt'a ст. 96 сл.

2) Thomas von Celano I, Act. S. S. II, 689. Tres socii 729. Celano II, S. 20, 22, 26.

3) Tres socii. Act. S. S. II, 729.

4) Acta S. S. II, 689. Vita II, ст. 26 и сл.

звѣздѣ. Еще ближе его сердцу была маленькая часовня С. Марія дельи Анджели, которая лежала между оливковымъ лѣсомъ, расположеннымъ на склонѣ горы, и плодородной долиной и представляла удобную точку отправления для его странствій. Скрытая кустами розъ, она издавна носила названіе Порціункула, какъ бы въ предвидѣніи тѣхъ, кто изъ всѣхъ благъ жизни взялъ себѣ только самую малую часть ¹⁾. Она находилась на землѣ бенедиктинскаго аббатства, расположеннаго на сосѣдней горѣ Субазіо. Францискъ реставрировалъ ее и выстроилъ себѣ рядомъ скромную келью. Такимъ образомъ онъ сдѣлался отшельникомъ и надѣлъ обычную одежду отшельниковъ — шерстяную рясу. Его сограждане сочли его за сумасшедшаго, однако нѣкоторые изъ нихъ помогали ему; онъ казался добрымъ и безвреднымъ всѣмъ, даже дѣтямъ, бросавшимъ въ него камнями ²⁾. Онъ заводитъ дружбу съ деревьями и животными и умѣетъ рассказать объ ихъ остроумнѣйшихъ чертахъ. Вскорѣ находятя родственныя ему души, даже и знатные люди, умѣющіе уважать его внутреннюю жизнь. Благодаря публичности жизни подъ южнымъ небомъ его личная набожность само собой перешла въ общественную дѣятельность. Такая внутренняя жизнь, какъ его, естественно стремилась вылиться въ рѣчахъ. Когда онъ ходилъ изъ дома въ домъ, выпрашивая масла для лампадъ своихъ церквей, или прося камней или помощи въ постройкѣ, или хлопоча о несчастныхъ въ лепрозоріяхъ, его просьбы превращались въ проповѣди, и сохранившіеся отрывки его рѣчей, а такъ же показанія современниковъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ просто и трогательно онъ умѣлъ говорить. Его полное любви сердце не удовлетворяется обыкновеннымъ поклономъ, пожеланіемъ встрѣчному добраго дня. Онъ здороваеся со всѣми словами: „Да подастъ тебѣ Господь миръ!“ Такъ росла толпа его приверженцевъ; самые ревностные изъ нихъ приходили къ нему въ долину въ его часовню Порціункула. Вскорѣ возобновленная церковка стала мѣстомъ собранія духовной семьи, которую Францискъ утѣшалъ своимъ любвеобильнымъ обхожденіемъ ³⁾.

1) Bonaventura pag. 747: Hunc locum vir sanctus amavit prae ceteris mundi locis по Celano II, 34.

2) Tres socii 729. Fioretti 2.

3) Челано I ст. 706 характеризуетъ любимаго учителя слѣдующими словами: Dulcis in moribus, natura placidus, affabilis in sermone, commodissimus in exhortatione, fidelissimus in commisso, providus in consilio, in negotio efficax, graciosus in omnibus, facundissimus homo, facie hilaris,

Такимъ образомъ первые шаги Франциска сходны съ первыми шагами Вальдо, но въ то же время и отличны отъ нихъ. Вальдо хотѣлъ заполнить пробѣлы въ церковной жизни, проповѣдуя евангеліе всякой твари. Францискъ не былъ реформаторомъ. Онъ удовлетворялъ своему стремленію любить, отдавая себя бѣднѣйшимъ и несчастнѣйшимъ и изливая сокровища своей души передъ друзьями и сосѣдами въ наивномъ стремленіи высказаться. Умышленная пропаганда съ цѣлью образованія ордена была далека отъ него. Онъ никогда не взвѣшивалъ, что можетъ способствовать его дѣлу, подвинуть его впередъ, но, желая кого-нибудь обратить, онъ начиналъ съ того, что любилъ его, и былъ убѣжденъ, что это наилучшій способъ. Поэтому главнымъ ядромъ старѣйшаго братства мы должны считать личный кружокъ друзей, сгруппировавшійся вокругъ чарующей личности оригинальнаго святого, людей, внимавшихъ его поэтическимъ импровизаціямъ, чувствовавшихъ себя растроганными его возбуждающими рѣчами, его полными значенія снами и видѣніями ¹⁾, невинно радовавшихся на его смѣшныя манеры, пока онъ не опутывалъ ихъ сѣтями своей любви такъ, что они не могли ужъ больше жить безъ него. Кардиналъ Гуго, впоследствии Григорій IX, совсѣмъ не отличавшійся мягкосердечностью, говорилъ Челано о чарующемъ обращеніи Франциска: „Въ какомъ бы ни былъ я уныломъ и дурномъ расположеніи духа, его видъ и разговоръ съ нимъ разгоняли весь туманъ, и небо вновь прояснялось“.

Разъ намъ извѣстна эта особенность основателя новаго общества, намъ становится понятнымъ дальнѣйшій ходъ событій. Первый оказалъ ему поддержку одинъ молодой человекъ изъ Ассизъ, котораго *tres socii* и Фіоретти называютъ Бернардомъ де Квинтавалле ²⁾. И другіе присоединились, находя поучительными вдохновенныя рѣчи этого удивительнаго оригинала. Вторымъ называютъ Іоанна Ассизскаго, третьимъ Сильвестра, священника церкви св. Даміана, который былъ обязанъ Франциску реставраціей своей церкви. Сначала онъ былъ корыстолюбивымъ попомъ, и, когда онъ узналъ, что богатый Бернардо распродаеть свои имѣнія и раздаеть

vultu benignus, immunis ignaviae, insolentiae expers: statura mediocris, parvitati vicinior.

¹⁾ О родѣ его аллегорическихъ сновидѣній ср. *Tres socii* 737, 738, 739.

²⁾ Салимбене встрѣтилъ его въ 1240 г. въ Сиенскомъ монастырѣ, слѣдовательно въ 1208 онъ былъ среднихъ лѣтъ. *Celano I, acta S. S. II, 691. Salimbene, Monum. histor. Parmens. Parma ex off. P. Fiaccadori 1857, p. 11.*

деньги бѣднымъ, онъ тоже предъявилъ обязательства, оставшіяся будто бы со времени реставраціи церкви Францискомъ. Францискъ опускаетъ руку въ полный карманъ Бернардо и даетъ безстыдному попу полную горсть динарій, затѣмъ еще горсть и наконецъ спрашиваетъ: довольно ли съ него? Священникъ уходитъ, смѣясь, но черезъ нѣсколько дней онъ говоритъ самому себѣ: „Не презрѣнный ли ты человекъ, что будучи старикомъ стремишься къ земнымъ благамъ и желаешь того, что этотъ юноша презираетъ?“ И онъ вступилъ въ братство, которому затѣмъ славно служилъ ¹⁾. Еще ближе къ Франциску стоялъ Эгидій изъ Ассизъ, который велъ бродячую жизнь въ духѣ своего учителя, жилъ трудами своихъ рукъ и ревностно и разумно заботился о своей душѣ. Въ первыя свои странствія братія не рѣшались еще проповѣдывать. Францискъ напѣввалъ имъ французскія пѣсенки, въ городахъ же и замкахъ давалъ хорошіе совѣты любить и бояться Бога. Братъ же Эгидій увѣщевалъ слушателей слѣдовать совѣтамъ Франциска, ибо онъ прекрасный совѣтчикъ. Такъ какъ эта жизнь оказалась имъ по вкусу, то скоро нашлись новые товарища, среди нихъ Моритусъ, бывший еще крестоносцемъ на службѣ у прокаженныхъ, исцѣленный Францискомъ отъ тяжелой болѣзни кусочкомъ хлѣба, который святой обмакнулъ въ масло лампы у образа Богородицы, а больной съ вѣрой проглотилъ и выздоровѣлъ ²⁾, затѣмъ Іоаннъ Капеллатусъ, прозванный такъ за то, что носилъ шляпу вмѣсто капюшона, горячій другъ прокаженныхъ, но который повѣсилъся, когда самъ заразился этой ужасной болѣзнью. Когда онъ присоединился, Францискъ былъ уже душою новаго религіознаго братства, которое, по его примѣру, отказалось отъ пошлаго добыванія денегъ, стало жить для покаянія и, проповѣдуя покаяніе, примиреніе, миръ, бродило изъ замка въ замокъ, изъ города въ городъ. Они называютъ себя *Joculatores domini*, такъ какъ увеселяютъ толпу, чтобы ее учать. Но согласно своей болѣе глубокой цѣли они суть ассизскіе *vigilantes*, ибо они приняли такой образъ жизни, чтобы каяться въ своихъ грѣхахъ. Однако неясные планы Франциска приняли болѣе твердый образъ только тогда, когда ему открылось ученіе вальденцевъ объ апостольской страннической жизни безъ отечества, безъ имущества, безъ семьи.

1) *Tres socii* 732. Celano II, 164. Fioretti 2.

2) *Bonaventura* 752.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЖИЗНЬ ВЪ НИЩЕТЬ.

An die Thüren will ich schleichen,
Still und sittig will ich stehn,
Fromme Hand wird Nahrung reichen,
Und ich werde weiter gehn.
Goethe.

О своей первой мысли организовать обстоятельнѣе собравшійся вокругъ него кружокъ для покаянія сообща Францискъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи слѣдующее: „Послѣ того какъ Богъ поручилъ мнѣ заботу о братьяхъ, никто не указывалъ мнѣ, что я долженъ дѣлать, но самъ Всемогуцій открылъ мнѣ, что я долженъ жить по ученію его святого евангелія“. На третьемъ году своего обращенія, 1209 г., рассказываетъ Іорданусъ ¹⁾, Францискъ, познакомившись со словами Спасителя своимъ ученикамъ, когда Онъ посылалъ ихъ проповѣдывать, бросилъ палку, суму и башмаки и принялъ одѣяніе, которое и теперь носятъ братья въ подражаніе евангельской нищетѣ, и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ евангелія. Подробнѣе это происшествіе рассказано у Челано: въ періодъ своего воскресенія, когда Францискъ уже довольно продолжительное время въ одеждѣ отшельника и съ палкой въ рукахъ бродилъ по странѣ, онъ услышалъ въ Порціункульской часовнѣ евангеліе отъ Матѳея 10, 7—11: „Ходя же проповѣдуйте, что приблизилось Царство Небесное; больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте; даромъ получили, даромъ давайте. Не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія. Въ какой бы городѣ или селеніи ни вошли вы, навѣдывайтесь, кто въ немъ достоинъ, и тамъ оставайтесь, пока не выйдете“. Таковъ былъ текстъ изъ евангелія, который служившій священникъ объяснилъ Франциску по его просьбѣ подробнѣе, такъ

¹⁾ Jordanus von Giano, ed. Voigt, 96 (516).

какъ онъ былъ прочтенъ по-латыни. Когда Францискъ понялъ эти слова, онъ воскликнулъ: „Вотъ то, чего я желаю, вотъ то, чего я ищу, вотъ то дѣло, къ которому я стремлюсь всѣмъ сердцемъ“. Тотчасъ же онъ снимаетъ съ ногъ обувь, отбрасываетъ палку и, довольствуясь одною одеждою, повязываетъ вокругъ пояса веревку. И онъ рѣшилъ всю услышанную имъ въ этомъ евангеліи заповѣдь апостоламъ выполнить буквально ¹⁾. Новая жизнь, которую онъ искалъ, найдена. Подобную же роль играютъ евангельскіе со-вѣты и въ обращеніи перваго его ученика, Бернардо де Квинтавалле. Чтобы дать ему руководящую нить, Францискъ проситъ по окончаніи мессы у священника церкви св. Николая евангеліе, и первое мѣсто, на которое падаетъ его взглядъ, когда онъ открылъ его, было: „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ“ ²⁾; послѣ чего богатый Бернардо раздаетъ, подобно Вальдо, свое имущество бѣднымъ. Всѣ свидѣтели, въ томъ числѣ и Иорданусъ, согласны слѣдовательно въ томъ, что Францискъ, такъ же какъ Вальдо и подъ впечатлѣніемъ того же евангельскаго текста, избралъ себѣ за правило заповѣдь евангельскаго совершенства. Но, если принять въ расчетъ распространенность этой идеи во всей Италиі, представляется мало вѣроятнымъ, чтобы Францискъ совершенно независимо отъ своихъ предшественниковъ, руководимый единственно случайностью библейскаго оракула, попалъ на путь, по которому до него шли ломбардцы, катары и вальденцы. Онъ самъ можетъ быть и не сознавалъ своей зависимости отъ предшественниковъ, даже изъ его завѣщанія, напротивъ, ясно видно, что онъ считалъ непосредственнымъ внушеніемъ то, что въ сущности было распространенной идеей той эпохи и не было придумано имъ, а навѣяно ему извнѣ. Ту же жизнь по евангельской заповѣди началъ до Франциска вести Вальдо. Оба ссылались на то же мѣсто 2 Тим. 2, 4, доказывая, что воинъ Христа не связываетъ себя дѣлами житейскими; а до нихъ арнольдистъ Вецель ссылался на это же мѣсто ³⁾. И катары дѣлаютъ обязательной для своихъ апостоль-

1) Celano I, acta S. S. II, 690. Tres socii, 730, переносятъ ту же сцену въ церковь Даміана; Бонаventura рисуетъ ее болѣе драматично, но въ главныхъ чертахъ согласенъ съ Челано.

2) Tres socii 732. Celano, II, 28. Также Fioretti 2. Бонаventura даже говоритъ, что этотъ пароль, сообщенный Франциску черезъ откровеніе, былъ началомъ основанія ордена. Bonaventura 760.

3) Ср. Wibaldi Epistolae 404. Mon. Corb. Jaffé 539 — 43. См. т. I, Арнольдъ Брешианскій стр. 350 и сл.

ствующихъ странниковъ заповѣдъ Исуса Христа, Мате. 10; а когда Доминикъ обсуждалъ въ Монпелье съ учениками Бернара изъ Клерво въ 1204 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до того, какъ Францискъ далъ свой первый уставъ, миссію къ еретикамъ южной Франціи, тогда онъ сказалъ пышно и удобно путешествовавшимъ аббатамъ цистерціанцевъ, что онъ слышалъ, какъ альбигойцы говорили: „Вотъ они ѣздятъ на вьючныхъ коняхъ и возвѣщаютъ о Томъ, кто всю свою жизнь ходилъ пѣшкомъ. Если вы хотите, чтобы вашъ трудъ былъ успѣшенъ, то вы должны ходить такъ, какъ повелѣлъ Исусъ апостоламъ, посылая ихъ“. Далѣе, какъ катары имѣли обыкновеніе говорить, что ихъ папа—Духъ Святой, такъ и Францискъ будто бы сказалъ, что глава его ордена—Святой Духъ, почивающій одинаково на бѣдныхъ и простыхъ ¹⁾).

Въ объясненіе этихъ пунктовъ соприкосновенія указывали на торговые сношенія стараго Бернардоне съ верхней Италіей и южной Франціей. Въ качествѣ продавца суконъ отецъ святого имѣлъ сношенія съ гумиліатами и тессеранами, которые считались еретиками. Мать же Франциска, Пика, происходила, какъ предполагаютъ, изъ родины альбигойцевъ, изъ Прованса ²⁾. Но намъ незачѣмъ даже искать такъ далеко, ибо въ самихъ Ассизахъ партія патареновъ доставляла тогда много хлопотъ куріи. Когда въ 1203 г. извѣстный приверженецъ катаровъ былъ избранъ ассизскимъ подестой, Иннокентій III послалъ кардинала Леона изъ С.-Кроче, чтобы по крайней мѣрѣ устранить эту высшую непріятность ³⁾. Такимъ образомъ Ассизы были полны спорами объ ученіи, требовавшемъ отъ духовенства апостольскаго образа жизни и отрицавшемъ силу таинствъ, совершаемыхъ недостойнымъ священникомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ гораздо вѣроятнѣе, что неудачный сынъ Бернардоне дошелъ до идеала жизни въ нищетѣ подъ влияніемъ носившихся кругомъ арнольдистскихъ идей, а не благодаря мгновенному просвѣтленію во время обѣдни. Для легенды такая зависимость отъ еретиковъ была неудобна; она основываетъ обращеніе Франциска на откровеніи свыше, такимъ только и могло быть начало жизни святого, какимъ она его описываетъ, и дѣйствительно одно несомнѣнно, что ни одинъ человекъ не былъ въ душѣ такъ далекъ отъ пессимизма катаровъ, какъ Францискъ. Тѣмъ ближе зато его идеаль подходилъ къ идеалу вальденцевъ. Замѣчательно то, что самъ

1) Celano II, 274.

2) Свѣдѣнія объ этомъ у Henry Thode, Franz von Assisi, ст. 14.

3) Ср. буллу отъ 6 іюня 1205. Potthast 2237. Письма Иннокентія у Migne VII, 83.

Челано дѣлаеть нѣкоторые намеки на то, что будто бы Францискъ имѣлъ тайнаго безыменнаго учителя. Какой-то человекъ, имя котораго не называется, имѣлъ продолжительное время свиданія въ пещерѣ внѣ города съ юношей, когда имъ овладѣло болѣе серьезное настроеніе. По обычаю вальденцевъ таинственный человекъ говорилъ ему о скрытомъ сокровищѣ, о драгоценной жемчужинѣ¹⁾. Легенда даже даетъ ему особаго предтечу, котораго заставляетъ предшествовать своему мессіи, какъ Іоаннъ Креститель предшествовалъ Мессіи. Какъ Францискъ всякому встрѣчному на улицахъ Ассизъ говорить: „да пошлетъ тебѣ Богъ миръ“, такъ по разсказу *tres socii* уже до него по Ассизамъ часто проходилъ человекъ, кричавшій людямъ тотъ же наставительный привѣтъ: *paх et bonum*²⁾. Слѣдовательно воспоминаніе о сродномъ религіозномъ движеніи все же сохранилось въ кружкахъ, изъ которыхъ вышли первыя *vitae* святого. Впрочемъ нѣтъ нужды предполагать существованіе еретическихъ наставленій опредѣленныхъ отдѣльныхъ личностей, когда вся атмосфера была полна зародышами этого рода. Распространеніе въ Римѣ, Ломбардіи, Ліонѣ, Провансѣ этихъ идей объ апостольской жизни, нашедшихъ въ Умбрин новую точку приложенія, указываетъ на то, что онѣ были продуктомъ данной эпохи и могли проявиться всюду при данныхъ религіозныхъ, эконоіическихъ и общественныхъ условіяхъ безъ того, чтобы каждый отдѣльный провозвѣстникъ ихъ сознавалъ свою зависимость отъ предшественниковъ.

Мы могли бы точнѣе оцѣнить первыя концепціи порціункульской общины, если бы первоначальный уставъ Франциска, который часто упоминается, существовалъ еще въ оригиналѣ. Но этотъ первый уставъ отъ 1209 г., составленный Францискомъ *simplicibus verbis*³⁾, былъ вытѣсненъ позднѣйшимъ болѣе подробнымъ отъ 1221 года. Такъ какъ дошедшій до насъ уставъ 1221 г. благодаря отчасти повтореніямъ, отчасти противорѣчіямъ производитъ впечатлѣніе переработки старѣйшаго образца, то была сдѣлана попытка возстановить этотъ образецъ; но, если бы даже и можно было его возстановить, мы все же не знали бы, представляетъ ли

1) Ср. рѣчи о сокровищѣ у анонима изъ Пассау ст. 7. и Давида изъ Аугсбурга 35 съ *Acta S. S. II*, 625. По *tres socii* направлялъ и наставлялъ напротивъ друга въ пещерѣ Францискъ, что казалось болѣе достойнымъ святого. *Ibidem* 726. *Vita II*, ст. 22 касается этого только въ неясныхъ выраженіяхъ.

2) *Tres socii*. 726.

3) *Jordanus*, см. въ ук. м. ст. 102.

онъ уставъ 1209 г., такъ какъ врядь ли Францискъ отъ 1209 до 1221 г. оставался при первоначальномъ примитивномъ уставѣ; напротивъ, *tres socii* ясно свидѣтельствуютъ: *plures regulas fecit* ¹⁾). По Челано первый уставъ состоялъ главнымъ образомъ изъ мѣстъ священнаго писанія (*sancti Evangelii praecipue sermonibus utens*). Но, если бы мы вздумали выбрать изъ устава 1221 г. слова евангелія, рассчитывая такимъ образомъ получить старѣйшій уставъ, то и тутъ бы мы обманулись, ибо Иорданусъ говоритъ, что уставъ, написанный Францискомъ въ 1221 г., былъ украшенъ Цезаріусомъ изъ Шпейера огромнымъ количествомъ текстовъ ²⁾). Изъ этого слѣдуетъ, что поучительныя мѣста и молитвы, въ которыхъ ясно просвѣчиваетъ сердечный тонъ проповѣдей Франциска, представляютъ его часть участія въ уставѣ 1221 г., обоснованіе же устава ссылками на писаніе принадлежитъ Цезаріусу, о первоначальномъ же уставѣ мы можемъ составить понятіе развѣ только по случайнымъ упоминаніямъ о немъ. Этотъ уставъ, какъ описываютъ его, состоялъ изъ краткихъ простыхъ словъ, взятыхъ главнымъ образомъ изъ евангелія, къ которымъ были сдѣланы нѣкоторые добавленія соотвѣтственно требованіямъ практики ³⁾). Францискъ самъ говоритъ, что ему было открыто, что онъ долженъ жить *secundum formam Evangelii*. Поэтому мѣста священнаго писанія, открывшіяся ему и его ученику Бернарду черезъ посредство священника, легли въ основаніе устава; такъ, Францискъ, по *tres socii*, восклицаетъ, прочтя эти слова: „*haec vita est regula nostra*“. Въ этомъ разсказѣ мы прежде всего встрѣчаемъ слова изъ евангелія отъ Матвея 19, 21, которыми ліонскій богословъ отвѣтилъ на вопросъ Вальдо, и которыя дали толчокъ основателю ліонскихъ бѣдныхъ людей: „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи, и слѣдуй за Мною“. А также отъ Луки 9, 23: „Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за мной“. А правила жизни для обращен-

1) *Tres socii*, сар. 35. Ср. объ этомъ Sabatier въ ук. м. Примѣчаніе 141.

2) Jordanus въ ук. м. ст. 102.

3) Самъ Францискъ говоритъ о своемъ уставѣ въ завѣщаніи: *paucis verbis et simplicibus feci scribi*. Jordanus ст. 102 рассказываетъ, что онъ былъ составленъ самимъ Францискомъ *simplicibus verbis*. Тома изъ Челано и *tres socii* свидѣтельствуютъ о составленіи по библейскимъ текстамъ (*sancti Evangelii praecipue sermonibus utens*), къ чему Челано еще прибавляетъ: *Pauca tamen inseruit alia, quae omnia ad conversationis sanctae usum necessaria innuebant*“.

ныхъ заключались въ рѣчи Іисуса Христа своимъ ученикамъ, Матѳ. 10, 7—11 познакомившись съ которыми Францискъ, согласно легендѣ, воскликнулъ: „Вотъ чего я хочу, вотъ чего я ищу, вотъ дѣло, къ которому я стремлюсь всѣмъ сердцемъ“. По Челано къ этимъ евангельскимъ словамъ Францискъ прибавилъ еще немного, касающееся святого образа жизни. Во-первыхъ предписанія о постѣ, ибо о томъ, что въ уставѣ до 1221 г. были предписанія касательно постовъ, мы знаемъ отъ Іордануса ¹⁾, который сообщаетъ, что, когда Францискъ отправился на востокъ, его замѣстители измѣнили уставъ, сдѣлавъ его болѣе строгимъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ предписанія Франциска не казались имъ достаточно строгими. Еще мы узнаемъ, что въ старѣйшемъ уставѣ братія уже назывались малыми въ царствѣ небесномъ по принятому выраженію, по которому и въ міру различались *popolo minuto* и *popolo grasso*. Когда впоследствии перечитывали это старѣйшее правило, Францискъ особенно ревностно настаивалъ именно на словахъ *sint minores* ²⁾, изъ чего слѣдуетъ заключить, что эта фраза находилась уже въ первомъ уставѣ. Также изъ завѣщанія святого намъ извѣстно, что первый уставъ дѣлалъ трудъ обязательнымъ для братіи. Они должны были принимать всякую должность, если только занятіе было честно, только не такую, въ которой имъ приходилось бы имѣть собственность или слугъ. Что за свою работу они принимали только пищу и кровь, а не деньги, вытекаетъ уже изъ включенныхъ въ уставъ евангельскихъ текстовъ, а также и изъ разсказа Челано о томъ, какъ это происходило на практикѣ. Также они могли, согласно Лук. 9, 3 и Матѳ. 10, 10 имѣть только одну одежду, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ и завѣщаніе Франциска. Тѣ изъ этихъ предписаній, которыя встрѣчаются въ уставѣ 1221 г., безъ сомнѣнія придерживаются болѣе или менѣе буквально стараго текста. Такъ, можетъ быть, принадлежить къ числу совѣтовъ о христіанскомъ образѣ жизни, добавленныхъ Францискомъ къ текстамъ изъ писанія, предписаніе, которое и въ завѣщаніи относится къ началу ордена: „Преимущественно держитесь общества незначительныхъ и презираемыхъ людей, бѣдныхъ и увѣчныхъ, слабыхъ и прокаженныхъ и придорожныхъ нищихъ“. „Если то необходимо, вы должны просить милостыню и не стыдиться, ибо

¹⁾ Cap. 11 сл. Въ ук. м. ст. 100 сл.

²⁾ Th. Cel. въ ук. м. 694. Cum enim sic in regula scriberetur: „Et sunt minores“, ad cujus sermonis prolationem ea quidem hora, volo, inquit, ut ordo fratrum minorum fraternitas haec vocetur.

нашъ Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ живого и всемогущаго Бога, утвердилъ лицо Свое какъ крѣпкую скалу и не стыдился и былъ бѣденъ и въ гостяхъ, и самъ жилъ подаваемъ и Святая Дѣва и его ученики. Между собою же члены общества должны быть какъ братья. Каждый долженъ любить другого и кормить, какъ мать любить и кормить своего ребенка. Кто постится, по Посл. къ Рим. 14, 3, не унижай того, кто ѣсть, а кто ѣсть не осуждай того, кто не ѣсть. Въ случаѣ надобности они должны ѣсть то, что имъ даютъ, какъ Давидъ ѣлъ даже въ храмѣ хлѣбы предложенія, которыхъ никто кромѣ священниковъ не имѣетъ права ѣсть. Въ противоположность къ обычаю лѳонскихъ бѣдныхъ людей женщины не принимались въ союзъ ассизскихъ кающихся ¹⁾. Напротивъ братья должны беречься злого глаза женщины и не смотрѣть на нихъ. Также они не должны братья за спасеніе душъ женщинъ и не брать ихъ въ духовное послушаніе, но каждый долженъ помнить слова Матѳ. 5, 28: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. Отправляясь въ міръ братья не должны брать ни мѣшка, ни сумы, ни обуви, ни хлѣба, ни денегъ, ни посоха (Лука 10, 4). Входя въ домъ они сперва говорятъ: „миръ дому сему“, а оставаясь въ томъ домѣ, они должны ѣсть и пить, что тамъ есть. Они не должны противиться злу. Если ихъ ударятъ по одной щекѣ, они должны подставить другую. Если у нихъ отнимутъ платье, они должны отдать и верхнюю одежду. Они должны давать просящему и не требовать назадъ того, что у нихъ отнято. Все это—предписанія, выполненныя первыми же миссіями во Флоренціи и Болоньи. Всѣ братья должны памятовать о томъ, что они отдали себя Господу Христу, и терпѣть всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, какъ сказано у Іоан. 12, 25: „ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранить ее въ жизнь вѣчную“.

Много ли, мало ли изъ приведенныхъ мѣстъ заимствовано изъ перваго наброска Франциска, не остается все же никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ подразумѣвалъ подъ евангельской жизнью, которою онъ хотѣлъ жить. Жить въ одеждѣ апостоловъ, безъ дома и родины, питаясь трудомъ своихъ рукъ и нищенствомъ, посвящая себя простому возвышенію евангелія, вотъ что онъ считаетъ *vita evangelica*. Но этотъ идеалъ жизни совершенно тотъ же, какой до него былъ принятъ и выполненъ Вальдо. Устанавливая эти правила, Францискъ стремился къ тому же идеалу бѣдности, что и вальденцы, раскрывшемуся ему во время его борьбы съ отцовскимъ коры-

1) Bonaventura, 755.

столюбіемъ и скупостью, и онъ принялъ такое же, какъ и они, рѣшеніе вѣчнаго странствія, которое онъ оправдывалъ рѣчью Спасителя посылаемымъ на проповѣдь ученикамъ, но которое глубоко гнѣздилося въ его собственной натурѣ, полной нервнаго безпокойства и безцѣльнаго стремленія. Рѣшеніе вопроса слѣдовательно одно и то же, но латинская поговорка говоритъ: „когда двое дѣлаютъ одно и то же, то это есть нѣчто различное“. Оба, и Арнольдъ и Вальдо, провозгласили бѣдность истиннымъ состояніемъ настоящаго христіанина, могущимъ сдѣлать церковь вновь церковью. Но для глубокой и фантастической души ассизскаго поэта, вполне сливавшейся со всякой овладѣвавшей имъ задачей, бѣдность не есть уже средство для подражанія апостольской жизни, для него она есть цѣль сама по себѣ, ибо она содержитъ въ себѣ все добродѣтели. Только тотъ, кто самъ не желаетъ ничѣмъ обладать, бываетъ безкорыстнымъ, несебялюбивымъ, сострадательнымъ, готовымъ оказать помощь. Такимъ образомъ ассизскій поэтъ идеализировалъ бѣдность какъ царицу всехъ добродѣтелей. Для него бѣдность есть любимая невѣста, ¹⁾ руки которой, какъ говоритъ Данте, никто не искалъ со смерти Іисуса, а такъ какъ въ обычаѣ комедіантовъ воспѣвать свою даму, то онъ воспѣваетъ даму бѣдность. Сохранилась молитва, въ которой говорится: „Бѣдность есть царица всего. Милостивый Господи, Іисусе Христе, помилуй меня и госпожу бѣдность, ибо я мучусь любовью къ ней и не могу безъ нея найти покоя. Господь мой, Ты вѣдаешь это, Ты, заставившій меня влюбиться въ нее. Но она сидитъ въ грусти, всеміи изгнанная, госпожа міра стала вдовой. Унижена и презираема она, эта царица всехъ добродѣтелей... Она сидитъ на навозной кучѣ и жалуется, что все друзья презираютъ ее и стали ея врагами“. Во второй легендѣ Томы изъ Челано описывается торжественное обрученіе святаго съ бѣдностью, а въ одной лѣснѣ Іакопоне поэтически описано, какъ Францискъ бѣжить отъ богатства, стремится къ бѣдности и находитъ ее въ лѣсу, гдѣ и вступаетъ съ нею въ бракъ. Подъ бѣдностью Францискъ подразумѣвалъ не только матеріальную нищету, но сумму всехъ добродѣтелей нищаго Христа. Богатство же, напротивъ, представлялось ему источникомъ всехъ грѣховъ. Когда ассизскій епископъ Гвидо сказалъ ему, что безъ имущества его друзья не въ состояніи будутъ существовать, онъ отвѣчалъ: „Господинъ, если мы желаемъ обладать какимъ-либо имуществомъ, то намъ нужны оружія для защиты его. Ибо черезъ него возникаютъ споры и раздоры,

¹⁾ Celano I, act. S. S. II, 686.

чрезвычайно затрудняющіе любовь къ Богу и ближнимъ, поэтому мы и не хотимъ обладать ничѣмъ земнымъ“¹⁾). Итакъ они не желали вступать въ вѣчный споръ о моемъ и твоёмъ, увѣренные, что бѣдность апостоловъ была источникомъ всѣхъ ихъ добродѣтелей. Въ завѣщаніи ясно сказано что тѣ, кто присоединялись къ Франциску, должны были предварительно раздать свое имущество бѣднымъ; на практикѣ, подтвержденной уставомъ 1221 г., остальнымъ братьямъ запрещалось вмѣшиваться въ распоряженіе имуществомъ вступающихъ членовъ, чтобы они не могли какимъ-либо способомъ воспользоваться имъ. Естественно, что такія положенія не всѣмъ приходились по вкусу, и у дверей иныхъ старыхъ товарищей братьямъ приходилось получать въ отвѣтъ на просьбу о хлѣбѣ, что вотъ они промотали свое имущество, а теперь желаютъ жить на средства другихъ²⁾, или, что они-то и отнимаютъ хлѣбъ у бѣдныхъ, что они тунеядцы и бродяги³⁾. Въ отвѣтъ на эти упреки святой особенно настаиваетъ въ своемъ завѣщаніи на томъ, что онъ самъ работалъ и заставлялъ работать своихъ учениковъ. Только они не должны были никогда брать деньги за свой трудъ, а только необходимое для жизни. Для исполненія этихъ предписаній въ сущности не требовалось учрежденія отдѣльнаго братства, такъ какъ члены его могли продолжать свои обычные занятія. Однако, что Францискъ хотѣлъ выдѣлить ихъ отъ остального міра, видно изъ того, что онъ велѣлъ имъ всѣмъ носить одинаковую одежду: коричневую рясу, подпоясанную веревкой. „Мы довольствовались“, говоритъ Францискъ въ своемъ завѣщаніи, „рясой, веревкой и панталонами, и большого мы не желали имѣть“. Онъ выбралъ одежду бѣдныхъ рабочихъ и пастуховъ, лежащихъ днемъ и ночью на открытомъ воздухѣ, цвѣта голыи земли, капюшонъ для защиты отъ солнца и дождя. Если ряса изорвется, они должны заштопать ее при помощи лоскутьевъ и рогами съ благодарностью къ Богу, ибо Господь запретилъ своимъ ученикамъ носить мягкую одежду.

Чего же хотѣлъ достигнуть Францискъ этой жизнью въ бѣдности и презрѣніи? Прежде всего спасенія собственной души. Онъ и его друзья суть *ассизскіе viri poenitentiales*⁴⁾, искупающіе свои собственные грѣхи суровой жизнью. Они, по свидѣтельству Челано, проводятъ цѣлый день въ

1) *Tres socii* 733.

2) *Tres socii*, 733.

3) *Fioretti*, 8.

4) *Tres socii*, 733.

разговорахъ о божественныхъ предметахъ, рассказываютъ другъ другу свои сновидѣнія ¹⁾ или полученныя ими откровенія, поютъ гимны или съ плачемъ каются въ своихъ грѣхахъ. Они такъ строго соблюдали часы для молитвъ, что придумывали своеобразныя приспособленія, чтобы во-время просыпаться. Одинъ привязывалъ себя къ веревкѣ, другой спалъ между желѣзными остріями и тому подобными орудіями пытки ²⁾. Если имъ приходилось подкрѣпляться питательными кушаньями передъ путешествіемъ, то они потомъ наверстывали постъ ³⁾. Утонченныя способы умерщвленія плоти убивали всякое чувственное побужденіе ⁴⁾. Францискъ портить приносимыя ему въ даръ лакомства ⁵⁾ и пищу своихъ учениковъ, чтобы отучить ихъ отъ удовольствія ѣды. Онъ возвращаетъ соленое мясо. Если супъ былъ слишкомъ вкусенъ, то онъ сыпалъ въ него пепель; если похлебка была приправлена, онъ лилъ въ нее холодную воду; если ему приходилось ѣсть у знатныхъ людей, онъ подносилъ кушанья ко рту, но затѣмъ выливалъ ихъ за рясу ⁶⁾. Состряпанныя кушанья допускались вообще только въ болѣзни ⁷⁾, и даже тогда онъ ставилъ ихъ себѣ въ упрекъ. Когда однажды въ припадкѣ тѣлесной слабости онъ поѣлъ куринаго мяса, то рѣшилъ, что можетъ искупить этотъ грѣхъ только примѣрнымъ наказаніемъ, и велѣлъ одному брату повязать ему на шею веревку и вести его черезъ всѣ Ассизы, и, когда сбѣгался народъ, его проводникъ долженъ былъ кричать: „Глядите на лакомку, который ѣлъ за вашей спиной куриное мясо“ ⁸⁾. Также, когда въ его уединеніи въ Подіо къ нему на Рождество собралось много народа, чтобы слушать его проповѣдь, онъ началъ свою рѣчь словами: „Вы думаете, что я святой человѣкъ, и потому набожно пришли ко мнѣ. Но я долженъ сознаться, что во весь великій постъ я ѣлъ кушанья, приправленныя сѣломъ“ ⁹⁾. Въ строгомъ подавленіи своихъ собственныхъ искушеній Францискъ служилъ примѣромъ для всѣхъ. Въ пустынѣ Сартіано его искушалъ дьяволъ. Въ то время какъ онъ въ долгую зимнюю ночь ворочался

1) Tres socii, 739. и др. м. Celano II, 34, 35, 40, 126, 180, 182.

2) Celano I, 694. II, ст. 38.

3) Celano I, 694.

4) Тамъ же 696.

5) Tres socii 730. Celano II, ст. 28. 38.

6) Тамъ же 698. Tres socii 727.

7) Bonaventura 754.

8) Celano 698. Bonaventura 757.

9) Celano II, 194.

безъ сна на своемъ ложѣ, онъ трижды услышалъ свое имя. „Что тебѣ надо?“ отвѣчаетъ онъ злomu духу. Дьяволъ излагаетъ ему весьма шаткую теологію. Всѣ грѣхи, говоритъ онъ, Богъ прощаетъ кающемуся, но тотъ, кто истощаетъ себя суровымъ аскетизмомъ, никогда не будетъ помидованъ. Но Францискъ догадывается, къ чему клонится этотъ хорошій совѣтъ, и не принимаетъ его. Тогда злой духъ посылаетъ на него тяжелыя чувственныя искушенія. Такъ какъ Францискъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться, то онъ вскакиваетъ со своего ложа, беретъ бичъ и немилосердно бичуетъ себя: *Eia frater asine, sic te manere decet, sic subire flagellum: tunica religionis est, furari non licet: si quo vis pergere, perge.* Но удары не приносятъ желаемого результата. Искушеніе возвращается. Тогда онъ открываетъ дверь, пробирается въ садъ и бросается голый въ глубокой снѣгъ. Затѣмъ онъ принимается строить семь снѣговыхъ чучель. „Смотри“, говоритъ онъ при этомъ, „та большая твоя жена, эти двѣ твои сыновья, другія двѣ твои дочери, двѣ остальные слуга и служанка! Поторопись ихъ всѣхъ одѣть, ибо они умираютъ отъ холода! Но, если тебѣ тяжелы столь большія заботы, то служи одному Господу“. Послѣ этого дьяволъ отошелъ отъ него, и святой, торжествуя, вернулся въ свою келью, воспѣвая Господа. Но къ его досадѣ всю эту сцену видѣлъ при лунномъ свѣтѣ одинъ ревностный братъ, предававшійся молитвѣ поздно ночью. Францискъ былъ очень сконфуженъ, когда узналъ объ этомъ, и взявъ съ него обѣщаніе никому не говорить о видѣнномъ при его жизни ¹⁾. Впослѣдствіи братія были убѣждены, что, если онъ продолжаетъ все еще бичевать свое ставшее больнымъ и слабымъ тѣло, онъ наказываетъ свою неповинную плоть только для того, чтобы подать примѣръ имъ, нуждавшимся въ такой дисциплинѣ ²⁾. Но къ соблазнамъ другихъ онъ относился снисходительно. „Увы мнѣ“, закричалъ однажды ночью одинъ братъ, „я умираю отъ голода“. Тогда добрый пастырь почувствовалъ жалость къ больной овечкѣ и поспѣшилъ принести средство противъ этой болѣзни. Онъ велитъ подать кушанье, хотя и простое, а недостающее вино замѣняетъ, какъ это часто бывало, водой, и для того, чтобы жаловавшійся на голодь братъ не чувствовалъ себя пристыженнымъ, онъ ѣстъ самъ и приглашаетъ къ ѣдѣ другихъ ³⁾. Постель соотвѣтствовала пищѣ: голый полъ, кусокъ дерева или камень вмѣсто подушки, ряса вмѣсто одѣяла. Въ мягкихъ шерстя-

¹⁾ Celano II, 176. Bonaventura 754 сл.

²⁾ Celano II, 192.

³⁾ Celano II, 88.

ныхъ одѣялахъ сидятъ дьяволы кучками, какъ моль, и онъ самъ испыталъ, что только тогда избавился отъ сатаны, когда велѣлъ взять прочь пуховую подушку, которую ему положили, и покинулъ роскошный кровъ¹⁾. Подобнымъ же образомъ учитель упражняетъ своихъ учениковъ въ послушаніи, и слѣдуетъ замѣтить, что въ его легендѣ впервые сравнивается послушный монахъ съ трупомъ, удерживающимъ всякое положеніе, которое его начальникъ пожелалъ бы ему дать²⁾. Онъ являлъ ученикамъ ежедневно и примѣръ смиренія, которымъ они восхищались. Когда какой-нибудь братъ спрашивалъ его, кѣмъ онъ себя считаетъ, Францискъ отвѣчалъ: величайшимъ грѣшникомъ. А когда первый ему говорилъ, что не вѣритъ этому, Францискъ возражалъ: „Если бы самый испорченный преступникъ получилъ отъ Бога столько милости, какъ я, я думаю, онъ былъ бы благодарнѣе Богу, чѣмъ я“³⁾. *Tres socii*, а позднѣе Фіоретти, приводятъ массу примѣровъ упражненій въ воздержаніи, смиреніи, терпѣннн и самообладаніи, которыми Францискъ наполнялъ день, и хотя отдѣльные анекдоты и не могутъ быть исторически достоверными, все же къ этому преданію, сохранившемуся въ нѣдрахъ умбрійскаго конвента, присоединяется еще воспоминаніе о томъ, въ какомъ тонѣ было обращеніе святого со своими товарищами. Если, рассказываютъ *tres socii*⁴⁾, одинъ, бывши въ дурномъ расположеніи духа, оскорбилъ другого, то его совѣсть не давала ему покоя, и онъ бросался передъ обиженнымъ на земь и просилъ его поставить ногу на ротъ, произнесшій обидное слово. Въ случаѣ необходимости прелать, въ силу орденскаго послушанія, налагалъ это искупленіе, потому что самъ Францискъ такъ поступалъ. Когда однажды онъ неосновательно разсердился на то, что братъ Бернардъ не шель на его троекратный зовъ, а затѣмъ узналъ, что причиной этого было самозабвеніе молящагося, онъ былъ такъ подавленъ, что сказалъ Бернарду: „Приказываю тебѣ святымъ послушаніемъ, чтобы въ наказаніе за мою надменность и наглость ты поставилъ мнѣ, когда я лягу на спину на полъ, одну ногу на горло, а другую на ротъ и такимъ образомъ трижды перешагнулъ черезъ меня, понося и срамя меня и особенно говоря мнѣ: „Лежи же здѣсь, грубый сынъ Пьетро Бернардоне; и откуда такое высокомеріе въ тебѣ, совершенно негодномъ созданіи“. Братъ Бернардъ совершаетъ это наказаніе

1) Bonaventura, 754. Celano II, 100, 102, 178.

2) Celano II, 218. Bonaventura 757 сл.

3) Bonaventura 758.

4) Ст. 734.

со всей возможной осторожностью, такъ какъ обязанъ послушаніемъ сдѣлать это; но затѣмъ онъ требуетъ подобнаго же послушанія отъ Франциска и заставляетъ его обѣщать, что каждый разъ, когда онъ будетъ съ нимъ, онъ будетъ перечислять его грѣхи ¹⁾). Для дружелюбнаго характера святого эта обязанность была такъ невыносима, что онъ съ тѣхъ поръ сталъ насколько возможно избѣгать Бернарда, ибо для него не было ничего тяжелѣе, какъ осуждать другихъ. Легенда рассказываетъ еще, что каждый разъ, когда народъ давалъ святому чрезмѣрные доказательства своего почитанія, онъ заставлялъ какого-нибудь ученика выругать себя какъ только возможно, и чѣмъ сильнѣе выраженія употреблялъ этотъ послѣдній, называя его мужикомъ, поденщикомъ, бесполезнымъ лѣнтяемъ, тѣмъ веселѣе становилось лицо Франциска, и тѣмъ довольнѣе былъ онъ ²⁾). Подобное же упражненіе въ смиреніи затѣялъ, по Фіоретти, Францискъ съ братомъ Лео, когда у нихъ не оказалось книгъ, чтобы прочесть ночную мессу. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, Францискъ придумываетъ собственную мессу. Онъ будетъ говорить: „О братъ Францискъ, ты сдѣлалъ столько зла и такъ много нагрѣшилъ въ мірѣ, что ты достоинъ ада“, на что братъ Лео долженъ отвѣчать: „Дѣйствительно ты заслужилъ самой глубокой преисподней“. Братъ Лео обѣщаетъ давать соотвѣтственные отвѣты, но въ своемъ антифонѣ каждый разъ вмѣсто ада обѣщаетъ рай. Многократно Францискъ упрекаетъ овечку, брата Лео, за его непослушаніе и наконецъ сердится на то, что Лео постоянно нарушаетъ обѣтъ послушанія; но этотъ отвѣчаетъ смиренно: „Вѣдаетъ Богъ, что я каждый разъ намѣревался отвѣчать такъ, какъ ты велишь, но Богъ заставляетъ меня говорить, какъ Ему желательно, а не такъ какъ мнѣ“. И послѣдняя попытка кончается такъ же, и они прободрствовали остатокъ ночи до утра въ слезахъ и духовномъ угнетеніи ³⁾). Никто не станетъ искать чистой правды въ этомъ отрывчатомъ преданіи, но оно показываетъ, какъ проводили дни эти отшельники, и даже на обломкѣ сохранился запахъ елея, заключавшагося въ сосудѣ.

1) Fioretti. 3. Cp. Celano II, 222.

2) Celano 698. Bonaventura 757.

3) Fioretti 9.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ІІСУСУ.

Plango passionem Domini mei Jesu Christi, pro quo non deberem verecundari alta voce ire plorando per totum mundum.

Franciscus. Tres socii 1, 14.

Точка отправленія святого Франциска была иная, чѣмъ его предшественниковъ по бѣдной жизни. Послѣдніе проповѣдывали нищету какъ противоположность къ тщеславному образу жизни въ церкви, его же привлекло къ бѣднымъ людямъ состраданіе къ прокаженнымъ и калѣкамъ. Для него имѣлъ значеніе не отрицательный результатъ аскетизма—посрамленіе священниковъ, но удовлетвореніе потребности любви къ людямъ, которая обратилась на бѣднѣйшихъ людей страны, когда его ближніе оттолкнули его любовь. Арнольдъ хотѣлъ вести апостольскій образъ жизни въ видѣ протеста противъ развратившейся церкви, какъ показаніе противъ багряныхъ грѣховъ кардиналовъ. Всякое правое ученіе является для него стрѣлой, посланной въ слабыя стороны іерархіи, всякое налагаемое имъ на себя лишеніе—упрекомъ въ роскоши прелатовъ; всякое нищенское одѣяніе, носимое имъ, доводомъ противъ пурпура папъ. Въ беззаботномъ, веселомъ сынѣ умбрійскихъ горъ отсутствовала эта полемическая тенденція. Идеаль жизни Христовой былъ запечатлѣнъ въ его набожномъ сердцѣ какъ само по себѣ хорошее и прекрасное, а его сознаніе невозможности достиженія этого идеала поддерживало въ немъ трогательное смиреніе и скромность, тогда какъ тотъ же идеаль возбуждалъ въ сектантахъ самонадѣянное высокомеріе. Подражать Христу значить быть скромнымъ¹⁾. Къ тому же онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, какъ далеко онъ отъ своего идеала, какъ же могла его голубиная душа порицать высокихъ господъ за то, что они также не совершенны? Къ тому же онъ

¹⁾ Tres socii 735.

и мало зналъ о томъ, что происходитъ въ мірѣ. Жить, какъ жилъ Иисусъ Христосъ, какъ объ этомъ онъ вычиталъ въ евангеліи, вотъ его задача, вполне поглощающая его и заставляющая его забыть міръ и самого себя. Не рѣчи противъ фарисеевъ, повторяемые Арнольдомъ, составляютъ его евангеліе, но заповѣди блаженства нагорной проповѣди. Жизнь Христа представляется его поэтической душѣ не эпосомъ, а идилліей. Въ его сердцѣ постоянно звучатъ виолемскіе пастушескіе колокольчики, и евангеліе представляется ему буколическимъ стихотвореніемъ, которое онъ переживаетъ, а не героической эпопеей, какъ борцу изъ Брешии. Францискъ былъ совершенно свободенъ отъ полемиической тенденціи своихъ предшественниковъ въ бѣдной жизни, онъ даже признаетъ себя ихъ рѣшительнымъ противникомъ. Ничто не было такъ противно всему его характеру какъ страсть къ осужденію. Онъ называетъ ее змѣинымъ ядомъ и чумой, и, хотя онъ очень свисходительно относился къ проступкамъ своихъ братьевъ, онъ бывалъ неумолимъ къ тѣмъ, чей злой языкъ нарушалъ миръ. Онъ даже отбиралъ у нихъ орденскую одежду и обращался съ ними какъ съ ворами, посягнувшими на чужую собственность¹⁾. Какъ онъ видѣлъ во всемъ только хорошее, такъ должны были и его ученики всюду видѣть только это. Слѣдовательно въ его душевной личности, а не въ его программѣ, которую онъ раздѣлялъ съ арнольдистами, лежитъ причина того, почему онъ остался въ мирѣ съ церковью, съ которой тѣ разошлись. Въ своемъ завѣщаніи Францискъ говоритъ, что въ его обращеніе входило внушеніе ему Богомъ такого довѣрія къ священникамъ именно вслѣдствіе ихъ званія, что даже тогда, когда они преслѣдовали его, онъ все же всегда возвращался къ нимъ. „И если бы даже я“, говоритъ онъ, „обладалъ великой мудростью Соломона и встрѣтилъ бы самыхъ жалкихъ священниковъ, то я все же не захотѣлъ бы проповѣдывать въ ихъ церквахъ противъ ихъ воли. Ихъ же самихъ и всѣхъ другихъ я буду бояться, любить и почитать какъ моихъ господъ. И я не хочу замѣчать въ нихъ грѣховъ, ибо вижу въ нихъ Сына Божія, и они суть мои господа. И это потому, что въ этомъ мірѣ я тѣлесно не вижу отъ Всевышняго Сына Божія ничего кромѣ Его пречистыхъ тѣла и крови, которыхъ они вкушаютъ и даютъ другимъ“. Уважая такъ высоко ихъ священный санъ, онъ не обращаетъ вниманія на ихъ можетъ быть и не святыхъ личныхъ качества, тогда какъ патарены и арнольдисты напротивъ презирали и ихъ таинства за ихъ достойное презрѣніе поведеніе. Образцомъ смиренія для него былъ смиренный Христосъ, тогда

1) Bonaventura 763.

какъ сектанты скорѣе стали высокоумѣны отъ подражанія жизни апостоловъ. Священники, „живущіе по образцу римской церкви“, являются для него истинными священниками, какъ бы они во всемъ остальномъ ни были достойны порицанія. Патарены ставили имъ въ упрекъ, что они не могутъ совершать таинства евхаристіи, для него же всѣ ихъ слабости покрываются именно тѣмъ, что они въ состояніи раздавать святое тѣло. Также были конечно протестомъ противъ еретиковъ, раздающихъ святыя дары по закоулкамъ и читающихъ священное писаніе въ домахъ, дальнѣйшія слова завѣщанія: „Я желалъ бы, чтобы эти наисвященнѣйшія тайны были цѣнными и почитаемы превыше всего и хранимы въ достойныхъ мѣстахъ. Если я найду Его святое имя и Его написанное слово въ недозволенныхъ мѣстахъ, я ихъ возьму прочь, и прошу, чтобы они были взяты прочь и сохранены въ подходящемъ мѣстѣ“. Когда въ послѣдствіи минориты, какъ, напримѣръ, безсердечный Давидъ изъ Аугсбурга, отнимали у вальденцевъ ихъ библіи и запрещали имъ совершать богослуженія на дому, они могли ссылаться на это указаніе своего святого. Такъ какъ наибольшая опасность для братства заключалась въ томъ, какъ бы не быть обвиненнымъ въ еретичествѣ, то понятна суровость, съ которой Францискъ относился ко всякому противуцерковному движенію, и съ которой онъ стремился помѣшать тому, чтобы его общество стало чуждымъ официалъному богослуженію, а наипаче стало бы притономъ еретичества. „Хотя я глупъ и слабъ“, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, „я все же хочу всегда имѣть при себѣ церковнослужителя, который бы читалъ за меня мессу, какъ требуется по уставу. И то же требуется и отъ другихъ братьевъ, непремѣнное послушаніе своимъ старшимъ (Guardian) и заботы о чтеніи мессы по уставу. А если бы нашлись такіе, которые не заботятся о чтеніи мессы по уставу, или стремятся къ инымъ какимъ нововведеніямъ, или не правобѣрны, то всѣ братья, какъ только они найдутъ такового, должны привести его къ старшему (Guardian), ближайшему къ тому мѣсту, гдѣ они его нашли. А старшій (Guardian) обязанъ, согласно обѣту послушанія, держать его подъ крѣпкимъ арестомъ, какъ человѣка, носящаго день и ночь кандалы, такъ, чтобы его не могли вырвать изъ его рукъ до тѣхъ поръ, пока онъ лично не передастъ его въ руки своего министра. А министръ долженъ непремѣнно по долгу послушанія послать его съ братьями такъ, чтобы они сторожили его день и ночь, какъ если бы онъ былъ въ кандалахъ, до тѣхъ поръ пока не приведутъ его къ господину главному епископу Остіи, который есть протекторъ и инспекторъ этого братства“. Такъ какъ кардиналъ Гуго изъ Остіи, въ послѣдствіи Григорій IX, былъ съ 1220 г. протек-

торомъ мнворитовъ, то завѣщаніе было написано между 1220 и 1226 г., годомъ смерти святого, и по всей вѣроятности къ концу этого періода. Эти мѣры противъ еретиковъ стали вѣроятно опредѣленнѣе и суровѣе въ этотъ позднѣйшій періодъ, но не подлежатъ никакому сомнѣнію, что, несмотря на общій идеалъ жизни въ бѣдности, поведеніе сектантовъ должно было съ самаго начала быть антипатичнымъ душѣ полной смиренія, скромности и набожности. Никогда онъ не думалъ о томъ, чтобы присвоить себѣ, подобно ломбардцамъ, право проповѣди или совершенія святыхъ таинствъ безъ церковнаго полномочія. Напротивъ: „Всѣхъ теологовъ и тѣхъ, кто намъ предлагаетъ наисвятѣйшія божественныя слова, мы должны уважать и чтить какъ людей раздающихъ намъ духъ и жизнь“.

Итакъ въ лицѣ Франциска появился апостоль жизни въ бѣдности, желавшій, оставаясь въ скромномъ подчиненіи предрержащимъ властямъ, распространять ученіе о святой бѣдности, бывшее до того лозунгомъ возмущенія. Слѣдовательно у Франциска примѣненіе арнольдо-вальденскаго идеала было съ самаго начала католическимъ.

Если мы захотимъ вникнуть въ конечную причину этой оригинальной и новой формы идеала нищеты, то увидимъ, что она лежитъ въ томъ, что Францискъ былъ поэтъ, тогда какъ Арнольдъ и Вальдо принадлежали политикѣ и народному образованію. Апостольская жизнь, которую хочетъ вести Францискъ, имѣетъ весьма большое сходство съ сказочнымъ міромъ золотого вѣка. Поэтъ съ головы до ногъ, онъ былъ способенъ вполне перенестись въ среду вилеемскихъ пастуховъ; онъ слышалъ плескъ волнъ въ Геннисаретскомъ озерѣ, для него благоухали лиліи Соломона въ долинѣ Саронской. Жизнь Иисуса Христа, представлявшаяся для другихъ шествіемъ на Голгоу и трагедіей, была для его веселой души, въ которой любовь, радость и вѣра составляли всегда единое, веселой пастушеской поэзіей; поэтому въ добромъ сердцѣ Франциска идеи Арнольда и ліонскихъ бѣдныхъ людей потеряли всѣ свои шипы. Съ тѣхъ поръ какъ онъ обручился съ дамой бѣдностью и сталъ ея рыцаремъ, лишеніе сдѣлалось для него забавой, имѣющей свою привлекательность. Соперничествуя со своими учениками въ бѣдности, онъ достигаетъ того, что она перестаетъ давить и мучить ихъ, и къ ней относятся какъ къ веселому спорту. Легенда полна чрезвычайно смѣшныхъ чертъ, какъ христіанскій Діогенъ достигалъ того, что становился все еще немного бѣднѣе, и какъ его мучила ревность, когда онъ встрѣчалъ кого нибудь еще бѣднѣйшаго, чѣмъ онъ. Различіе между нимъ и Вальдо заключается въ томъ, что послѣдній пользовался подражаніемъ Христу для своего спасенія

и для свидѣтельства противъ церкви, тогда какъ Францискъ, какъ поэтъ, переживалъ подражаніе Христу какъ высокое искусство. Для перваго оно есть средство для достиженія цѣли, для втораго цѣль сама по себѣ, изображеніе высшаго идеала, достиженіе высочайшаго блага. Онъ стремится къ поэтическому переживанію страдальческой жизни Иисуса, начиная съ сорокадневнаго поста, кончая геесиманскими и голгоескими страстями. Его видятъ съ заплаканными глазами и на вопросъ о причинѣ его скорби получаютъ въ отвѣтъ: „Я плачу о страданіяхъ моего Господа Иисуса Христа и не постыдился бы съ громкимъ плачемъ о нихъ обойти весь свѣтъ“¹⁾. И онъ воспроизводитъ священную исторію не только въ умѣ. Подражаніе Христу онъ понимаетъ буквально. Въ лѣсу близъ Греччіо онъ устраиваетъ въ послѣдніе годы своей жизни на праздникъ Рождества вертепъ; ясли наполнены сѣномъ, есть и быкъ и осель, а также и дитя. Зрители видятъ, какъ святой становится на колѣни передъ яслями и беретъ на руки дитя, подобно Симеону. Неудивительно, что нѣтъ недостатка и въ пастухахъ, собравшихся слушать рождественскую проповѣдь святаго мужа, и лѣсъ оживляется отъ блеска факеловъ и пѣнія вѣрующихъ²⁾. Во время проповѣди Францискъ до обмана подражаетъ лепету ребенка³⁾, онъ даже умѣлъ такъ произносить слово Вилеемъ, что оно каждый разъ напоминало блеяніе овецъ⁴⁾. Какъ рождественскій эпизодъ, такъ же ежегодно онъ повторяетъ и сорокадневный постъ въ пустынѣ, гдѣ онъ живетъ съ животными, и гдѣ, по убѣжденію учениковъ, ему служатъ ангелы. Тоже относительно ранъ Христовыхъ, которыя онъ носилъ на своемъ тѣлѣ, вѣроятнѣе всего, что онъ ихъ самъ себѣ нанесъ, чтобы самому перенести всѣ страданія распятаго.

Такая жизнь въ фантазіи, какую Францискъ представилъ итальянскому народу, не могла не произвести трогательнаго впечатлѣнія и не возбудить симпатіи. Всюду, гдѣ онъ появлялся, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Къ этому присоединялось его своеобразное краснорѣчіе, о которомъ мы мо-

1) Tres socii 727. Vita II ст. 22.

2) Celano I, 706. Bonaventura 770. Какое сильное впечатлѣніе произвело это рождественское празднество, со времени котораго ясли заняли въ Италіи то же мѣсто, что въ Германіи елка, указываетъ частое упоминаніе о немъ у Салимбене, въ ук. м. 317 и 137 и въ др. м.

3) Celano II, 282.

4) Saepe more balantis ovis Bethlehem dicens. Celano I. въ ук. м. 706. Ср. Bonaventura ibidem 764 (§ 110).

жемъ судить по дошедшимъ до насъ молитвамъ и воззваніямъ, которыя, выражая чистую набожность и море любви, присущія ему, производятъ и въ настоящее время глубоко захватывающее впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зависитъ въ значительной степени и отъ того, что въ радостномъ ассиизскомъ поэтѣ заключался великій поэтъ природы. Во всѣхъ легендахъ о немъ разсказывается о пѣсняхъ на провансальскомъ языкѣ, которыя онъ пѣлъ во время своихъ странствій, о хорахъ, которые онъ заставлялъ исполнять своихъ учениковъ, чтобы растрогать враждебныя партіи, объ его потребности выражать радость и горе въ звукахъ, такъ что даже смерть онъ привѣтствовалъ пѣніемъ. Онъ какъ истый комедіантъ Божій бродилъ изъ деревни въ деревню, изъ замка въ замокъ, привѣтствуемый радостно всюду. Самое значительное дошедшее до насъ поэтическое произведеніе Франциска есть его пѣсня солнцу, сочиненная вѣроятно къ концу его жизни ¹⁾. Она свидѣтельствуетъ, что онъ былъ истиннымъ поэтомъ, для котораго вся природа представляется одушевленной, который разговариваетъ съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, и въ то же время именно тѣмъ набожнымъ дитятей Божиимъ, смотрящимъ на всѣ творенія какъ на своихъ братьевъ, какимъ его описываетъ и Челано.

„Хвала Тебѣ“, говорится въ этой пѣсни, „Мой Господь со всеми Твоими твореніями, особенно съ нашимъ господиномъ братомъ, солнцемъ, дающимъ день и освѣщающимъ своимъ свѣтомъ; оно прекрасно и свѣтитъ сильнымъ блескомъ. Оно является Твоей эмблемой, о Всевышній“.

„Да славятъ Тебя, моего Господа, наши братья мѣсяць и звѣзды; Ты создалъ ихъ на небѣ такими ясными, блестящими и прекрасными“.

„Да славятъ Тебя, моего Господа, наши братья вѣтеръ, и воздухъ, и облака, хорошая и всякая погода, которыхъ Ты посылаешь на сохраненіе Твоихъ созданий“.

„Да славить Тебя, моего Господа, нашъ братъ огонь, которымъ Ты освѣщаешь ночь; онъ прекрасенъ, и веселъ, и очень силенъ и могучъ“.

„Да славить моего Господа наша сестра, мать земля, пекущаяся о насъ и питающая насъ и приносящая плоды и нестрые цвѣты и травы“ ²⁾.

¹⁾ Celano II, 302. Относительно преданія и текста ср. E. Böhmer, *Romanische Studien*. 1875. S. 118 f. *Der Sonnengesang von Francesco d'Assisi*. Тоже въ Ludwig Giesebrechts, *Damaris* 1864, 4.

²⁾ Такова первоначальная пѣсня, къ которой подходит старое заглавіе: *laudes creaturarum*. Мы обязаны Сабатье указаніемъ на то, что предпоследняя строфа, касающаяся примиренія послѣ одной распри

Какъ зѣсь святой Францискъ называетъ звѣзды и элементы братьями и сестрами, такъ въ одной молитвѣ, сохранившейся въ его второй vita ¹⁾, онъ подобнымъ же образомъ олицетворяетъ добродѣтели. „Царица мудрость, да пошлетъ тебѣ Богъ преуспѣяніе вмѣстѣ съ твоей сестрой, святой непорочной простотой! Святая госпожа бѣдность, да пошлетъ тебѣ Богъ преуспѣяніе вмѣстѣ съ твоей сестрой, святой униженностью! Святая госпожа, любовь, да пошлетъ тебѣ Богъ преуспѣяніе съ твоей святой сестрой, послушаніемъ! Всѣ святыя добродѣтели, да пошлетъ вамъ Богъ преуспѣяніе въ вашихъ первыхъ и послѣднихъ шагахъ!“ Съ тѣмъ же поэтическимъ блаженствомъ любви онъ привѣтствуетъ страданія своей послѣдней болѣзни какъ своихъ сестеръ, а смерть какъ своего брата. Если даже мы отбросимъ другія приписываемыя ему провансальскія пѣсни, какъ недоказанныя, то все же и упомянутыхъ образцовъ достаточно, чтобы признать оригинальность его взгляда на природу. Любовь къ цвѣтамъ и растеніямъ, къ беззаботнымъ обитателямъ лѣсовъ и полей, къ зеленѣющимъ лѣсамъ и мерцающимъ звѣздамъ, составляющая обычную тему современныхъ ему провансальскихъ трубадуровъ и нѣмецкихъ миннезингеровъ, мы встрѣчаемъ и здѣсь, но примыкающую къ псалмамъ Давида и поддерживаемую теплымъ религіознымъ настроеніемъ, для котораго совершенно невозможно представить что-либо внѣ связи съ Богомъ, и для котораго поэтому исполнѣ естественна и несомнѣнна сердечная дружба со всѣми созданіями.

Судя по этой своеобразности его поэзіи, соотвѣтственныя указанія въ легендѣ должны быть исторически вѣрными, по которымъ онъ любилъ быть въ братскихъ отношеніяхъ со всѣми твореніями ²⁾. Звѣзды онъ считаетъ своими братьями, цвѣты—своими сестрами. Онъ снимаетъ съ дороги червяка, чтобы ему не повредили, такъ какъ самъ Мессія говоритъ, Пс. 21, 7: „Я же червь, а не человѣкъ“ ³⁾. Онъ заботится зимой о нищѣ для пчелъ, чтобы онѣ не терпѣли нужды. Онъ заставляеть дровосѣковъ падать корни деревьевъ, для того, чтобы братъ дерево могъ бы дать новые побѣги, и оставляетъ размножаться безъ помѣхи вокругъ сада рас-

въ Ассизахъ, и послѣдняя на смерть во время его послѣдней болѣзни были прибавлены позднѣе.

¹⁾ Celano II, 266.

²⁾ Celano II, 236 и слѣд.

³⁾ Celano I, 705.

тенія, выпалываемыя внутри сада ¹⁾). Онъ покупаетъ ягнятъ, чтобы спасти ихъ отъ участи агнца Божія. Онъ вынимаетъ изъ петли молодого зайца и бранитъ его: „Какъ это ты далъ себя надуть, братецъ зайка“, и выпускаетъ его на свободу, совѣтуя ему больше не попадаться. Цикадѣ, сидящей у него на рукавѣ, онъ говоритъ: „Пой, сестрица цикада, и хвали Господа своимъ ликованьемъ!“ ²⁾ Въ Сиенѣ онъ покупаетъ пару горлинокъ и прячетъ ихъ въ складкахъ своей рясы: „Маленькія сестрицы“, говоритъ онъ имъ, „вы непритязательны, невинны и цѣломудренны. Зачѣмъ вы дали себя поймать? Я совью вамъ гнѣздо, чтобы вы были плодовиты и могли бы размножаться, на что васъ сотворилъ нашъ Творецъ“ ³⁾. Легенды полны разсказовъ о томъ, какъ безсловесныя творенія чувствовали, что святой желаетъ имъ добра, и какъ поэтому они все возвращались къ нему и слѣдовали за нимъ на большія разстоянія ⁴⁾. И даже сцены, подобныя сценѣ въ Сиенѣ, когда Францискъ заговорилъ со стадомъ овецъ, а онѣ съ любопытствомъ окружили его и отвѣчали на его рѣчь общимъ согласнымъ бленіемъ, такъ что сами пастухи были удивлены ⁵⁾, какъ ни похожи онѣ на юродство, все же онѣ не совсѣмъ невѣроятны. Иногда эти разговоры съ животными переходятъ въ настоящія проповѣди, какъ, напримеръ, когда онъ перелетнымъ птицамъ, на которыхъ его соотечественники смотрятъ только какъ на добычу для своихъ сѣтей, даетъ предостереженіе: „Братья мои, птицы, вы должны много восхвалять вашего Творца и всегда любить Его, давшаго вамъ пухъ для одежды, маховыя перья для летанья и все для васъ нужное. Онъ сдѣлалъ васъ благородными среди своихъ созданій и указалъ вамъ жилище въ чистомъ воздухѣ. Вы не сѣете и не собираете въ житницы и однако безъ всякаго труда Онъ васъ содержитъ и васъ направляетъ“ ⁶⁾. Въ Альвіано, между Орвieto и Нарни, ласточки поднимаютъ такой шумъ, что его слабого голоса совсѣмъ не слышать. Тогда онъ говоритъ: „Сестры мои, ласточки, пора и мнѣ говорить; такъ какъ вы достаточно наговорились, то послушайте теперь слова Господа и помолчите, пока оно не будетъ закончено“ ⁷⁾. Не слѣдуетъ именно забы-

1) Celano II, 236.

2) Celano I, 700. Bonaventura 764.

3) Fioretti, 22.

4) Celano II, 238 и слѣд.

5) Bonaventura 764.

6) Celano I, 699. Bonaventura 764, 774. Fioretti 16.

7) Celano I, 699. Fioretti 16. Bonaventura 765, 775.

вить, что Францискъ самъ называлъ себя *joculator domini*, а подобныя оригинальныя выходки способствовали тому, чтобы собирать вокругъ него толпу. Обращаясь къ животнымъ какъ къ людямъ, онъ съ подобной же фантастической шуткой отговивалъ назойливаго человѣка какъ брата комара, а къ своему собственному тѣлу относился какъ къ брату ослу, который долженъ поститься и не можетъ обойтись безъ бича ¹⁾. Конечно сказаніе именно здѣсь прикрасило святого разными чертами, и съ тѣхъ поръ какъ Челано обрисовалъ его въ своей первой легендѣ какъ сына Адама, „въ которомъ природа вернулась къ своей первоначальной добротѣ“, который, подобно первому Адаму въ раю, жилъ по-братски какъ дитя со всѣми твореніями, — этотъ поэтическій мотивъ монаха, играющаго съ дикими звѣрями, былъ горячо подхваченъ поэтически одареннымъ народомъ и былъ повторенъ въ сотнѣ вариаций. Но поводъ къ такому поэтическому изображенію, данному Челано, былъ все же данъ самимъ Францискомъ. Сынъ Бернардоне дѣйствительно съ поэтической довѣрчивостью любилъ окружающую его природу и всегда чувствовалъ, что малѣйшее существо есть его братъ, такъ какъ имѣеть общаго съ нимъ небесаго Отца ²⁾. И хотя бы отдѣльные рассказы и оказались не выдерживающими критики, все же то, что они относятся именно къ этому чело-вѣку, имѣеть свое основаніе. И не малой похвалы заслуживаетъ Францискъ за то, что среди народа, гоняющагося за птицами, истребляющаго лѣсъ, мучающаго животныхъ болѣе всякаго другого, онъ проповѣдывалъ любовь ко всѣмъ созданіямъ, правда продолжительное время тицетно.

Биографія Франциска полна парадоксовъ. Ее можно понять только съ точки зрѣнія народнаго святого, поступки котораго проистекають не изъ разсужденій, но изъ сердечныхъ импульсовъ. Пламени такого жара любви нельзя приказать: гори до этого мѣста, дальнѣйшее будетъ безуміемъ! Оно живетъ по своимъ собственнымъ законамъ, которые не суть законы холоднаго разсудка, иногда даже и противорѣчатъ чело-вѣческому разуму. Но разумомъ дѣтей Божіихъ, превосмогающихъ своею любовью въ концѣ концовъ всякую премудрость, Францискъ обладалъ съ избыткомъ ³⁾.

1) Celano II, 118, 176. Tres socii 727. Bonaventura 755.

2) Omnes creaturas fratres nomine nuncupabat. Celano I, acta S. S. II, 705 сл. Bonaventura 764.

3) Bonaventura, въ ук. м. 771.

Поэтому его жизнь слѣдуетъ принимать въ цѣломъ, подобно фантастическому произведенію искусства. Какъ таковое, она имѣла историческое вліяніе, котораго не могли достигнуть рѣзкая полемика и непреклонная логика его предшественниковъ. Онъ не представляетъ теоретической натуры, изслѣдующей разумомъ, что можетъ быть полезно для данной эпохи, и что дремлетъ въ ея нѣдрахъ, но посредствомъ смутнаго гениальнаго влеченія онъ пришелъ къ идеѣ возстановить апостольскую жизнь, о которой онъ слышалъ, и онъ совершенно не подозрѣвалъ, что этимъ онъ разрѣшаетъ задачу, о которую разбились попытки великихъ князей духовныхъ. Благодаря ему подражаніе Христу приняло такой видъ, противъ котораго и церковь не могла ничего сказать, ибо новая проповѣдь Франциска положительно жила собственнымъ богатымъ содержаніемъ его души, а не полемическимъ противорѣчіемъ прелатамъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЦЕРКОВНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ДВИЖЕНІЯ МІРЯНЪ.

Идите, научите всѣ народы.

Описаніе того, какъ Францискъ посылалъ своихъ товарищей на проповѣдь покаянія и мира, до того похоже на рассказъ изъ евангелія, какъ Христосъ посылалъ своихъ учениковъ, что трудно рѣшить, гдѣ кончается исторія, и начинается сочиненіе. Само по себѣ можно скорѣй считать естественнымъ ходомъ событій то, что забота о спасеніи бѣдныхъ людей родного города и его окрестностей распространилась съ теченіемъ времени на болѣе отдаленныя мѣста и болѣе обширные круги, такъ что забота о душахъ привела сама собой къ миссіонерству. Еще до такъ называемаго посланія рассказывается о совмѣстныхъ странствіяхъ новыхъ проповѣдниковъ покаянія. Къ тому же хронологія этого перваго посланія чрезвычайно шатка. По Челано оно предшествовало изданію устава,¹⁾ по Фіоретти²⁾ странники уже предъявляли свой уставъ въ своихъ миссіонерскихъ странствіяхъ. У всѣхъ непосредственно за этимъ посланіемъ слѣдуетъ поѣздка въ Римъ съ цѣлью испросить у папы подтвержденіе устава, а это желаніе могло возникнуть только послѣ болѣе или менѣе продолжительной дѣятельности. Съ другой стороны объ этомъ торжественномъ посланіи повѣствуютъ всѣ главные рассказы, и это повѣствованіе совсѣмъ не кажется невѣроятнымъ въ виду склонности Франциска изображать евангельскія событія. Затѣмъ посланіе составляло часть подражанія жизни Христа, проходящаго черезъ всю дѣятельность святого. Которое отправленіе въ теченіе рано начавшейся страннической жизни слѣдуетъ разсматривать какъ первое, именно апостольское посланіе, нельзя привести въ извѣстность, да это и не важно.

1) Vita, I, 692.

2) Cap. 5.

„Идите, дорогіе мои“, сказалъ будто бы Францискъ своимъ ученикамъ ¹⁾, „по двое въ различныя части свѣта и возвѣщайте людямъ миръ и покаяніе во отпущеніе грѣховъ; и будьте терпѣливы въ несчастіяхъ и увѣрены, что Господь исполнитъ свое намѣреніе и обѣщаніе. Когда васъ будутъ спрашивать, отвѣчайте смиренно и благословляйте преслѣдующихъ васъ и благодарите оскорбляющихъ васъ и злословящихъ васъ, ибо вамъ приуготовлено зато вѣчное царствіе“. И такъ они должны были отправляться по двое, подобно тому какъ Иисусъ Христосъ посылалъ своихъ учениковъ, въ заброшенный народъ, ожидавшій въ томленіи пастырей, которые должны были его напоить и утѣшить. Кромѣ правила онъ далъ еще каждому изъ своихъ братьевъ особое благословеніе на дорогу, отводя каждого таинственно въ сторону, чтобы сказать ему нѣсколько словъ на прощанье. И всѣмъ онъ шепталь одно и то же изреченіе, Пс. 54, 23: „Возложи на Господа заботы твои, и Онъ поддержитъ тебя“ ²⁾. „Молча, одиноко, безъ провожатыхъ одинъ за другимъ“, по Данте ³⁾, „какъ идутъ своей дорогой меньшіе братья“, такъ выступили въ путь апостольскія пары. Встрѣчая на дорогѣ церковь или придорожный крестъ, они падаютъ ницъ, говоря: „Мы молима Тебѣ, Христе, и благословляемъ Тебя здѣсь и во всѣхъ церквахъ, находящихся во всемъ свѣтѣ, ибо ты спасъ міръ своимъ святымъ крестомъ“ ⁴⁾. На вопросъ, кто они такіе, они отвѣчаютъ, хотя это часто и надобѣдаетъ имъ: „Мы кающіеся изъ города Ассизъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ они проходятъ по городамъ и селамъ, зарабатывая пропитаніе случайными услугами, ручной работой, ноской воды, при чемъ они всегда находятъ случай въ простыхъ словахъ напоминать народу о покаяніи и обращеніи. Вечеромъ они удалялись въ бѣдныя жилища предмѣстій, въ дома прокаженныхъ, въ хижины на поляхъ или виноградникахъ или въ пещеры и ямы, которыхъ много повсюду въ Умбріи. Но убѣжища не должны были лежать слишкомъ далеко отъ города, чтобы не затруднять работы ⁶⁾.

Наглядное описаніе судьбы двухъ такихъ проповѣдниковъ, которые были служителями слова во Флоренціи, заставляетъ предполагать, что одинъ изъ нихъ

1) Celano I, acta S. S. II, 691, 692.

2) Bonaventura, A. S. S. II, 749.

3) Inferno, 23, 1 и сл.

4) Tres socii 733. Ср. Завѣщаніе.

5) Tres socii въ ук. м. ст. 735 сл.

6) Ubertino von Casale. Archiv III, 76.

принималъ участіе въ повѣствованіи tres socii. Мы видимъ, какъ эти два брата появляются въ преддверьяхъ церкви и въ частныхъ домахъ, увѣщаваютъ толпу, даютъ совѣты отдѣльнымъ лицамъ; ихъ проповѣдь возбуждаетъ интересъ, но въ обществѣ они вызываютъ главнымъ образомъ насмѣшку и худое обращеніе. Съ ними обращаются то какъ съ плутами, то какъ съ тунеядцами; у нихъ въ шутку крадутъ ихъ единственную одежду, мальчишки бросаютъ въ нихъ грязью или прицѣпляются къ ихъ капюшонамъ; но ихъ презрѣніе къ деньгамъ, простота ихъ рѣчи, ихъ добродушная незлобивость пріобрѣтаютъ имъ друзей ¹⁾, и, когда они покинули Флоренцію, чтобы вновь сойтись съ остальными въ Порціункула, къ нимъ присоединились новые братья, и они пріобрѣли цѣлый рядъ покровителей на будущее. Такова же судьба и самаго знатнаго изъ спутниковъ Франциска, Вернарда, въ Болоньѣ. Съ самаго начала его намѣреніемъ было „носить крестъ Христовъ въ сердцѣ и въ рукѣ и проповѣдывать его языкомъ“. Поэтому онъ нарочно вызываетъ насмѣшку и поношеніе, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ страданій Спасителя. Когда болонскіе уличные мальчишки впервые увидѣли его въ его разодранной одеждѣ, они стали всячески насмѣхаться надъ нимъ. Онъ же отправлялся ежедневно на Піацца именно для того, чтобы быть осмѣяннымъ, и залепаннымъ, и заушеннымъ ²⁾. Онъ и не терпѣлъ въ этомъ недостатка, и какъ только онъ появлялся, такъ со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ нему уличные мальчишки. „Одинъ натягивалъ ему капюшонъ напередъ на самое лицо, другой срывалъ ему его сзади, одинъ бросалъ въ него пескомъ, другой камнями, одинъ толкалъ его спереди, другой сзади. Вернардъ же оставался терпѣливымъ и веселымъ, не жаловался и не давалъ себя прогнать“. Одинъ болонскій ученый юристъ (это была цвѣтущая пора болонскаго университета) наблюдалъ эти сцены въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и, такъ какъ Вернардъ не казался ему совершеннымъ дуракомъ, онъ наконецъ спросилъ его, чего онъ добивается такимъ поведеніемъ? Въмѣсто всякаго отвѣта Вернардъ протянулъ ему написанный уставъ Франциска. Наставленія, которыя онъ въ немъ прочелъ, произвели сильное впечатлѣніе на знатнаго и богатаго ученаго, и онъ предложилъ братьямъ

1) Tres socii 733 и сл. нерѣдко указываютъ на впечатлѣніе, производимое отказомъ отъ денегъ. Praecipue vero pecuniam, quasi pulverem, pedibus conculcabant et sicut a beato Francisco edocti, ipsam cum stercore asini aequali pretio et pondere penderabant.

2) Fioretti, 5.

мѣсто, гдѣ бы они могли отдохнуть ¹⁾. Такова же была судьба брата Эгидія въ Римѣ и другихъ въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ они снова всѣ встрѣтились у часовни Порціункула, какъ бы таинственно приведенные общимъ стремленіемъ души. Такимъ образомъ воспоминаніе о пережитомъ радостномъ днѣ превращается въ легендѣ въ чудо. Но ясно, что и здѣсь возвращеніе учениковъ къ своему учителю сложилось по образцу разсказа въ евангелии, „и вернулись къ Іисусу съ радостью“ (Лук. 10, 17). Когда Францискъ увидѣлъ, сообщаютъ *tres socii* ²⁾, что Господь съ нимъ, и что число учениковъ достигло уже двѣнадцати, онъ рѣшился отправиться въ Римъ и просить объ утвержденіи своей дѣятельности римской церковью. При этомъ умалчивается о томъ, что этотъ шагъ былъ необходимъ, такъ какъ духовенство и епископы начали уже оказывать препятствія развивавшемуся движенію мірянъ. Когда Францискъ просилъ у епископа имольскаго позволенія проповѣдывать, тотъ ему отвѣтилъ: „Я проповѣдую самъ, и этого достаточно“. На это Францискъ почтительно поклонился и вышелъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь вернулся также дружелюбно и замѣтилъ: „Если отецъ выгнать своего сына черезъ одну дверь, обязанность этого сына войти черезъ другую“. Побѣжденный этой скромностью, епископъ далъ ему желаемое полномочіе ³⁾. Подобныя же затрудненія дѣлали братьямъ и въ другихъ мѣстахъ, и устранить ихъ могъ только папскій приказъ. Согласно одному достойному довѣрія преданію, Францискъ неохотно и только по настоянію братьевъ рѣшился на поѣздку въ Римъ ⁴⁾. Нѣкоторые изъ братьевъ сказали Франциску: „Отецъ, развѣ ты не видишь, что иногда епископы не позволяютъ намъ проповѣдывать и заставляютъ насъ по нѣскольку дней оставаться на одномъ мѣстѣ безъ дѣла, пока намъ удастся наконецъ заговорить съ народомъ? Было бы лучше, если бы ты позаботился о томъ, чтобы братья получили привилегію отъ папы. Это помогло бы дѣлу спасенія душъ“. Но Францискъ отвѣчалъ рѣзкимъ порицаніемъ: „Вы меньшіе не понимаете воли Божіей и не даете мнѣ обратить весь міръ такъ, какъ этого желаетъ Богъ. Ибо прежде всего я хочу обра-

1) Fioretti, 5.

2) Ст. 736.

3) Celano II, 212. Bonaventura, 758.

4) Братъ Левъ въ показаніи Ubertino da Casale отъ 1310 г. Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters. III, 51 сл. Указанное заявленіе мы находимъ въ Speculum 30 а.

тить самихъ прелатовъ смиреніемъ и почтеніемъ. Когда они затѣмъ увидятъ нашу святую жизнь и почтеніе, питаемое къ нимъ нами, то они сами станутъ васъ просить, чтобы вы говорили народу и обращали его, и такимъ образомъ привлекутъ васъ болѣе дѣйствительнымъ способомъ, чѣмъ желаемыя вами привилегіи, которыя сдѣлаютъ васъ высокооцѣнными“¹⁾. Но въ концѣ концовъ онъ все же подчинился обстоятельствамъ. Если ассизскіе кающіеся не желали прійти къ такому же разладу съ епископами, какъ вальденцы съ митрополитомъ ліонскимъ, и въ концѣ концовъ сойти за бродячихъ сектантовъ, то они должны были раздобыть себѣ папское полномочіе на проповѣдь покаянія и мира. Какъ 36 лѣтъ передъ тѣмъ Вальдо, такъ въ 1209 г. отправился въ Римъ Францискъ, чтобы добиться папскаго соизволенія на свою миссію. Что небольшая кучка состояла какъ разъ изъ двѣнадцати человекъ²⁾, оказывается прибавленіемъ легенды согласно ея склонности какъ можно болѣе сближать жизнь святого съ жизнью Іисуса Христа. Въ Римѣ братья изъ Ассизъ встрѣтили своего епископа Гвидо, который познакомилъ ихъ съ Іоанномъ Колонна, кардиналомъ въ С. Паоло; и съ другими вліятельными лицами, такъ что Франциску удается представить свой уставъ на соизволеніе куріи³⁾. Это не былъ уставъ новаго ордена, но постановленіе братства, которое, подобно разрѣшеннымъ въ послѣднемъ году *pauperes catholici*, желало слѣдовать заповѣди совершенства и жить, проповѣдая евангеліе. Первые переговоры съ просителями вели кардиналъ въ С. Паоло и епископъ сабинскій, серьезный и доброжелательный прелатъ, отнесшійся къ ассизскимъ кающимся съ большимъ благорасположеніемъ, чѣмъ раньше Вальтеръ Манъ къ ліонскимъ бѣднымъ людямъ. По Челано онъ сначала посовѣтовалъ Франциску сдѣлаться отшельникомъ⁴⁾ и осуществить свой апостольскій идеалъ въ пустынѣ, но ничто не было такъ далеко человеколюбивому сердцу,

1) Такъ какъ папа право проповѣдывать обусловилъ согласіемъ епископовъ, то эти слова святого могутъ быть отнесены къ позднѣйшему времени, однако *Speculum* сообщаетъ ихъ въ одномъ изъ первыхъ рассказовъ. Сначала идетъ рассказъ о служеніи прокаженнымъ a principio sue conversionis, затѣмъ проповѣдь in platea civitatis и разговоры о послушаніи. *Speculum vite beati Francisci, Venetiis* 1505, 30 а. Все же дата остается неточной.

2) *Tres socii* 736.

3) *Celano I* въ ук. м. 693, 703. *Tres socii* 736.

4) *Celano I*, 693. Сабинскій епископъ посовѣтовалъ сначала Франциску: *ut ad vitam monasticam seu eremiticam diverteret*.

какъ подобное эгоистичное самоуглубленіе. Спасеніе, котораго онъ искалъ для себя, состояло именно въ томъ, чтобы приносить спасеніе другимъ, и онъ со своей общительной душой не годился въ отшельники ¹⁾). Такъ пусть онъ, было ему тогда замѣчено, приметъ одинъ изъ существующихъ орденскихъ уставовъ. Но онъ совѣтъ не желалъ учредить ордена, поскольку и Христосъ не учреждалъ ордена. Учредители монашескихъ орденовъ добивались церковнаго утвержденія для того, чтобы приобрѣтать собственность и наслаждаться обширными полномочіями, выпадавшими на долю монашескихъ орденовъ. Привилегія же *его* братьевъ должна заключаться въ томъ, чтобы не имѣть ничего, никому не приказывать, но всѣмъ повиноваться, не отказывать ни одному нищему въ исполнимой просьбѣ и самимъ просить подаванія, когда работа не можетъ ихъ прокормить. Они хотѣли быть проповѣдниками безъ церкви, кающимися безъ монастыря, странниками безъ отечества. Слѣдовательно ихъ идеи почти не отличались отъ вальденскихъ. Если это оказывалось препятствіемъ къ допущенію ихъ, то съ другой стороны и препятствіемъ къ отказу. Именно въ 1208—1212 годахъ Иннокентій III велъ горячіе переговоры съ Дурандусомъ изъ Хуэска и Бернардомъ Примусомъ о превращеніи *rauperes de Lugduno* въ *rauperes catholici*. Папа не могъ же запретить въ ассизской епархіи того, что онъ допускалъ въ епархіяхъ миланской и нарбонской. Къ тому же движеніе мендикантовъ сдѣлалось уже такимъ значительнымъ, что у куріи прошла охота къ шутивому тону, въ которомъ когда-то Вальтеръ Малъ велъ переговоры съ вальденцами. Арнольдистскія идеи охватили всѣ романскія націи. Всюду апостоловъ бѣдной жизни почитали какъ истинныхъ послѣдователей Христа. А тутъ явился вполне благонамѣренный представитель новаго принципа, который относился къ евангельскому совершенству вполне серьезно. Никто, говоритъ Бонавентура, не былъ такъ жаденъ до денегъ, какъ онъ до бѣдности; какъ другіе подозрительно охраняли свое имущество, такъ онъ нищету своихъ учениковъ. Святая любовь къ бѣдности была для него поручительствомъ въ простотѣ и благочестіи. Она была для него сокровищемъ на полѣ, о которомъ говоритъ евангеліе, жемчужина, для приобрѣтенія которой продаютъ все имущество. Намимъ надо идти въ объятія Распятаго. Самъ Христосъ сказалъ: „если хочешь быть совершеннымъ, продай все, что

1) Vita I, c. 13. Ср. также 14: *Elegit non soli sibi vivere, sed ei, qui pro omnibus mortuus est, sciens se ad hoc missum, ut deo animas lucraretur.*

имѣешь“, и не зная, куда преклонить голову ¹⁾). По tres socii кардиналь въ С. Паоло скоро убѣдился въ томъ, что Францискъ былъ серьезно проникнутъ этими идеями. „Я нашель человѣка“, доложилъ онъ будто бы папѣ, „который желаетъ жить согласно святому евангелію и соблюдать во всемъ евангельское совершенство“. И папа велѣлъ представить себѣ сына Бернардоне. „Вашъ уставъ кажется мнѣ слишкомъ суровымъ“, сказалъ онъ Франциску во время аудіенціи. „Я не сомнѣваюсь въ вашей доброй волѣ, но тѣ, кто придетъ послѣ васъ, не стануть соблюдать устава“. Затѣмъ онъ далъ ему почти такой же уклончивый отвѣтъ, какой далъ Вальдо Александръ III. До сихъ поръ разсказъ tres socii вполне правдоподобенъ, но вокругъ этого ядра тотчасъ же вырастаетъ пышная легенда, по которой церковное соизволеніе было получено благодаря откровенію и чуду.

Повѣствованія изъ францисканскаго источника были составлены только послѣ того, какъ орденъ достигъ уже невѣроятныхъ успѣховъ, поэтому они полны чувства собственнаго достоинства и придаютъ большое значеніе этому моменту въ судьбѣ ордена. Полнѣ всего символическое значеніе положенія выступаетъ во второй легендѣ Челано, въ которой образъ великаго Иннокентія нарисованъ не безъ достоинства ²⁾). По мнѣнію папы уставъ превосходить силы слабыхъ людей, но онъ говоритъ добродушно: „Молись Христу, сынъ мой, чтобы Онъ открылъ намъ свою волю“. Въ это первое свиданіе Иннокентій настроенъ еще противъ устава, но его обращаетъ сновидѣніе. Онъ видитъ во снѣ, что Латеранскій соборъ готовъ рухнуть, но въ послѣдній моментъ презрѣннаго вида нищій подпираетъ своей спиной шатающуюся церковь и освобождаетъ спящаго папу отъ его кошмара. Между тѣмъ Францискъ живетъ въ святомъ городѣ въ молитвѣ и созерцаніи, и во время его молитвы Христосъ сообщаетъ ему притчу, которую онъ долженъ предложить папѣ. Бѣдная, но прекрасная женщина выходитъ замужъ въ пустынѣ за царя и воспитываетъ своихъ дѣтей въ уединеніи, пока они не созрѣли для подвиговъ. Тогда она посылаетъ ихъ къ королю, и они неустрашимо предстаютъ передъ нимъ, ибо представляютъ совершенный портретъ своего отца. Когда царь удостовѣрился, что они дѣйствительно дѣти его жены, онъ обнялъ ихъ и сказалъ: „Не пугайтесь; за моимъ столомъ питается столько чужеземцевъ, почему же не сидѣть за нимъ вамъ, моимъ истиннымъ наслѣдникамъ“. Женщина — это бѣдность, на которой Богъ женился, когда былъ

1) Bonaventura 760. Celano II, 90.

2) Ст. 31 сл. Tres socii 736. Bonaventura 750.

человѣкомъ, а сыновья отъ этого брака суть минориты, любящіе бѣдность превыше всего и носящіе въ себѣ подобіе бѣднаго сына человѣческаго. Имъ, представляющимъ истинныхъ сыновъ бѣднаго Христа, король обязанъ представить одинакія права съ чужеземцами, усѣвшимися за его столъ. То, что Челано неправильно считаетъ, что женщина изображаетъ Франциска, а не даму его, бѣдность, есть доказательство того, что не онъ вы думалъ эту притчу, но что она относится ко временамъ Франциска. Тѣмъ любопытнѣе кажется песчинка арнольдистской оппозиціи, заключающаяся въ притчѣ, которая упрекаетъ папу въ томъ, что церковь имѣетъ привилегіи для всѣхъ пышныхъ прелатовъ, а не имѣетъ ихъ только для истинныхъ сыновъ великаго царя, дѣтей бѣдности, отшельниковъ пустыни. Папа, продолжаетъ Челано, задумался надъ этой притчей и вспомнилъ тотъ ужасный сонъ о паденіи Латеранской церкви. Въ нищемъ онъ узнаетъ спасителя, котораго онъ видѣлъ въ сновидѣніи. Его сердце склоняется къ смиренно молящему, и онъ даетъ ему позволеніе странствовать въ качествѣ проповѣдника евангелія, о которомъ онъ просилъ. Нѣсколько специальныхъ добавленій находится въ легендѣ Бонавентуры, который сообщаетъ ¹⁾, что Иннокентій сначала прогналъ неизвестнаго нищаго, загородившаго ему дорогу въ Латеранъ *in loco, qui dicitur Speculum*, но вразумленный сновидѣніемъ, онъ съ трудомъ отыскиваетъ его въ сосѣдней больницѣ св. Антонія.

Но рядомъ съ этими прославляющими повѣствованіями изъ собственнаго круга нѣтъ недостатка и въ ироническихъ изображеніяхъ изъ круга старыхъ орденовъ, смотрѣвшихъ съ высокомеріемъ изъ своихъ знатныхъ аббатствъ на грязныхъ бродягъ и сильно ненавидѣвшихъ сыновей Франциска, такъ какъ они сдѣлались уже весьма неудобными для ихъ спокойствія и пріятнаго наслажденія жизнью. Вотъ какъ описываетъ съ очевидной насмѣшкой англійскій бенедиктинецъ, Матвѣй Парисъ, первое свиданіе папы съ Францискомъ. Когда Иннокентій, рассказываетъ онъ, посмотрѣлъ на основателя этого смиреннаго общества бродягъ въ грязной одеждѣ, съ уродливымъ лицомъ, взъерошенной бородой и вчесанными волосами и прослушалъ его суровый и невыполнимый уставъ, онъ бросилъ на Франциска презрительный взглядъ и сказалъ ему: „Пойди, братъ мой, и поищи для себя стадо свиней, на которыхъ ты больше походишь чѣмъ на людей, копайся съ ними въ грязи, дай имъ твой уставъ, чтобы онѣ его соблюдали, и посвяти имъ свои заботы“. Когда Францискъ услышалъ эти слова, онъ пошелъ прочь съ по-

¹⁾ Въ полномъ текстѣ изданія von der Burg, Köln, 1869. ст. 329.

никшей головой, и, найдя нѣсколько свиней, онъ сталъ валяться съ ними въ грязи до тѣхъ поръ, пока не перепачкался съ головы до пятъ. Тогда онъ вернулся въ консисторію, предсталъ передъ папой и сказалъ ему: „Господинъ, я сдѣлалъ то, что ты мнѣ повелѣлъ, выслушай же, молю тебя, мою просьбу“. Когда папа увидѣлъ, что этого святого можно употреблять на всякое дѣло, онъ былъ тронутъ и исполнилъ его желаніе ¹⁾. Если въ этомъ анекдотѣ легко замѣтить ненависть извѣжившихся и разжившихся бенедиктинцевъ къ новымъ пролазамъ, зато въ рассказахъ Челано, Tres socii и генерала уже слышится чувство собственнаго достоинства нищенствующаго ордена, приписывающаго себѣ спасеніе церкви отъ опасностей церковныхъ распрей и еретичества ²⁾. Сновидѣніе папы есть бредъ маіи величія первыхъ учениковъ Франциска, а рассказалъ ли Францискъ, безъ сомнѣнія подлинную, притчу прямо папѣ, или противившимся епископамъ, мы оставляемъ открытымъ. Въ политическихъ же соображеніяхъ великаго Иннокентія сны, видѣнія и притчи не играли обыкновенно никакой роли, да въ своей первой легендѣ Челано и не сообщаетъ ничего подобнаго. Онъ только говоритъ, что папа обусловилъ все успѣхомъ и твердостью новаго общества, а сны, которые онъ рассказываетъ, суть сны его святого. Только во второй легендѣ онъ вставляетъ притчу Франциска и сонъ Иннокентія, который составляетъ сюжетъ картины Джіотто въ верхней церкви въ Ассизахъ, на которой реально изображено выраженіе ужаса на лицѣ папы. Рассказъ о томъ, что Иннокентій III неохотно рѣшился позволить проповѣдь кающимся изъ Ассизъ, находится во всѣхъ повѣствованіяхъ и самъ по себѣ правдоподобенъ. Впрочемъ проситель больше велъ переговоры съ кардиналами, въ вѣдѣніи которыхъ были монашескіе ордена, чѣмъ лично съ папой. Для нихъ соображеніе, вкладываемое Бонавентурой въ уста епископа сабинскаго, могло оказаться рѣшительнымъ, а именно, что невозможно запретить уставъ, состоящій исключительно изъ текстовъ писанія. Отвергнуть подобныя положенія, сказалъ будто бы кардиналъ въ С. Паоло ³⁾, было бы богохульствомъ, ибо это суть евангельскія положенія. Подобное рѣшеніе дало бы новое доказательство противъ Рима всѣмъ, кто уже теперь злорадно указываетъ на противорѣчіе между нищетою ап. Петра и великолѣвіемъ его преемника. Къ тому же и опытъ, произведенный надъ вальденцами, напоминалъ, что

1) Matth. Paris, Ed. Wats, p. 340. Его мнѣніе о францисканцахъ въ извлеченіяхъ Monum. Germ. XXVIII, 74 сл.

2) Ср. Salimbene въ ук. м. 122.

3) Bonaventura 749.

слѣдуетъ быть осторожными. Было бы лучше удержать новое общество подъ надзоромъ церкви и такимъ образомъ привязать къ ней, чѣмъ оттолкнуть отъ нея. Именно въ это время Иннокентій не жалѣлъ труда вновь привлечь вальденцевъ, послѣ того какъ ихъ такъ неосторожно извергли вовъ изъ церкви. Разумные совѣтники куріи, какъ племянникъ папы, кардиналь Гуго изъ Остіи, которому францисканцы охотно даютъ ласкательное имя Уголино, поняли уже, что этихъ страствующихъ нищихъ церковь можетъ употреблять для всякихъ цѣлей ¹⁾, будь то какъ духовниковъ въ тѣхъ слояхъ населенія, къ которымъ регулярное духовенство и монастырская знать рѣдко находили дорогу, будь то для посрамленія еретиковъ, трудолюбивую, странническую жизнь которыхъ новое братство хотѣло еще превзойти. Они могли противупоставить хваленной бѣдности арнольдистовъ свою нищету и показать народу, что апостольскій идеаль, которымъ онъ восхищается, возможенъ и въ нѣдрахъ церкви. Они должны были, говорить лѣтописецъ, вырвать у еретиковъ знамя ²⁾ благодаря тому, что вели такую же жизнь въ бѣдности, какъ и тѣ.

Къ тому же вопросъ о правѣ вести нищенскую жизнь въ нѣдрахъ церкви былъ уже зрѣло обсужденъ куріей. Сравненіе одобреннаго въ 1208 г. статута *pauperes catholici* съ одобреннымъ въ 1209 г. старѣйшимъ уставомъ Франциска дозволяетъ проникнуть глубже, чѣмъ всѣ легенды, въ мотивы папы, которыми онъ руководился при утвержденіи миссіи миноритовъ. Изъ этого сравненія видно, что уже въ предшествовавшемъ 1208 г. папа подтверждалъ въ статутѣ католическихъ бѣдныхъ положенія, встрѣчающіяся и въ уставѣ Франциска. „Мы отказались отъ свѣта“, говорится въ статутѣ *pauperes catholici* ³⁾ „и отдали, согласно волѣ Божіей, то, что имѣли, бѣднымъ и рѣшили быть нищими, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ. И мы не станемъ ни отъ кого принимать ни золота, ни серебра, ничего тому подобнаго исключая насущнаго пропитанія и одежды. Мы рѣшили слѣдовать евангельскимъ совѣтамъ какъ заповѣдямъ. Дни, установленные церковью, мы будемъ соблюдать“ и т. д. ⁴⁾. Все это вновь повторяется въ уставѣ Франциска. Въ этомъ можно видѣть доказательство первоначальной связи его

¹⁾ Во время обнародованія статута католическихъ бѣдныхъ людей Гуго былъ въ Германіи. Письмо Иннокентія III отъ 16-го января 1209 г. Но 4-го октября того же года онъ участвуетъ въ коронаваніи Оттона IV въ Римѣ. Возможно, что тогда уже онъ заинтересовался дѣломъ мендикантовъ.

²⁾ Burchard, Geschichte der Prämonstratenser, ст. 267.

³⁾ Innoc. III. Epp. XIII, 196. XIII, 94.

⁴⁾ Ср. также Ep. XV, 82. Non habendo proprium, sed omnia in communi.

идей съ идеями Вальдо, однако возможно, что въ этомъ согласованіи обоихъ статутовъ участвовала сама курія, такъ что уже при утвержденіи перваго устава вишпательство Рима было значительнѣе, чѣмъ это признается въ легендахъ Трехъ товарищей и Бонавентуры. По нимъ курія поставила только два условія. Къ уставу было „во имя Бога и папы“ сдѣлано добавленіе, что, во-первыхъ, въ немъ ничто не должно быть измѣняемо, и, во-вторыхъ, братство должно избрать себѣ отвѣтственнаго передъ церковью главу, который долженъ поклѣяться папѣ въ послушаніи. Этимъ будто бы исчерпывались папскія требованія. Но сравненіе со статутомъ католическихъ бѣд-ныхъ, которые до мелочей обязуются соблюдать догматы и обряды католической церкви, заставляетъ предположить, что и тутъ особенный объѣмъ церковнаго послушанія, совершенно не подходящій къ задушевному тону устава, относится къ добавленіямъ, вставленнымъ куріей. „Всѣ братья должны быть католичны“, говорится въ уставѣ, „должны жить и говорить по-католически, а кто отступитъ въ ученіи или жизни отъ католической вѣры, долженъ быть изгнанъ изъ нашего братства. Всѣхъ священниковъ и монаховъ мы будемъ считать нашими господами во всемъ, что касается спасенія нашихъ душъ, и будемъ оказывать имъ должное почтеніе“¹⁾. Братья должны величать всемогущаго Бога какъ тріединаго, Отца, Сына и Духа. Тѣ же объѣты, только подробнѣе, находятся въ статутѣ католическихъ бѣд-ныхъ, составленномъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ самой куріей. Поэтому и въ одобренномъ уставѣ Франциска они принадлежать тому же перу. Слѣдовательно участіе куріи въ составленіи старѣйшаго даже устава Франциска было глубже, чѣмъ это желаютъ допустить составители легендъ, хотя степень его и не можетъ быть установлена въ частности, такъ какъ текстъ устава 1209 г. можетъ быть восстановленъ только предположительно.

Къ числу обязательствъ, долженствовавшихъ приковать братство къ Риму, принадлежала далѣе небольшая тонзура, которую Иннокентій велѣлъ носить братьямъ въ знакъ того, что они совершаютъ проповѣдь покаянія и мира по порученію церкви²⁾. Слѣдовательно неуполномоченная проповѣдь мірянъ оставалась попрежнему запрещенной. Такимъ образомъ арнольдистская идея была поймана и тонзурована. Посмотримъ, какъ она дальше развивалась въ предѣлахъ, положенныхъ церковью.

1) Ср. также Celano II, 284 и Завѣщаніе.

2) Tres socii 737, с. 12. Bonaventura с. 3, стр. 750. Fecit coronas parvulas fieri, ut verbum Dei libere praedicarent.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АПОСТОЛЫ И ВѢСТНИКИ МІРА.

Какъ прекрасны на горахъ ноги
благовѣстника, возвѣщающаго миръ,
благовѣстующаго радость, проповѣ-
дующаго спасеніе, говорящаго Сіону:
„воцарился Богъ твой“

Исаія 52, 7.

Въ сущности старѣйшіе источники не даютъ намъ обильныхъ свѣдѣній о новой фазѣ, въ которую вступило братство послѣ палскаго утвержденія, а то, что находится въ *vitae*, выдуманно. Во второй легендѣ Челано только говоритъ, что, получивши полномочіе, Францискъ началъ странствовать по городамъ и замкамъ и возвѣщать евангеліе еще горячѣе чѣмъ раньше ¹⁾. Въ первой же есть болѣе подобныя указанія мѣстъ, которыя посѣтилъ Францискъ. Прежде всего они нашли убѣжище въ заброшенномъ мѣстечкѣ *civitas Ortensis*, которое считаютъ одной изъ многочисленныхъ этрусскихъ могилъ въ окрестностяхъ Отриколи ²⁾. Затѣмъ братья переселились въ Риво-Торто ³⁾, близъ Ассизъ и заняли развалившееся зданіе, бывшее прежде домою прокаженныхъ и стоявшее пустымъ со времени открытія госпиталя въ Ассизахъ. „Отъ хижины ближе до неба, чѣмъ отъ дворца“, утѣшаетъ святой своихъ учениковъ относительно этого несчастнаго убѣжища. Это зданіе лежало на дорогѣ, соединяющей Перуджію съ Римомъ. Оттуда они легко могли поучать окрестное населеніе, а Субазіо давалъ имъ возможность возвращенія къ одиночеству. Выше, на разстояніи часа ходьбы, спрятанныя среди кустовъ горы Субазіо, лежатъ *carceri*, природныя пещеры, которыя преданіе связываетъ съ Францискомъ ⁴⁾, а именно будто бы

¹⁾ Vita II, ст. 32. Vita I, 693.

²⁾ Celano I, 693.

³⁾ *Rugus-tortus Celano I* въ ук. м. 695. Ср. *Tres socii 737*, которые въ этомъ мѣстѣ явно пользуются изложеніемъ Челано, прикрашивая его.

⁴⁾ Ср. *Sabatier*, ст. 124.

онѣ являлись, благодаря своему высокому, горному, уединенному мѣстоположенію приближишемъ для Франциска и его товарищей, когда они желали предаться упражненіямъ и созерцанію. Францискъ приказалъ, чтобы для такого самоуглубленія братья отправлялись по трое или по четыре, двое должны были быть сыновьями, двое матерями, заботящимися о сыновьяхъ. Матери должны были вести жизнь Марты, а сыновья жизнь Маріи ¹⁾. Легенды, составленныя въ то время, когда орденъ отказался отъ всякаго земного служенія и жилъ въ подаренныхъ монастыряхъ, питаясь милостыней, заставляютъ и первыхъ братьевъ питаться исключительно такимъ способомъ, или ихъ герои довольствуются рѣпой на поляхъ и виноградомъ изъ виноградниковъ ²⁾. Но самъ Францискъ сообщаетъ о работахъ, которыми они занимались, чтобы честно просуществовать, и упоминаетъ о нищетвѣ только какъ о средствѣ, къ которому прибѣгали въ крайней нуждѣ. „Охотнѣе всего“, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, „мы хозяйничали въ бѣдныхъ, запущенныхъ церквахъ, и мы были простыми, неучеными людьми, покорными каждому. И я работалъ своими руками и желаю работать, и мое положительное желаніе относительно всѣхъ моихъ братьевъ, чтобы они честно занимались ручнымъ трудомъ, а кто этого не умѣетъ, долженъ научиться не изъ желанія получить плату за трудъ, но ради хорошаго примѣра и во избѣжаніе праздности. А въ случаѣ, если мы не получимъ никакой платы за работу, тогда прибѣгнемъ къ столу, накрываемому намъ Господомъ, и пойдемъ просить милостыню отъ двери къ дверямъ“ ³⁾. Согласно этому разсказу новая жизнь кающихся изъ Ассизъ только тѣмъ отличалась отъ жизни другихъ отшельниковъ, что сыновья Франциска, подобно вальденцамъ, не имѣли постоянного мѣста жительства, ибо ихъ жизнь должна была быть постояннымъ апостольствомъ. „Да остерегаются братья“, увѣщаетъ Францискъ въ своемъ завѣщаніи, „смотрѣть на церкви и жилища и тому подобное, что для нихъ строить, иначе какъ на мѣста, въ которыхъ они гости, подобно чужестранцамъ и пилигримамъ, согласно святой бѣдности, которой мы дали обѣтъ по уставу. Если они устроили хижины, то должны

¹⁾ У Celano II, 3, 113. Conform. 143, a 1.

²⁾ Contenti rapis, quas per planiciem Assisii huc atque illuc in angustia manducabant. Celano I, ст. 695. II, 3, 110. Speculum 22 a.

³⁾ Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что старѣйшій источникъ, завѣщаніе, правиломъ считаетъ ручной трудъ, а позднѣйшая легенда Бонавентуры, а также Спекулумъ и Фіоретти, считаютъ правиломъ нищество.

ихъ черезъ нѣкоторое время сломать или ихъ покинуть, ибо только тогда, когда странникъ живетъ подѣ чужой кровлей, у него сохраняется живая тоска по небесной отчизнѣ ¹⁾). Эти хижины должны были къ тому же быть только изъ дерева, а не изъ камня, и имѣть самое бѣдное убранство, чтобы братья не забывали слова: „Лисицы имѣютъ свои норы, птицы свои гнѣзда, сынъ же Человѣческой, бѣдной жизни котораго вы желаете подражать, не имѣлъ куда преклонить главу“ ²⁾). Послушно слѣдуя этому положенію, братья въ Риво-Торто уступили занимаемое ими жилище крестьянину, считавшему весь дворъ своею собственностью, и послѣ тщетныхъ ходатайствъ передѣ епископомъ и ассизскимъ капитуломъ получили наконецъ черезъ посредство бенедиктинцевъ горы Субазіо позволеніе поселиться близъ старой кельи Франциска у часовни Порціункула ³⁾). Быстро были выстроены нѣсколько хижинъ и обнесены живой изгородью. Возможность тихаго самоуглубленія, доставляемую имъ въ Риво-Торто пещерами Субазіо, здѣсь доставлялъ имъ сосѣдній оливковый лѣсъ. Такъ возникла первая осѣдлая община. „Порціункула“, говоритъ Челано ⁴⁾), „была исходной точкой ордена миноритовъ... Это мѣсто было любимѣйшимъ святаго Франциска, братья особенно почитали его; оно, какъ отраженіе религіи, должно было быть поддерживаемо въ глубочайшей бѣдности. Само мѣсто принадлежало другимъ, а орденъ только пользовался имъ. Тамъ соблюдалась самая строгая дисциплина во всемъ, и въ молчаніи и работѣ, и во всѣхъ требованіяхъ устава“. Сюда время отъ времени сходились всѣ находившіеся въ странствіи; впослѣдствіи этотъ обычай превратился въ правильныя собранія капитула въ Порціункула. Согласно Tres socii Францискъ приказалъ, чтобы на Троицу и въ Михайловъ день собирався общій капитулъ въ Порціункулѣ, первый для распределенія работы по областямъ, второй для сообщенія о достигнутыхъ успѣхахъ и для представленія отцу вновь обращенныхъ для ихъ принятія ⁵⁾). Подобныя Порціункулѣ точки опоры нашлись затѣмъ и въ другихъ краяхъ, при чемъ или покровители давали имъ пристанище, или сама природа доставляла братьямъ убѣжище, или они сами выстраивали себѣ egetoria или cellas. Упомянутъ о такихъ болѣе или менѣе продолжительныхъ поселеніяхъ близъ Перуджіи, Губбіо, Сполето, Рieti, Кіузи,

¹⁾ Bonaventura, 760.

²⁾ Celano II, ст. 92.

³⁾ Celano I, 606. II, ст. 34.

⁴⁾ Vita II, 34.

⁵⁾ Tres socii, 738.

Ареццо, Болонья, Флоренція, Асколы, Анконы, тамъ братья добывали себѣ пропитаніе плетеніемъ соломы и тому подобными мелкими работами, когда на удовлетвореніе ихъ скромныхъ требованій не хватало работы на поля или милостыни. Было запрещено дѣлать запасы. Когда Илья изъ Кортоны, напуганный нуждою въ голодный годъ, захотѣлъ основать такой запасной капиталъ, Францискъ заявилъ, что онъ лучше заложить церковную утварь Порціункулы, чѣмъ потерпитъ подобное нарушеніе устава ¹⁾. Сначала всѣ братья занимались проповѣдываніемъ, но вслѣдствіе наплыва и неподходящаго элемента таковымъ было приказано заниматься молитвой и трудомъ, при чемъ имъ служило утѣшеніемъ то, что Францискъ увѣщевалъ всѣхъ воздѣйствовать на толпу больше примѣромъ, чѣмъ проповѣдью ²⁾. И довольно много клириковъ присоединилось уже къ братству, такъ что уставъ 1221 г. могъ предписать, чтобы братья исповѣдывались у священниковъ своего братства и только въ случаѣ невозможности у другихъ ³⁾. И Францискъ, подобно арнольдистамъ, ссылается на Іакова 5, 16: „признавайтесь другъ передъ другомъ въ проступкахъ“, но они изъ-за этого не должны были однако пренебрегать исповѣдью, предписанной церковью. Въ сущности въ первые годы послѣ утвержденія не произошло никакихъ переменъ. По Томѣ изъ Челано, весь этотъ періодъ представляетъ для Франциска непрерывное странствованіе, и біографъ объясняетъ раннее обезсиленіе святого тѣмъ, что въ продолженіе восемнадцати лѣтъ его тѣло не знало покоя, такъ какъ онъ постоянно предпринималъ дальнія странствія, чтобы сѣять сѣмена евангелія ⁴⁾. „Мужественный воинъ Христовъ обходилъ города и замки и проповѣдывалъ не подкупающими словами человѣческой мудрости, но проявленіемъ духа и силы, возвѣщая царствіе Божіе, проповѣдая миръ, уча спасенію и покаянію во оставленіе грѣховъ“ ⁵⁾.

Fioretti даютъ намъ живую картину поэзіи этой страннической жизни. Они рассказываютъ какъ во время одного изъ такихъ путешествій маленькій и невзрачный Францискъ постоянно получалъ меньше подаваній, чѣмъ его видный спутникъ Массеусъ. „Однажды, окончивъ сборы подаваній, они сошлись за городомъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ былъ прекрасный источникъ, а возлѣ

1) Bonaventura, 760.

2) Bonaventura, 763.

3) Cap. 20.

4) Celano, Vita I, въ ук. м. 710.

5) Celano I, 693.

лежалъ красивый широкій камень, на который каждый положилъ то, что получилъ“. И когда Францискъ увидѣлъ, какія прекрасныя подаянія получилъ Массеусъ, онъ сказалъ: „О братъ Массеусъ, мы не достойны такого большого сокровища“. Но Массеусъ отвѣчалъ угрюмо: „Отецъ, можно ли говорить о сокровищѣ тамъ, гдѣ царятъ горьчайшая бѣдность и недостатокъ во всемъ самомъ необходимомъ. Здѣсь нѣтъ ни скатерти, ни ножа, ни тарелки, ни миски, ни дома, ни стола, ни слуги, ни служанки“. На это Францискъ говоритъ: „Но здѣсь Тотъ, кто все это приготовилъ, о Его присутствіи свидѣлствуютъ поданный намъ хлѣбъ, этотъ столъ изъ краснаго камня и чудный источникъ“¹⁾.

Одно по крайней мѣрѣ было такимъ образомъ достигнуто: было доказано, что апостольская жизнь возможна. Если другіе ордена были вовлечены въ борьбу изъ-за моего и твоего и познали грязнящій характеръ имущества, ставши сами земными и эгоистичными, зато ассизскіе товарищи жили исключительно для молитвы, проповѣди и заботы о духовной паствѣ, и такъ какъ они сами не ссорились изъ-за монастырскихъ имѣній, правъ и привилегій и ни у кого не оспаривали ихъ правъ, то имъ было тѣмъ легче выступать въ качествѣ миротворцевъ.

Съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалось извѣстнымъ утвержденіе папой новой миссіи, имъ открыли церкви, и Францискъ нашелъ поприще для своей непринужденной и трогательной проповѣди. Скоро въ ассизскомъ соборѣ стало не хватать мѣста, чтобы вмѣстить всѣхъ стремившихся увидѣть на кафедрѣ сына Бернардоне, извѣстнаго имъ съ дѣтства. Всѣ свидѣтели согласны относительно своеобразности его манеры проповѣдывать. Маленькій, смиренный, застѣнчивый нищій совершенно преображался, вступая на кафедру. „Когда онъ проповѣдывалъ, онъ казался совсѣмъ другимъ лицомъ, чѣмъ былъ раньше“, говоритъ Челано. „При этомъ онъ все смотрѣлъ на небо и пренебрегалъ смотрѣть на землю“²⁾. Но при этомъ все въ немъ проповѣдывало. „De toto corpore fecerat linguam“³⁾. Какъ у всѣхъ великихъ итальянскихъ ораторовъ и мимиковъ, не оставалось ни одного члена во всемъ его тѣлѣ, который бы не принималъ участія въ его рѣчи. Такъ какъ онъ вполне погрузился въ жизнь Иисуса Христа, то онъ могъ рассказывать о ней, какъ о чемъ-то пережитомъ имъ самимъ. Въ его ушахъ звучалъ

¹⁾ Fioretti, 13.

²⁾ Въ ук. м. 690. Ср. Bonaventura 763.

³⁾ Тамъ же, 710. Ср. также Celano II, cap. 17, ст. 42. Praedicat... spiritu prompto, et fervido, eructans de pleno quidquid spiritus suggerit.

лепетъ младенца Христа, и онъ подражалъ ему ¹⁾). Въ часы, когда на него нисходили видѣнія, онъ держалъ его въ собственныхъ рукахъ и ощущалъ теплоту маленькаго тѣла. Онъ умѣлъ рассказывать, какъ трое волхвовъ посѣтили дитя и одарили его, такъ, какъ если бы самъ при этомъ присутствовалъ. Онъ ощущалъ страданія распятаго такъ, что чувствовалъ боль въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ у Христа сочлились раны. Всѣ его рѣчи о Христѣ суть сообщенія о лично пережитомъ ²⁾), и при этомъ въ его рѣчи есть нѣчто, просящее объ одобреніи, словно онъ скромно стучится въ сокровеннѣйшую дверь сердца. Всякое противорѣчіе таяло передъ дѣтской увѣренностью, съ которой онъ умѣлъ сказать по собственному личному общенію, что думали о всякой вещи Христосъ, Мадонна и возлюбленные святые. Въдъ онъ, по словамъ Челано, такъ сжился съ жизнью и словами Господа, особенно съ его страданіями, что почти не могъ думать ни о чемъ другомъ ³⁾). Но онъ умѣлъ и напугать грѣшника, и адъ играетъ не малую роль въ сохранившихся разборахъ проповѣдей. Хорошую тему для проповѣди, о которой вспоминаетъ и Салимбене, и которую мы находимъ какъ сентенцію у Бонавентуры, представляетъ рассказъ о томъ, какъ иной разъ грѣшникъ изъ легкомыслія оставляетъ діаволу одинъ единственный волосъ. Но діаволь растить и растить этотъ волосъ, пока онъ не сдѣлается толстымъ какъ бревно, и такимъ образомъ черезъ посредство одного волоса беретъ власть надъ всѣмъ человѣкомъ ⁴⁾). И многія другія слова напоминаютъ своимъ поучительнымъ тономъ квоедру. „Грѣшникъ“, говорится въ одной изъ дошедшихъ до насъ рѣчей, „можетъ все: поститься, молиться, каяться, умерщвлять свое тѣло, только одного онъ не можетъ:—быть вѣрнымъ своему Господу“ ⁵⁾). Мы имѣемъ описаніе его проповѣди въ Болоньѣ въ 1220 г., сдѣланное слышавшимъ его архидіакономъ Томою изъ Спалато, бывшимъ въ то время студентомъ въ Болоньѣ ⁶⁾). Этотъ студентъ находить, что слышанное имъ болѣе походило на рѣчь къ народу, чѣмъ на правильную проповѣдь. Содержаніе ея заключалось въ увѣщаніи отложить всякую вражду и сохранять миръ. Его одежда, говоритъ намъ свидѣтель, была грязная, его видъ незначительнаго, лицо лишено пріятности, но Богъ сообщилъ его словамъ

1) Celano II, 282.

2) Bonaventura, 766.

3) Celano I, 706. Bonaventura, 766.

4) Salimbene. chron. 334. Bonaventura, 755.

5) Bonaventura, 757.

6) Sigonius, historia Episcop. Bon. Frankfurt 1604, p. 165.

такую проникновенную силу, что онъ склонилъ къ миру и согласію многихъ знатныхъ людей, непримиримо свирѣствовавшихъ и проливавшихъ потоки крови. Народъ же окружилъ его плотной толпой, и всякій, кому удавалось коснуться края его сутаны, считалъ себя счастливымъ. Еще подробно о темахъ проповѣдей Франциска мы узнаемъ изъ устава 1221 г., въ которомъ онъ (гл. 21) даетъ тему, долженствующую служить основаніемъ для всѣхъ братьевъ въ ихъ увѣщаніяхъ. „Бойтесь, почитайте, хвалите, благословите, благодарите, молитесь всемогущему, тріединному Богу, Отцу, Сыну и Духу, Творцу міра. Кайтесь, приносите честные плоды покаянія, ибо вамъ извѣстно, что мы должны умереть. Давайте, и вамъ дастся, прощайте, и вамъ простится, ибо, если вы не будете прощать, то и Богъ не проститъ вамъ вашихъ грѣховъ. Блаженны тѣ, кто умираетъ въ покаяніи, ибо они войдутъ въ царствіе небесное. Горе тѣмъ, кто умираетъ безъ покаянія, ибо они будутъ сынами діавола, дѣла котораго они совершаютъ, и пойдутъ въ огонь вѣчный. Остерегайтесь и воздерживайтесь отъ зла и пребудьте въ добрѣ до конца“. Многочисленные свидѣтели передаютъ намъ, какимъ трогательнымъ образомъ Францискъ развивалъ эти основныя идеи своего евангелія. Челано не находитъ словъ для описанія наплыва людей на проповѣди Франциска. „Вѣжали мужчины, бѣжали женщины, спѣшили священники, чтобы видѣть и слышать Божию святого, который казался существомъ не отъ вѣка сего“¹⁾.

Этому наплыву народа способствовало конечно и то, что по всей Италіи распространилась не только слава объ его успѣхахъ, но и объ его чудотворной силѣ. „Куда бы онъ ни пришелъ“, рассказываетъ Челано²⁾, „у священниковъ становилось весело на сердцѣ, колокола звонили, мужчины радовались, женщины ликовали, мальчики хлопали въ ладоши, и въ то время, какъ одни изъ нихъ взлѣзали на деревья, чтобы лучше видѣть, другіе шли къ нему навстрѣчу съ хвалебными пѣснями“. Еретики же прятались, чтобы не видѣть пораженія. Хлѣбъ и вода, освящаемые имъ, были употребляемы какъ лѣкарство, къ нему приносили больныхъ, чтобы онъ благословилъ ихъ. Уздечка лошади, на которой онъ ѣздилъ, способствуетъ легкому разрѣшенію мучающейся въ родахъ женщины³⁾. Веревку отъ его рясы опускаютъ въ воду во время эпидеміи, и всѣ, кому даютъ пить эту воду, выздоравливаютъ.

1) Acta S. S. 693.

2) I, 701.

3) Ibidem 701.

Хромые, разслабленные, слѣпые и бѣсноватые освобождаются отъ своихъ страданій, принявъ его благословеніе; онъ оказываетъ помощь многимъ мужьямъ, изгоняя бѣсовъ изъ ихъ женъ, хотя и самъ, несмотря на свое легковѣріе, сомнѣвается порой при этомъ, имѣеть ли онъ дѣло съ демономъ, или съ женскимъ притворствомъ ¹⁾). Мы видимъ передъ собой народъ, полный суевѣрія и тьмы; но мы можемъ не сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти событія разсказывались въ общихъ чертахъ такъ, какъ ихъ сообщаетъ Челано.

При этомъ снова напрашивается постоянно сравненіе съ проповѣдью вальденцевъ. Что проповѣдь мірянъ, происходившая одновременно въ столькихъ мѣстахъ, пользовалась такимъ большимъ успѣхомъ, доказываетъ, что весь народъ чувствовалъ сильную нужду въ живомъ словѣ. Церковное богослуженіе оставило въ этомъ отношеніи пробѣлъ, въ который и проникъ мірской элементъ. Католическое богослуженіе стало слишкомъ безжизненнымъ и замерло въ разъ установленномъ порядкѣ. Оно состояло изъ непонятныхъ молитвъ, латинскихъ пѣснопѣній, символическихъ обрядовъ, процессій, представленій. И вотъ какъ разъ въ то время, когда возводить самые величественные соборы, и богослуженіе достигаетъ самаго пышнаго расцвѣта, всюду замѣчается жажда живого слова. Этой жаждой, возбужденной первоначально проповѣдью крестоваго похода, объясняются большіе успѣхи петробрусіанъ, генриціанъ, арнольдистовъ и вальденцевъ. Когда Вальдо заявилъ, что каждый истинный христіанинъ обязанъ проповѣдывать евангеліе всякой твари, онъ только энергически выразилъ народную жажду проповѣди. Какъ во время реформаціи въ шестнадцатомъ вѣкѣ народъ, обрадовавшись проповѣди, отбросилъ весь остальной культъ, такъ и тогда масса, утомленная вѣчнымъ однообразіемъ литургическаго церемоніальнаго служенія, обратилась къ проповѣдыванію евангелія, и Салисбене далъ намъ живое описаніе, какъ всѣ стремятся, бѣгутъ и тѣсняются, чтобы послушать новаго назидательнаго проповѣдника. Такимъ образомъ Францискъ проповѣдывалъ не только самъ изъ своего сердца ²⁾, подобно бьющему ключу, но онъ посылалъ и своихъ товарищей, парами, призывать къ покаянію и проповѣдывать миръ. Въ то время какъ въ гордыхъ соборахъ царили только месса и музыка, Францискъ несъ народу живое слово. И его слово не походило на обыкновенныя проповѣди, это былъ совершенно новый способъ проповѣды-

1) Celano I, 702.

2) Celano I, Acta S. S. II, 690. Erat verbum ejus velut ignis ardens, penetrans intima cordium.

вать. Въ проповѣди миноритовъ прежде всего характерна высокая жизне-радостность, внушенная этимъ *gaudentes in domino* ихъ учителемъ, которая еще во времена францисканца Бертольда была главною причиною ихъ популярности. Они сами охотно сравнивали себя съ жаворонкомъ: ихъ одежда цвѣтомъ напоминала эту птичку, которая весело поетъ хвалу Богу, если она настоящій жаворонокъ ¹⁾). Челапо же, восхваляя эту радостную проповѣдь, говорить, что она „озаряла всю Италію подобно солнечному свѣту и повсюду разгоняла тѣни тьмы“ ²⁾).

Во-вторыхъ, сильно помогло новой общинѣ то, что въ елѣ, которымъ она была помазана, находилась капля социализма. Крестовые походы повлекли за собою пышный расцвѣтъ торговли и промышленности въ Италиіи и южной Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ погоню за наживой, жизнь полную тревоги, эксплуатацію работающихъ классовъ, слѣдующія всегда за временами матеріальнаго расцвѣта и дѣлающія эти блестящіе періоды для большинства людей временами бѣдствія, зависти и недовольства. Въ виду проявленій подобныхъ дурныхъ побужденій, новые проповѣдники держатся того мнѣнія, что богатство есть корень всѣхъ золъ, и что надъ золотомъ тяготѣетъ особое проклятiе. Высокое безкорыстіе ассизскихъ проповѣдниковъ покаянія должно было быть протестомъ этому служенію маммонѣ; они должны держаться въ сторонѣ отъ страстной борьбы изъ-за денегъ, не принимать денегъ никогда въ подарокъ и даже не прикасаться къ нимъ кончикомъ пальца. Послѣдствія показали, что этотъ протестъ былъ не безуспѣшенъ. Постоянно разсказывается о новыхъ обращеніяхъ юношей, которымъ улыбается впереди весь блескъ богатства, и которые надѣваются рясу францисканцевъ, чтобы спасти свой идеализмъ и избѣжать жалкаго рабства знатности ³⁾); старцевъ, которымъ наскучилъ обманчивый блескъ, и которые отказываются отъ прелести мірской и опоясываются веревкою миноритовъ, ища родины внѣ своего родного дома, который изъ-за вражды о моемъ и твоемъ сталъ для нихъ чужбиною.

Проповѣдая на тему, что все золото одинъ лишь прахъ, Францискъ преслѣдовалъ еще иную задачу. Его ученики должны были быть миро-

¹⁾ *Speculum vitae. Venetiis 1505, p. 134.*

²⁾ *Sive nova lux e coelo missa, in terris fugans universam tenebrarum caliginem. Vita I, p. 694.*

³⁾ Такъ Салимбене, сынъ рыцаря Адамо, въ хроникѣ котораго множество подобныхъ примѣровъ.

творцами ¹⁾). Изъ хроники Салимбене мы узнаемъ ту ярую партійную ненависть, которая во время борьбы папства и имперіи внесла расколь даже въ самыя маленькія городскія общины Италіи. Къ этому присоединялась зависть городовъ другъ къ другу, какъ, напримѣръ, соперничество между Генуею и Пизою, Миланомъ и Бергамо, Болоньей и Моденою, переходившее изъ поколѣнія въ поколѣніе; и сверхъ того величайшее зло, городскія партіи, губившія самыя цвѣтушія общины. Хроники полны исторій этихъ раздоровъ; разбойническіе наѣзды, опустошенія огнемъ и мечомъ, выжиганія засѣянныхъ полей, уничтоженіе виноградниковъ, схватки на улицахъ, изгнаніе, убійство и кровавая месть—вотъ исторія того времени. Эта вѣчная междоусобная война главнымъ образомъ происходила отъ того, что дворянство, жившее въ деревняхъ и бывшее по большей части германскаго происхожденія, добровольно или вынужденно переселилось въ города; и теперь это воинственное дворянство въ городскіихъ стѣнахъ рѣшало оружіемъ свои распри другъ съ другомъ и съ цехами до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь тираннъ, поддерживаемый императоромъ, не возвышался и не смирялъ партій. Такъ что въ Италіи, въ общемъ столь богато одаренной, самымъ рѣдкимъ благомъ былъ миръ. Видя эту борьбу партій, раздиравшую даже его родину, видя эту ненависть, заставлявшую даже Перуджію и Ассизы враждовать другъ съ другомъ, Францискъ сказалъ своимъ ученикамъ: „вы должны быть миротворцами“, и согласно его приказанію минориты считали, что задача ихъ ордена—торжественное примиреніе партій, и они широко взялись за это дѣло ²⁾).

Знаменитый примѣръ этой дѣятельности нищенствующихъ монаховъ показалъ доминиканецъ Іоаннъ Виченцскій, когда лѣтомъ 1233 года онъ вызвалъ набожное движеніе народное, такъ называемое аллилуія, которое повело къ примиренію партій въ одномъ городѣ за другимъ. Эта аллилуія была только подражаніемъ въ большихъ размѣрахъ тому, что давно уже дѣлалі въ маломъ видѣ минориты. На общественныхъ площадяхъ собирались граждане съ церковными хоругвями, зелеными вѣтвями, зажженными свѣчами. Хоры, составленные изъ дѣтей, набожно повторяли заключительныя слова псалмовъ. Вожаки партій, призванные предъ эту набожную общину, волею-неволею должны были давать другъ другу пѣлованіе мира, и на короткое или долгое время дѣйствительно воцарялось спокойствіе. И эта благо-

1) Thom. Cel. 690 сл. Tres socii 738: Sicut pacem annunciatis ore, sic in cordibus vestris et amplius habeatis.

2) См. такъ же проповѣдь мира доминиканца Іоанна Виченскаго. Chron. Veronense подъ 1238 годомъ. Muratori, Scriptores Rer. Ital. VIII, 626.

дать для Италіи также исходила отъ ассизскаго святого. Со дня своего духовнаго просвѣтленія онъ привѣтствовалъ каждого встрѣчнаго словами: „Да даруетъ тебѣ Господь миръ“¹⁾; въ своемъ завѣщаніи онъ даже относитъ это привѣтствіе къ особому божественному откровенію. „Господь открылъ мнѣ, что мы должны такъ привѣтствовать: „Dominus det tibi pacem“. Его пѣснь солнцу также показываетъ, какъ близка была его сердцу эта миссія— быть миротворцемъ. Преданіе, которому мы обязаны сохраненіемъ этой пѣсни, рассказываетъ²⁾, что предпоследнюю строфу, которая очевидно прибавлена къ стихотворенію безъ внутренней связи, Францискъ сочинилъ во время борьбы епископа ассизскаго съ подестою, внесшей полный разладъ во весь городъ, при чемъ дѣло дошло даже до отлученія отъ церкви высшихъ гражданскихъ властей. Францискъ, въ то время уже близкій къ смерти, заставилъ своихъ братьевъ пройтись передъ обоними борцами: *Laudato si mio signore per quelli che pardonano per lo tuo amore*. „Да прославится Господь въ тѣхъ, которые прощаютъ изъ любви къ Тебѣ и терпятъ униженіе и бѣдствіе. Блаженны, которые пребудутъ тогда въ мирѣ, ибо отъ Тебя, о Всевышній, получаютъ они вѣнецъ“. Эта пѣснь положила конецъ ожесточенной борьбѣ въ Ассизахъ. Въ Сиенѣ же проповѣдь Франциска примирила партіи, когда онѣ уже вступили въ рукопашную, и тѣла убитыхъ лежали на улицѣ³⁾. Отправившись въ Аренцо, онъ застаётъ городъ въ полномъ разгарѣ междоусобной войны; тогда онъ посылаетъ впередъ, какъ заклинателя бѣсовъ, одного изъ своихъ учениковъ, бывшаго священника церкви св. Даміана, Сильвестра. Священникъ становится передъ городскими воротами и восклицаетъ громкимъ голосомъ: „Во имя всемогущаго Бога и по повелѣнію раба Его, Франциска, удалитесь, демоны, отсюда“. И когда появляется Францискъ, бѣсы, посѣявшіе распрю, удаляются, и миръ восстанавливается самъ собою⁴⁾. Такъ новая община съ тонкимъ пониманіемъ того, что было нужно, и съ тѣмъ умѣньемъ, которому научаютъ любовь и воодушевленіе, вмѣшалась въ общественную жизнь, и во все время, пока жилъ въ ней этотъ духъ ея основателя, она также встрѣчала воодушевленіе, быстро возвысившее ее на степень руководящихъ религіозныхъ силъ Италіи.

1) *Speculum vitae beati Francisci et sociorum ejus. Venetiis, 1505, p. 128.*

2) *Jordanus von Giano, c. 14.*

3) *Fioretti 11.*

4) *Celano II, стр. 162. Bonaventura 758 сл.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПАПСКІЙ НИЩЕНСТВУЮЩІЙ ОРДЕНЬ.

Dem Herrlichsten, was unser Geist empfangen,
Drängt immer neu und neuer Stoff sich an.
Wenn wir zum Guten dieser Welt gelangen,
Dann heisst das Bess're Trug und Wann.
Goethe.

Легенда старательно изображает святого совершенно независимымъ отъ общихъ міровыхъ событій. Францискъ или дѣйствительно мало обращалъ на нихъ вниманія, или умышенно отвращался отъ нихъ. Великій римскій походъ Оттона IV совпалъ съ тѣмъ временемъ, отъ 1210 по 1211 годъ, когда Францискъ жилъ въ Риво-Торто, и одна грамота указываетъ, что императоръ расположился со своимъ дворомъ 8-го января 1210 года въ сосѣднемъ Фолинью. Итакъ, быть можетъ, историческій фактъ лежитъ въ основѣ разсказа Челано, что, когда войско императора проходило недалеко по дорогѣ, ни одинъ изъ братьевъ Франциска не вышелъ за ворота посмотреть на это зрѣлище. Только одного брата поставилъ Францискъ на улицѣ, онъ долженъ былъ возвѣстить Вельфу близкій конецъ его величія, такъ какъ уже въ ноябрѣ того же года онъ подвергся отлученію отъ церкви ¹⁾. Но, какъ бы ни отворачивался умышенно Францискъ отъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ того времени, однако и его дѣло покоилось на высокомъ приливѣ религіозной жизни, по которому тогда гордо плылъ корабль св. Петра, распустивъ свои паруса. За тѣ самые принципы, которые Францискъ мирно насаждалъ въ своемъ кругу, въ Провансѣ начиная съ 1208 года шла кровавая борьба; до ушей Франциска должны были также дойти въ 1212 году слухи о странномъ симптомѣ глубокаго религіознаго возбужденія: о крестовыхъ походахъ дѣтей, на которыхъ суевѣрные родители смотрѣли съ благоговѣніемъ, которымъ помогали священники, и которыми

1) Celano I, 696. Tres socii 55. Bonaventura, 41.

воспользовались торговцы рабами¹⁾. „Когда спрашивали спасенныхъ дѣтей“, рассказываетъ Альбертъ изъ Стаде, „почему они пошли, они отвѣчали, что сами того не знаютъ“. Они дѣйствовали, охваченные общою народною эпидеміей, она вызвала, по рассказамъ того же самаго лѣтописца, въ другихъ кругахъ другія лихорадочныя проявленія. Дѣлать то, чему противится мое сокровенное я, и что ему всего тяжелѣе, считалось покаяніемъ для аскетическаго самоотреченія. Такъ, въ томъ же самомъ 1212 году, нѣкоторыя женщины снимали съ себя всю одежду и нагія и безмолвныя, подобно блуждающимъ призракамъ, бродили по деревнямъ и городамъ²⁾. Мы должны представить себѣ это возбужденіе умовъ достигшимъ высшей точки религіознаго эксцесса; для такого возбужденія примиряющая проповѣдь ласковаго святаго явилась нравственнымъ благодѣяніемъ. Подчиненіе имперіи могущественному папѣ, постоянныя новыя крестовыя походы и войны противъ еретиковъ держали міръ въ напряженіи, а пророчество о наступленіи царства Святого Духа, вышедшее изъ Калабріи, подобно темной облачной тѣни, обошло зальную солнцемъ Италію и взволновало умы грознымъ ожиданіемъ. Со времени Иеронима никогда наплывъ въ монастыри не былъ сильнѣе, а число вновь основанныхъ орденовъ было такъ велико, что четвертый латеранскій соборъ 1215 года запретилъ дальнѣйшія основанія ихъ. Этотъ подъемъ религіознаго чувства былъ на руку и проповѣдникамъ покаянія въ Ассизахъ, какъ доказываетъ ихъ быстрое распространеніе. Эти меньшіе братья не нуждались въ монастыряхъ. Рваный плащъ и веревка вокругъ пояса,—вотъ все, что имъ нужно; а странствующие нищіе уже существовали раньше, и они теперь охотно примыкали къ благочестивымъ нищенствующимъ монахамъ и учились у нихъ болѣе высокому пониманію своего призванія. Уже въ теченіе цѣлаго полстолѣтія идеаль Обѣдной жизни былъ народнымъ идеаломъ. Правительства также не дѣлали никакихъ затрудненій новымъ братьямъ, послѣ того какъ стало извѣстно, что они ничего не желаютъ кромѣ куска хлѣба и не рассчитываютъ на помѣстья и духовныя завѣщанія въ ихъ пользу, подобно другимъ орденамъ. Въ это

1) Альбертъ изъ Стаде. Хрон. Mon. Germ. XVI, 271—379. Лѣтописи генуезскія. M. G. XI 111, Jacobus de Voragine. Muratori, Script. rer. Ital., IX, 46.

2) Альб. изъ Стаде ук. м. A quibus cum quereretur causa, dixerunt se nescire. Nudae etiam mulieres circa idem tempus, nihil loquentes per villas et civitates cucurrerunt.

первое время не требовалось новиціата. Такимъ образомъ въ поразительное короткое время Францискъ сталъ отцомъ многочисленнаго народа.

Избытокъ незанятыхъ силъ заставилъ въ 1218 и 1219 годахъ искать новыя поприща для работы и внѣ Италіи. До сихъ поръ братья не принимали вовсе во вниманіе внѣшней политики церкви и государства. Теперь они начинаютъ интересоваться тѣмъ, что дѣлается во внѣшнемъ мірѣ, и во главѣ этихъ болѣе широкихъ предпріятій съ самаго начала становится чело­вѣкъ, впоследствии совершенно подчинившій себѣ Франциска и направившій его общину на совсѣмъ иной путь. Это былъ Ілія Кортонскій, чело­вѣкъ съ большою силою воли, согражданинъ Франциска. Отецъ Іліи былъ родомъ изъ епископства болонскаго, а мать изъ Ассизъ¹⁾. Въ міру онъ назывался Бонусбаро и занимался набивкою матрацевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ учителемъ въ Ассизахъ и училъ мальчиковъ читать псалтырь, наконецъ зарабатывалъ свой хлѣбъ какъ писецъ въ Болоньѣ. Увидѣвъ, какого успѣха достигло братство ассизское, онъ также надѣлъ рясу нищенствующаго монаха и примкнулъ къ Франциску, который нашелъ себѣ большую опору въ этомъ братѣ, обладавшемъ твердою волею и далеко превосходившемъ его въ практическихъ вещахъ, а Ілія ухаживалъ за Францискомъ съ нѣжною заботливостію. По отношенію къ другимъ Ілія былъ далеко не привѣтливъ (*rusticitas maxima*); его высокоуміе и черствость представляли собою странную противоположность съ характеромъ святого, полнымъ любви. Но онъ былъ тѣмъ, тѣмъ не былъ Францискъ, политикомъ. Прежде всего мы узнаемъ объ Іліи, что онъ принимаетъ участіе въ попыткѣ куріи завоевать Египетъ для римскаго престола. Когда это злосчастное предпріятіе потерпѣло неудачу, папа поспѣшилъ свалить вину на императора Фридриха II, покинувшаго церковь на произволъ судьбы. На самомъ же дѣлѣ курія сначала вовсе не желала содѣйствія императора, а хотѣла сама руководить крестовымъ походомъ, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить ожидаемаго успѣха. Въ сентябрѣ 1218 года легатъ куріи, епископъ албанскій, испанецъ, Пелагій Гальвани, принялъ командованіе надъ войскомъ на Нилѣ; когда 5-го ноября 1219 года, послѣ чрезвычайно беспорядочной и небрежно веденной осады, Даміэтта была взята, высокоумный испанецъ рѣзко отклонилъ просьбу сирійскихъ христіанъ присоединить городъ къ королевству Іерусалимскому. Даміэтта, сказалъ онъ, есть общее владѣніе всего христіанства, т. е. курія намѣревалась основать новое церковное государство въ Египтѣ. Все повидимому

1) Salimbene, edit. Parm., 402.

подавало надежду на прочное утверждение въ долинѣ Нила; къ пилигримамъ, желавшимъ сражаться за святое дѣло, присоединялись толпы авантюристовъ и бродягъ, такъ что разношерстное войско легата вскорѣ стало извѣстнымъ во всемъ мѣрѣ, подобно лагерю Валленштейна. Съ согласія Франциска Илія также присоединился къ походу въ Египеть. Уже на Троицу 1218 года на собраніи братьевъ въ Порціункулѣ было рѣшено послать миссію на востокъ, а такъ какъ Францискъ, находясь въ Италіи, не могъ управлять этою отдаленною новою областью дѣятельности, то онъ поставилъ брата Илію какъ *minister provincialis ultra mare* ¹⁾. Тамъ братья прежде всего обратились къ пилигримамъ съ запада; это ясно изъ того, что къ Иліи на востокъ примкнулъ Цезарій Шпейерскій, который послѣ того учредилъ отдѣленія ордена въ Германіи.

Для капитула слѣдующаго 1219 года подобныя миссіи были уже подготовлены заранее. Покровители Франциска выхлопотали въ Римѣ посланіе папы Говорія III, отъ 11-го іюня 1219 года, въ которомъ всему духовенству повелѣвалось оказывать дружественный приемъ товарищамъ Франциска. Папа называетъ ихъ вѣрующими католиками, отрехшимися отъ суетности этого міра и избравшими жизненный путь, одобренный первою; они, по примѣру апостоловъ, обходятъ свѣтъ, сѣя евангельское слово ²⁾. Это—первое папское бреве, которое свидѣтельствуетъ объ орднѣ миноритовъ. Были предприняты также другія подготовленія для разрастающихся миссій. Такъ „Три брата“ рассказываютъ, что кардиналы и другіе выдающіеся люди повсюду снабжали миноритовъ такими же рекомендательными письмами ³⁾. Болѣе точныя свѣдѣнія даетъ намъ братъ Іорданусъ о миссіяхъ, посланныхъ въ Венгрію, Францію и Германію. Было организовано форменное нашествіе италіанскихъ нищенствующихъ монаховъ; такъ въ одну только Германію отправился отрядъ изъ шестидесяти нищенствующихъ братьевъ подъ предводительствомъ Іоанна де Пенна. Но въ то время лишь во Франціи миссія пустила уже корни. Въ началѣ и тамъ такъ же братья были приняты за альбигойцевъ, но у нихъ были сильныя рекомендаціи, недоразумѣніе разъяснилось, и они могли остаться. Менѣе удачны были первые шаги ихъ въ Германіи. Когда Іоаннъ де Пенна перешелъ черезъ Альпы со своею колонною нищихъ (*ferre 60 vel pluribus*), италіанцы не могли объясняться на

1) Іорданусъ, глава 9.

2) Potthast, Reg. pontif. 6081. См. также хорошо освѣдомленный рассказъ *tres socii* 740.

3) Въ ук. м. 740.

языкъ страны. Однако, говорить юмористическій рассказъ Иордануса, они догадались, что на предложеніе пристанища или пищи надо отвѣчать „ja“. Такъ они и отвѣчали на всѣ вопросы нѣмецкимъ да. Но при ихъ появленіи ихъ приняли за вальденцевъ или катаровъ и потому спросили, не еретики ли они и не хотятъ ли повергнуть Германію въ такія же смуты, какъ Ломбардію; и на этотъ вопросъ также они отвѣтили да, и тогда нѣкоторые изъ нихъ были заточены, другіе выставлены къ позорному столбу, такъ что они немедленно повернули назадъ, мечтая какъ можно скорѣе добраться до Италіи. Вслѣдствіе того Германія приобрѣла среди братьевъ такую дурную славу, что долгое время туда желали идти только тѣ, кто жаждалъ мученическаго вѣнца.

То же самое случилось съ братьями, отправившимися въ Венгрію. Дикіе пастухи травили ихъ собаками, били ихъ своими колючими палками. Тогда братья стали обсуждать, почему сыны Пусты относятся такъ недружелюбно къ нимъ, и одинъ братъ рѣшилъ, что венгерцы желали получить ихъ платье. Итакъ братья отдали свое платье, но дурное обращеніе съ ними отъ этого не прекратилось. Братья отдали и свою нижнюю одежду, но и это не помогло. Наконецъ они подарили послѣднее, что было на нихъ, и имъ предложили нагими отправиться во-свояси. Такъ какъ венгерцы постоянно отнимали у братьевъ вновь приобретаемая ими платья, то братья наконецъ стали такъ грязнить свою одежду, что даже венгерцы не желали ея. Но все-таки братья и этимъ не снискали себѣ популярности и, ничего не достигнувъ, вернулись домой въ Италію ¹⁾.

Францискъ, узнавъ о страданіяхъ, которыя терпѣли братья во время ихъ миссіи, не могъ помириться съ мыслью, какъ рассказываетъ Иорданусъ, что онъ одинъ какъ будто ищетъ покоя, тогда какъ другіе несутъ всю тягость труда и борьбы. „И такъ какъ онъ былъ честолюбивъ и не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь опередилъ его на пути Господнемъ, а напротивъ скорѣе самъ хотѣлъ быть впереди всѣхъ“, то онъ рѣшилъ, что онъ возвѣститъ евангельское слово не только христіанамъ, жившимъ по ту сторону горъ, а даже самимъ язычникамъ за моремъ. И вотъ въ 1219 году, т. е. на тринадцатомъ году своего обращенія, онъ отправляется къ египетскому султану возвѣститъ ему слово истины. Замѣстителями своими въ Италіи онъ назначаетъ братьевъ Маттея изъ Нарни и Григорія Неаполитанскаго,

¹⁾ Сжатый рассказъ *tres socii*, стр. 739, въ главныхъ чертахъ вполне согласуется съ рассказомъ Иордануса.

Матеей долженъ былъ оставаться при часовѣ Порціункула и завѣдывать испытаніемъ и приѣмомъ желающихъ поступить въ орденъ; Григорій же долженъ былъ, какъ это дѣлалъ самъ отецъ изъ года въ годъ, странствовать по Италіи съ мѣста на мѣсто и утѣшать братьевъ ¹⁾).

Если у Франциска было наивное намѣреніе обратить султана Аль-Камель, то его практическіе товарищи, разумѣется, прежде всего надѣялись найти въ лагерѣ крестоносцевъ у Даміэтты, гдѣ собралась половина населенія запада, точки опоры для расширенія общины и распространенія ордена на христіанскомъ востокѣ. Въ качествѣ спутника Францискъ взялъ дворянина Петра деп Катани, юриста и богослова. Въ Сиріи же Францискъ хотѣлъ встрѣтиться съ Иліею Кортонскимъ, который уже подготовилъ тамъ распространеніе миноритовъ. Такимъ образомъ Франциску помогали опытные въ мірскихъ дѣлахъ и практическіе совѣтники. Маріанъ, писатель пятнадцатаго столѣтія, рассказываетъ, что Францискъ съ двѣнадцатью учениками проѣхалъ изъ Анконы, черезъ Кипръ и Анконъ, въ Египетъ; этотъ рассказъ не можетъ быть теперь провѣренъ, но онъ не невѣроятенъ. У Иордануса незнаніе языка и тутъ также играетъ главную роль. Изъ христіанскаго лагеря Францискъ отправляется къ египтянамъ, которые отнеслись къ нему непріязненно. Такъ какъ онъ не переставая кричитъ: „soldan, soldan“, то его ведутъ къ Аль-Камелю. Самый фактъ, что святой былъ въ лагерѣ египтянъ, не подлежитъ сомнѣнію благодаря свидѣтельству епископа акконскаго, Іакова Витри ²⁾. „Мы видѣли“, пишетъ епископъ, „брата Франциска, основателя ордена миноритовъ, простого, неученаго человѣка, однако столь достойнаго любви, что онъ былъ почитаемъ всѣми, даже невѣрными. Онъ пришелъ въ христіанское войско у Даміэтты, и его необычайное религіозное рвеніе увлекло его такъ далеко, что онъ имѣлъ смѣлость, вооружившись лишь щитомъ вѣры, пойти въ лагерь султана египетскаго и проповѣдывать его людямъ вѣру во Христа“. Въ награду за голову каждой христіанской собаки выдавалась золотая византійская монета, такъ что жизнь монаха висѣла на волоскѣ. Но самъ султанъ принялъ христіанскаго дервиша съ ласкою образованнаго мусульманина, и, когда Францискъ заразился чумою въ лагерѣ, Аль-Камель приказалъ гуманно обращаться съ нимъ и ходить за нимъ. Все это служить доказательствомъ вліянія, какое Францискъ имѣлъ на окружаю-

¹⁾ Jordanus, cap. 11.

²⁾ Jacobi de Vitriaco historia occidental. c. 32. Epistola ad familiares. Gesta dei per Francos. p. 1149, № 19.

щих; тѣмъ не менѣе онъ не достигъ ничего. „Когда Францискъ увидѣлъ, что онъ не имѣетъ успѣха среди нихъ“, рассказываетъ Иорданусъ, „онъ рѣшилъ вернуться, и султанъ приказалъ проводить его съ конвоемъ до христіанскаго войска, осаждавшаго въ то время Даміэтту“. Епископъ рассказываетъ, что султанъ потихоньку просилъ монаха молить Бога указать ему посредствомъ чуда лучшую религію. Но у старѣйшихъ свидѣтелей мы не встрѣчаемъ разсказа о предложеніи Франциска: пусть онъ и одинъ изъ священнослужителей султана пройдутъ черезъ огонь, и, кто выйдетъ изъ огня живъ, вѣра того истинная; предложеніе, заставившее присутствовавшего при этомъ муллу быстро скрыться, какъ это съ глубокимъ комизмомъ изобразилъ Джіотто въ своемъ циклѣ картинъ ¹⁾). Точно такъ же ничего не говоритъ Иорданусъ и о пророчествѣ Франциска о гибели христіанскаго войска, среди котораго святой встрѣтилъ такіе пороки, какихъ не нашель у невѣрныхъ. Очевидно, Францискъ, какъ до него это сдѣлалъ Илія, обращался главнымъ образомъ къ христіанскимъ кружкамъ въ Сиріи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще принадлежали христіанамъ, увѣщевая принять свой образъ жизни, посвященной служенію церкви, бѣднымъ и больнымъ. Въ суматохѣ лагерной жизни подобная свободная организація, какъ организація миноритовъ, бравшихся за всякое дѣло, была также совершенно на своемъ мѣстѣ. И письмо Іакова Витри перечисляетъ цѣлый рядъ побѣдъ Франциска. „Извѣщаю васъ“, пишетъ епископъ акконскій, „что Рейнье, пріоръ монастыря св. Михаила, поступилъ въ орденъ миноритовъ, къ которому стекаются со всѣхъ сторонъ, потому что онъ подражаетъ первоначальной церкви и во всемъ слѣдуетъ жизни апостоловъ. Англичанинъ Колинъ также поступилъ въ этотъ орденъ, нашъ писецъ, а равно и два другихъ нашихъ спутника, Михайл и Матѳей, которому я поручилъ приходъ св. Капеллы. То же сдѣлали Канторъ и Генрихъ, какъ многіе другіе, имена которыхъ я забылъ“. Также и по словамъ Челано ²⁾) число братьевъ, вернувшихся съ Францискомъ, было больше, чѣмъ то, которое онъ взялъ съ собою; слѣдовательно экспедиція далеко не осталась безуспѣшной. Къ вновь обращеннымъ принадлежалъ Цезарій Шпейерскій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у нѣмецкихъ епископовъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, руководившій впоследствии съ большимъ успѣхомъ нѣмецкою миссіей. Илія Кортонскій также вернулся съ Францискомъ, и это было необходимо; за дѣло орденское долженъ былъ взяться человекъ съ яснымъ

1) Ср. Bonaventura, 767 f.

2) Vita I, 699.

взглядомъ и твердою рукою, какимъ былъ Илія. Во время отсутствія святого его община въ Италіи совершенно распалась, извѣстіе объ этомъ именно и побудило его вернуться. Передъ своимъ отъѣздомъ Францискъ оставилъ двухъ замѣстителей, Матѳея изъ Нарни и Григорія изъ Неаполя, которые раздѣлили между собою его обязанности. Но пришло извѣстіе изъ святой земли, что Францискъ умеръ. Одни рассказывали, что онъ умеръ на пути, другіе, что онъ сталъ мученикомъ, третьи, наконецъ, что его корабль потерпѣлъ крушеніе. Эти печальныя вѣсти вызвали большой переполохъ въ общинѣ. Орденъ бѣдной жизни, при своей шаткой организаціи и при весьма общей программѣ, обнималъ самыя разнообразныя тенденціи, и теперь представители ихъ желали каждый, чтобы орденъ проводилъ именно его излюбленный планъ. Прежде всего Матѳею изъ Нарни и Григорію Неаполитанскій, какъ замѣстители, поставленные самимъ Францискомъ, созвали на капитулъ старѣйшихъ братьевъ, исключивъ болѣе молодыхъ и тѣхъ, конечно, которые были менѣе преданы имъ. Разумѣется, это встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны исключенныхъ. Строгой партіи удалось захватить бразды правленія въ свои руки, и она немедленно доказала на дѣлѣ свою узкость и мелочное пониманіе сущности покаянія. Первымъ рѣшеніемъ ея было, чтобы соблюдались три дня поста вмѣсто двухъ, чтобы въ дни скоромныя разрешалось только то мясо, которое добровольно было принесено вѣрующими самими, а не собрано прошеніемъ милостыни. Это рѣшеніе не только шло въ разрѣзъ съ приказаніемъ Иннокентія III, воспрещавшимъ всякое измѣненіе статута, но оно замѣняло также евангельскую свободу ограниченнымъ придаваніемъ важности аскетической общинѣ и служило препятствіемъ дѣятельности братьевъ и ихъ годности для практическихъ цѣлей.

Другой братъ, которому Францискъ довѣрилъ попеченіе о монахиняхъ св. Даміана, позднѣйшихъ кларисьянкахъ, прозванный Филиппомъ Длиннымъ (Philippus longus), обратился къ куріи и былъ ею официально назначенъ адвокатомъ бѣдныхъ женщинъ, такъ что онъ получилъ право налагать отлученіе отъ церкви на всѣхъ, кто будетъ вредить его клиенткамъ. Такимъ образомъ онъ сталъ ректоромъ женской общины, что Францискъ прямо воспретилъ въ своемъ уставѣ, а благодаря папскому полномочію Филиппъ занялъ самостоятельное положеніе рядомъ съ Францискомъ. Но всего суровѣе говорятъ братья объ Іоаннѣ „со шляпою“, который вознамѣрился основать свой собственный орденъ прокаженныхъ. Братъ Іоаннъ де Стіахія, принадлежавшій къ первымъ спутникамъ Франциска, и которому другіе братья дали насмѣшливое прозвище de capella, потому что вмѣсто каплю-

шона онъ носилъ шляпу, поставилъ своею главною задачею заботу о прокаженныхъ и, какъ кажется, даже образовалъ изъ самихъ прокаженныхъ орденъ ¹⁾. Поэтому у Салимбене онъ называется Иоанномъ Милостивымъ. Но другія орденскія преданія дурно отзываются о немъ, такъ какъ за спяноу отца Франциска онъ основалъ свой собственный орденъ. Конецъ его былъ печаленъ. Постоянно вращаясь среди прокаженныхъ, онъ самъ схватилъ проказу, и противники его рассказываютъ, что онъ повѣсилъ подобно Іудѣ ²⁾.

Готовность, съ которою курія пошла на всё эти необдуманныя нововведенія, указываетъ на то, что въ Римѣ жадно ухватились за случай вмѣшаться въ дѣла ордена; община пріобрѣла уже такое значеніе, что было вовсе нежелательно оставлять попрежнему управленіе ею ея простодушному основателю, и дѣйствительно Франциску и послѣ возвращенія не удалось уже возстановить своей прежней власти. Между тѣмъ какъ минориты такимъ образомъ готовы были распасться на различные ордена, одинъ братъ изъ мірянъ безъ вѣлома викаріевъ отправился на востокъ, чтобы извѣстить Франциска о распаденіи его общины. Говорятъ, что онъ засталъ Франциска, по всей вѣроятности въ Акконѣ, за столомъ вмѣстѣ съ Петромъ деи Катани и за мяснымъ блюдомъ. Францискъ прочелъ поданный ему новый уставъ о постѣ и обратился къ Петру, сидѣвшему вмѣстѣ съ нимъ за столомъ: „Domine Petre quid faciemus?“ („Господинъ Петръ, что намъ дѣлать?“). Тотъ отвѣчалъ: „Domine Francisce, что вамъ кажется лучше, потому что вамъ принадлежитъ власть“. Францискъ по своей учтивости называлъ Петра деи Катани всегда господиномъ, потому что тотъ былъ знатнаго происхожденія и изучалъ науки. Они всегда держались этого учтиваго тона по отношенію другъ къ другу, какъ за моремъ, такъ и въ Италіи ³⁾. А Францискъ, указавъ на мясное блюдо, рѣшилъ: „Такъ будемъ же мы ѣсть, ибо евангеліе говоритъ: ѣшьте, что вамъ даютъ“. Но и другіе голоса также напоминали ему о возвращеніи.

1) Conform. 104 a. 1. Speculum vitae 2. Fioretti 1. Jordanus 12.

2) Ср. Voigt, ук. м. 58 сс. Fioretti 1.

3) Къ характернымъ чертамъ Франциска относится то, что онъ оказывалъ каждому подобающую ему честь, за что его Тома изъ Челано хвалить точно такъ же, и Горданусъ. Такъ самого Тома и поступившихъ вмѣстѣ съ нимъ въ орденъ ученыхъ и благородныхъ людей онъ принялъ honorifice atque digne. Quod suum erat unicuique piissime impendebat. Revera discretione praecipua praeditus, considerabat prudenter in omnibus cunctorum graduum dignitatem. Vita I, 699.

Францискъ встрѣтилъ одну пророчицу (phitonissa), предсказанія которой уже неоднократно сбывались. Эти „divinae“ играли большую роль среди крестоносцевъ, и Салимбене, напримѣръ, относитъ къ чести своего отца Гвидо, что господинъ Гвидо деи Адами презиралъ этихъ ворожей, тогда какъ другіе обыкновенно старались разузнать отъ вѣщихъ женщинъ о положеніи своихъ домашнихъ на родинѣ; и отецъ Салимбене нашелъ дома все благополучнымъ, тогда какъ другихъ дѣйствительно встрѣтила бѣда, которую они заставили предсказать себѣ ¹⁾). Одна такая пророчица крикнула Франциску: „Вернитесь, вернитесь, ибо вслѣдствіе отсутствія Франциска въ орденѣ начались смуты, расколъ и распаденіе“. Хотѣла ли пророчица, воспользовавшись перехваченнымъ извѣстіемъ, доказать свое ясновидѣніе, была ли она подкуплена другими, чтобы удалить изъ лагеря проповѣдника нравственности, или брата, желавшіе вернуться домой, подучили ее къ этой хитрости, какъ бы тамъ ни было, Францискъ послушалъ ее и, вернувшись въ Италію вмѣстѣ съ Иліею Кортонскимъ, Петромъ деи Катани и Цезаріемъ Шпейерскимъ, нашелъ, что дѣйствительно все было такъ, какъ сказала phitonissa ²⁾). Положеніе было затруднительнымъ, но съ большою предусмотрительностью и энергіей возмущеніе было подавлено самымъ быстрымъ способомъ. По всей вѣроятности по совѣту опытнаго брата Иліи, Францискъ рѣшилъ не выступать лично противъ невѣрныхъ сыновъ, получившихъ уже папскія полномочія для своихъ начинаній. Францискъ отправился прямо къ папскому двору требовать отобранія этихъ привилегій. Но по своему смиренію онъ не осмѣлился постучать къ самому Гонорію III, гордому Савелли, а распростершись передъ дверьми папскими, онъ терпѣливо ждалъ, пока не выйдетъ папа. Когда вышелъ Гонорій, онъ сказалъ ему: „Отецъ папа, Богъ да пошлетъ тебѣ миръ!“ Гонорій отвѣтилъ: „Богъ да благословитъ тебя, сынъ мой!“ И Францискъ объяснилъ ему слѣдующее: „Господинъ, ты великъ и занятъ всецѣло важными дѣлами, а потому малые люди не часто могутъ имѣть доступъ къ тебѣ и не такъ часто говорить съ тобою, какъ оно было бы нужно. Ты далъ мнѣ нѣсколькихъ папъ, дай мнѣ лучше одного, съ которымъ я могъ бы говорить, и который за тебя выслушивалъ бы и рѣшалъ дѣла моего ордена“. Папа возразилъ: „Кого ты хочешь, сынъ мой?“— „Епископа изъ Остіи (Dominus Ostiensis)“, отвѣтилъ Францискъ, и Гонорій далъ свое согласіе ³⁾). Безъ сомнѣнія, кардиналъ Гуго, старый

1) Salimbene ук. м. стр. 9.

2) Jordanus въ ук. м.

3) И здѣсь также разсказъ tres socii 739, 740 поразительно согла-

покровитель Франциска, потомъ ставшій папою Григоріемъ IX, уже заранѣе заявилъ, что онъ готовъ стать патрономъ общины. Теперь папа поручилъ ему покончить съ смутьянами, и ихъ сопротивленіе было быстро подавлено. Особыя полномочія, данныя Филиппу Длинному, были взяты назадъ, и Францискъ организовалъ орденъ бѣдныхъ женщинъ подъ руководствомъ Клары Шифи, согласно своимъ принципамъ. Онѣ должны были жить въ монастырѣ, но этотъ монастырь не долженъ былъ имѣть собственности и доходовъ, и живущія въ немъ обязывались къ молчанію и постоянному посту и полному отреченію отъ мясной пищи. Даже у самого кардинала Гуго, говорятъ, выступили слезы на глазахъ, когда онъ читалъ суровый уставъ ¹⁾. А отъ патрона прокаженныхъ Францискъ совершенно отрекся. Братъ Іоаннъ „со шляпою“ со стыдомъ и позоромъ долженъ былъ оставить курію, и минориты относились къ нему, какъ къ Іудѣ въ кругу апостоловъ, хотя онъ сталъ мученикомъ своей любви къ людямъ. Франциска же, напротивъ, всячески отличали при папскомъ дворѣ, и по всей вѣроятности именно въ это время онъ произнесъ одинъ разъ проповѣдь въ присутствіи Гонорія III и кардиналовъ ²⁾. Вопреки своему обыкновенію онъ заранѣе приготовилъ проповѣдь, но, едва онъ вступилъ на кафедру, какъ все улетучилось изъ его памяти. И онъ импровизуетъ свою проповѣдь какъ всегда. Конечно, его покровитель Гуго сидѣлъ, какъ на угольяхъ, потому что маленький Францискъ усиленно жестикулировалъ и руками и ногами, и кардиналъ боялся, что онъ сдѣлаетъ себя смѣшнымъ. Но, напротивъ, впечатлѣніе было глубокимъ и продолжительнымъ ³⁾. По мнѣнію кардинала теперь путь былъ открытъ. По словамъ преданія, Гуго предложилъ святому назначить болѣе знатныхъ братьевъ на высшія церковныя должности, чтобы тѣмъ поднять значеніе нищенствующаго ордена въ глазахъ общества. Но Францискъ возразилъ со смиреннымъ поклономъ по церковному обычаю: „Потому и называются они меньшими братьями, что они не должны занимать высокихъ должностей“. Ихъ единственная цѣль подражать униженію Сына Человѣческаго ⁴⁾.

Итакъ Францискъ успѣшно отразилъ это покушеніе на свое учрежденіе,

суется съ рассказомъ Іордануса изъ Джіано. Celano II, с. 17, р. 42 относитъ эту сцену ко времени послѣ проповѣди Франциска.

1) Acta S. S. Aug. II, 744 сл.

2) Такъ рассказываетъ Челано II, 17. Стр. 42.

3) Bonav., 703. Celano II, 112.

4) Speculum 27 а и в.

но онъ не могъ уклониться отъ измѣненія своего устава, такъ какъ тутъ на сторонѣ кардинала стояли Илія Кортонскій и Цезарій Шпейерскій.

Слѣдствіемъ нововведеній было превращеніе братства ассизскихъ кающихся въ орденъ миноритовъ, при чемъ уже не принималась во вниманіе исключительно аскетическая точка зрѣнія основателя, но теперь дѣло шло главнымъ образомъ о томъ, чтобы изъ этого нищенствующаго воинства организовать воинство полезныхъ миссіонеровъ для церковныхъ цѣлей куріи. Иннокентій III одобрилъ агитацію Франциска за бѣдную жизнь, чтобы вновь сдѣлать католическимъ нищенствующее движеніе, которое съ самаго начала выказало себя враждебнымъ церкви; но онъ не хотѣлъ допустить основанія новаго ордена; кардиналъ же Гуго обратно имѣлъ въ виду превращеніе странствующихъ учителей въ прочно организованный орденъ. Самымъ важнымъ препятствіемъ этому плану было не сопротивленіе отца миноритовъ, а запрещеніе четвертаго латеранскаго собора, воспротивившаго основывать новые ордена. Въ своемъ недовѣрїи къ неумѣренной страсти къ введенію новшествъ въ возрастающемъ съ каждымъ днемъ религіозномъ движеніи Иннокентій III хотѣлъ обязать новыхъ основателей орденовъ примыкать къ какому нибудь изъ разрѣшенныхъ уже уставовъ. А Гонорій III, Савелли, по отношенію къ доминиканцамъ уже обошелъ это запрещеніе, теперь онъ обходитъ его также въ пользу миноритовъ. Съ самаго начала настоящимъ творцомъ новаго устава миноритовъ считали Гуго изъ Остіи; что именно онъ имѣлъ въ виду, основывая новый орденъ, прямо видно изъ того, какъ впоследствии, будучи папою, Гуго пользовался имъ. Эта конгрегация нищихъ, съ ея отреченіемъ отъ собственности и обѣтомъ вѣчнаго странничества, обладала подвижностью и легко могла быть примѣнима для разныхъ цѣлей, чего не доставало осѣдлымъ орденамъ, имѣвшимъ земельную собственность и занимавшимъ опредѣленное положеніе въ государствѣ. Если древніе монастыри были крѣпостями Рима, то теперь дѣло шло объ образованіи подвижной арміи, которой можно было пользоваться повсюду, и Гуго впоследствии злоупотреблялъ въ этомъ отношеніи миноритами. Это нищенствующее воинство, если имъ правильно пользоваться, было непревосходнѣйшимъ орудіемъ миссій, агитаціи, народнаго возмущенія и беспощаднаго, все прочее презирающаго веденія войны. Осѣдлые ордена, благодаря своимъ имѣніямъ, были все таки связаны съ интересами своей страны. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ воинствомъ бездомныхъ дервишей, чуждыхъ вообще мѣстныхъ интересовъ, и потому это воинство могло быть обращено въ незнающее жалости орудіе въ папскихъ рукахъ. Съ своей обычной дальновидностью курія по-

няла это явленіе, и съ этого момента она усиленно поддерживала новую общину, что доказываетъ, какія большія надежды возлагали на нее политики изъ духовенства. Но конечно при этомъ религіозная идея святого была принесена въ жертву нуждамъ іерархіи. Всѣ новшества, которыхъ желала курія: протекторатъ кардинала, новиціатъ, строгіе обѣты, постоянные монастыри, строгая дисциплина, скорѣе затемняли первоначальныя идеи ассиазскихъ евангелистовъ, чѣмъ служили выраженіемъ ихъ. Духовное пробужденіе ставится въ рядъ съ остальными конгрегаціями, вдохновеніе подчиняется, статуту. Формально старыя идеи Франциска не брошены, но онъ долженъ былъ пойти на компромиссъ, всей важности котораго простодушный святой не понималъ сначала, ему пришлось узнать ее потомъ на практикѣ къ великому своему разочарованію. Отношеніе кардинала къ Франциску, какъ Челано описываетъ его, въ высшей степени характерно. Гуго служитъ больному святому какъ слуга, цѣлуетъ его святыя руки, онъ заботится и старается поддержать его жизнь, потому что онъ считаетъ его нужнымъ и необычайно полезнымъ (*necessarium et valde utilem*) 1), но, обоготворяя его, онъ дѣлаетъ съ его учрежденіемъ, что ему заблагоразсудится. Къ Франциску относятся какъ къ фетишу, которому поклоняется народъ, безъ котораго нельзя ничего сдѣлать, его любятъ также какъ единственную въ своемъ родѣ личность, но дѣла рѣшаются съ Цезаріемъ Шпейерскимъ и Иліею Кортонскимъ. Первымъ признакомъ происшедшей перемѣны было посланіе Гонорія III отъ 29-го мая 1220 года, въ которомъ папа признаетъ новую общину какъ *ordo fratrum Minorum* и предписываетъ французскому духовенству принять ихъ и содѣйствовать ихъ дѣламъ 2). Еще важнѣе второе бреве отъ 22-го сентября 1220 года, которое очевидно было результатомъ переговоровъ кардинала изъ Остіи съ Францискомъ, Иліею Кортонскимъ и Цезаріемъ Шпейерскимъ 3). Послѣднее бреве обращается къ брату Франциску и къ другимъ пріорамъ и настоятелямъ *fratres minores*, которые при этомъ рассматриваются какъ признанные закономъ органы ордена. Прежнему обычаю принимать немедленно заявившихъ о своемъ желаніи поступить въ общину, а если они охладѣютъ къ дѣлу, опять отпускать ихъ, теперь бреве полагаетъ конецъ. Оно ссылается на то, что всѣ остальные ордена имѣютъ полезное учрежденіе новиціата, поэтому и для *fratres minores* папа устанавливаетъ: „Ни-

1) Celano I, 711.

2) Potthast, Regesta pontif. 6263.

3) Reg. pontif. 6361.

кто не можетъ бытьъ принятъ до истеченія годичнаго послушничества, а кто даль обѣтъ, тотъ связанъ уже на всю жизнь“¹⁾. Монашескую одежду можетъ носить только тотъ, кто уполномоченъ на то начальствомъ; кто же странствуетъ, не будучи на то уполномоченъ, подвергается наказанію. О томъ, что минориты просили о такомъ измѣненіи ихъ порядковъ, въ бреве не говорится, оно предписывается имъ свыше, и на самомъ дѣлѣ это не есть привилегія, даруемая папою общинѣ, а ограниченіе ихъ прежнихъ обычаевъ и вольностей. Всѣхъ готовыхъ принести покаяніе Францискъ принималъ немедленно, а тѣ, которые охладѣвали, могли опять уйти. Теперь этотъ періодъ энтузіазма объявляется законченнымъ. вмѣстѣ съ бреве отъ 1220 года совершилось преобразование общины апостольской жизни въ орденъ римской церкви, а необходимымъ слѣдствіемъ этого явилась выработка новаго устава. Безпомощный въ житейскихъ дѣлахъ и неопытный какъ дитя, Францискъ былъ принужденъ кардиналомъ и его товарищами подчиниться реформѣ, предписанной папою и обусловливавшей полное измѣненіе его статута. Такъ возникъ уставъ 1221 года, въ редакціи котораго принялъ главное участіе только что поступившій, но дѣловитый и ученый Цезарій Шпейерскій. По крайней мѣрѣ Иорданусъ рассказываетъ, что, когда при содѣйствіи Его святѣйшества папы были прекращены безпорядки въ орденѣ, Францискъ преобразовалъ орденскій статутъ. „А такъ какъ святой Францискъ видѣлъ, что братъ Цезарій свѣдущъ въ священномъ Писаніи, то, написавъ уставъ въ простыхъ словахъ, онъ предоставилъ Цезарію украсить уставъ изреченіями изъ евангелія, что и было имъ сдѣлано“²⁾. Несомнѣнно сотрудничеству Цезарія мы обязаны цитатами изъ Иеронима и Ансельма, еще болѣе, чѣмъ выдержками изъ св. Писанія³⁾. Однако по формѣ своей уставъ 1221 года все-таки былъ дѣломъ Франциска. Его не настолько отгѣснили еще въ сторону, чтобы всецѣло отнять у него составленіе важнѣйшаго документальнаго акта. Его голосъ звучитъ во множествѣ трогательныхъ увѣщаній, въ заключеніяхъ, написанныхъ въ мягкомъ элегическомъ тонѣ прощальныхъ рѣчей апостола Іоанна, особенно же въ молитвѣ въ концѣ, вполнѣ вѣрно передающей намъ характеръ краснорѣчія Франциска. Тотъ же голосъ мы слышимъ въ задумчивой просьбѣ, въ которой онъ умоляетъ братьевъ, цѣ-

1) Съ этого времени ловля послушниковъ практикуется съ такою же беззаастѣячивостью, какъ въ старыхъ орденахъ; это доказываетъ рассказъ Салимбене объ его собственномъ поступленіи въ орденъ.

2) Сар. 15. У Фойгта 102.

3) Уставъ 1221 года. Сар. 7.

лудя пмъ ноги, соблюдать всѣ эти заповѣди. Но въ то время, какъ ему позволили высказать свои благочестивыя желанія, которымъ онъ придаетъ такую большую цѣну, — съ оговоркой конечно, что при слѣдующей редакціи эта благочестивая болтовня опять будетъ выпущена, — въ практическихъ вопросахъ все было рѣшено вопреки первоначальнымъ цѣлямъ его учрежденія. Въ новомъ уставѣ говорится объ официальномъ главѣ, *minister generalis*, котораго, для успокоенія смиреннаго святого, называютъ *servus totius fraternitatis*. Ему подчинены *ministri provinciarum*, между которыми раздѣлены отдѣльныя области миссіи. Орденъ еще называется братствомъ, но это братство прочно организовано и основывается на строгой субординаціи членовъ. По имени Францискъ остается еще главою братства, но въ лицѣ Иліи онъ получаетъ викарія, который теперь до смерти святого исправляетъ на самомъ дѣлѣ должность генерала. Во время отсутствія Франциска старѣйшіе братья, *seniores*, захватили въ свои руки управленіе общиной, но теперь „нотабили“ и „старшіе“ должны были уступить свою прежнюю власть законно избраннымъ должностнымъ лицамъ. Патріархальная анархія, которая сдерживалась въ границахъ только благодаря общему благоговѣнію передъ основателемъ, уступила мѣсто прочнымъ монашескимъ порядкамъ. Министры областей миссіи указываютъ каждому его мѣсто, они назначаютъ, кто долженъ проповѣдывать, и это полномочіе во всякое время можетъ быть отнято. Новый порядокъ не имѣетъ ничего общаго съ первоначальной жизнью евангелистовъ, когда каждый слѣдовалъ лишь внутреннему голосу и проповѣдывалъ, побуждаемый Духомъ. Министры требуютъ безусловнаго повиновенія, имъ принадлежитъ также право наказанія. Въ день архангела Михаила министры собираютъ на совѣщаніе своихъ братьевъ, а сами собираются на Троицынъ день въ Порціункулѣ. Но министры, находящіеся за моремъ и по ту сторону Альпъ, только разъ въ три года обязаны присутствовать на собраніяхъ въ Троицынъ день. Такъ что орденъ сохраняетъ съ внѣшней стороны всю подвижность и свободу прежней общины, но по существу онъ теперь прочно организованъ, и каждый членъ стѣсненъ волею руководителя. Заповѣдь бѣдности, запрещеніе имѣть деньги, нищенская одежда, нищенство, соотвѣтствующее страннической жизни сокращеніе постовъ остаются въ силѣ. Напротивъ, первоначальное запрещеніе имѣть двѣ одежды, сар. 14, отмѣнено. Оно основывалось на евангеліи отъ Луки 9, 3 и Мате. 10, 10, и какъ входившее въ наставленіе апостоламъ было особенно дорого Франциску, и еще въ завѣщаніи онъ сожалѣетъ, что это правило отмѣнено. Какія практическія неудобства были, конечно, сопряжены съ нимъ, мы узнаемъ изъ

насмѣшки Салимбене надъ апостольскимъ орденомъ, возобновившимъ его; но Францискъ неохотно разстался съ нимъ, такъ какъ для него это была воля Иисуса Христа, и оно представлялось ему атрибутомъ истинной бѣдности.

Точно такъ же, вслѣдствіе послѣднихъ смуть и происковъ Филиппа Длиннаго, подверглось обсужденію духовное попеченіе о женщинахъ. Результатомъ этихъ обсужденій было предписаніе новаго устава, чтобы братья не смѣли, подобно вальденцамъ, странствовать вмѣстѣ съ женщинами, не смѣли раздѣлять обѣдъ со своими подругами и даже ѣсть съ ними изъ одной чаши ¹⁾. Точно такъ же ихъ вовсе не касается духовное попеченіе о женщинахъ, они не должны принимать ихъ въ послушаніе. Священники ордена лишь выслушиваютъ исповѣди женщинъ, а совершать свое покаяніе послѣднія могутъ, гдѣ хотятъ, не обращаясь больше къ духовнику. Правда, что съ самаго начала Францискъ, въ противоположность вальденцамъ, исключилъ женщинъ изъ своего братства, но, вѣроятно, вопреки его волѣ бывали такіе случаи, которые и принимаетъ во вниманіе новый уставъ. Точно такъ же новый уставъ подвергаетъ странствующихъ апостоловъ строгому надзору, а введеніе урочной молитвы совершенно наполняетъ ихъ день; братья произносятъ *Credo*, *Pater noster*, *gloria*, *requiem*, и помимо того читаютъ псалтырь, такъ что имъ не остается вовсе времени на праздныя мысли ²⁾. Братьямъ неграмотнымъ предписываются читать Отче нашъ 24 раза за утреню, 5 разъ вмѣсто хвалитныхъ стихирь, по 7 за каждый часъ, 12 разъ за вечерню и 7 вмѣсто повечерія; это напоминаетъ частое чтеніе Отче нашъ у вальденцевъ. Но оно согласовалось съ прежнимъ правиломъ Франциска, о которомъ онъ упоминаетъ въ завѣщаніи: „Священники, какъ и остальные духовные, читали мессу, міряне же Отче нашъ“.

Таковъ былъ новый уставъ, обнародованный на собраніи въ Троицынъ день 1221 года въ Порціункулѣ и давшій свободной евангельской жизни прочную организацію орденскаго положенія. Такимъ образомъ былъ положенъ конецъ періоду энтузіазма, періоду *joculatores domini*.

Даже тотъ виѣшній почетъ, который именно теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, оказывали курія и населеніе смиренному святому, не могъ обмануть его, планъ всей его жизни въ сущности былъ разрушенъ. Какъ рассказываетъ Иорданусъ, при извѣстїи, что Францискъ не умеръ, не убитъ языч-

1) По тексту *Speculum* 193 b. *De malo visu et frequentia mulierum vitanda*.

2) *Celano* II, 146. *Bonaventura*, p. 770.

никами и не утонулъ въ морѣ, но живъ и созываетъ братьевъ въ началѣ юня 1221 года на собраніе на Троицынъ день въ Ассизы, всѣхъ охватила радость. Не менѣе трехъ тысячъ миноритовъ пришло изъ всѣхъ мѣстностей Италіи и другихъ областей миссін на это великое собраніе нищихъ въ Ассизахъ. Это былъ первый генеральный капитулъ, который самъ Иорданусъ называетъ этимъ именемъ. Какъ представитель куріи явился кардиналъ-діаконъ Рейнери съ многими епископами и монахами. Дѣло вѣдь шло о томъ, чтобы на нищихъ, бывшихъ раньше свободными, теперь наложить иго ихъ новой организаціи. Торжество открылъ одинъ епископъ мессою, на которой Францискъ, посвященный въ Римѣ въ діаконы, читалъ евангеліе, а другой братъ апостоль. Три тысячи странниковъ не могли помѣститься въ зданіяхъ часовни, они выстроили себѣ хижины, крытыя плетеными матами, и обѣдали всѣ вмѣстѣ за двадцатью тремя длинными столами; кушанья и напитки въ изобиліи приносились сосѣдними жителями, ибо населеніе радовалось, видя своего любимаго святого невредимымъ опять среди нихъ. Святой же произнесъ проповѣдь братьямъ на тему молитвы Давида передъ битвой съ Голиафомъ, пс. 143: „Господи, что есть человекъ, что Ты знаешь о немъ, и сынъ человѣческій, что обращаешь на него вниманіе?“¹⁾ Затѣмъ „братъ“ проповѣдывалъ народу въ назиданіе какъ мірянамъ, такъ и священникамъ, которые толпами тѣснились вокругъ него. Такого капитула, говоритъ Иорданусъ, какъ по количеству участвовавшихъ и по изобилію приношеній, такъ и по общей радости и братству онъ никогда не переживалъ больше. На седьмой день, вслѣдствіе слишкомъ большого наплыва приношеній, они даже должны были запереть двери и переждать два дня, пока не съѣли и не роздали всего, что было пожертвовано. И долго еще „этотъ капитулъ подъ матами“ былъ предметомъ радостныхъ воспоминаній и гордыхъ разсказовъ.

Передъ закрытіемъ генерального капитула были назначены министры для отдѣльныхъ областей, и имъ препоручены вновь поступившіе братья. „*Talis frater vadat ad talem provinciam*“. Какое положеніе занялъ теперь Францискъ относительно энергичнаго Илія, видно изъ въ высшей степени характернаго описанія у Иордануса этого послѣдняго дня капитула. „Блаженный Францискъ“,

1) Гораздо претенціознѣе простаго разсказа Иордануса разсказъ Фомы изъ Челано въ его второй легендѣ. Но о самыхъ эффектныхъ подробностяхъ и чудесахъ онъ самъ ничего еще не зналъ, когда составлялъ свою первую легенду. Хотя онъ присутствовалъ на собраніи, онъ однако не стѣснялся прикрашивать исторію его каждый разъ все чудеснѣе.

разсказываетъ Іорданусъ, „былъ въ то время хилъ, и потому то, что нужно было отъ его имени сказать капитулу, говорилъ братъ Ілія. И блаженный Францискъ, сидѣвшій у ногъ брата Ілія, дергалъ его за рясу. Ілія нагибался, спрашивалъ, чего онъ хочетъ, выслушивалъ его, вставалъ и говорилъ: „Братья, такъ говорить братъ“, подъ братомъ онъ понимаетъ блаженнаго Франциска, который по превосходству своему назывался братьями просто братомъ“. Во время распредѣленія работъ Іорданусъ былъ назначенъ въ Германію, куда онъ вовсе не желалъ идти, боясь грубаго населенія, онъ обратился тогда не къ Франциску, а къ Ілію; а когда послѣдній сурово предоставилъ ему на выборъ или повиноваться, или быть отосланнымъ, то онъ не апеллируетъ къ Франциску, а шлетъ у другихъ ходатайства передъ Іліею, но въ концѣ концовъ онъ все-таки былъ долженъ сдѣлать то, что приказалъ Ілія. Вополнѣ ясно и несомнѣнно, что теперь уже управленіе находится собственно въ рукахъ Ілія, тогда какъ Францискъ сохраняетъ свое прежнее значеніе лишь какъ предметъ почитанія народа и благоговѣйнаго поклоненія братьевъ. То, во что обратилось его учрежденіе благодаря уставу 1221 года, было и безъ того скорѣе дѣломъ Ілія, чѣмъ его дѣломъ.

Въ то время, какъ орденъ распространялся во всей Італіи и во вновь открытыхъ для дѣятельности братьевъ странахъ по ту и другую сторону моря и Альпъ, управленіе имъ все больше и больше отходило отъ святаго при его дѣтски простодушной натурѣ. Статутъ 1221 года, по своему сердечному тону и по разбросаннымъ тамъ и тутъ пожеланіямъ, молитвамъ и увѣщаніямъ, служилъ еще прекраснымъ выраженіемъ его духа любви и принималъ во вниманіе идеи святаго, въ главныхъ чертахъ онъ удержалъ еще въ себѣ болѣе древній уставъ, бывшій дѣломъ Франциска, такъ что Францискъ и его старые товарищи могли успокаивать себя, что ихъ требованія не были еще окончательно забыты. Но, когда этотъ уставъ 1221 года былъ примѣненъ къ новымъ большимъ сферамъ дѣятельности, то оказалось, что многія старыя постановленія были непрактичны, только служили препятствіемъ, и что слѣдовало иначе ограничить компетенціи *ministri provinciarum*, а низшимъ братьямъ еще строже предписать обязанность повиновенія. Точно такъ же пространныя гомилетическія размышленія, какъ они ни были назидательны, были, по мнѣнію новыхъ правителей, не на мѣстѣ въ уставѣ. Не имѣлось также еще настоящей утвердительной папской буллы, по всей вѣроятности, потому, что было нежелательно слишкомъ рѣзко стать въ противорѣчіе съ запрещеніемъ четвертаго латеранскаго собора основывать новые ордена. Но это легко было поправить, представивъ

окончательный статутъ и заставивъ папу санкціонировать его. Итакъ 29-го ноября 1223 года послѣдовало торжественное утвержденіе ордена буллою Гонорія III, а вмѣстѣ съ тѣмъ только что изданный уставъ вторично былъ передѣланъ, и установленъ окончательный орденскій статутъ, отбросившій старый назидательный тонъ, въ которомъ такъ трогательно высказалась душа Франциска, и весь балластъ библейскихъ выдержекъ; въ новомъ статутѣ почти не осталось слѣда прекрасной мечты Франциска о подражаніи жизни Іисуса Христа. Этотъ новый поворотъ въ исторіи миноритовъ также слѣдуетъ приписать вмѣшательству кардинала Гуго изъ Остіи, о которомъ Tres socii, конечно ошибочно, увѣряютъ, что онъ въ послѣднее время лично присутствовалъ на каждомъ генеральномъ капитулѣ¹⁾.

Теперь, когда братство стало орденомъ, новый уставъ долженъ былъ установить три обычныхъ монашескихъ обѣта,—послушанія, бѣдности и цѣломудрія, и видѣть въ нихъ „жизнь согласную съ евангеліемъ“. Въ статутѣ 1221 года все еще предполагается, что братья, подобно гумиліатамъ, должны зарабатывать себѣ хлѣбъ трудомъ.²⁾ Въ новой же редакціи, правда, работа равнымъ образомъ рекомендуется, но о пребываніи братьевъ въ служеніи у постороннихъ больше уже нѣтъ и рѣчи; минориты—монахи, какъ и остальные монахи, только вмѣсто собственности они главнымъ образомъ живутъ нищенствомъ, а вмѣсто келейной жизни обязаны вести странническую жизнь. Главнымъ же образомъ теперь занялись организаціей ордена. Въ силу долга послушанія министрамъ приходится испрашивать у папы назначенія кардинала „губернаторомъ“, „протекторомъ“ и „корректоромъ“ ихъ общины, благодаря чему орденъ прямо отдаетъ себя на служеніе куріи. Глава ордена—генералъ; ему подчинены министры провинцій, провинціалы; отдѣльные округа имѣютъ своихъ настоятелей. Согласно завѣщанію Франциска, ближайшій начальникъ каждого странника—надзиратель, и даже у самого Франциска также есть надзиратель. „Я хочу строго повиноваться генералу“, пишетъ Францискъ, „и надзирателю, котораго онъ пожелаетъ мнѣ дать. И я хочу быть всецѣло въ его рукахъ, чтобы я не могъ ни идти куда-либо вопреки его волѣ, ни дѣлать что-либо, ибо онъ мой господинъ“. Согласно новой организаціи настоятель становится начальникомъ монастыря и округа; на немъ

¹⁾ Стр. 739. Жизнеописаніе (путевыя записи) Гуго изъ Остіи не подтверждаетъ этого увѣренія. См. Винкельманъ, Фридрихъ II, стр. 550 въ *Jahrbücher der deutschen Geschichte*.

²⁾ Cap. 7.

лежить надзоръ за ними, и онъ собираетъ братьевъ на капитулы. Его задача также заботиться о продовольствіи и одеждѣ для братьевъ. Проповѣдниковъ назначаетъ генераль, такъ какъ въ интересахъ ордена поручить это дѣло только выдающимся талантамъ. Тогда какъ первоначально Францискъ, совершенно какъ Вальдо, объявилъ, что проповѣдь есть обязанность каждаго истиннаго христіанина, теперь вводится (свр. 9) форменное испытаніе, кто способенъ къ этому служенію, и Салимбене рассказываетъ намъ, какъ сильно боялись кандидаты этого испытанія. Болѣе тѣсная зависимость отъ католической іерархіи выражается въ томъ, что теперь предписывается правило: нигдѣ нельзя проповѣдывать безъ прямого позволенія мѣстнаго епископа. Это согласовалось съ желаніями святого; постановленіе же статута было, конечно, уступкою, сдѣланною куріей епископамъ. Теперь генераль назначаетъ собранія министровъ, гдѣ хочеть, не будучи связанъ Порціункулой, святилищемъ Франциска, но эти собранія должны происходить не рѣже, какъ разъ въ три года. Напротивъ, дисциплина подлежитъ провинціаламъ, и въ дѣлахъ покаянія братья также обращаются къ священникамъ своего собственнаго ордена. Отброшены старыя арнольдистскія и вальденскія требованія, чтобы каждый проповѣдывалъ евангеліе, чтобы одинъ другому исповѣдывалъ свои грѣхи, и апостольское правило странствованія, которое до сихъ поръ минориты раздѣляли съ вальденцами и катарами. Особенно прискорбно должно быть было Франциску то, что новые законодатели, не особенно заботясь объ его идеѣ, выпустили изъ устава мѣсто отъ Луки, 9, 3: „Ничего не берите на дорогу, ни посоха, ни сумы, ни хлѣба, ни серебра, и не имѣйте по двѣ одежды“. Послѣднее запрещеніе, которому, какъ мы видимъ изъ завѣщанія, Францискъ придавалъ большое значеніе, игнорируется уже статутомъ 1221 года, с. 14, въ его уставѣ объ одеждѣ. Но теперь уже совершенно вычеркивается то именно мѣсто, которое нѣкогда свѣтило святому въ его новой жизни, подобно яркой путеводной звѣздѣ. Правда, на практикѣ оно много разъ уже нарушалось, но къ отмѣнѣ его святой отнесся не безъ жалобы. „Хотя министры также хотѣли соблюдать евангельскую бѣдность“, говорятъ *Speculum* ¹⁾, „они однако выбросили изъ устава слова: „Вы ничего не должны брать на дорогу“, такъ какъ они думали, что это вовсе не относится къ евангельскому совершенству“. Но Францискъ сердился: „Братья министры хотятъ обмануть Бога и меня; но всѣ братья должны знать, что они обязаны соблюдать евангельское совершенство. Я хочу, чтобы въ

¹⁾ *Speculum vitae*, pag. 9.

уставѣ, въ началѣ и въ концѣ, было написано, что наши братья должны твердо соблюдать святое евангеліе Господа нашего Іисуса Христа“. Дѣйствительно, подобное заявленіе находится въ началѣ и концѣ устава 1223 года, но нѣтъ выдержки изъ Писанія, которая была такъ важна для Франциска, и которая еще была приведена въ уставѣ 1221 года (въ сар. 14). Она была и осталась вычеркнутой. Скучное апостольское снаряженіе не соответствовало церковнымъ миссіямъ, за которыя должны были приняты теперь братья.

Итакъ изъ братства, пребывавшаго въ служеніи людямъ, теперь возникъ новый орденъ, который не смотря на служеніе въ мірѣ остается строго разграниченнымъ отъ міра¹⁾, и даже внутри церкви онъ замыкается въ себѣ, какъ болѣе тѣсная церковь. Мѣсто энтузіазма заступило послушаніе, а бѣдная жизнь, безъ имущества и при постоянномъ странствованіи, посвящена теперь уже не подражанію Христу, а служенію церкви, желающей имѣть монаха въ своемъ полномъ распоряженіи, такъ какъ она не можетъ пользоваться людьми, которые ставятъ свои монастырскіе интересы выше папы.

Въ то время какъ творца движенія все больше и больше отстраняли отъ основаннаго имъ дѣла, его идея подражанія Христу, олицетворенная имъ съ большею силою, чѣмъ кѣмъ-либо, получаетъ все новыя и новыя формы. Уже въ 1212 году въ самихъ Ассизахъ Клара Шифи въ своемъ восторженномъ поклоненіи Франциску рѣшила жить подобно ему безъ имущества. Такъ выросла община сестеръ „бѣдныхъ женщинъ“. Посылая своихъ бѣдныхъ, Францискъ разсчитывалъ только на мужчинъ. Только они могли, подобно апостоламъ, ночевать сегодня здѣсь, а завтра тамъ, только они могли носить свою рясу до тѣхъ поръ, пока она еще держится на плечахъ. Но вотъ однажды въ S. Maria degli Angeli явилась Клара, дочь рыцаря Шифи, и потребовала принятія ея въ орденъ. Благодаря ей возникъ женскій монастырь у церкви св. Даміана въ Ассизахъ²⁾, включившій въ свой уставъ большую часть обѣтовъ нищенствующаго ордена. Въ теченіе многихъ лѣтъ старался кардиналъ изъ Остіи умѣрить рвеніе Клары уставомъ, который принималъ бы во вниманіе потребности ея пола, но

1) Грамота Григорія IX отъ 26-го іюля 1227 года даетъ братьямъ даже привилегію, что они могутъ быть призываемы въ судъ въ качествѣ свидѣтелей лишь по особому папскому повелѣнію.

2) Acta S. S. II, 689. Tres socii 738, 739.

Францискъ самъ далъ монахинямъ ихъ строгія правила. Отношенія святого къ своей подругѣ, которая строитъ ему бесѣдку изъ розъ на своемъ дворѣ и обѣдаетъ у братьевъ въ Порціункулѣ, принадлежать къ наивѣйшимъ и граціознѣйшимъ отрывкамъ изъ Fioretti. По словамъ Челано, Францискъ даритъ кларисьянкамъ ягвятъ, которыхъ онъ выкупилъ у мясника и спасъ отъ ножа, а монахини ткуть ему изъ ихъ шерсти рясу ¹⁾. Въ сущности эти факты плохо согласуются съ наставленіями перваго устава избѣгать сношеній съ женщинами, и потому во второй легендѣ Челано находится также разсказъ, показывающій, какъ Францискъ не допускаетъ монахинь приближаться къ нему. „Бѣдныя женщины“ просили святого проповѣдывать у нихъ именно для того, чтобы, воспользовавшись этимъ случаемъ, опять повидать его. Онъ дѣйствительно приходитъ въ ихъ церковь святого Даміана и произноситъ молитву, устремивъ взоръ къ небу. Затѣмъ онъ приказываетъ принести ему золы, этой золой онъ очерчиваетъ вокругъ себя на полу кругъ, а оставшеюся золою посыпаетъ себѣ голову и стоитъ въ этомъ кругу, не произнося ни слова, такъ что наконецъ благочестивымъ сестрамъ становится страшно, и онѣ просятъ его, чтобы онъ началъ проповѣдь. Онъ произноситъ *miserege mei Domine* и, кончивъ читать, немедленно оставляетъ церковь. Глубоко оскорбленныя монахини заливаются горькими слезами при мысли, что онѣ для него лишь прахъ и пепель. Челано же прибавляетъ, что Францискъ хотѣлъ этимъ научить своихъ братьевъ, чтобы они подобно птицамъ избѣгали силковъ ²⁾, которые злой птицеловъ разставляетъ святымъ. Францискъ далъ поэтому весьма точныя приказанія, что только тогда, когда женщины прямо того требуютъ, братъ можетъ войти въ ихъ монастырь, и то настоятель долженъ посылать туда только тѣхъ духовниковъ, которые достойно выдержали долгое испытаніе ³⁾. Вообще Францискъ предостерегаетъ отъ всякаго общенія съ женщинами за исключеніемъ исповѣди. Остается открытымъ, конечно, не относятся ли составители легендъ къ Франциску фактовъ, происшедшихъ гораздо позднѣе, когда заставляютъ его такъ рѣзко говорить о всякомъ общеніи съ женщинами.

Такимъ образомъ рядомъ съ меньшими братьями возникаетъ въ лицѣ кларисьянокъ женскій орденъ, который въ монастырскихъ стѣнахъ хочетъ вести бѣдную жизнь; но вскорѣ являются приверженцы добровольно избран-

¹⁾ Celano I, p. 704.

²⁾ Celano II, 292.

³⁾ Celano II, 290.

ной бѣдности и въ частной жизни. Первоначальная идея Франциска, что слѣдованіе Христу можетъ быть осуществлено путемъ служенія людямъ въ обыкновенной частной жизни, была исключена изъ новаго устава ордена; но благодаря пропагандѣ братьевъ изъ такъ называемыхъ терціаріевъ или братствъ кающихся составились товарищества, которыя согласно первоначальной идеѣ Франциска хотѣли слѣдовать Христу въ міру. Правда, приписываемый Франциску уставъ терціаріевъ позднѣйшаго происхожденія, и подобныя имъ товарищества кающихся существовали уже задолго до него, но то, что этими товариществами руководили главнымъ образомъ минориты, принадлежитъ къ важнѣйшимъ слѣдствіямъ его духовнаго вліянія. Подобно тому какъ самъ Францискъ въ началѣ своей дѣятельности собралъ вокругъ себя у церкви св. Даміана кружокъ благочестивыхъ мірянъ, такъ теперь его минориты собирали вокругъ себя существовавшіе въ каждомъ городѣ кружки, жаждавшіе духовнаго просвѣтленія, пока они совершенно не подчиняли ихъ духовному попеченію ордена. Со временемъ эти кающіеся слились въ одно братство съ собственнымъ уставомъ, служившее преддверіемъ къ монастырю, благодаря ему минориты знали, что дѣлается во всѣхъ семьяхъ и коллегіяхъ и распоряжались въ нихъ. Уже легенда „Tres socii“ рассказываетъ, что женатые мужчины и женщины по совѣту миноритовъ исполняли въ своихъ собственныхъ домахъ наложенныя на нихъ епитиміи ¹⁾. Эти терціаріи должны жить въ смиреніи и покаяніи и постоянно размышлять о смерти. Свой излишекъ они дѣлятъ съ бѣдняками, свое время посвящаютъ больнымъ, а ихъ особенная одежда также и по внѣшности отличаетъ ихъ отъ другихъ, какъ принадлежащихъ къ братству кающихся святого Франциска. Они отвергаютъ клятву, военную службу и несеніе общественныхъ должностей, такъ что уже папской буллѣ отъ 1221 года приходится улаживать пререканія по этому поводу между гражданскими властями и этими братствами. Такъ какъ папское рѣшеніе очень партійно вступилось за привилегированное положеніе набожныхъ, то именно ради гражданскихъ выгодъ наплывъ въ братства кающихся сталъ очень силенъ. Конечно, эта релігіозная агитація отзывалась на общественномъ порядкѣ городовъ. Съ одной стороны негодовали семьи, имѣнья которыхъ были розданы бѣднякамъ этими кающимися, съ другой правительства тягались съ терціаріями, которые подъ предлогомъ особенно святой жизни уклонялись отъ городской службы и полного взноса податей. Уже „Tres socii“ называли эти братства кающихся

1) Ук. м. 738 сл.

третьимъ орденемъ святого Франциска, а съ тѣхъ поръ какъ Иннокентій IV въ 1247 году официально подчинилъ ихъ руководству миноритовъ, терціаріи стали считаться всецѣло учениками святого Франциска, которому начали тогда также неправильно приписывать ихъ уставъ.

Уже Челано упоминаетъ также о братьяхъ изъ мірянъ ¹⁾. По словамъ Челано, одному такому брату, просившему псалтырь, Францискъ вмѣсто псалтыри подаль горсть золы. Подразумѣвается тутъ конечно такой братъ, который не былъ посвященъ въ священники, а потому и не нуждался вовсе въ псалтыри. У Салимбене, напротивъ, *fratres laici* были тѣмъ же, чѣмъ они были въ другихъ орденахъ: монастырскими работниками. Съ первоначальными учрежденіями, конечно, плохо вяжется этотъ особый классъ служащихъ братьевъ, но уже во второмъ поколѣніи, благодаря аристократическому правленію Иліи Кортонскаго, подобные братья встрѣчаются въ каждомъ монастырѣ ²⁾, они, въ сопровожденіи послушника, собираютъ милостыни, что конечно указываетъ на новое отступленіе отъ духа первоначальнаго учрежденія.

¹⁾ Vita II, 276.

²⁾ Какъ показываетъ Салимбене. Ed. Parm. 113.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ИДЕАЛЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Высокія чувства, вдохнувшія въ насъ жизнь, замирають въ житейской суетѣ.

Гете.

Уставъ 1221 года проникнуть чисто молитвеннымъ настроеніемъ, и оно находитъ себѣ отзвукъ въ легендѣ Челано. Челано удалось уловить эти мягкіе аккорды и заставить ихъ звучать въ разсказѣ объ евангелистахъ, возвѣщавшихъ миръ, спасеніе и говорившихъ Сіону: „вотъ твой Богъ воцарился“. Но самъ Челано, какъ только онъ входитъ въ детали, принужденъ спуститься изъ этого царства серафимовъ на весьма реальную почву, и онъ слишкомъ непосредственно низвергаетъ насъ изъ идеальной сферы въ совершенно иного рода дѣйствительность, когда ставитъ въ заголовкѣ одной изъ своихъ главъ: „Вопль къ Богу о лѣности и ненасытности братьевъ“. Потому для насъ вдвойнѣ цѣнно, что мы имѣемъ менѣе легендарныя извѣстія о дѣятельности ордена въ чужихъ земляхъ; самое же цѣнное изъ этихъ извѣстій—это извѣстіе Іордануса Джіано, который былъ причисленъ къ нѣмецкой миссіи на знаменитомъ капитулѣ подъ матами въ Троицу 1221 года; онъ разсказываетъ намъ о первыхъ поселеніяхъ миноритовъ въ Германіи совершенно согласно съ положеніемъ дѣла. Во главѣ этой миссіи стоялъ сотрудникъ въ выработкѣ новаго устава, Цезарій Шпейерскій, нѣмецкій священникъ, который примкнулъ къ Или и Франциску во время ихъ пребыванія на востокѣ. Цезарій былъ ученикомъ епископа Конрада Гильдесгеймскаго, извѣстнаго гонителя еретиковъ и товарища Конрада Марбургскаго ¹⁾). Какъ ученый и краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ занялъ выдающееся положеніе на своей родинѣ. По своемъ возвращеніи

¹⁾ Jordanus von Giano с. 9.

изъ Сиріи онъ воспользовался своими связями на родинѣ, чтобы рекомендовать новую конгрегацію нѣмецкимъ епископамъ; а когда на капитулѣ подъ матами ему было поручено руководство нѣмецкой миссіей, онъ отправился за Альпы съ 12 клириками и 13 мірянами. Отрядъ на этотъ разъ былъ меньше, чѣмъ при первой экспедиціи, но состоялъ изъ избраннѣйшихъ членовъ общины. Іоаннъ изъ Піано Карпине былъ, по всей вѣроятности, тѣмъ самымъ миноритомъ, который прославился въ 1245 г. своимъ миссіонерствомъ среди татаръ ¹⁾. Братъ Варнава былъ почитаемъ за свои проповѣди, Тома Челано за свои гимны, діаконъ Іорданусъ Джіано сталъ Гомеромъ этой Одиссеи; какъ старый человекъ и настоятель Тюрингенской провинціи ордена, онъ написалъ свои воспоминанія о первыхъ поселеніяхъ миноритовъ въ Германіи. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ на 18-е октября Тридентъ, гдѣ братья остановились на шесть дней у тамошняго епископа. Въ день святого Михаила братъ Цезарій произнесъ проповѣдь для духовенства, братъ же Варнава который говорилъ какъ на итальянскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ для народа. Результатомъ этихъ проповѣдей было то, что одинъ богатый гражданинъ, по имени Перегринъ, который одинаково бѣгло говорилъ и по-нѣмецки и по-ломбардски, пожелалъ ѣхать съ ними. Онъ продалъ свое имущество, на вырученныя деньги купилъ для каждаго изъ двадцати пяти миноритовъ рясы и нижнее платье, а остальное роздалъ бѣднымъ ²⁾. Въ день выступленія Цезарій Шпейерскій произнесъ рѣчь о долгѣ смиренія и твердости, послѣ чего онъ образовалъ группы, каждая изъ двухъ или трехъ спутниковъ, и назначилъ еще одного брата пешихъ о тѣлесныхъ потребностяхъ, а другого—о духовномъ благѣ, и послалъ ихъ впередъ въ Боцень. Тамъ епископъ тридентскій удержалъ братьевъ еще на нѣсколько дней у себя въ гостяхъ и далъ имъ позволеніе проповѣдывать въ окрестностяхъ. Они были также дружественно приняты епископомъ въ Бриксенѣ. Послѣ обѣда въ Бриксенѣ они выступили въ путь и черезъ Штерцингъ вступили въ Миттенвальде. Но дальше въ горахъ они не нашли уже готоваго стола. Они утоляли свой голодъ рѣпою и пили воду изъ рѣки. Начиная отсюда, рассказы Іордануса о дальнѣйшей судьбѣ экспедиціи становятся въ высшей степени реальными. Тому, кто не принимаетъ во вниманіе матерьяльныхъ условій жизни, чаще приходится отъ нихъ страдать, чѣмъ тому, кто принимаетъ ихъ въ расчетъ. Такъ что прозанческій рассказъ Іордануса пред-

¹⁾ По Гласбергской хроникѣ. Изд. Эверса. Лейпцигъ, 1882. Стр. 67.

²⁾ Jordan. с. 20. Стр. 107.

ставляетъ собою самый рѣзкій контрастъ съ восторженнымъ восхваленіемъ нищенской жизни въ легендахъ. Для Іордануса ничего нѣтъ важнѣе и ничто такъ глубоко не врѣзалось въ его памяти, какъ воспоминанія о томъ, гдѣ во время своего священнаго похода они получили хлѣбъ, мясо и настоящіе обѣды, и гдѣ должны были довольствоваться рѣпою и другими овощами. О нравственныхъ успѣхахъ онъ не говоритъ нигдѣ, о матеріальномъ удовольствіи на каждой страницѣ. А такъ какъ послѣднее среди суровыхъ горныхъ жителей оставяло желать многого, то уже на второй день пути настроеніе евангелистовъ стало очень удрученнымъ. Пройдя полъ-мили, братья не могли идти дальше. Они сдѣлали приваль, а такъ какъ по случаю постнаго дня пища имъ была воспрещена, то они тѣмъ временемъ наполнили свои карманы спѣлыми, собранными у дороги плодами, чтобы на пути не умереть съ голоду. Такимъ образомъ братья дошли небольшими переходами, перерывавшимися остановками, до Матрея. „Но Христось, который самъ былъ бѣденъ, помнилъ о своихъ бѣдныхъ и послалъ имъ навстрѣчу при входѣ въ городъ двухъ гостепріимныхъ людей, которые имъ купили хлѣба на два динара. Но что значило это для столькихъ братьевъ?“ Тогда какъ разъ было время сбора рѣпы, и братья выпрашивали себѣ рѣпы, чтобы только наполнить свой желудокъ. Послѣ такого обѣда они,— *magis referti quam refecti*,—продолжали свой путь и, собираясь отъ деревни до деревни, отъ замка до замка, отъ монастыря до монастыря, дошли наконецъ до Аугсбурга. Тамошній епископъ и его племянникъ, каноникъ изъ С. Афы, очевидно заранѣе подготовленный къ прибытію ихъ, принялъ ихъ ласково, далъ имъ цѣлованіе мира и роскошно помѣстилъ ихъ въ домѣ племянника. При такихъ условіяхъ итальянцы были приняты хорошо также нѣмецкими священниками и съ глубокимъ почтеніемъ привѣтствованы народомъ. На праздникъ святого Галла, 16-го октября 1221 года, Цезарій Шпейерскій, министръ вновь основывающейся провинціи ордена, прибылъ также въ Аугсбургъ (*ministri*—такъ назывались главные священнослужители общины). Онъ прежде всего раздѣлилъ свой отрядъ на группы и послалъ впередъ двухъ проповѣдниковъ, Іоанна Піано и брата Варнаву, чтобы подготовить путь остальнымъ. Этотъ авангардъ направился въ Вюрцбургъ, Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Страсбургъ, Кельнъ, т. е. въ важнѣйшіе епископскіе города западной Германіи. Долина Рейна была всего доступнѣе для романскихъ вліаній, и на ея подвижное населеніе было всего легче воздѣйствовать. Когда проповѣдь этихъ первыхъ посланныхъ принималась благосклонно, тогда немедленно слѣдовала за ними котораянибудь группа

изъ оставшихся итальянцевъ, чтобы поселиться на болѣе продолжительное время ¹⁾). Нашъ рассказчикъ, Иорданусъ Джіано, былъ вмѣстѣ съ двумя братьями посланъ опять обратно въ Зальцбургъ, а другая группа отправилась на Дунай въ Регенсбургъ.

Подъ цокровительствомъ епископовъ новое братство скоро сдѣлало такіе успѣхи, что повсюду пріобрѣло новыхъ послушниковъ и уже въ слѣдующемъ году могло само созвать капитулъ въ Вормсѣ, подъ предѣлательствомъ провинціала Цезарія, для чего духовенство предоставило имъ соборъ. Иорданусъ и братья, бывшіе съ нимъ въ Зальцбургѣ, также отправились на этотъ капитулъ, идя по двое и прося дорогою милостыню по деревнямъ. Но крестьяне говорили: „god berad“, Богъ подастъ, и не давали имъ ничего. Наконецъ одинъ изъ братьевъ рѣшилъ, что это „god berad“ пожалуй приведетъ ихъ къ смерти. Надѣясь, что онъ сумѣетъ лучше устроить дѣла, чѣмъ тотъ братъ, который въ этотъ день долженъ былъ собирать милостыню, онъ забѣжалъ впередъ и сталъ просить крестьянъ по-латыни. Но они отвѣчали: „Мы не понимаемъ по-латыни, говорите по-нѣмецки“. Братъ сказалъ: „Я не говорю по-нѣмецки (nicht deutsch)“, но затѣмъ по-нѣмецки же прибавилъ: „хлѣба ради Бога“. Крестьяне возразили: „Удивительно, что ты по-нѣмецки говоришь, что не понимаешь нѣмецкаго языка“, и онъ долженъ былъ опять-таки удовольствоваться „god berad“. Хитрый братъ однако сдѣлалъ видъ, что не понялъ, ласково кивнулъ крестьянамъ головой и усѣлся за ихъ столъ. Тогда крестьянамъ пришлось лишь посмѣяться хитрости итальянца, и они принесли ему хлѣба, яицъ и молока. Увидѣвъ теперь, что это средство помогаетъ, братъ продѣлалъ ту же самую комедію въ десяткѣ домовъ и такъ набилъ при этомъ карманы, что хватило бы и для семи братьевъ. На Троицынъ день они посѣтили въ одной деревнѣ мессу, и одинъ изъ нихъ причащался. Ихъ поведеніе во время этого священнодѣйствія произвело такое впечатлѣніе на крестьянъ, что они преклоняли передъ ними колѣна и просили ихъ благословенія. Такъ черезъ Вюрцбургъ, Майнцъ и Вормсъ они пришли въ Шпейеръ. Здѣсь нашли они провинціала Цезарія и встрѣтили самый лучший пріемъ у епископа; они находились еще здѣсь во время формальнаго утверженія ихъ устава Гоноріемъ III въ 1223 году. Вскорѣ послѣ этого сочинитель гимновъ и легендъ Тома Челано былъ назначенъ настоятелемъ надъ миссіями въ при-

¹⁾ Jordan. 23. Verbum prime predicantes et fratribus subsequenter hospitium preparantes. Sp. Ann. Wormat. подъ 1221 годомъ.

рейскихъ епископствахъ: Майнцкомъ, Вормсскомъ, Кёльнскомъ и Шпейерскомъ. Освятивъ самымъ блестящимъ образомъ нѣмецкую миссію, Цезарій передалъ викаріатство Челано, чтобы самому имѣть возможность находиться при святомъ Францискѣ на капитулѣ, предстоявшемъ на Троицынъ день въ часовнѣ Порціункулѣ. Давно принимавшій участіе въ центральномъ управленіи ордена, Цезарій остался у „блаженнаго Франциска или брата Иліи“, какъ выражается Іорданусъ. На Рейнъ же былъ посланъ, въ качествѣ министра для Германіи, Альбертъ Пизанскій, который явился туда съ отрядомъ новыхъ братьевъ. Съ этого времени исторія миноритовъ становится исторіей приобрѣтенія домовъ, монастырей, церквей, совершенно такъ же, какъ во всякомъ другомъ орденахъ. Сначала они останавливаются предпочтительно въ домахъ для прокаженныхъ, въ больницахъ, стоящихъ пустыми, и покинутыхъ зданіяхъ. Но затѣмъ имъ назначаются уже церкви, они нанимаютъ зданія или принимаютъ таковыя въ подарокъ; а съ тѣхъ поръ какъ папская булла отъ 26-го іюля 1227 г. ¹⁾ дала ордену позволеніе приобрѣтать для братства при поселеніяхъ собственныя мѣста для погребенія, эти поселенія становятся очевидно уже не временными мѣстопробываніями, но постоянными жилищами. Велѣдъ затѣмъ также быстро идетъ построеніе собственныхъ францисканскихъ монастырей въ городахъ и около нихъ. Теперь упоминается и о новой должности гвардіановъ—они становятся настоятелями, которые должны держать въ порядкѣ отдѣльные монастыри, и о привратникахъ, которые охраняютъ двери и впускаютъ только того, кому это позволилъ гвардіанъ ²⁾. И такъ правило Франциска, что его минориты никогда не должны приобрѣтать никакого мѣста въ свою исключительную собственность, было совершенно уже забыто.

Такимъ же былъ ходъ поселенія и въ Англіи, только здѣсь разсказъ звучитъ гораздо легендарнѣе ³⁾. 10-го сентября 1224 года первые братья, числомъ девять, священникъ, діаконъ, два меньшихъ брата посвященныхъ и пятеро мірянъ пристали къ Дувру. Въ Кембриджѣ возникаетъ ихъ первая часовня, гдѣ поселяются три брата, и здѣсь день и ночь раздаются ихъ пѣніе. Кентербъюри, Оксфордъ, Кембриджъ, Линкольнъ, Іоркъ становятся вскорѣ центрами ихъ пропаганды. Иногда ихъ принимали за ярмарочныхъ

¹⁾ Reg. pontif. Potthast 7974. Sbaralea. Bullarium Franciscanum I, 31.

²⁾ Jordanus, cap. 59.

³⁾ Thomas von Ecclesion, Liber de adventu Minorum in Angliam. Monum. Germ., Script. XXVIII, 560—569.

шутить, какъ это случилось въ одномъ аббатствѣ, лежавшемъ въ громадномъ лѣсу около Оксфорда. Ихъ приняли, чтобы послушать ихъ пѣсни и шутки, но, когда вмѣсто веселыхъ пѣсенъ они выступили со своею проповѣдью покаянія, монахи безжалостно выгнали ихъ за ворота ¹⁾. И здѣсь также восторженный идеализмъ столкнулся съ грубою дѣйствительностью, и даже нашъ рассказчикъ, представляющій все въ розовыхъ краскахъ, и тотъ находитъ однако нужнымъ упомянуть о прокисшемъ пивѣ, о замерзшихъ братьяхъ, которыхъ отогрѣваютъ, *sicut porcis mos est cum comprimendo*, какъ выражается нашъ рассказчикъ Тома изъ Екклезионъ. Осѣдлое духовенство видитъ только однѣ темныя стороны въ новомъ явленіи, и одинъ англійскій бенедиктинецъ, Матѳей Парисъ, замѣчаетъ ²⁾ въ своей хроникѣ: „Они быстро отступили отъ своей первоначальной простоты, собирали сокровища и воздвигали дворцы, они покорили сердце народа, они проповѣдуютъ какъ льстецы или крикуны, повсюду выслушиваютъ исповѣди, учатъ презирать приходскихъ священниковъ, и вѣтъ такого дѣла, за которое бы они не брались“.

Въ то время какъ орденъ и безъ содѣйствія Франциска распространялся въ Англіи, Франціи и Германіи, самъ Францискъ отдавался своей обычной проповѣднической дѣятельности въ Италіи. Его жизнь остается странническою жизнью. До Алессандріи и Вероны въ верхней Италіи и до Бари въ Апуліи ³⁾ можно прослѣдить въ легендѣ Челано его странствованія. Главной ареной его дѣятельности остается однако Умбрія съ маркою Анконою, которая со своими незаселенными пустынными скалами была искони мѣстопребываніемъ отшельниковъ. На ряду съ Ассизами Сиена больше всѣхъ остальныхъ городовъ имѣла честь видѣть святого въ своихъ стѣнахъ. Но, чѣмъ дальше распространяется орденъ, тѣмъ сильнѣе естественно даетъ также себя чувствовать противодѣйствіе; какъ въ городахъ семьи противятся раздачѣ ихъ имущества обращенными, такъ слышимъ мы, что и крестьяне возстаютъ противъ требованія, чтобы ихъ родственники раздавали свое имущество бѣднымъ, прежде чѣмъ стануть миноритами. Франциску приходится слышать, что крестьянинъ не противится своему сыну, когда тотъ хочетъ идти въ монахи, но онъ не намѣренъ никоимъ образомъ допустить, чтобы его сынъ предварительно раздарилъ своихъ быковъ ⁴⁾. Точно такъ же съ те-

1) Anton Wood, *Historia et Antiquitates universitatis Oxoniensis*. Oxonii 1674. I, 69.

2) Подъ 1263 годомъ.

3) Celano, II, 106.

4) Celano, II, 288.

ченієм времени нищенство надоѣло населенію, и хотя легенды не говорятъ этого прямо, однако есть косвенныя указанія на то, что братья чаще получали побранки, чѣмъ подаваніе и пристанище. На святого Франциска, жаждавшаго жертвы и радовавшагося мученичеству, это не производило никакого впечатлѣнія, но его братья нуждались въ этомъ случаѣ въ утѣшеніи. Разказы Фіоретти объ этихъ грустныхъ опытахъ Франциска несомнѣнно сложились позднѣе подъ сильнымъ вліяніемъ фактовъ, которые ежедневно переживались нищенствующимъ орденомъ. Это реалистическое воспоминаніе въ томъ видѣ, какъ оно передавалось въ монастыряхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, заслуживаетъ однако упоминанія рядомъ съ легендой, представляющей все въ лучезарномъ свѣтѣ. Такъ Фіоретти рассказываютъ объ одномъ странствованіи Франциска изъ Перуджіи въ Ассизы. По монашескому обычаю Левъ и Францискъ шли другъ за другомъ, они шли по дорогѣ, по которой Францискъ проходилъ уже сотни разъ. Тогда святой началъ бесѣду говоря: „Хотя меньшіе братья въ каждой странѣ подаютъ добрый примѣръ святости и смиренія, однако запиши, братъ Левъ, что это еще не есть высшая радость“. И опять восклицаетъ онъ идущему впереди брату: „О братъ Левъ, если меньшій братъ также дѣлаетъ слѣпыхъ зрячими, больныхъ здоровыми, изгоняетъ бѣсовъ, возвращаетъ слухъ глухимъ, расслабленнымъ силу ходить, нѣмыхъ заставляетъ говорить и умершихъ за четыре дня воскрешаетъ: запиши, братъ Левъ, что и это еще не есть высшая радость“. Черезъ нѣкоторое время онъ продолжаетъ: „О братъ Левъ, если бы меньшій братъ понималъ всѣ языки и каждую науку, и всѣ книги, такъ что онъ могъ бы предрекать и открывать не только будущее, но также тайны совѣсти и души: запиши, братъ Левъ, что и это еще не есть высшая радость“. И черезъ нѣкоторое время опять восклицаетъ Францискъ: „О братъ Левъ, ты, овечка Божія, если бы меньшій братъ говорилъ языкомъ ангеловъ и зналъ пути свѣтилъ и силы травъ, и если бы ему были открыты всѣ сокровища земли, и если бы онъ зналъ свойства птицъ и рыбъ, и всякихъ животныхъ, и людей, и деревьевъ, и корней и водъ: запиши, братъ Левъ, что и это еще не есть высшая радость“. И опять пройдя нѣкоторое разстояніе, Францискъ восклицаетъ: „О братъ Левъ, если бы меньшій братъ умѣлъ такъ проповѣдывать, что всѣхъ невѣрующихъ онъ обратилъ бы въ вѣру Христа: запиши, что и не въ этомъ еще совершенная радость“. И такъ какъ такого рода бесѣда длилась уже на протяженіи двухъ миль, то удивился братъ Левъ и спросилъ, сказавъ: „Отецъ, прошу тебя во имя любви Божіей, скажи же мнѣ наконецъ, что есть высшая ра-

дось?“ И Францискъ отвѣчалъ ему такъ: „Когда мы будемъ у Св. Маріи dei Angeli, измокшіе отъ дождя и окоченѣвшіе отъ холода, всѣ въ грязи и измученные голодомъ, и постучимъ въ двери дома, а привратникъ придетъ съ гнѣвомъ и скажетъ: „Кто вы?“ и мы отвѣтимъ: „Мы двое изъ вашихъ братьевъ“, а тотъ скажетъ: „Вы говорите неправду; вѣрнѣе, что вы бродяги, которые бродятъ съ мѣста на мѣсто, чтобы надувать людей и красть подавнія у бѣдняковъ; убирайтесь!“ и не откроетъ намъ дверей и оставитъ насъ стоять на дворѣ въ снѣгу и сырости, голодными и холодными, пока не наступитъ ночь, и мы перенесемъ тогда терпѣливо то, что онъ насъ прогналъ, его несправедливость и жестокость, не разсердясь за это и не негодуя на него, а напротивъ со смиреніемъ подумаемъ, что истиннѣе привратникъ знаетъ насъ; братъ Левъ, запиши, что это есть высшая радость. Итакъ мы продолжаемъ стучать, и привратникъ выходитъ и гонитъ насъ прочь, какъ безчинниковъ и мошенниковъ, съ грубыми рѣчами и оплеухами, и говоритъ: „Убирайтесь отсюда вы, негодяи и плуты, идите въ ночлежный домъ, такъ какъ здѣсь вы не получите ни ѣды, ни питья“, если мы это перенесемъ съ терпѣніемъ и съ радостью и съ любовью, о братъ Левъ, запиши, что это есть высшая радость. И если мы, несмотря на все это, понуждаемые голодомъ, холодомъ и ночью тьмою, продолжаемъ стучать и просить во имя милосердія Божія, съ великимъ плачемъ, чтобы онъ отворилъ намъ и впустилъ насъ, а онъ скажетъ: вотъ дѣйствительно назойливые безчинники и мошенники, сейчасъ получите, чего стоите, и выйдетъ съ большою суковатою палкою, и схватитъ насъ за капюшонъ, и броситъ на землю, повалитъ въ снѣгъ и отколотитъ насъ съ головы до пятъ этою самою палкою; а мы все это перенесемъ съ радостью, намятуя о страстяхъ Христа Благословеннаго, которыя мы должны также перетерпѣть изъ любви къ Нему: запиши, братъ Левъ, что это есть высшая радость. Ибо, слушай конецъ, братъ Левъ! Выше всякой благодати — благодать побѣждать самого себя и добровольно переносить, ради любви къ Христу, трудъ, несправедливость, повошенія, несчастье. Ибо при всякомъ другомъ дарѣ природы, мы должны сказать: „Что ты имѣешь, чего бы ты не сподобился?“ Здѣсь же мы должны говорить: „Я не хочу ничѣмъ хвалиться, кромѣ креста Христова“ ¹⁾). Уже обращеніе разсказа къ пишущему брату Льву, который послѣ смерти Франциска написалъ легенду трехъ братьевъ, представляетъ анахронизмъ, но то, что и Францискъ также испы-

1) Fioretti, 8.

таль нѣчто подобное у дверей крестьянъ, у воротъ монастырей и замковъ, довольно вѣроятно. Другіе рассказы, апокрифическіе уже по своему содержанію, въ томъ отношеніи заслуживаютъ вниманія исторіи, что они предполагаютъ широко распространенное недовѣріе къ нищенствующимъ монахамъ. Въ Александріи Францискъ позволяетъ одному гостепріимному человѣку угостить его, согласно заповѣди евангелія: „Ѣшьте, что предлагаютъ вамъ“. Одному бѣдняку, попросившему у него при этомъ милостыни, Францискъ даетъ со своей тарелки кусокъ каллуна. Но этотъ сынъ Веліала причесетъ лакомый кусокъ, и, когда на другой день Францискъ проповѣдуетъ о бѣдности, онъ поднимаетъ высоко свой гостинецъ и кричитъ: „Вотъ мясо, которое мнѣ далъ святой человѣкъ со своего стола!“ Человѣкъ, который ѣсть мясо, конечно не святой. Но чудо воспрепятствовало посрамленію Божьяго человѣка. У святой Елисаветы въ подобномъ же случаѣ сосиски превратились въ розы, чтобы она не была изблечена во лжи; кусокъ же каллуна у Франциска превращается въ рыбу кость, такъ что посрамленъ былъ не кто иной, какъ самъ неблагодарный нищій ¹⁾. Все это служитъ симптомами того, что уже при жизни Франциска нищенствующее движеніе встрѣтило такое же противодѣйствіе, какъ позднѣе. Но по своей жизнерадостной натурѣ онъ не обращалъ вниманія на это противодѣйствіе и, будучи незлобивымъ человѣкомъ, быстро забывалъ также и тяжелыя оскорбленія.

Зато тѣмъ сильнѣе огорчало его ослабленіе энергіи, которое вскорѣ ему самому пришлось замѣтить въ братствѣ. Именно, вторая легенда Челано рассказываетъ о заботахъ, доставляемыхъ святому наведенными вновь братьями. Тутъ неизбежно сказалась великая ошибка его жизни: требованія, которыя были легки для его чистой, мечтательной, восторженной природы, и которыя были для него полною истинною, онъ примѣнялъ къ сотнѣ разнородныхъ людей, большинство которыхъ необходимо должно было состоять изъ непризванныхъ. Если во время религіознаго увлеченія эти люди дали обѣтъ вести жизнь отреченія, самопожертвованія ради примѣра другимъ и ради искупленія своихъ собственныхъ грѣховъ, то весьма скоро настоящая природа опять заявляетъ о себѣ въ этой толпѣ, составившейся главнымъ образомъ все же изъ бродягъ. И участію Франциска теперь была борьба съ постоянно прорывающейся грубою непосредственностью этихъ святыхъ. Такъ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ братъ употреблялъ по отношенію къ другому въ присутствіи чужого воина скверное бранное слово. Тотчасъ

¹⁾ Celano, II, 122 и сл.

Франциск беретъ съ дороги ослиный навозъ и набиваетъ имъ въ наказаніе нечистыя уста оскорбителя; на солдата же такъ сильно подѣйствовалъ этотъ способъ дисциплины, что онъ предоставилъ свою собственность въ распоряженіе братьевъ ¹⁾. Не менѣе строго, чѣмъ съ такимъ грубымъ проявленіемъ неуживчивости, боролся онъ съ распространившимся между братьями злословіемъ. Такихъ пустомелей и клеветниковъ, нарушающихъ миръ въ ордентъ, онъ называлъ змѣиными языками, кусающимися блохами, людоедами ²⁾. Виновныхъ онъ передаетъ своему викарію для тѣлеснаго наказанія и требуетъ строгихъ мѣръ противъ этой язвы общины ³⁾. Вообще, несмотря на всю доброту, онъ не вычеркнулъ розги изъ числа наказаній, хотя и не примѣнялъ ее такъ часто, какъ генералы ордена, смѣнявшіе его ⁴⁾. Очевидно, что наученный опытомъ, онъ долженъ былъ все больше и больше слѣдовать примѣру другихъ основателей орденовъ. Въ началѣ своей дѣятельности онъ настаивалъ всегда только на соревнованіи добровольной любви, теперь же, какъ всякій другой глава монаховъ, онъ говоритъ объ обѣтѣ послушанія. „Если“, такъ говорилъ онъ, „миѣ дали бы гвардіаномъ только что поступившаго послушника, я повиновался бы ему совершенно такъ же пунктуально, какъ и опытнѣйшему брату, потому что я видѣлъ бы въ немъ не послушника, а гвардіана“ ⁵⁾. „И если я, генераль, приду въ капитулъ, и они скажутъ миѣ: ты намъ не годишься, потому что ты не ученъ и не краснорѣчивъ, неспособный и глупый монахъ (*idiotia et simplex*), и я буду низложенъ съ позоромъ и у всѣхъ въ презрѣніи: я говорю тебѣ, что, если я не услышаю этихъ словъ не измѣнившись въ лицѣ, съ неизмѣнившеюся ясностью духа и благочестивыми мыслями, то я не миноритъ“ ⁶⁾.

Пустыхъ разговоровъ, которые часто совершенно уничтожаютъ впечатлѣніе богослуженія, Францискъ не допускаетъ и принуждаетъ болтуна сейчасъ же на колѣняхъ повиниться въ своей винѣ (*culpat dicere*). Въ наказаніе за каждое пустое слово виновный долженъ прочесть Отче нашъ. Если кто-нибудь самъ обвиняетъ себя въ этомъ преступленіи, тогда его духовный отецъ произноситъ надъ нимъ *Pater noster* для блага его души ⁷⁾. Для братьевъ,

¹⁾ Celano, II, 222.

²⁾ Vita, II, 256, 258.

³⁾ Celano, II, 258.

⁴⁾ Celano, II, 250.

⁵⁾ Bonaventura, 757.

⁶⁾ Bonaventura, 758.

⁷⁾ Celano, II, 228.

которые позднѣ заставили говорить про орденъ, что члены его „donatores“, онъ не знаетъ пощады. Одного изъ такихъ братьевъ, имѣвшаго обыкновеніе приносить подарки въ женскій монастырь, куда были приняты его дочери, онъ такъ выбранилъ, что Челано не рѣшается повторить его выраженій ¹⁾, а другого, который посѣтилъ зимою одинъ женскій монастырь, потому что не зналъ запрещенія святого, Францискъ заставилъ нагимъ во время жестокой стужи пробѣжать по снѣгу нѣсколько миль ²⁾. Въ этихъ суровыхъ наказаніяхъ, о которыхъ рассказываетъ Челано именно во второй легендѣ, мы часто видимъ совершенно иного Франциска, чѣмъ тотъ, котораго рисуетъ вообще сочинитель гимновъ, и который служилъ предметомъ поклоненія для церкви; но этотъ иной Францискъ очевидно историческій, потому что и завѣщаніе также сильно подчеркиваетъ пользу наказаній.

Другія заботы доставляли отцу тѣ слишкомъ благочестивые братья, которые въ сознаніи своей праведности такъ же хулили теперь въ орденѣ братьевъ, какъ раньше въ міру они находили, что ихъ друзья недостаточно святы. Такъ одинъ, въ досадѣ, что не всѣ хотѣли раздѣлять его крайности, отдѣляется отъ остальныхъ и придумываетъ для себя особаго рода клубокъ. Наскучивъ потомъ своимъ одинокимъ совершенствомъ, онъ опять возвращается къ братьямъ, но тогда Францискъ такъ же замѣтно удаляется отъ него, какъ раньше удалялся онъ отъ другихъ въ своемъ набожномъ высокомеріи. Фарисей раскаивается, чтобы стать отнынѣ смиреннымъ мытаремъ ³⁾. Другой братъ находитъ лучшимъ вмѣсто гвардіана, котораго далъ ему Францискъ, избрать себѣ наставника по своему вкусу. Но Францискъ видитъ по тому, какъ высокомерно поднимаетъ голову ослушникъ, что дьяволъ засѣлъ у него за плечами и сдѣлалъ его жестоковѣрнымъ, и онъ не успокаивается, пока грѣшникъ не падаетъ лицомъ ницъ и не обѣщаетъ взять наставника, указанного ему Францискомъ ⁴⁾. Но гораздо многочисленнѣе излишне набожныхъ были лѣнтяи, для которыхъ ряса служила личной лѣнності. Какъ въ своемъ завѣщаніи Францискъ строжайше предписываетъ: „я хочу, чтобы братья работали“, такъ и въ легендахъ Челано онъ жалуется на братьевъ, которые гораздо усерднѣе работаютъ челюстями, чѣмъ руками, и удивляется, что люди, которые раньше дома должны были работать въ

1) Celano, II, 290.

2) Тамъ же.

3) Celano, II, 56.

4) Celano, II, 56.

погѣ лица, теперь въ орденѣ живутъ безъ работы трудами бѣдныхъ 1). Даже отшельническая жизнь въ полномъ одиночествѣ и та часто имѣетъ основаніемъ лишь лѣность или вскорѣ переходитъ въ нее 2). Когда Францискъ накрылъ одного такого тунеядца, онъ не поспешилъ на ѣдкія замѣчанія 3). Поэтому появленіе отца не всегда бывало радостнымъ сюрпризомъ для посѣщаемыхъ. Когда въ Грецію у Ріэти онъ заглянулъ въ одну хижину и увидѣлъ слишкомъ богато накрытый столъ, онъ взялъ у одного бѣдняка шляпу и палку и сталъ просить у двери подаванія *reg amori di dio*. Минориты позвали въ хижину внимаго нищаго, чтобы накормить его. Онъ же сѣлъ со своею тарелкою на пепель и говоритъ, что, видя столь роскошно накрытый столъ, онъ никакъ не думалъ, что находится у тѣхъ, которые выпрашиваютъ пропитаніе себѣ по домамъ. Онъ сидитъ здѣсь на пеплѣ, какъ это подобаешь меньшому брату 4). Онъ былъ не всегда удобнымъ гостемъ для монастырей также и въ другомъ отношеніи. Въ кельѣ близъ Сиены среди ночи онъ разбудилъ спящихъ братьевъ, и, когда они собрались вокругъ него, онъ сообщилъ имъ, что молилъ Господа открыть ему, когда онъ бываетъ Его рабомъ и когда нѣтъ? Господь открылъ ему теперь, что онъ бываетъ Его рабомъ всегда, когда онъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ угодное Богу. И вотъ онъ теперь собралъ вокругъ себя братьевъ, чтобы просить ихъ стыдить его всякій разъ, когда онъ не исполняетъ которой либо изъ этихъ трехъ заповѣдей. Послѣ того, какъ онъ сообщилъ имъ это, они могли опять идти спать 5). Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ однако слѣдуетъ, что послѣднимъ итогомъ жизни Франциска было разочарованіе. Францискъ не только преувеличивалъ способность человѣческой природы къ труду и выдержкѣ, но и вся его попытка соединить множество людей для мнимо апостольской жизни, безъ имущества, оказалась утопіей. Вальденцы могли быть странниками, нищими, потому что *perfecti* — совершенные не имѣющіе собственности, безъ слишкомъ большихъ издержекъ могли быть прокормлены гораздо большимъ числомъ зажиточныхъ *credentes* — вѣрующіхъ. Эта жертва фанатизму маленькой партіи была возможна. Но тысячи нищенствующихъ монаховъ не могли найти подобной же поддержки у массы населенія, все же болѣе или менѣе равнодушной. Для своего существованія

1) Celano, II, 230.

2) Celano, II, 254.

3) Celano, II, 230.

4) Celano, II, 98.

5) Celano, II, 228.

братство нуждалось въ постоянныхъ жилищахъ и вѣрныхъ доходахъ. Такъ что борьба, которую велъ Францискъ въ орденѣ противъ имущества и собственности, была трагикомической борьбой, онъ самъ не могъ обойтись безъ нихъ. Абсолютно невыполнимой его мысль становится правда только съ того времени, когда предписанный ему куріей новый уставъ 1223 года совершенно исключаетъ братьевъ изъ промышленной жизни человѣческаго общества. По мысли Франциска братья должны были работать и какъ вознагражденіе за свою работу принимать платье, пищу и жилище. Новый же уставъ запретилъ братьямъ оставаться въ служеніи людямъ и вмѣнилъ въ правило нищенство, на которое Францискъ смотрѣлъ какъ на послѣднее средство. Теперь, когда братья не зарабатывали себѣ трудомъ дарового иждивенія, конечно стали необходимы собственные монастыри и запасы. Это паденіе было слѣдствіемъ новаго устава, и даже въ своемъ завѣщаніи Францискъ протестуетъ противъ такого искаженія его идеаловъ. „Я работалъ руками,“ говоритъ онъ, „и хочу работать и также непремѣнно хочу, чтобы всѣ остальные братья занимались работою, потому что это служить къ чести. И кто не знаетъ никакой работы, долженъ научиться какой-нибудь, не ради желанія получить вознагражденіе за труды, но ради добраго примѣра и чтобы избѣгать праздности“. Но, когда работа на сторонѣ была запрещена братьямъ, и въ то же время они не хотѣли быть производительнымъ товариществомъ по образу *humiliati* (смиранныхъ), то что же оставалось имъ дѣлать чтобы прокормиться? Объ этомъ крайнемъ случаѣ говоритъ Францискъ: „намъ тогда остается искать себѣ прибѣжища за столомъ Господнимъ—ходить по домамъ просить милостыни“. Теперь же этотъ исключительный случай становится правиломъ. Уже Челано подъ работою, предписываемой Францискомъ, понимаетъ лишь усердное и хлопотливое собраніе милостыни. Такъ онъ рассказываетъ объ одномъ братѣ, которому не нравилось ходить за подаваніемъ, но который всегда былъ первымъ, чтобы сѣсть за столъ и набить себѣ желудокъ. Ему будто бы Францискъ сказалъ: „Иди своей дорогой, братъ навозная муха, такъ какъ ты хочешь жить трудами братьевъ твоихъ, а лѣнишься за дѣломъ угоднымъ Богу“, и онъ изгоняетъ трутня изъ улья ¹⁾. Когда же напротивъ онъ слышитъ, какъ одинъ братъ по окончаніи сбора возвращается домой съ веселою пѣсней, онъ выбѣгаетъ самъ изъ дверей своей кельи, цѣлуетъ его, взваливаетъ на свои плечи мѣшокъ, своею полнотою свидѣтельствующій

1) Celano, II, 118.

о набожности страны, и говорить: „Будь благословенъ, мой братъ, охотно выходящій, скромно просящій и радостно возвращающійся“ ¹⁾). Очевидно это уже результаты жизненнаго опыта въ организованномъ нищенствующемъ орденѣ, и ихъ, какъ полезный примѣръ, Челано относитъ еще къ жизни святого. Выпрошенный хлѣбъ, рассказываетъ дальше Челано, отецъ ставилъ гораздо выше дара, принесеннаго въ монастырь. Братья совершенно должны были оставить ложный стыдъ просить и должны были говорить людямъ: „Что вы сдѣляли одному изъ меньшихъ, такъ говорить Господь, то вы сдѣлали мнѣ“. Когда Францискъ самъ былъ приглашаемъ знатными людьми къ столу, онъ раньше ходилъ по домамъ со своимъ мѣшкомъ и затѣмъ за столомъ ѣлъ поданный ему хлѣбъ ²⁾). Даже у своего покровителя Гуго изъ Остіи онъ дѣлалъ то же самое и по окончаніи обѣда раздавалъ свои корки, какъ небесный хлѣбъ, и рыцари и капеланы ѣли ихъ или просили позволенія взять съ собой домой, какъ святыню ³⁾). Когда же братъ находилъ, что онъ слишкомъ хорошъ, чтобы ходить по міру, то Францискъ возражалъ ему: „Сынъ Божій былъ знатнѣе насъ и не стыдился быть бѣднякомъ въ этомъ мірѣ“. Слѣдовательно, чѣмъ знатнѣе братъ, тѣмъ охотнѣе долженъ онъ идти просить подаванія ⁴⁾). При этомъ онъ хвалитъ свою даму—бѣдность за то, что она такъ вѣрно пропитываетъ братьевъ. При последнемъ его странствованіи его сопровождали ассизскіе солдаты, чтобы какой нибудь другой городъ не оставилъ у себя тѣла Франциска, какъ святыню, и дорогой они нигдѣ не могли купить хлѣба даже и за хорошія деньги. Тогда Францискъ совѣтуетъ имъ просить милостыню, и дѣйствительно они собрали столько же, сколько могли бы и купить, и должны были убѣдиться, что Францискъ избралъ благую часть, и что при его *paupertas opulenta* никто не умретъ съ голоду ⁵⁾). Такимъ образомъ и поощренія бѣдности, влагаемая ему въ уста Челано, были отчасти не лишены мудрой оцѣнки условий, при которыхъ учрежденіе могло разсчитывать на общественную благотворительность. „По мѣрѣ того“, будто бы говорилъ онъ, „какъ братья будутъ удаляться отъ бѣдности, міръ будетъ удаляться отъ нихъ. Если же они будутъ вѣрны моей владычицѣ бѣдности, міръ будетъ

1) Celano, II, 120.

2) Celano, II, 114.

3) Celano, II, 116.

4) Celano, II, 118.

5) Celano, II, 120.

прокармливать их... Ихъ уговоръ съ міромъ таковъ: вы сами обязаны міру быть добрымъ примѣромъ, а потому міръ обязанъ пешись о вашихъ нуждахъ. Если же вы не подаете больше добраго примѣра, то міръ отступится отъ васъ.“ Все это однако разсужденія, идущія не къ наивной душѣ святого, а гораздо больше къ житейски мудрымъ расчетамъ позднѣйшихъ принципаловъ, для которыхъ главною заботою было процвѣтаніе общины. Братство, собиравшееся быть скорымъ помощникомъ бѣдняковъ въ странѣ, такимъ образомъ стало новымъ бѣдствіемъ для населенія, которое при своей собственной бѣдности должно было еще кормить всѣхъ этихъ назидательныхъ праздноватающихъ бродягъ. Протестъ, выраженный Францискомъ въ его завѣщаніи противъ этой развязки, которую онъ видитъ уже передъ собою, конечно, къ своему изумленію и скорби, былъ безсильнымъ протестомъ.

Такую же бесплодную борьбу велъ Францискъ противъ денегъ, которыя какъ самое крайнее проявленіе личной собственности возбуждали все его негодованіе. Какъ по ту сторону Альпъ поэтъ говоритъ о проклятіи Нибелунга: которое тяготѣетъ надъ золотомъ, блестящей рудой, уничтожающей всякую любовь и вѣрность, такъ и Францискъ убѣжденъ, что деньги происходятъ отъ дьявола. Какъ Христосъ даетъ себя въ причастіа, такъ дьяволъ въ динарѣ. Ни одинъ братъ въ силу его строгаго повелѣнія не долженъ былъ принимать денегъ или даже прикасаться къ нимъ. Во все время своей жизни онъ велъ поэтому комическую борьбу противъ монетъ, какъ будто это были гады; такъ, мѣдныя монеты онъ называлъ комарами, потому что ихъ никакъ нельзя изгнать ¹⁾. Для кого навозъ не все равно что золото, а золото что навозъ, тотъ для него не настоящій братъ ²⁾. Однажды одинъ набожный человекъ положилъ у распятія въ Порціункулѣ деньги; прислужникъ миноритъ, забывъ о запрещеніи прикасаться къ монетамъ, переложилъ ихъ на окно къ сторонкѣ. Когда же потомъ онъ узнаетъ, что объ его проступкѣ было сообщено отцу, онъ падаетъ передъ нимъ на земь и подставляетъ свою спину для бичеванія. Францискъ и выбралъ его въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и затѣмъ повелѣлъ ему эти монеты одну за другой вынести губами изъ церкви и бросить въ ослиный навозъ, съ которымъ деньги имѣютъ

¹⁾ Celano, II, 120.

²⁾ Celano, II, 102.

одну цѣну ¹⁾). Братья же стоятъ тутъ же, блѣдные отъ страха, такъ бралися святой и клялся никогда больше не трогать монеты. Нѣтъ недостатка и въ чудесахъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ запрещеніи, какъ объ угодномъ Богу. Два минорита нашли по дорогѣ въ домъ прокаженныхъ динаръ; одинъ хочетъ попать его ногами, какъ прагъ, другой хочетъ поднять деньги для служителей въ домѣ прокаженныхъ. Такъ какъ практическій братъ вообще отличался своенравіемъ и упорствомъ, то онъ пренебрегаетъ предостереженіями своего набожнаго спутника, но, едва лишь прикоснулся онъ къ монетѣ, какъ началъ скрежетать зубами, у него отнялся языкъ, и лишь послѣ того, какъ онъ бросилъ монету и омылъ нечистыя уста слезами раскаянія, силы оиать вернулись къ нему ²⁾). Другой братъ все-таки выпрашиваетъ у Франциска позволеніе поднять лежащій на дорогѣ туго набитый кошелекъ, мимо котораго имъ пришлось пройти. Онъ бѣжитъ назадъ, поднимаетъ его, и оттуда вырывается ехидна, святой же говорить ему: „Деньги для рабовъ Божіихъ то же, что дьяволъ и ядовитыя змѣи“ ³⁾). По большей части, правда, это рассказы, сочиненные во время борьбы ревнителей строгаго устава съ попустительскими принципами Іліи Кортонскаго и при случаѣ даже направленные лично противъ него. Такъ рассказывается, что Ілія однажды предложилъ святому откладывать для ордена часть денегъ, которыя выручали новообращенные отъ продажи своей собственности, чтобы удовлетворить необходимѣйшимъ нуждамъ. Но онъ возразилъ: „Мы никогда не должны пренебрегать правиломъ ради людей. Продай лучше ненужныя украшенія съ алтаря Пресвятой Дѣвы, ей будетъ пріятнѣе видѣть, что мы облачаемъ ея алтарь и послушны ея Сыну, чѣмъ если мы будемъ чтить ея алтарь и не почитать Сына ея. Господь найдетъ случай вернуть намъ украшенія для алтаря“ ⁴⁾).

Подобную же борьбу пришлось вести Франциску изъ-за строгаго устава объ одеждѣ; уставъ разрѣшалъ братьямъ лишь исподнее платье и рясу, опоясанную веревкою. Хотя на холодное время года позволялся еще плащъ, нѣкоторымъ болѣе изнѣженнымъ этого было недостаточно, и Францискъ дозволилъ въ такихъ случаяхъ болѣе слабымъ носить еще шерстяное исподнее платье, но такъ, чтобы снаружи его совершенно не было замѣтно ⁵⁾). Та-

¹⁾ Celano, II, 104 сл.

²⁾ Celano, II, 104.

³⁾ Celano, II, 108.

⁴⁾ Celano II, 106.

⁵⁾ Celano, II, 110.

кимъ образомъ умѣренность и воздержаніе подѣ конецъ стали лишь внѣшними.

Если въ отношеніи пищи и одежды Франциску пришлось идти на компромиссы, то его возраженія противъ собственныхъ жилищъ были совершенно побѣждены, и нельзя отрицать, что именно въ этомъ на сторонѣ слабыхъ былъ здравый человѣческій разумокъ. Уже распространеніе пропаганды въ странахъ съ не столь мягкимъ климатомъ дѣлало уставъ совершенно непримѣнимымъ въ этомъ пунктѣ. Миссія ради своихъ цѣлей не могла вовсе обойтись безъ постоянныхъ поселеній, слѣдовательно безъ собственности. Но даже въ самомъ районѣ дѣятельности Франциска произошелъ подобный же процессъ, превратившій странствующихъ работниковъ или нищихъ въ поселенцевъ съ постоянными жилищами. Челано рассказываетъ, что въ Болоньѣ Францискъ нашелъ зданіе ¹⁾, которое называлось домомъ братьевъ, и которое служило мноритамъ монастыремъ. Тотчасъ онъ приказалъ братьямъ оставить его вмѣстѣ съ больными, за которыми они ходили въ этомъ домѣ, такъ какъ имъ запрещено имѣть имущество. Но вмѣсто того, чтобы повиноваться, монахи обратились къ кардиналу изъ Остіи, который какъ разъ въ это время находился въ Болоньѣ. Кардиналъ тогда остроумно разъяснилъ Франциску, что монастырь не представляетъ собою собственности братьевъ, а они только временно пользуются имъ; и когда Гуго форменною грамотою призналъ себя собственникомъ дома, Францискъ долженъ былъ успокоиться на этомъ. Но измѣна проникла уже и въ самое близкое ему учрежденіе, любимую Порціункулу. Когда въ Ассизахъ предстоялъ капитулъ, граждане воспользовались отсутствіемъ Франциска, чтобы построить около св. Маріи degli Angeli зданіе для принятія ожидаемыхъ гостей, которые иначе были бы въ тягость городу или округу. По своемъ приходѣ Францискъ увидѣлъ этотъ домъ и былъ внѣ себя. Онъ взлѣзъ самъ на крышу и принялся сбрасывать внизъ черепицы. Онъ приказалъ братьямъ сломать это чудовищное зданіе, которое есть насмѣшка надъ бѣдностью и послужить дурнымъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ монастырей. Но вмѣшались въ дѣло бывшіе тутъ солдаты и объявили, что домъ принадлежитъ не ему, а коммунѣ. Такимъ образомъ и здѣсь измѣна его принципамъ восторжествовала ²⁾. Въ болѣе суровомъ климатѣ другихъ странъ такіе постоянные монастыри были безусловно еще болѣе необходимы, чѣмъ подѣ

¹⁾ Celano, II, 94.

²⁾ Celano, II, 92. Справ. 94.

теплымъ небомъ Италіи. Слѣдовательно, когда Францискъ въ своемъ завѣщаніи соглашается со своей стороны на софистическое тонкое различіе, предложенное кардиналомъ, то это оказывается уже сдѣлкой съ первоначальной его идеею. Братья могутъ поселяться въ домахъ, если только они приобрѣтены не на ихъ имя. Этимъ Францискъ самъ наноситъ смертельную рану своему первоначальному плану постоянной страннической жизни. Вальденцы теперь стоятъ ближе къ его идеалу, чѣмъ его собственный орденъ ¹⁾).

Въ это же время началась борьба изъ-за допущенія въ орденъ занятій наукою, какъ показываетъ опять-таки одинъ намекъ въ завѣщаніи ²⁾. Позднѣе приводятся отзывы святого *pro et contra*, смотря по тому, былъ ли самъ сочинитель легендъ за, или противъ занятій наукою въ орденѣ. Итакъ уже при жизни своей Францискъ видѣлъ, какъ то общество, которое онъ основалъ, отпало отъ его первоначальныхъ идей, и это именно и было его мученичествомъ. Охотно онъ выступилъ бы съ гнѣвнымъ veto, но благоговѣніе передъ волею высшихъ духовныхъ лицъ и недоувѣріе къ своему собственному сужденію удерживали его отъ рѣшенія. По всей своей натурѣ онъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы вести подобную борьбу. Единственное, что онъ могъ сдѣлать, это высказать свой бессильный протестъ въ видѣ завѣщанія, которое каждымъ своимъ словомъ составляетъ косвенную жалобу на губителей его учрежденія. Правда, здѣсь онъ дерзаетъ употреблять такія выраженія какъ: „я прямо вмѣняю въ обязанность послушанія всѣмъ братьямъ“, или „это моя прямая воля“, или „братья должны остерегаться“, но что могло значить это выраженіе его воли, когда давно уже онъ передалъ власть въ другія руки, и для него теперь не было другой воли и другого мнѣнія, кромѣ воли и мнѣнія его начальника. Но не подлежатъ никакому сомнѣнію, что его завѣщаніе основывается на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ уставъ 1223 года. Для него и теперь еще его община есть не орденъ, а братство (*fraternitas*), и съ грустью онъ вспоминаетъ о совершенно иныхъ порядкахъ при его возникновеніи. „Довольными“, говоритъ онъ, „были мы въ бѣдныхъ и покинутыхъ церквахъ. Мы были просты сердцемъ и всѣмъ покорны. И я работалъ руками и хочу работать“. Но теперь

1) Celano, II, 94.

2) *Eramus idiotae et subditi omnibus*. Ср. тутъ Celano I, 712: *Videbat enim, multos ad magisterii regimina convolare, quorum temeritatem detestans etc.* Онъ желалъ учениковъ, которые *subditorum applausibus non attenderent sed profectibus, non coram hominibus pompam, sed gloriam ante deum*. Bonaventura, 771. Celano II, 154.

вмѣсто поры этой первой любви настала совсѣмъ иная. Вмѣсто убѣжища, которое повсюду даетъ Господь своимъ пилигримамъ, братья начали требовать собственныхъ монастырей. Вмѣсто того, чтобы нести общую повинность на землѣ—добывать самимъ себѣ хлѣбъ, они теперь заставляютъ другихъ пропитывать ихъ, и прошеніе милостыни не есть уже послѣднее средство, но удобное правило, такъ что орденъ обвиняютъ въ лѣности, и онъ есть соблазнъ для честныхъ людей.

Не менѣе противны святому происки, путемъ которыхъ братья старались получить отъ римскаго двора всевозможныя льготы для братства. Чего только ни добился его викарій въ Римѣ послѣ того, какъ Францискъ долженъ былъ ему уступить власть! Мнориты получаютъ право повсюду совершать мессу, даже служить при интердиктахъ, исповѣдываться не у приходскаго священника, а у священника своего собственнаго ордена, въ своихъ ораторіяхъ завести колокола, и какихъ только другихъ правъ еще ни получили они! Но Францискъ не видѣлъ добрыхъ плодовъ отъ этихъ привилегій и папскихъ грамотъ. Что вышло изъ всѣхъ этихъ приобретеній? Раздоры съ епископами ¹⁾, раздоры съ остальными орденами, раздоры съ приходскимъ духовенствомъ и свѣтскимъ начальствомъ. Эти ссоры глубоко раздирали душу миролюбиваго святого, главнымъ жизненнымъ правиломъ котораго было ни за что не принимать участія во враждѣ людской, и который не оспаривалъ у грубаго крестьянина даже своего *Rivo torto*. „Я предписываю братьямъ“, говоритъ поэтому завѣщаніе, „рѣшительно и безусловно по долгу послушанія, чтобы они не осмѣливались, даже тамъ, гдѣ могутъ, добиваться какихъ-либо грамотъ отъ римской куріи, сами ли собою, черезъ посредника ли, будь то для церкви, или для какого-нибудь иного мѣста, ни подъ предлогомъ проповѣди или защиты ихъ личности; и, если ихъ гдѣ-нибудь не примутъ, они не должны обращаться къ покровительству папы, они могутъ бѣжать въ другую страну, чтобы каяться во грѣхахъ и славить Бога“. Итакъ съ начала и до конца завѣщаніе есть длинный протестъ противъ всего новаго порядка вещей. Сколько огорченій должно было накопиться въ душѣ этого кротчайшаго изъ людей, если онъ, исправлявшій вначалѣ учениковъ лишь своимъ личнымъ вліяніемъ, какъ дѣтей, теперь съ нѣкоторою страстностью настаиваетъ на правѣ наказа-

¹⁾ См. посланіе Григорія IX отъ августа 1231 года. *Decretales* libr. 5, tit. 31. De *excessibus praelatorum*. Cap. 16 и 17.

нія, принадлежащемъ высшимъ, и это право при послѣдующей борьбѣ между партіями ордена находить часто варварское примѣненіе.

Итакъ, этотъ послѣдній документъ, написанный рукою Франциска, есть краснорѣчивое свидѣтельство усиливающагося упадка, который самъ Францискъ въ своемъ сердцѣ ставитъ въ вину уставу 1223 года. Послѣ того, какъ былъ преданъ забвенію древній уставъ 1209 года, написанный имъ „*raucis verbis et simplicibus*“, онъ находить нужнымъ еще разъ высказать свои дѣйствительныя мысли въ формѣ завѣщанія на ряду съ новымъ уставомъ. „И братья не должны говорить: это другой уставъ, потому что это напоминаніе, увѣщаніе и поощреніе, мое духовное завѣщаніе, которое я, братъ Францискъ Малый, оставляю вамъ, мои благословенные братья, чтобы вы лучше и болѣе каеологически могли соблюдать уставъ, который мы свято общали Господу“. Поставивъ такимъ образомъ на ряду съ новымъ уставомъ свое первоначальное пониманіе бѣдной жизни, онъ обращается затѣмъ также противъ тѣхъ другихъ отступниковъ, которые еще больше искажаютъ уставъ, прибавляя къ нему толкованія. „Вѣтъ моимъ братьямъ, какъ клирикамъ, такъ и мірянамъ, я прямо запрещаю, въ силу долга послушанія, прибавлять къ уставу или моимъ словамъ толкованія и утверждать: „Такъ оно должно быть понимаемо“. Скорѣе, какъ просто и ясно Господь далъ мнѣ уставъ и эти слова, чтобы выразить его, такъ и вы должны понимать его просто и прямо безъ толкованій и до конца жизни своей подтверждать его святыми дѣлами“. Тотъ же, кто соблюдаетъ его, не можетъ не получить на небесахъ награды отъ Отца, а на землѣ награды отъ Сына и Святого Духа. Понимать же уставъ надо согласно толкованіямъ завѣщанія, а какъ близки были его сердцу эти толкованія, доказываетъ слѣдующее энергичное повелѣніе: „Генераль и другіе министры и гвардіаны должны исполнить свой обѣтъ послушанія, ничего ни прибавлять къ этимъ словамъ (завѣщанія), ни отнимать отъ нихъ. И они всегда должны имѣть это завѣщаніе передъ собою вмѣстѣ съ уставомъ и на всѣхъ капитулахъ, которые они будутъ созывать, когда читаютъ уставъ, они должны также читать эти слова“. На самомъ же дѣлѣ это самое завѣщаніе было только толкованіемъ, строго ограничивавшимъ снисходительный уставъ и протестовавшимъ противъ искаженія его творенія, въ чемъ былъ виноватъ кардиналь-епископъ Остія. Такъ какъ строгая партія также толковала завѣщаніе въ этомъ смыслѣ, то дѣйствительный творецъ существующаго устава, тѣмъ временемъ вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Григорія IX, рѣшилъ буллою отъ 28-го сентября 1230 года, что братья

не обязаны держаться завѣщанія Франциска, такъ какъ оно было издано безъ согласія братьевъ, тѣмъ болѣе министровъ, а потому не имѣетъ никакого значенія. Въ этомъ рѣшеніи лежитъ прямое признаніе, что Гуго, который втерся къ дѣтски простодушному святому какъ покровитель его дѣла, напротивъ, былъ разрушителемъ его. Долго удавалось мудрому прелату обманывать Франциска и его друзей относительно противорѣчія его и ихъ цѣлей, но наконецъ курія должна была высказаться, и она объявила необязательною и недѣйствительною послѣднюю волю святого, выраженную имъ въ такихъ трогательныхъ и ясныхъ словахъ, и гдѣ онъ прямо говоритъ, чего онъ хотѣлъ. Тотъ же самый папа, который причислил Франциска къ святымъ, объявляетъ его лишеннымъ слова, нарушая его послѣднюю волю. Но это завѣщаніе оставалось программой для строгой партіи въ орденѣ, и въ высшей степени многозначительно, что тотъ самый генералъ, который съ наибольшою суровостью преслѣдовалъ среди миноритовъ ревнителей и апокалиптиковъ, Бонавентура, въ своей официальной легендѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о завѣщаніи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

С Т И Г М А Т Ы.

Voluit per omnia Christo crucifixo
esse conformis.

Bonaventura. Cap. XIV.

Завѣщаніе, въ которомъ Францискъ находитъ необходимымъ вторично высказать свои первоначальныя идеи, наперекоръ усиливающемуся обмірщенію органа, проникнуто тономъ покорности, и этотъ тонъ вполне согласуется съ тѣмъ, что мы вообще узнаемъ о послѣднихъ годахъ жизни святого. Францискъ все больше и больше уходитъ въ самого себя и предоставляетъ управленіе орденомъ брату Іліи. *Subtrahebat se a consortio fratrum*, говорится во второй легендѣ Тома Челано. Біографы рассказываютъ объ его мрачныхъ пророчествахъ относительно будущности общины и о проклятіяхъ, которыя онъ произнесъ надъ губителями его дѣла ¹⁾. „Опять надо начинать сызнова“, такъ заставляетъ его говорить Тома Челано, „основать новую семью, которая не забывала бы низшихъ, но ухаживала бы за прокаженными и, какъ прежде, не только на словахъ, но и на дѣлѣ служила бы всѣмъ“ ²⁾. „Какъ острый ножъ“, жалуется онъ, „вонзаютъ они мнѣ въ сердце и терзаютъ душу мою цѣлый день“. Главнымъ образомъ потому и удаляется онъ отъ общенія съ братьями, чтобы не слышать о всѣхъ нарушеніяхъ устава, которыя совершаются вокругъ него ³⁾. Не всегда даже сдерживаетъ онъ

1) См. рассказъ Анджелио Кларино, Ehrle, Archiv II, 131. Celano I, acta S. S. 691. II, 226. Также рассказъ Celano I, 712, о томъ, какъ во Францискѣ къ концу его жизни проявился новый подъемъ энергіи, какъ Францискъ сталъ стремиться къ еще болѣе святой, намѣревался опять начать ходить за прокаженными, основать гдѣ-нибудь вдаль отъ міра новое братство, которое бы строго соблюдало уставъ. Этотъ рассказъ есть признаніе того, что Францискъ негодовалъ на ослабленія, вкравшіяся вмѣстѣ съ новымъ уставомъ.

2) Ср. также Bonaventura, 780.

3) Celano II, 224.

свой гнѣвъ противъ церковной власти, погубившей его дѣло. Когда его спросили, рассказываетъ Челано, почему онъ оставилъ свое попеченіе о братьяхъ и ввѣрилъ его другимъ, какъ будто они стали ему совершенно чужими, онъ отвѣтилъ: „Я люблю братьевъ, какъ могу, но, если бы они шли по моимъ стопамъ, я любилъ бы ихъ еще больше и не удалялся бы отъ нихъ. Но нѣкоторые между прелатами увлекаютъ братьевъ въ дѣла, ихъ нисколько не касающіяся, указывая имъ на примѣръ предковъ и ни во что не ставя мои наставленія. Но, что изъ этого произойдетъ, увидать послѣ“ ¹⁾. Уже во время своей болѣзни онъ воскликнулъ разъ: „Кто тѣ, которые вырвали у меня изъ рукъ мой орденъ? Когда я приду на главный капитулъ, я покажу имъ, чего я хочу!“ Братъ, которому онъ это сказалъ, спросилъ его, не хочетъ ли онъ замѣнить провинціаловъ, употребившихъ во зло свою свободу, другими? „Но больной вздохнулъ и произнесъ ужасныя слова: „Пусть они живутъ, какъ хотятъ, ибо лучше, чтобы погибли только немногіе, чѣмъ многіе“ ²⁾. Итакъ страстный порывъ негодованія опять закончился признаніемъ своего безсилія. Часто въ горячей мольбѣ къ Богу изливалъ онъ свои жалобы и находилъ тогда утѣшеніе въ мысли, что, если даже и рухнетъ воздвигнутое теперь зданіе, то фундаментъ останется непоколебимымъ. „Что ты сокрушаешься, человѣкъ?“ говорилъ ему Христосъ, „развѣ для того я поставилъ тебя пастыремъ надъ этимъ орденомъ, чтобы ты забылъ, что я его патронъ? Ты долженъ быть примѣромъ для другихъ, и, кто хочетъ, можетъ слѣдовать тебѣ, и, если даже ихъ будетъ только трое, то орденъ непоколебимъ, потому что они просвѣтятъ остальныхъ, какъ одинъ солнечный лучъ освѣщаетъ цѣлыя бездны тьмы“ ³⁾. Совершенно въ томъ послѣдователей Іоахима заставляеть его Челано пророчествовать во второй легендѣ, написанной для Іоанна Пармскаго: „Настанетъ время, когда орденъ, изъ-за своего дурного примѣра, будетъ въ такомъ презрѣннѣи, что ему стыдно станетъ показываться публично. Но тѣ, которые все-таки поступятъ тогда въ орденъ, будутъ руководствоваться однимъ лишь Святымъ Духомъ, и плоть и кровь не будутъ имъ въ осужденіе, они поистинѣ будутъ благословенны Богомъ“ ⁴⁾. Челано приписываетъ ему также многозначительное видѣніе: онъ видѣлъ во снѣ нѣкоторыхъ

1) Celano II, 264.

2) Celano II, 266.

3) Celano II, 226.

4) Vita II, 226.

братьевъ пораженными проказоу, т. е., какъ говорить толкованіе, отступившими отъ устава ¹⁾).

Францискъ сознавалъ, что у него самого не хватаетъ силъ остановить этотъ ходъ развитія ордена, давно уже оставившій позади своего творца, и потому безъ сомнѣнія Францискъ и не вмѣшивался больше въ дѣла. Вторая легенда Челано ²⁾ описываетъ передачу дѣлъ Петру деи Катани уже какъ формальное отреченіе. „Чтобы пребывать въ добродѣтели святого смиренія, немного (?) лѣтъ спустя послѣ своего обращенія онъ отрекся отъ должности главнаго настоятеля на капитулѣ въ присутствіи всѣхъ братьевъ ордена и сказалъ: „Отнынѣ я умеръ для васъ. Но вотъ Петръ деи Катани, и я хочу, чтобы ему вы всѣ повиновались...“ Послѣ этого онъ преклонился передъ нимъ и далъ ему обѣтъ послушанія и почитанія. Братья же плакали, и горе исторгало у нихъ глубокіе вздохи, такъ какъ они видѣли, что они до нѣкоторой степени теряютъ такого отца. Францискъ всталъ, сложилъ руки, поднялъ глаза къ небу и сказалъ: „Господи, Тебѣ поручаю я эту семью, которую по сіе время Ты ввѣрилъ мнѣ; такъ какъ я теперь, по моей слабости, извѣстной Тебѣ, всеслѣдчайшій Господи, не могу больше заботиться о нихъ, то я передаю ихъ министрамъ. Они обязаны въ день суда дать Тебѣ отчетъ, если какой-нибудь братъ погибнетъ черезъ ихъ небрежность, дурной примѣръ или вслѣдствіе слишкомъ суроваго обращенія“. Съ того времени Францискъ оставался на положеніи подчиненнаго до самой своей смерти, выказывая больше смиренія, чѣмъ кто-либо другой“. Петръ деи Катани умеръ еще въ 1220 году, вотъ почему на капитулѣ 1221 года должность викарія исполняетъ Илія Кортоискій, который теперь распоряжается полнымъ хозяиномъ до самой смерти Франциска. Францискъ удостовѣряетъ и въ своемъ завѣщаніи, что готовъ дать обѣтъ послушанія каждому генералу ордена и каждому гвардіану, котораго тотъ ему поставитъ, „и такъ я хочу, чтобы онъ наставлялъ меня, чтобы я не могъ ни ходить, ни поступать противъ его воли. Ибо онъ мой господинъ“. По всему его характеру такое подчиненное положеніе, избавлявшее его отъ всякой отвѣтственности, должно было быть самымъ пріятнымъ для него, но каждая фраза въ его завѣщаніи свидѣтельствуетъ, какъ горько сожалѣетъ онъ о ходѣ вещей въ орднѣ. Неспособный предотвратить его, онъ ушелъ въ себя, въ полное душевное одиночество; зато онъ теперь достигъ мысленнаго общенія со святыми и жало-

1) Celano II, стр. 296. Bonaventura, ук. соч. 753.

2) Ed. Amoni, стр. 93.

вался имъ на свое горе. Онъ хотѣлъ даже отказаться отъ проповѣди, если бы Сильвестръ и сестра Клара, позванные имъ на совѣтъ, не разрѣшили его сомнѣній, указавъ ему, что онъ долженъ исправлять дѣло, возложенное на него Господомъ ¹⁾. При такомъ удрученномъ настроеніи онъ таготился толкотней то прибывающихъ, то уѣзжающихъ братьевъ въ его церкви Порціункулъ. Правда, Челано рассказываетъ во второй легендѣ ²⁾, что только для особо уполномоченныхъ братьевъ былъ открытъ туда доступъ, и что общину Порціункулы составила избранная паства дѣйствительно набожныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрныхъ братьевъ. Мірянамъ доступъ туда былъ вообще запрещенъ, чтобы братья не отвлекались отъ созерцанія небесныхъ вещей къ созерцанію земныхъ. Праздные разговоры были совершенно изгнаны, и день и ночь непрерывно возносилась къ небу молитва; братья вели жизнь подобно ангеламъ, такъ что церковь вдвойнѣ имѣла право называться *S. Maria degli angeli*, и Францискъ получилъ откровеніе, что эта церковь есть церковь особенно излюбленная Матерью Божіею. Но и это святилище не удовлетворяло уже его потребности тишины, уединенія, спокойнаго общенія съ образами его воображенія. Какъ ни восхваляетъ Челано эту жизнь, онъ не можетъ скрыть, что Францискъ бѣжалъ отъ нея, такъ какъ онъ не чувствовалъ себя хорошо въ этомъ центрѣ церковной агитаціи, охватившей міръ. Въ пустыню въ верховьяхъ Арно удалился онъ. Близъ истоковъ Арно, гдѣ Апеннины имѣютъ наиболѣе дикій характеръ, гордо возвышается горная вершина Альверно. На высокой базальтовой вершинѣ, куда вела только одна тропинка, стоялъ старинный кедровый лѣсъ, подъ сѣнью котораго уже раньше Францискъ велъ отшельническую жизнь. Съ этой гордой вершины видны равнины Романьи и Анконы, сливаюціяся съ Адриатическимъ моремъ, позади же, внизу, видны Умбрія и Тоскана. Владѣтель этого мѣста, графъ Орландо Кіузи, согласился на поселеніе тутъ братьевъ. Сюда-то и удалился Францискъ въ сопровожденіи брата Льва вскорѣ послѣ капитула, бывшаго на Троицу 1224 года. Ему было теперь сорокъ три года, но онъ чувствовалъ уже, что силы его истощены. Онъ слишкомъ погрѣшилъ противъ своего брата осла, какъ онъ называлъ свое тѣло. Теперь онъ долженъ былъ искупать эти грѣхи ³⁾, и Челано приводитъ трогательные разговоры, ко-

1) Bonaventura 774. Ср. Celano 1, 713.

2) Стр. 34.

3) Tres socii 727. Die mortis ejus instante, confessus est, se multum peccasse in fratrem asinum, id est corpus.

торые Францискъ ведетъ во время этого упадка силъ со своимъ братомъ тѣломъ ¹⁾. Графъ послалъ впередъ нѣсколькихъ братьевъ, которые осмотрѣли мѣстность на этой горѣ, разсѣченной ущельями, и на одномъ уединенномъ склонѣ они построили хижину для святого. Въ сопровожденіи братьевъ Льва, Массеуса и Анджело Францискъ прибылъ къ горѣ своего преображенія, и свое прибытіе онъ рѣшилъ освятить сорокадневнымъ постомъ. Гвардіаномъ новаго поселенія долженъ былъ быть Массеусъ, который и руководилъ этою поѣздкою ²⁾. Подъемъ на гору продолжался, по причинѣ слабости святого, два дня. Ночью они укрылись отъ бури и дождя въ одной покинутой часовнѣ, при чемъ Францискъ чувствовалъ, что всѣ демоны окружили его, и онъ выдержалъ сильную борьбу съ сатаномъ. Вслѣдствіе того, что онъ бодрствовалъ всю ночь, онъ на другое утро былъ такъ слабъ, что ученики должны были привести изъ ближайшаго селенія ослика, который и довезъ его до дуба Франциска у самаго подножія горы. Когда святой отдыхалъ тутъ, прилетѣли его друзья, лѣсныя птицы, и стали пѣть и махать крыльями; Францискъ же радовался доброму приему, оказанному ему братьями и сестрами, среди которыхъ собирался жить отнынѣ, и бодро дошелъ до хижины, построенной ему братьями. Когда затѣмъ явился самъ графъ и принесъ съѣстные припасы для благочестивыхъ отшельниковъ, Францискъ попросилъ его позволить ему построить отдѣльную келью, вдали отъ остальныхъ, чтобы онъ могъ быть наединѣ съ Богомъ и оплакивать свои грѣхи. Итакъ братья поселяются подъ высокими деревьями, которые выросли подъ защитою скалъ въ разсѣлинахъ горы; святому же Франциску было откровеніе, что въ горѣ образовались эти страшныя разсѣлины именно тогда, когда согласно повѣствованію евангелія при распятіи Христа разсѣлись горы. Братья также видѣли видѣнія и духовъ въ такомъ множествѣ, что съ того времени гора Альверно становится священной горой для францисканцевъ. Но постоянное наблюденіе со стороны братьевъ, подслушивающихъ молитвы святого, становится ему тягостнымъ, и наконецъ онъ заставляетъ Льва испытать, на какомъ разстояніи отъ ораторіи онъ еще можетъ слышать голосъ святого, и затѣмъ рѣшаетъ построить себѣ хижину за этой чертою

¹⁾ Celano II, 298.

²⁾ Подробное описаніе этого путешествія въ Фіоретти и у Бонавентуры, безъ сомнѣнія, основывается на тѣхъ частяхъ легенды трехъ братьевъ, которыя потеряны для насъ, но которыя авторъ ея, Левъ, должно быть написалъ на основаніи собственныхъ воспоминаній.

такъ, чтобы хижина отдѣлялась еще глубокою разсѣлиною отъ поселенія другихъ братьевъ. Сначала братья смастерили мостъ изъ ствола одного дерева, а потомъ по ту сторону ущелья построили для Франциска третью хижину, приближаться къ которой братъ Левъ могъ одинъ разъ днемъ и одинъ разъ ночью, но только до моста. Оттуда онъ долженъ былъ позвать: Domine, labia mea aperies? (Отче, отверзаеши ли уста мои?). Если Францискъ отвѣчалъ, то онъ могъ перейти черезъ мостъ, если же Францискъ молчалъ, онъ немедленно долженъ былъ возвратиться къ братьямъ. Въ этомъ уединеніи святой боролся съ сатанюю; однажды даже сатана хотѣлъ столкнуть его въ пропасть изъ пещеры, гдѣ онъ молился, но святой уцѣпился за скалу; чудо сдѣлало скалу мягкою какъ воскъ, и она охватила святого такъ, что дѣволъ тщетно пытался оторвать его отъ нея. Оттискъ фигуры Франциска, его лица и рукъ еще отчетливо былъ виденъ на камнѣ, когда писались Фіоретти. Его посѣщали также его братья и сестры, лѣсные птички, братъ сокольникъ будилъ его по утрамъ своимъ хриплымъ крикомъ, чтобы онъ не пропустилъ утрени ¹⁾; когда же дни стали короче, и силы больного монаха ослабѣвали, сокольникъ сталъ кричать позднѣе, чтобы Францискъ имѣлъ время выспаться. По просьбѣ же Франциска дать ему познать хоть отчасти небесное блаженство, Господь послалъ ему ангела изъ небеснаго воинства; этотъ ангелъ держалъ въ лѣвой рукѣ скрипку, а въ правой смычокъ. „Францискъ стоялъ совершенно изумленный при видѣ ангела; ангелъ провелъ своимъ смычкомъ по скрипкѣ, и Францискъ услышалъ такую восхитительную мелодію, что его душа совершенно растаяла въ блаженствѣ и отрѣшилась отъ всякаго тѣлеснаго ощущенія“. Онъ рассказывалъ потомъ своимъ товарищамъ, что онъ убѣжденъ, что, если бы ангелъ еще разъ коснулся струнъ своимъ смычкомъ, его душа отъ слишкомъ большого блаженства совсѣмъ разлучилась бы съ тѣломъ. И раньше случалось, что во время разговора или ѣды Францискъ вздыхалъ, и при этомъ духъ его покидалъ эту землю, и святой говорилъ своимъ ученикамъ, что всегда, когда они слышатъ такіе вздохи его, они должны прославлять Бога и молиться за него ²⁾; теперь же такое состояніе часто продолжалось днями ³⁾.

1) Бонавентура замѣняетъ сокола соловьемъ въ своемъ стихотвореніи *Philomena*.

2) *Tres socii*, 727.

3) *Celano II*, 148.

Въ сентябрѣ того же года Францискъ имѣлъ то знаменитое видѣніе, отъ котораго, какъ воспоминаніе, на его собственномъ тѣлѣ остались знаки язвъ Христовыхъ. Передъ всеюношю наканунѣ праздника Обрѣтенія Честнаго Креста Левъ крикнулъ у моста свой пароль, но Францискъ не отвѣтилъ. Такъ какъ Левъ безпокоился о больномъ, то, несмотря на запрещеніе, онъ перешелъ черезъ мостъ и увидѣлъ, что келья святого пуста. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и Левъ пошелъ по лѣсу, ища Франциска; вскорѣ онъ услышалъ голосъ Франциска, говорившій въ экстазѣ: „Кто ты, мой сладчайшій Господь и Богъ? Кто я, жалчайшій червь и бесполезный рабъ?“ Вслѣдъ затѣмъ Левъ увидѣлъ пламя, спускающееся къ Франциску, навстрѣчу которому святой протягивалъ свои руки. Въ другой разъ утромъ во время подобнаго же экстаза, когда Францискъ совершенно углубился въ страсти Господни, онъ увидѣлъ серафима съ шестью блестящими и огненными крыльями, и вся гора сіяла яркимъ пламенемъ, такъ что горы и долины казались освѣщенными и преображенными, а крестьяне въ окрестности думали, что восходить солнцу. Серафимъ казался распятымъ, и отъ ранъ его спускались лучи къ Франциску, и тотчасъ на собственныхъ рукахъ и ногахъ Франциска обнаружались язвы отъ гвоздей, и появились гвозди, шляпки которыхъ и острія видѣлись изъ мяса. Точно такъ же на боку духовидца появилась кровавая рана, которая окрасила его рясу кровью. Повѣствователи говорятъ, что Францискъ сначала хотѣлъ скрыть чудо, но его братья убѣдили его, что чудо совершилось не только ради него, но ради всѣхъ вѣрующихъ. Да и боль заставила его позволить Льву перевязать ему рану на боку. Судя по тому, какъ рассказчики описываютъ эти раны, самое вѣроятное, что Францискъ изъ фанатизма, чтобы испытать самому всѣ страданія Иисусовы, самъ нанесъ себѣ рану на боку; наросты же на рукахъ и ногахъ были бородавками, которыя онъ могъ вызвать въ болѣе продолжительное время. Впрочемъ допустимо также и то, что онъ изувѣчилъ себя такъ самъ въ своемъ экстатическомъ состояніи и не сознавалъ этого. Но спрашивается, не были ли эти позднѣйшіе рассказы преувеличенными добавленіями? Возможно, что кровавыя пятна, бывшія предвѣстниками его близкаго конца, или просто даже пятна на разлагающемся тѣлѣ были объяснены суевѣрными окружающими какъ язвы Иисусовы. Отстаивалось даже такое мнѣніе, что уже по смерти Франциска его трупъ былъ такъ изуродованъ, чтобы путемъ этого грубаго обмана скорѣе достичь канонизаціи главы ордена. Но достоверно, что Ілія Кортонскій тотчасъ по смерти Франциска сообщилъ о чудѣ братьямъ въ Германіи; и его извѣстіе дало Челано, находившемуся въ то время въ

Германін, основу для позднѣйшаго описанія чуда. Въ посланіи говорится что незадолго передъ смертію *frater* и *pater* изображалъ изъ себя распятаго, при чемъ имѣлъ на своемъ тѣлѣ пять ранъ Христовыхъ. Изъ этого перваго извѣстія нельзя заключить, что многимъ братьямъ еще при жизни Франциска было извѣстно о чудѣ, ибо, когда при погребеніи оно обнаружилось, оно повергло братьевъ въ полное восхищеніе, и самъ Левъ, по извѣстію Салимбене, узналъ о чудѣ впервые лишь при этомъ обстоятельстве. Происшествіе, которое разсказывается такъ противорѣчиво, и которое уже современникамъ представлялось полнымъ тайны, конечно, еще труднѣе освѣтить въ наше время ¹⁾). Всего легче объяснить его

¹⁾ Викарій и замѣститель святого, Илія Кортонскій, сообщаетъ уже на слѣдующій день по смерти Франциска о чудѣ стигматовъ братьямъ ордена, находящимся въ чужихъ земляхъ, какъ свидѣтельствуетъ Иорданусъ. Мы имѣемъ еще одно письмо такого же содержанія, разсказывающее, что на тѣлѣ Франциска были всѣ пять ранъ Иисусовыхъ, и на рукахъ и ногахъ съ обѣихъ сторонъ выдавались гвозди, превратившіеся въ мясо (Письмо въ *Speculum vitae B. Francisci*; перепечатано въ *Acta Sanct.* p. 66 8) Это письмо дало матеріалъ для разсказа Челано I, 709. этотъ разсказъ о чудѣ, почти буквально повторяется позднѣйшими легендами. Пытались объяснить это описаніе такъ, что язвы отъ гвоздей были бородавками на рукахъ и ногахъ, которыя иногда возникаютъ сами собою или же могутъ быть вызваны произвольно посредствомъ надавливанія. Но Челано не былъ очевидцемъ чуда, и, передавая его еще подробнѣе во второй легендѣ, у Амони стр. 198, онъ этимъ только лишаетъ цѣнности свой первый разсказъ. Помимо того мы знаемъ, что по требованію своего начальства онъ вставилъ во вторую свою легенду рядъ чудесъ, о которыхъ раньше ему ничего не было извѣстно.

Но весьма заслуживаетъ вниманія показаніе Салимбене, ссылающагося на очевидца, присутствовавшаго при погребеніи: *Monum. histor. Parm. pag. 75... Franciscus, cui Christus ad similitudinem sui V plagas impressit. Nam, sicut dixit mihi frater Leo socius suus, qui praesens fuit quando ad sepeliendum lavabatur, in morte videbatur recte sicut unus crucifixus de cruce depositus. Ideo optime congruere sibi potest, quod dicitur Apocalypsi 1: Vidi similem filio hominis.* Итакъ, фактъ существованія ранъ на тѣлѣ былъ засвидѣтельствованъ Львомъ. Спрашивается лишь, какъ образовались эти раны? Возможно, что Францискъ самъ причинилъ ихъ себѣ. Человѣкъ, слѣпившій себѣ изъ свѣга семью и построившій вертепъ Виелеемскій, разумѣется вполнѣ былъ способенъ также превратить самого себя въ *crucifixus*, въ силу аскетическаго побужденія, не имѣя при этомъ ничего иного въ виду какъ перетерпѣть то же самое, что перестрадалъ Христосъ. Съ другой стороны, конечно, какъ указываетъ Гае V, 129,

однако проявленіемъ страстнаго желанія святаго претерпѣть всѣ страданія Іисуса.

Въ концѣ сентября 1224 года, когда воздухъ въ горахъ сталъ слишкомъ рѣзокъ, больной Францискъ рѣшилъ вернуться въ Порціункулу. Въ своемъ уединеніи въ лѣсу онъ жилъ одною жизнью съ природою и лѣсными звѣрями, и тѣ трогательныя слова, которыми святой простался съ горой Альверно, покидая ее, и которыя были по памяти записаны братомъ Массеусомъ, доказываютъ, что черты, приданныя ему легендою, не лишены основанія ¹⁾. „Пребывайте въ мирѣ, дражайшіе сыны“, говорилъ святой, прощаясь съ братьями, остающимися на горѣ. „Богъ да благословитъ васъ, дражайшіе сыны, Богъ да хранитъ васъ! Я разлучаюсь съ вами своимъ тѣломъ, но оставляю вамъ свое сердце. Я уйду отсюда съ моимъ братомъ, агнцемъ Божиимъ, и иду отсюда къ Св. Маріи degli Angeli, и сюда уже я не вернусь. Я уйду, да хранитъ васъ всѣхъ Богъ! Храни

весьма страненъ поступокъ генерала ордена съ тѣломъ. Святой умеръ вечеромъ, а уже рано утромъ на слѣдующій день тѣло его было положено въ гробъ, тогда какъ можно было бы ожидать, что братья выставятъ чудо стигматовъ для поклоненія всѣмъ вѣрующимъ, если бы все произошло такъ, какъ рассказываетъ Илія. Только передъ церковью Св. Даміана, по разсказу Челано, гробъ былъ еще разъ открытъ, чтобы Клара могла проститься съ любимымъ тѣломъ, прежде чѣмъ оно будетъ положено въ склепъ Св. Георгія. На Троицу 1230 г. при перенесеніи тѣла святаго въ новую церковь Санъ-Франческо, толпа желала видѣть тѣло святаго, ставшее вдвойнѣ священнымъ послѣ распространившейся молвы о стигматахъ, но Илія воспротивился этому силою, вслѣдствіе чего произошла драка между горожанами и монахами, такъ что Григорій IX въ буллѣ отъ 16-го іюня 1230 г. наложилъ индигтъ на оскверненное мѣсто и угрожалъ городу отлученіемъ отъ церкви, если въ теченіе двухъ недѣль онъ не искупитъ проступка. Эти происшествія нѣсколько подозрительны. Такъ какъ тѣло святаго тотчасъ послѣ его смерти должно быть было вскрыто, чтобы вынуть его сердце, то рана на боку образовалась сама собою, и Гае предполагаетъ, что къ ней тогда Илія прибавилъ язвы отъ гвоздей. Кому извѣстенъ поступокъ толпы съ тѣломъ святой Елизаветы, тому это не представится невозможнымъ (Ср. мою статью Конрадъ Марбургскій. Мелкія статьи стр. 178). Весьма полное собраніе разсказовъ свидѣтелей даетъ Павелъ Сабатье въ ук. соч., приложение I, но теперь уже невозможно сдѣлать окончательнаго и вполне убѣдительнаго вывода.

¹⁾ Напечатано аббатомъ Амони въ его изданіи Фіоретти. Римъ, 1889. Т. I, стр. 390—392 и въ его же *Vita seconda*, Roma, 1880, стр. 314 сл.

тебя Господь, гора. Храни тебя Господь, гора Альверно, храни тебя Господь, гора ангеловъ, храни тебя Господь, дражайшая, храни тебя Господь. Дорогой братъ соколъ, благодарю тебя за любовь, которую ты мнѣ оказывалъ, храни тебя Богъ! Храни тебя Богъ! Храни тебя Богъ, высокая скала, никогда больше не приду я сюда посѣтить тебя. Храни тебя Богъ, скала, ибо ты приняла меня въ нѣдра свои, такъ что дьяволъ остался посрамленнымъ; никогда больше мы не увидимся опять съ тобою. Храни тебя Богъ!“

Такими словами простился дряхлѣющій и больной монахъ со своимъ любимѣйшимъ скитомъ и продолжалъ свой путь по направленію къ вершинѣ Акуто черезъ вершины Аркоппе и Форесто. Тамъ на горѣ онъ еще разъ остановился, сошелъ съ осла, преклонилъ колѣна и, обративъ лицо къ Альверно, вознесъ жаркую молитву и произнесъ послѣднее прости: „Спаса тебя Богъ, гора Божія, святая гора, mons coagulatus, mons in quo bene placitum est deo habitare¹⁾. Храни тебя Богъ, гора Альверно! Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой да благословитъ тебя. Миръ съ тобою, ибо никогда больше не увидимся мы съ тобою“. Эти слова, хотя и записанныя по памяти, даютъ намъ однако ясное представленіе о краснорѣчїи Франциска и показываютъ, какимъ духомъ была проникнута вся его душевная жизнь. Но силы его были уже истощены окончательно, и нерѣдко часами его духъ покидалъ уже эту землю. Такъ Челано рассказываетъ²⁾, что на своемъ обратномъ пути онъ остановился въ домѣ прокаженныхъ близъ Борго. Мужчины и женщины изъ Борго устремились туда, чтобы видѣть его, они трогали его, наконецъ стали отрывать клочки отъ его рясы, чтобы взять на память святыню. Но онъ повидимому ничего этого не чувствовалъ; они продолжали путь, и тогда онъ, какъ будто пробудившись ото сна, спрашиваетъ наконецъ: „Скоро ли мы будемъ въ Борго?“ Въ такомъ экстаическомъ состояніи онъ иногда припималъ такой ужасный видъ, что неподготовленные не выносили этого зрѣлища. Епископъ ассизскій засталъ его въ кельѣ въ Порціункулѣ въ подобномъ экстазѣ и такъ испугался, что не могъ сказать ни одного слова, убѣжалъ и только, когда онъ былъ далеко отъ часовни, могъ настолько успокоиться, чтобы вернуться къ братьямъ и извиниться за свое самовольное вторженіе³⁾.

1) Слова Псалма 67, 16,17.

2) Celano, II, 148.

3) Celano, II, 150.

Разумѣется, эти послѣдніе дни жизни святаго, ставшаго отнынѣ любимцемъ Италіи, были ознаменованы длиннымъ рядомъ чудесъ¹⁾. Послѣ долгаго пребыванія на вершинахъ Казале и Читта ди Каstellо онъ вернулся въ Порціункулу, но вскорѣ опять принялся попрежнему странствовать и проповѣдывать по Умбріи. Тяжелая глазная болѣзнь угрожала ему слѣпотою, и его покровитель, кардиналъ Гуго, призвалъ его къ себѣ въ Ріэти. Въ это время, отъ 1225 по 1226 годъ, курія, вновь изгнанная изъ Рима, пребывала въ Ріэти. Здѣсь подѣ присмотромъ папскихъ врачей Францискъ могъ бы возстановить здоровье своего тѣла, „брата осла“. Со слезами разстался Францискъ съ Кларой Шифи въ монастырѣ у церкви св. Даміана. Онъ, по преданію, тамъ въ монастырскомъ саду, гдѣ монахи устроили ему хижину изъ вѣтвей розъ, написалъ свою пѣснь солнцу²⁾; подобно Мильтону, во тьмѣ слѣпоты воспѣвшему твореніе свѣта, Францискъ воспѣлъ солнце. Возможно, что теперь была написана лишь одна послѣдняя строфа, которая повидимому позднѣе была прибавлена къ пѣсни:

„Да прославится Господь въ сестрѣ нашей смерти, которой не можетъ избѣжать ни одинъ живущій человѣкъ. Горе тѣмъ, которые умрутъ въ смертныхъ грѣхахъ! Блаженны тѣ, кто настолько пребываетъ въ Твоей святой волѣ, что вторая смерть не можетъ причинить имъ никакого зла. Славьте и благословляйте моего Господа, и благодарите Его, и служите Ему въ великомъ смиреніи“.

Въ этой строкѣ уже звучитъ тонъ разлуки, тогда какъ первыя строфы относятся ко времени радостнаго начинанія, а увѣщанія о мирѣ къ періоду уже прибрѣтеннаго большого вліянія на общество, и предчувствіе смерти не обмануло Франциска. Едва только позволило ему состояніе его здоровья, онъ уѣхалъ, какъ ему было приказано, въ Ріэти. Но онъ былъ тяжелый пациентъ. Его брало раздумье, долженъ ли онъ беречься и ходить за своимъ тѣломъ, и онъ спросилъ одного брата, обязанъ ли онъ это дѣлать? Тотъ отвѣчалъ на вопросъ вопросомъ: служило ли ему тѣло вѣрно до сихъ поръ; и, когда святой отвѣтилъ утвердительно, братъ замѣтилъ, что теперь и онъ долженъ отплатить своему вѣрному слугѣ за работу многихъ лѣтъ также вѣрной заботой о немъ. Дѣйствительно, Францискъ преодолѣлъ свое отвращеніе къ врачамъ, но лѣченіе, которое они примѣнили къ нему въ Ріэти, оказалось и безсильнымъ и мучительнымъ. Страданія, которыя

1) Bonaventura, 769.

2) Celano, II, 302.

долженъ былъ терпѣть Францискъ, онъ также привѣтствуетъ, какъ своихъ сестеръ ¹⁾. Согласно варварской терапіи того времени, врачъ хотѣлъ удалить дурные соки и собирался прижечь Франциску рану на лбу; Францискъ же обратился къ огню, на которомъ накаливалось желѣзо, со словами: „Мой братъ, огонь, прекраснѣе и дѣятельнѣе всѣхъ другихъ вещей создалъ тебя Господь. Будь ко мнѣ на этотъ часъ благосклоненъ, будь дружественъ, потому что я всегда любилъ тебя въ Господѣ, Я молю великаго Владыку, сотворившаго тебя, чтобы онъ умѣрилъ твой жаръ до пріятной теплоты, такъ чтобы я могъ вытерпѣть ее“ ²⁾. И, когда во время операціи онъ дѣйствительно не испыталъ никакой боли, онъ былъ убѣжденъ, что братъ огонь принялъ къ сердцу его дружескую просьбу. Ученики же его рѣшили, что для него твореніе вернулось къ своей первоначальной благости. Такимъ былъ огонь въ раю, что горѣлъ, не сжигая. Но все лѣченіе оказалось напраснымъ, и братъ Ілія счелъ за лучшее перевезти своего больного опять въ Ассизы. Вполнѣ согласенъ съ духомъ времени разсказъ біографовъ, что обратное путешествіе должно было совершиться съ большими обходами, такъ какъ иначе граждане Перуджіи силою удержали бы у себя умирающаго, чтобы имѣть на долю своего города всѣ тѣ выгоды, которыя доставила впоследствии Ассизамъ гробница святого. Граждане ассизскіе выслали даже навстрѣчу святому почетное посольство съ военнымъ конвоемъ, только для того, чтобы побудить Франциска не иначе, какъ у нихъ, почить въ мирѣ ³⁾. Но этой же самой причинѣ Францискъ былъ съ энтузіазмомъ встрѣченъ въ родномъ городѣ и помѣщенъ во дворцѣ епископа. Онъ же воскликнулъ радостно: „Привѣтствую, тебя, сестра моя смерть!“

Въ легендѣ между разсказами о чудесахъ, которыя разумѣется къ концу умножаются съ часу на часъ, ясно выступаютъ также реалистическія черты. Какъ Магдалину, помазующую миромъ, Фіоретти вводятъ одну женщину, Якобину изъ Сетесоли, за которой посылаетъ самъ Францискъ. Онъ пишетъ ей, что онъ близокъ къ смерти и приглашаетъ ее посѣтить его и захватить покровы, которыми должны обвить тѣло его. Но въ заключеніи однако говорится весьма жизнерадостно: „Я прошу тебя также принести мнѣ поѣсть того же, что ты обыкновенно давала мнѣ, когда я былъ боленъ въ Римѣ“. Такъ что несмотря на всѣ мученія онъ оста-

1) Celano, II, 300.

2) Bonaventura 755, Celano, II, 238.

3) Celano II, 120.

вался въ хорошемъ настроеніи духа ¹⁾). Минутами даже прорывается вновь неизсякаемая природная веселость прежняго *joculator domini*; Францискъ такъ часто заставлялъ пѣть свою пѣснь солнцу, что епископъ опасался даже, какъ бы это не произвело дурного впечатлѣнія на окружающихъ. *Mortem cantando suscepit*, говоритъ Челано ²⁾). Одинъ же изъ его учениковъ увѣщевалъ его: „Ты знаешь, отецъ, что здѣшніе граждане имѣютъ къ тебѣ большое довѣріе и считаютъ тебя святымъ человѣкомъ. Но они думаютъ, что ты долженъ больше размышлять о смерти и скорѣе плакать, чѣмъ пѣть. И ты долженъ знать, что твое пѣніе и наше пѣніе, которое ты приказываешь намъ, слышно многимъ во дворцѣ и на дворѣ“. Такимъ образомъ *roverello* ассизскій никогда не сдѣлался настоящимъ святымъ, обязанность котораго ходульная жизнь и ходульная смерть. Онъ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ Бернаръ Клервосскій, и ученику приходится напоминать ему, лежащему уже на смертномъ одрѣ, чего требуетъ отъ святого благопристойность. Францискъ возразилъ, что онъ поетъ отъ радости, что далеко до цѣли. Но, чтобы избавить своихъ согражданъ, которымъ онъ никогда не могъ угодить, отъ всякаго соблазна, а епископа отъ безпокойства, онъ просилъ, нельзя ли перевести его въ Кампанью въ Порціункулу. Тамъ еще онъ сильно страдалъ и боролся со смертью. Однажды въ минуту экстаза онъ сбросилъ съ себя все платье, чтобы умереть въ объятіяхъ своей дамы бѣдности, и, когда Ілія убѣждаетъ его по долгу послушанія опять облачиться въ рясу, онъ радуется все же, что остался вѣренъ своей невѣстѣ до конца. Онъ совершаетъ со своими учениками тайную вечерю, о чемъ Челано повѣствуетъ въ евангельскомъ тонѣ. Въ этой вечери, можетъ быть, проглядываетъ уже тенденція совершенно уподобить свою жизнь жизни Искушителя. 3-го октября 1226 года при наступленіи ночи онъ скончался со словами любви.

Надъ хижиной, гдѣ онъ умеръ, и надъ часовнею, находившейся на разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ и построенной имъ самимъ, теперь возвышается начатое Виньолою въ 1569 году зданіе *S. Maria degli Angeli*, однимъ куполомъ покрывающее двѣ величайшія святыни ордена; но эти святыни, разумѣется, столько разъ были возстановляемы, что отъ первоначальной постройки врядъ ли остался хоть одинъ камень. Часовню, построенную Францискомъ, украшаетъ теперь съ лицевой стороны картина

¹⁾ *Jacobaea de Septemsoliis* извѣстна также изъ Бонавентуры, 764.

²⁾ *Vita II*, 302.

Овербека. Скромное начало и великолѣпное продолженіе дѣла Франциска находить себѣ, такъ сказать, символическое выраженіе въ часовенкѣ, выросшей въ соборъ, но назидательно только скромное основаніе, а не построенная надъ нимъ мраморная блестящая церковь. Уже ко времени смерти Франциска изъ братства меньшихъ въ царствѣ Божіемъ выросла самая могущественная церковная конгрегація и въ то же время самая кичливая, а главное болѣе, чѣмъ какая-либо другая конгрегація, поддерживавшая суевѣріе, практиковавшая обманъ народа и извлекавшая барыши изъ жажды чудесъ. Конечно Францискъ былъ не безъ вины въ этомъ печальномъ исходѣ. Этотъ исходъ показываетъ, какъ опасно было перенести трезвыя идеи Абеяра и Арнольда о слѣдованіи апостоламъ изъ области нравственной потребности въ область мечтательнаго подражанія. Это былъ ложный путь, по которому иные послѣдователи его пошли еще дальше. Идею слѣдованія апостоламъ онъ лишилъ оппозиціонной тенденціи арнольдистовъ, потому что это лежало въ его миролюбивой натурѣ; но его желаніе осуществить идею бѣдной жизни подъ покровительствомъ богатой церкви послужило лишь ко вреду его дѣлу. Духъ Арнольда и Вальдо никогда въ дѣйствительности не могъ примириться съ пышностью и великолѣпіемъ папской церкви. И Францискъ самъ пережилъ это разочарованіе и, какъ показываетъ его завѣщаніе, сильно страдалъ въ глубинѣ души. Недолго также и церковь скрывала, что Францискъ былъ для нея только еретикомъ, принятымъ ею по милосердію. Григорій IX упразднилъ его завѣщаніе и измѣнилъ всѣ порядки его ордена. А Іоаннъ XXII буллою: „cum inter nonnullos“, отъ 13-го ноября 1323 года, прямо призналъ ересью самую сущность и основаніе его евангелія, — мысль, что Іисусъ Христосъ и апостолы жили, не имѣя имущества, и что на этомъ основывалась ихъ святость. Іоаннъ XXII поступилъ послѣдовательно, ибо Францискъ былъ не что иное, какъ арнольдистъ, хотя бы даже онъ никогда и не слышалъ имени Арнольда. Слѣдованіе Христу и по его мнѣнію состояло въ подражаніи бѣдной жизни апостоловъ; но благодаря своей смиренной покорности церкви онъ долженъ былъ быть свидѣтелемъ того, какъ искажаютъ его идеи и ниспровергаютъ основаніе работы всей его жизни, и это-то именно и было его мученичествомъ.

Послѣдствія этой жизни, полной доброты и поэзіи, столь разнообразны, что трудно подвести имъ итогъ. Несомнѣнно, Францискъ внесъ въ католическую церковь духъ болѣе сердечной любви; его мы видимъ въ чистыхъ, подобныхъ ангельскимъ, чертахъ изображеній Джіотто, живописца его легенды, который исключительно находился подъ вліяніемъ святого и прослав-

ленію его посвятилъ половину своей жизни. Опозитиврованіе святымъ Францискомъ творенія Божія содѣйствовало поэтическому пониманію всего сотвореннаго также среди учениковъ его, какъ это показываетъ францисканская лирика и побасенки Фіоретти, изъ веселыхъ рассказовъ которыхъ выросла италіанская новелла. Такимъ образомъ вліяніе ассизскаго монаха отчасти относится и къ исторіи искусства и литературы въ Италіи ¹⁾). Но несомнѣнно также и то, что изобразилъ Джіотто на стѣнѣ въ верхней церкви въ Ассизахъ, именно, что Францискъ поддержалъ пошатнувшуюся папскую церковь. При помощи нищаго, который былъ такъ похожъ на еретика, церковь побѣдила ересь, такъ какъ въ отвѣтъ на негодующія рѣчи еретиковъ противъ обмірщенія церкви курія теперь всегда могла указать на нищенствующіе ордена; они въ лонѣ церкви вели ту же самую бѣдную жизнь, которая служила такимъ сильнымъ оружіемъ козыремъ для еретиковъ въ ихъ борьбѣ противъ куріи. Святой, по выраженію одного современника, „вырвалъ у еретиковъ ихъ знамя“. Кого вводитъ въ соблазнъ опасность богатства, тотъ здѣсь видитъ торжество бѣдности. Добровольно избранное ничтожество, не носящее великолѣпія іерархіи, но со смиреніемъ нищаго взирающее на пурпуръ, не завидующее богатымъ, но скромно смотрящее на нихъ—вотъ идеаль бѣдности для Франциска Ассизскаго въ противоположность притязательному ригоризму катаровъ, арнольдистовъ и вальденцевъ ²⁾

¹⁾ Ср. относительно этого Thode, Franz v. Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien, Берлинъ 1885 г.

²⁾ *Легенда о Францискѣ*. Въ заключеніе этой главы о Францискѣ умѣстно будетъ сдѣлать обзоръ источниковъ, на которыхъ основывается предшествующій рассказъ. Уже первое жизнеописаніе, *vita prima* Челано, есть официальное сочиненіе. Григорій IX, руководясь личнымъ своимъ благоговѣніемъ передъ Францискомъ и принимая во вниманіе восторженное поклоненіе народа, причислилъ Франциска къ лику святыхъ 16-го іюля 1228 года, слѣдовательно, уже черезъ два года послѣ его смерти и приказалъ славившемуся своими гимнами Өомѣ Челано составить ставшее теперь необходимымъ житіе новаго святого. Өома, происходившій изъ Абрुцціи, не стоялъ особенно близко къ отцу, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, потому что генеральнымъ капитуломъ 1221 года онъ былъ причисленъ къ нѣмецкой миссіи, а по возвращеніи въ Ассизы нѣмецкаго провинціала Цезарія онъ взялъ на себя его обязанности на Рейнѣ (Іорданусъ изъ Джіано, сар. 19, 30, 31). Но поэтически одаренный братъ Өома конечно былъ наиболѣе способенъ выполнить подобное порученіе, и вотъ изъ подъ его пера выходитъ *vita prima*, „*jubente domino et glorioso Papa*

Gregorio“ (Thomas de Celano vita S. Francisci I. Acta S. S. Tom. II, 683 cc.). Эта сгруппированная въ три части исторія жизни, страданій и причтенія святого ассиизскаго къ лику святыхъ есть въ литературномъ отношеніи весьма почтенный трудъ. Разскаъ ясенъ и соотвѣтствуетъ предмету. Мы получаемъ вполне отчетливое представленіе о личности героя, въ общихъ очертаніяхъ оно производитъ также впечатлѣніе правдоподобности. Поэтъ виденъ въ томъ, что образъ, который онъ хотѣлъ дать, дѣйствительно удался ему. Челано твердо установилъ типъ Франциска, который только повторяется позднѣйшими легендами, и даже невѣрныя краски, которыя онъ кое-гдѣ наложилъ, такъ прочны, что просвѣчиваютъ еще у самыхъ позднѣйшихъ его преемниковъ. Нельзя сказать, чтобы типъ находился въ противорѣчій съ непосредственными документами, какъ цѣсьнъ солнцу, завѣщаніе или свидѣтельство Юрдаууса изъ Джіано. Но народныя преданія въ томъ видѣ, какъ они передавались среди братьевъ, и которыя мы узнаемъ изъ Fioretti, гораздо вѣрнѣе передаютъ добродушную веselость, наивность и беспомощную слабость историческаго Франциска; а мелкіе разсказы, собранные по монастырямъ для *vita secunda*, рисуютъ болѣе человѣческаго, страстнаго, остроумнаго отца монаховъ, чѣмъ идеализующій разскаъ великаго сочинителя гимновъ, въ которомъ *joculator domini* почти совершенно исчезъ. То, что хотѣла доказать его *vita prima*, высказано въ хвалебной цѣсни Челано въ концѣ:

Sanctus pater atque rectus
Est Franciscus caelo vectus
Transmigrans a saeculo.

Онъ не только хочетъ оправдать почитаніе церковью своего учителя, онъ хочетъ самъ поставить ему памятникъ. Отсюда поэтическія и стилистически обработанныя обращенія къ святому въ возвышенномъ проповѣдническомъ тонѣ, преслѣдующія на ряду съ апофеозомъ учителя, слишкомъ явные партійные интересы. Такъ какъ легенда имѣла цѣлью оправдать быструю канонизацію сына Бернардоне, то Челано долженъ былъ не скупиться на чудеса. Правящій папа, который еще въ бытность свою кардиналомъ былъ заботливымъ патрономъ ордена, превозносится какъ достойный задушевный другъ святого и ревностный покровитель его дѣла. Авторъ даже посвящаетъ „этому свѣточу, свѣтящему въ домѣ Божіемъ“, Григорію IX такіе напыщенные панегирики, какъ будто онъ намѣревается приготовить его собственную канонизацію (стр. 703, 710, 711). Челано долженъ былъ точно такъ же оказать уваженіе и могущественному брату Или, любимцу папы, и потому Тома рисуетъ этого политика и свѣтски мыслящаго Илию Кортонскаго какъ избраннаго самимъ Францискомъ продолжателя его дѣла. (Thomas de Celano I, Acta S. S. II, стр. 713. *Frater Elias, quem loco matris elegerat sibi, etc.* Стр. 712. *Fecit bonus filius, quod benignus pater petiit, etc.*). Подобно патриарху Іакову, благословившему своихъ сыновей, въ этой первой ле-

гендѣ Францискъ возлагаетъ руку на Илію, сидящаго по лѣвую сторону отъ него, и благословляетъ его, а въ немъ всѣхъ братьевъ, которыхъ Господь такъ умножилъ черезъ Илію. Когда же затѣмъ Илія перешелъ на сторону Гибеллиновъ и былъ исключенъ изъ ордена, то эта сцена была переработана по библейскому образцу благословія слѣпымъ патриархомъ Исаакомъ, при чемъ эта позднѣйшая версія заставляетъ Илію Кортонскаго сдѣлать попытку хитростью получить благословіе отъ ослѣпшаго Франциска. Ослѣпшій Францискъ говоритъ: „Гдѣ мой первенецъ, приблизься ко мнѣ, дитя мое, чтобы моя душа благословила тебя, прежде чѣмъ я умру“. Онъ думаетъ при этомъ о своемъ первомъ ученикѣ Бернардѣ, и, когда Илія протѣснился впередъ, и Францискъ возложилъ на него руку, онъ говоритъ: „это не голова моего первороднаго сына Бернарда“ (Fioretti di San Francesco, cap. 6, ср. также 4). Въ этой позднѣйшей передачѣ высокомерный, упрямый, непослушный Илія рисуется въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. При жизни Франциска онъ дѣлаетъ попытку утаить уставъ, едва только Францискъ успѣлъ написать его (Bonaventura, 753). Онъ тотъ „гордый братъ Илія, который отгоняетъ ангеловъ“, и въ то время, какъ у Челано I онъ представляется постоянно заботящимся о Францискѣ, какъ его гвардіанъ, какъ „матерь“, какъ викарій, въ позднѣйшемъ преданіи Францискъ, гдѣ можетъ, сторонится отъ него. Фиоретти рассказываютъ, что онъ рѣдко говорилъ съ нимъ, напротивъ того часто предсказывалъ ему, что онъ упадетъ отъ церкви и умретъ внѣ ордена (Fioretti, 38. О перемѣнѣ мнѣнія братьевъ объ Иліи свидѣтельствуетъ весьма вразумительно также рассказъ Салимбене, фрагментъ I пармскаго изданія, стр. 401 сс). Эта перемѣна во мнѣніи о позднѣйшемъ отступникѣ была одною изъ причинъ, почему потребовалась новая обработка легенды ордена послѣ перехода Иліи на сторону Фридриха II и его отлученія отъ церкви. Въ первой легендѣ Челано прежніе сотоварищи святого, представители строгаго направленія въ орденѣ, ни разу даже не упоминаются. Теперь же генеральный капитуль 1244 года при генералѣ Кресценціи (1243—1247) приказываетъ, чтобы всѣ братья, воспоминанія которыхъ восходятъ еще ко временамъ основанія ордена, записали ихъ и сообщили генералу. Такъ возникла легенда трехъ братьевъ Льва, Руфина и Анджело (Acta Sanctorum II, 723 сс. Салимбене называетъ брата Льва главнымъ авторомъ: „Cujus (Francisci) vitam frater Leo, qui fuit unus de tribus specialibus sociis beati Francisci, sufficienter descripsit“. Chronica Fr. Salimbene Parmensis. Monum. ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia. Parmae, ex off. Petri Fiasadori, 1857). Эта новая легенда, какъ указываетъ предисловіе, была закончена 11-го августа 1246 г. въ маленькомъ монастырѣ Гречію, въ долинѣ Ріэти, и представлена генералу Кресценцію. То, что имя Льва стоитъ первымъ въ числѣ именъ рассказчиковъ Льва, Анджело и Руфина, подтверждаетъ сообщеніе Салимбене, что онъ былъ авторомъ этихъ мемуаровъ. Ручаясь за истинность рассказаннаго ими, три брата ссыла-

ются не только на то, чего они были очевидцами, но также на сообщенія главныхъ спутниковъ святого, брата Филиппа Долгаго, братьевъ Иллюмината, Массеуса и Иоанна, друга Эгидія, и брата Вернарда Квинтавалле. Однако же они имѣли намѣреніе не составить самостоятельную легенду, а только дать добавленія къ уже существующей, повинуюся приказанію послѣдняго генеральнаго капитула всѣмъ братьямъ, чтобы всякій, кто можетъ разсказать что-нибудь достовѣрное о блаженномъ Францискѣ, представилъ эти свѣдѣнія генералу (*Tres socii*, *Acta S. S. II*, 723). И дѣйствительно ихъ книга при всѣхъ своихъ другихъ преимуществахъ не есть самостоятельное произведеніе. Три брата положили въ основу старѣйшую легенду; это ясно не только изъ одинаковаго хода разсказа, но они заимствуютъ также цѣлыя фразы изъ Челано. Недостатка въ чудесахъ нѣтъ и у нихъ, хотя въ предисловіи они говорятъ, что не чудеса дѣлаютъ святого, а святой дѣлаетъ чудеса (*Acta S. S. II*, 723. *Non contenti narrare solum miracula quae sanctitatem non faciunt sed ostendunt*). Въ сравненіи съ Челано здѣсь берутъ перевѣсъ видѣнія и сновидѣнія. Юность Франциска *Tres socii* описываютъ въ болѣе мягкихъ краскахъ, чѣмъ въ первой легендѣ, которая хотѣла подѣйствовать контрастомъ, и для этого отца Франциска они рисуютъ какъ можно непривлекательнѣе. Однако эта вторая исторія юности не становится отъ того правдоподобнѣе. Ея герой обращается съ деньгами, какъ мотъ на театральныхъ подмосткахъ; какъ бы часто ни раздавалъ онъ платья и не опораживалъ карманы, у него всегда новыя платья и полныя кошельки. Призывъ къ постройкѣ церкви теперь дѣлается лично Распятымъ, что опять-таки есть усиленіе чудеснаго элемента (*Tres socii*, *Acta S. S. II*, 727). Особенно живо напротивъ и весьма правдоподобно разсказаны первыя миссіи, о которыхъ мы получаемъ отчетливое представленіе. Къ сожалѣнію, до насъ книга дошла лишь въ сокращенномъ и, быть можетъ, также и въ иныхъ отношеніяхъ искаженномъ видѣ. Послѣ разсказа объ исторіи юности (*Acta S. S. II*, 727 § 14) изложеніе непосредственно переходитъ уже къ фактамъ изъ послѣднихъ дней жизни Франциска, которые пожалуй перенесены сюда изъ выпущенной части книги. Далѣе разсказъ опять возвращается къ исторіи юности, но на 1220 г. онъ вновь прерывается. Послѣ переговоровъ святого относительно назначенія кардинала Гуго изъ Остіи протекторомъ ордена дается характеристика его папства (1227 г.), непосредственно вслѣдъ затѣмъ разсказывается въ напыщенномъ послѣсловіи о послѣднихъ дняхъ жизни святого. Въ томъ видѣ, какъ она есть, эта книга—руина съ временной крышей. Такъ какъ шести послѣднихъ главъ недостаетъ въ древнемъ итальянскомъ переводѣ (ср. относительно этого Сабатъе, св. Францискъ LXV), то эти главы, какъ показываетъ также ихъ сокращенный разсказъ, были реставраціею торсо, сдѣланною чужою рукою. Однако содержаніе потерянныхъ главъ можетъ быть указано инымъ путемъ. Эта книга, по собственнымъ ея словамъ, была

составлена въ монастырѣ Греччіо, и ея главнымъ авторомъ былъ, по свидѣтельству Салимбене, братъ Левъ. Разказы позднѣйшихъ писателей о празднованіи Рождества Христова въ Греччіо, о жизни святого въ долинѣ Ріэти и о пребываніи Франциска на горѣ Альверно, гдѣ братъ Левъ былъ его спутникомъ, заимствованы изъ утраченной части этой книги, такъ что содержаніе разказа можетъ быть по крайней мѣрѣ пополнено изъ Челано II, Бонавентуры, Speculum и Фіоретти; къ нимъ затѣмъ можно прибавить еще сочиненія Убертино да Казале и *historia tribulationum* Анджело да Кларено, которыми также пользуются *Tres socii*. Такъ какъ строгое распоряженіе позднѣйшаго генерала Бонавентуры приказало уничтожить всѣ древнѣйшія легенды, то легко понять, почему до насъ дошелъ только отрывокъ изъ *Tres socii*.

Также и Тома Челано, повинувшійся требованію генеральнаго капитула, составилъ второе жизнеописаніе, соотвѣтствующее теперешнему положенію вещей (См. предисловіе: *La vita Seconda di Francesco d'Assisi*. Ed. Atoni. Roma 1880. Стр. 4 сл.). Посвящается новая книга генералу Кресценцію (1244—1247), и въ предисловіи льстиво сказано, что одно имя генерала уже означаетъ для общины *floreat, crescat*. Челано сознавалъ, что ему предстоитъ весьма тяжелая задача; это доказываютъ многочисленныя оговорки, извиненія и просьбы о наставленіи, которыми онъ начинаетъ. Если сдѣланныя измѣненія недостаточны, то онъ вполне готовъ предпринять дальнѣйшія. Великіе поэты не всегда бываютъ также великими характерами. Съ первой легендой въ литературномъ отношеніи вторую нельзя и сравнивать. Поэтической языкъ уступилъ мѣсто частью сухому, частью умилительно-назидательному изложенію. Точно такъ же авторъ невольно предполагаетъ извѣстную свою прежнюю книгу и потому разказы, ваетъ біографію нѣсколько отрывочно. Переработка исторіи юности прямо указываетъ, почему первая *vita* не отвѣчала больше желаніямъ начальства ордена. Хотѣлось болѣе образцоваго святого и еще болѣе чудесъ. Челано приравнивается къ этому требованію, объявляя, что объ этихъ новыхъ чудесахъ онъ узналъ лишь послѣ изданія своей первой книги. (*Vita II*, стр. 6). На самомъ дѣлѣ, новыя добавленія показываютъ, что они возникли болѣею частью въ позднѣйшую стадію развитія ордена, когда у ордена явились другія потребности и болѣе высокое чувство самосознанія. Теперь, послѣ быстрого развитія ордена, мать святого, „вторую Елисавету“, заставляютъ уже пророчествовать о сынѣ, который, подобно Аврааму, будетъ отцомъ многихъ народовъ и назовется Джованни, подобно Іоанну Крестителю, ибо между рожденными женами не возставалъ болѣе великій основатель ордена. Какъ Креститель, находясь еще во чревѣ матери, такъ Джованни, будучи еще въ этомъ мірѣ, предрекалъ свое будущее величіе. Въ первой легендѣ было отведено много мѣста исторіи легкомысленной юности Франциска, и это не понравилось; теперь же бездѣльникъ превращается въ жизнерадостнаго юношу, о которомъ никто не хочетъ вѣрить, что онъ сынъ своихъ родителей. Даже самый сомнитель-

ный поступокъ юнаго мота, продажа отцовскихъ тюковъ съ сукнами (стр. 20) находитъ извиненіе въ томъ, что самъ Распятый со своего креста далъ ему приказаніе: „Францискъ, возстанови домъ Мой, который, какъ ты видишь, готовъ совсѣмъ разрушиться“, повелѣніе, которое Францискъ отнесъ къ ветхому храму св. Даміана, но которое по существу своему уже указывало на возстановленіе самой церкви, которое приписывали себѣ съ тѣхъ поръ минориты (Vita П, стр. 20). Любовь святого къ французскому языку, что дало ему имя Франциска, теперь, послѣ того, какъ орденъ именно во Франціи имѣлъ наибольшій успѣхъ, оказывается пророческимъ. „Всегда, когда онъ исполнялся духа, онъ говорилъ по-французски, зная заранѣе, что этотъ народъ будетъ его почитать больше всякаго другого народа“ (стр. 26). „Онъ любилъ особенно Францію за ея почитаніе тѣла Христова и желалъ лучше умереть тамъ, потому что тамъ высоко чтятся святыни“ (стр. 284). И новый генераль Іоаннъ Пармскій имѣлъ тамъ наибольшій успѣхъ и раздѣлялъ эту точку зрѣнія. Событіямъ въ Гречію и въ долину Ріати теперь отводится больше мѣста (стр. 58, 96, 240), потому что Челано имѣетъ передъ собою трудъ, составленный тремя братьями въ монастырѣ Гречію. Но прежде всего очевидно, что новая обработка имѣетъ въ виду исключительно интересы побѣдоносной строгой партіи, какъ прежняя вторила мнѣнію Иліи, имѣвшаго тогда большое вліяніе. Имя спиритуала теперь почетное имя и означаетъ настоящаго минорита, ставшаго господиномъ тѣла своего (стр. 290). Въ первой легендѣ Ілія — излюбленный сынъ и истинный преемникъ святого, котораго послѣдній самъ выбираетъ преемникомъ и назначаетъ себѣ викаріемъ, теперь же Ілія, такъ восхваляемый раньше, совершенно исчезаетъ изъ исторіи святого, какъ будто его никогда и не было. Францискъ вообще будто бы избѣгалъ кого-либо называть генераломъ. Челано заставляетъ святого лишь набросать идеальный образъ настоящаго генерала (стр. 260), и этотъ образъ во всемъ есть противоположность тому, чѣмъ былъ Ілія. Онъ долженъ быть всѣми любимъ, не имѣть любимцевъ, утромъ слушать мессу, быть доступнымъ для каждаго, столько же пещись о самыхъ меньшихъ, какъ и о сильныхъ, хорошо, если онъ будетъ знатокомъ писанія, но выше всего онъ долженъ ставить благочестіе; онъ долженъ проклинать деньги, какъ пагубныя для ордена, основывающагося на бѣдности; къ заблуждающимся долженъ быть милосерднымъ. Онъ не долженъ гнаться за почестями, и, если тѣлесная слабость не позволяетъ ему поститься, пусть онъ открыто удовлетворяетъ свои потребности, а не тайно, для того чтобы и другіе больные безбоязненно могли дѣлать то же, что и онъ. Сатира на Ілію здѣсь слишкомъ ясна, однако имя его не названо. О человѣкѣ, перешедшемъ на сторону Гогенштауфеновъ и отлученномъ отъ церкви, даже не слѣдовало и упоминать. Вмѣсто него, какъ викарій, выводится чаще Петръ деи Катани (стр. 93, 98), и ему отводится то мѣсто, которое занималъ въ первой легендѣ Ілія. Самого же Франциска новое жизнеописаніе причисляетъ прямо къ рев-

нителемъ (стр. 294). Францискъ былъ ревнителемъ устава и тѣмъ, которые ревнуютъ о немъ, далъ свое особое благословеніе (стр. 294). Онъ ставилъ ученикамъ въ образецъ мучениковъ, умершихъ съ уставомъ въ рукахъ (стр. 294). Какъ просфора относится къ хлѣбу, такъ уставъ къ библейскому слову. „*Micae ranum verba evangelica sunt, hostia regula*“ (стр. 296). Если въ первой *vita* въ самыхъ живыхъ краѣскахъ рисуются отношенія его къ кларисьянкамъ, то во второй Францискъ ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ къ себѣ ни Клары Шифи, ни другихъ женщинъ (стр. 168, 288). Заповѣдь безусловной бѣдности онъ истолковывалъ совершенно въ духѣ ревнителей. Ни одинъ братъ не долженъ даже брать въ руки монеты. Цѣлыхъ тридцать семь разсказовъ и рѣчей, гдѣ говорится о всемъ монастырскомъ обиходѣ, посудѣ, книгахъ, постеляхъ, деньгахъ, пищѣ, собираніи милостыни и подаванія, посвящены защитѣ самой строгой точки зрѣнія ревнителей (стр. 96 сс.). Такое полное подчиненіе матеріала точкѣ зрѣнія побѣдившей партіи и явное приспособленіе разсказа къ цѣлямъ ревнителей заставляютъ сомнѣваться въ вѣрности его историческаго характера. Помимо того *vita secunda* очень свободно обращается также со всѣми датами; это видно изъ того факта, что отреченіе Франциска отъ должности генерала она относитъ къ тому времени, когда организованнаго ордена еще не существовало (стр. 93). Точно такъ же поѣздка Франциска къ Гонорію III разсказывается такъ, чтобы умышленно скрыть истину. Черезъ Юрдануса Джіано мы знаемъ, что во время путешествія Франциска на востокъ орденъ былъ близокъ къ распаденію въ силу личныхъ стремленій нѣкоторыхъ вожаковъ. Челано описываетъ этотъ кризисъ въ картинныхъ, но весьма туманныхъ и общихъ выраженіяхъ. *Vita II, 40*: „Многіе неистовствовали, подобно волкамъ, надъ маленькой паствой, и Франциску также было предсказано духомъ, что среди самихъ братьевъ могутъ нарушиться миръ и единство“. Въ сновидѣніи онъ видитъ самого себя какъ насѣдку, которая не можетъ уже собрать всѣхъ цыплятъ подъ своими крыльями, такъ что многіе безпомощно жмутся къ ней. Поэтому онъ хочетъ идти въ Римъ и тамъ искать у церкви защиты, которой онъ не въ состояніи уже оказать своимъ многочисленнымъ сынамъ. Итакъ, лишь пророческое предчувствіе заставило святого предпринять путешествіе въ Римъ; о томъ, что орденъ, какъ намъ это извѣстно черезъ Юрдануса Джіано, былъ близокъ къ распаденію и лишь силою папскаго авторитета былъ снова восстановленъ, объ этомъ Челано не говоритъ ни слова. При такихъ условіяхъ разумѣется вовсе нельзя утверждать, чтобы вторая книга Челано была ближе къ исторической истинѣ, чѣмъ первая. Онъ лишь перекрашиваетъ изложеніе въ духѣ побѣдившихъ ревнителей, которые вновь вошли въ силу при Кресценціи и захватили власть въ лицѣ Іоанна Пармскаго. Но даже и въ этомъ видѣ произведеніе Челано еще не удовлетворило генеральнаго капитула.

Вмѣсто генерала Кресценція выступаетъ въ 1247 году столь любимый Іоаннъ Пармскій, принадлежавшій къ самой строгой группѣ и бывший рев-

ностнымъ послѣдователемъ аббата Іоахима. По словамъ *Chronicon XXIV generalium* (*Acta S. S.* ук. м. § 47, 10 сс.), Тома получилъ приказаніе отъ новаго генерала еще разъ пополнить свою *vita* (Ср. Ehrle, къ изслѣдованію источниковъ для древнѣйшей исторіи францисканцевъ въ *Zeitschrift für kath. Theologie* VII, стр. 394 n. s. Сабатье, въ ук. м. LXXVI); такъ какъ-де Челано даетъ, правда, болѣе подробныя свѣдѣнія объ образѣ жизни и рѣчахъ святого, но не о чудесахъ его. Раньше онъ сильно изукрасилъ чудесами исторію юности, теперь онъ долженъ прикрасить ими миссіи. Челано или самъ весьма дѣятельный въ литературѣ генераль вставляютъ этотъ новый трудъ между теперешней первой частью, рассказывающей жизнь Франциска до его поѣздки къ Гонорію III, и между теперешней третьею частью, преимущественно передающей рѣчи святого. Матеріалъ для этихъ новыхъ мемуаровъ, составляющихъ теперь ядро книги (стр. 46—90), Челано черпаетъ изъ свѣдѣній, доставленныхъ по требованію Кресценція старѣйшими братьями въ ихъ воспоминаніяхъ о Францискѣ. Эту вставку объясняется также неравномѣрное распредѣленіе матеріала. Послѣ того какъ Челано рассказалъ біографію до поѣздки въ Римъ къ Гонорію III, во второй части приводится множество мелкихъ рассказовъ; ими авторъ обязанъ приказанію, данному капитуломъ старѣйшимъ братьямъ, представить свои воспоминанія. Эти рассказы почти не имѣютъ поэтической окраски *vita prima* или очень мало, но они цѣнны для насъ, потому что свидѣтельствуютъ о тѣхъ совсѣмъ мірскихъ столкновеніяхъ съ дѣйствительностью, въ которые повергла братьевъ попытка вести жизнь на подобіе серафимовъ. „Что намъ ѣсть и что пить?“ тутъ играетъ большую роль. Неуживчивость, ипохондрія, вѣра въ свою непогрѣшимость и высокоуміе тѣхъ, которые считали себя особенно святыми, нарушаютъ миръ во всѣхъ монастыряхъ. Францискъ пытается осуществить абсолютную бѣдность, но наконецъ и онъ подчиняется необходимости. Его пророчества, которыя по своей неясности какъ-либо должны были исполниться, показываютъ извѣстнаго рода наивное лукавство; когда же по просьбѣ онъ даритъ свои обрѣзанные ногти или автографы, какъ предохраняющія реликвіи, то тутъ проглядываютъ черты, вовсе не согласующіяся съ идеальнымъ образомъ смиренія и скромности во второй и третьей части, но тѣмъ болѣе онѣ, по всей вѣроятности, вѣрны исторически. Отдѣльные рассказы рисуютъ простодушнаго нищенствующаго монаха проникательнымъ знатокомъ человѣческаго сердца; наказанія, налагаемая имъ, полны юмористической злобы. Въ другихъ главахъ *vita secunda* сообщаются такія же менѣе ангельскія черты. Братья, навлекшіе на себя его гнѣвъ, должны ѣсть навозъ, выносить деньги губами, бѣжать нагими по снѣгу; онъ ихъ бранитъ такъ, что Челано не отваживается повторить его словъ. Чѣмъ меньше Челано перерабатываетъ эти рассказы, пользуясь ими, тѣмъ они исторически цѣннѣе, но тогда они замѣтно выходятъ изъ рамокъ того изображенія святого, которое даетъ самъ Челано. Въ этомъ смыслѣ конечно можно сказать, что вторая *vita* въ

историческомъ отношеніи дѣнѣ поэтически настроенной первой, однако самое важное свѣдѣніе, какое мы почерпаемъ изъ нея, это лишь то, какъ мало значила для автора историческая правда. Если въ первой легендѣ онъ говорилъ въ духѣ менѣе строгаго направленія, то теперь онъ становится горячимъ ревнителемъ въ духѣ Іоанна Пармскаго. При этомъ ясно, что Челано не только перерабатываетъ данный ему матерьялъ согласно требованіямъ своей партіи, но и намѣренно измышляетъ цѣлые рассказы. На каждый спорный вопросъ у него есть примѣръ изъ жизни святого. Во второй легендѣ Челано Францискъ въ вопросѣ о монастыряхъ такъ же далеко уклоняется отъ первоначальной идеи, какъ это дѣлали сами строгіе братья; онъ допускаетъ постоянныя жилища, если только они не становятся официально собственностью братьевъ (стр. 32, 94, 96). Чудесныя исторіи о томъ, какъ плохо пришлось тому или другому брату, нарушившему запрещеніе спиритуаловъ прикасаться къ монетамъ, безъ сомнѣнія, выдумки Челано и его друзей (стр. 104). Такъ какъ послушники съ трудомъ преодолевали отвращеніе къ тягостному сбору подаянія, то въ цѣломъ рядѣ рассказовъ Францискъ даетъ новичкамъ примѣръ, какъ должно преодолевать этотъ стыдъ нищенства смиреніемъ и юморомъ (стр. 112—116, 120). Рассказы, подобные рассказу о томъ, какъ Францискъ прогоняетъ людей, оставившихъ свое имущество роднымъ вмѣсто того, чтобы раздать его бѣднымъ, и называетъ ихъ ворами, обокравшими бѣдняковъ (стр. 124, 126), выдуманы лишь потому, что ордену вовсе не желательны такіе поступки, ибо орденъ становился популярнѣе, если приобрѣтеніе имъ каждаго новаго члена веле за собою въ то же время большое пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ. Но эти рассказы идутъ прямо въ разрѣзъ съ волею Франциска. Его уставъ напротивъ предписываетъ, чтобы вновь поступающіе совершенно свободно распоряжались своею собственностью; начальство ордена не должно вмѣшиваться въ эти мірскія суетныя дѣла. Да и сама вторая легенда рассказываетъ также, что Францискъ охотнѣе искалъ вспомошествованія иными путями и никогда не заявлялъ какого-либо притязанія на имущество вновь поступающихъ (стр. 126). Также отдѣльные примѣры благотворительности, рассказываемые второю легендою, не чужды противорѣчій. Если почти въ каждой главѣ Францискъ отдаетъ свой плащъ, то спрашивается, откуда берутся у него постоянно новые плащи для подарковъ. Если же, взамѣнъ отданныхъ, онъ тотчасъ получаетъ новые, тогда его щедрость теряетъ всякую цѣну. Поразительно кратко передаетъ Челано объ участіи святого въ неудавшемся папскомъ крестовомъ походѣ, которое однако для современниковъ было такъ важно. Онъ рассказываетъ (стр. 50) по новымъ источникамъ лишь о предсказаніи Франциска, что христіане потерпятъ пораженіе у Даміатты, если они дадутъ сраженіе въ назначенный ими день, о чемъ Іорданусъ ничего не упоминаетъ, да и самъ Челано не говоритъ о томъ ничего въ первой легендѣ. О порицаніи христіанскаго войска, предводительствуемаго папскимъ легатомъ, Челано предпочи-

таетъ умолчать. Какъ въ другихъ мѣстахъ говорится объ особенной симпатіи святого къ французамъ, такъ здѣсь объ его особомъ сочувствіи храбрымъ испанцамъ, *captatio benevolentiae*, цѣль этого заискиванія весьма ясна. Несомнѣнно, фізіономія святого изображается здѣсь менѣ мягкими чертами, чѣмъ въ первой легендѣ. Онъ налагаетъ тяжелыя и неопратныя наказанія (стр. 104, 222, 258, 250, 290, 102—103), бранится въ неслыханныхъ выраженіяхъ (стр. 104, 256, 258, 230, 290) и не отступаетъ отъ своего мнѣнія даже передъ вмѣшательствомъ куріи. Такъ какъ Челано самъ по себѣ имѣетъ сильную склонность къ минорнымъ аккордамъ, то мы должны допустить, что именно эти мѣста, написанныя въ мажорномъ тонѣ взяты изъ сообщеній старѣйшихъ братьевъ и согласны съ исторической правдой. Но они значительно измѣняютъ весь типъ Франциска. Къ произвольно вымышленнымъ частямъ этой книги мы относимъ также, несмотря на все, что въ недавнее время говорилось въ защиту ея, исторію о встрѣчѣ Франциска съ Доминикомъ, рассказъ, безъ сомнѣнія обязанный своимъ происхожденіемъ. официально заключенному договору между обоими орденами и всего яснѣе показывающій, съ какою откровенностью передѣлывалась легенда, смотря по требованіямъ времени. Въ первой *vita* Челано ничего не извѣстно о какихъ-либо отношеніяхъ святыхъ другъ къ другу, точно такъ же, какъ и тремъ братьямъ. Легенда Бонавентуры равнымъ образомъ ничего не рассказываетъ о подобной встрѣчѣ. Но во время раздоровъ между обоими нищенствующими орденами оба генерала съ той и другой стороны, Гумбертъ и Іоаннъ Пармскій, издали въ 1255 году общее окружное посланіе, въ которомъ они напоминаютъ монахамъ, что оба основателя орденовъ были двумя „великими свѣточами“, свѣтившими народамъ, обреченнымъ смерти; два херувима, взирающіе другъ на друга, думая однѣ думы и простирая свои крылья надъ народомъ; двѣ груди невѣсты, у которыхъ будутъ питаться младенцы; два свидѣтеля Апокалипсиса, проповѣдующіе во вретисщѣ (*Wadding. annal.* III, 380 сл.). Также Бонавентура, ничего не рассказывающій о встрѣчѣ обоихъ святыхъ въ своей легендѣ, при вступленіи своемъ въ должность генерала въ 1257 году еще разъ строго напоминаетъ объ этомъ окружномъ посланіи. Въ немъ говорится: „О, какого примѣра взаимной любви и миролюбія требуютъ отъ насъ наши отцы, св. Францискъ и св. Доминикъ, и всѣ наши первые отцы, которые при жизни такъ нѣжно любили другъ друга и дали такія искреннія доказательства нѣжности. Они взаимно взирали другъ на друга, какъ на ангеловъ, и принимали другъ друга, какъ Христа“. Съ тою же самою цѣлью—примирить враждующіе ордена ссылкой на мнимую дружбу ихъ основателей,—Челано сочиняетъ въ своей *vita secunda* рассказъ о встрѣчѣ обоихъ святыхъ у кардинала изъ Остіи (*Vita II*, стр. 212 сл.), гдѣ они соперничаютъ другъ съ другомъ въ услужливости, и Доминикъ выпрашиваетъ себѣ на память веревку св. Франциска. Елейныя рѣчи, съ которыми, совершенно въ духъ тогдашняго генерала Іоанна Пармскаго, Че-

лаво обращается при этомъ случаѣ къ сынамъ обоихъ святыхъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ рассказъ Челано имѣетъ цѣлью призвать къ миру враждующіе ордена. Онъ осуждаетъ также ихъ погону за епископствами и церковными санами, рассказывая, какъ смиренно отклонили оба основателя орденовъ предложеніе кардинала изъ Остіи сдѣлать изъ ихъ братьевъ епископовъ и прелатовъ.

Итакъ, оказывается, что вторая легенда представляетъ собою переработку первой въ интересахъ строгой партіи. Относительно же легенды *Бонавентуры* самъ капитуль ордена заявилъ, что эта легенда должна считаться канонической, прежнія же вообще должны быть отброшены, такъ какъ слабая партія обыкновенно брала свое оружіе изъ *vita prima*, строгая изъ легенды трехъ братьевъ и *vita secunda*. Въ 1257 году, когда послѣдователь аб. Іоахима Іоаннъ Пармскій былъ низложенъ, послѣдовалъ строгій судъ надъ вожаками спиритуаловъ, навлекшими на себя страшный гнѣвъ бѣлаго духовенства и куріи одностороннимъ прославленіемъ монашества въ своемъ „вѣчномъ евангеліи“. Бонавентура, жестоко принявшійся по порученію папы искоренять зловредныя послѣдствія пророчества Іоахима, также счелъ неизбѣжной новую обработку легенды ордена. Она была поручена на генеральномъ капитулѣ въ Нарбоннѣ въ 1260 г. самому новому генералу. Бонавентура исполнилъ возложенное на него порученіе весьма искусно, опытной рукой, но нѣсколько дѣловымъ образомъ. Онъ бѣгло рассказываетъ содержаніе болѣе древнихъ легендъ, но обходитъ все, что не подобаетъ официальному святому. Франциска, вѣтренаго юношу, который навлекаетъ на себя справедливый гнѣвъ отца, онъ превращаетъ въ мальчика, уберегшагося отъ грѣха даже среди легкомысленныхъ окружающихъ; онъ живетъ въ кругу корыстолюбивыхъ купцовъ, и однако никогда его сердце не было привязано къ благамъ этого міра, такимъ образомъ уже съ дѣтства онъ подаетъ большія надежды (*Acta S. S. II, 744*). Это весьма противорѣчитъ воспоминаніямъ Челано (стр. 707: „*In via Dei parum vel nihil institutus, in natali simplicitate ac vitiorum fervore tempore non raucio perdurans*“, etc). То, что вначалѣ рассказывалось просто, естественно, безъ колебаній переиначивается теперь, въ чудесное. Такъ какъ по смерти Франциска, послѣдовавшей 4-го октября 1226 г., и послѣ его канонизаціи Григоріемъ IX число рассказовъ о странномъ святомъ, особенно исторіи о чудесахъ разрослись необычайно, то именно эти элементы и усиливаетъ новая официальная біографія до пресыщенія. Уже до выступленія Франциска всевозможныя предсказанія указываютъ на будущее его величіе (*Acta S. S. II, 744*). Прокаженный у дороги, впервые тронувшій сердце юноши, есть самъ Христосъ (*Ibidem 745*). Рассказывается видѣніе священника Сильвестра у церкви св. Даміана; отвратительная же жадность, съ которою тотъ сначала докучаетъ Франциску и Бернарду съ вымышленными притязаніями, напротивъ, обходится Бонавентурой (*Acta S. S. II, 749*), потому что Сильвестръ потомъ былъ однимъ изъ отцовъ общины. Далѣе

на возвратномъ пути изъ Рима братья были чудесно насыщены божественнымъ вѣстникомъ (стр. 750); колесница Иліи появляется въ ночь передъ тѣмъ, какъ Францискъ проповѣдуетъ въ соборѣ въ Ассизи (стр. 751, 779); у Порціункулы во время одной проповѣди Автонія Падуанскаго былъ виденъ въ воздухѣ Францискъ съ распростертыми руками, благословляющій братьевъ (стр. 752). Уставъ онъ пишетъ, какъ Моисей свои скрижали завѣта, на священной горѣ, куда онъ беретъ, подобно Христу, двухъ учениковъ (Bonaventura p. 753). Онъ превратилъ, подобно Іисусу Христу воду въ вино (стр. 756) и тьму въ дневной свѣтъ (стр. 756). Онъ, подобно Моисею, заставляетъ воду течь изъ скалы (стр. 762); трещина въ одномъ домѣ закрывается, когда владѣлецъ его, врачъ, вложилъ въ нее волосъ Франциска, пожалованный ему святымъ какъ гонораръ (стр. 761). Корабельщики, не хотѣвшіе взять его съ собою, такъ какъ у него не было провіанта, подъ конецъ прокармливаются имъ изъ его нищенской суммы (стр. 767). Однѣ и тѣ же исторіи рассказываются въ различныхъ видахъ много разъ; короче, Бонавентура громоздитъ чудо на чудѣ, такъ что его біографія заканчивается сухимъ перечнемъ знаменій; этотъ перечень представляетъ собою вѣроятно результатъ прежнихъ опросовъ, подобно тому какъ при Григоріи IX были официально собраны рассказы о чудесахъ святой Елисаветы. Въ этомъ ореолѣ чудотворца пропадаютъ индивидуальныя черты человѣка; и, если бы ученому генералу ордена удалось осуществить свое намѣреніе и уничтожить всѣ древнія біографіи въ пользу своей, то это было бы самою плохую услугою, которую только можно было оказать памяти святого. Самый же фактъ этой попытки есть доказательство того, какую роль играла церковная политика при составленіи этой послѣдней легенды. На это указываетъ также тотъ многозначительный фактъ, что Бонавентура ни разу даже не упоминаетъ о завѣщаніи Франциска, которое служить теперь программой для ревнителѣй; тогда какъ для Челано и трехъ братьевъ оно было главнымъ источникомъ. Если новая легенда превосходитъ предыдущія плавностью разсказа и болѣе искуснымъ изложеніемъ, то несомнѣнно все же, что она построена исключительно на письменномъ матеріалѣ и чужихъ преданіяхъ и вовсе не черпаетъ уже изъ личныхъ воспоминаній. Установленіе, что именно должно считать исторіей святого, казалось лишь дѣломъ удобства ордена, и потому генеральный капитулъ подъ предсѣдательствомъ Бонавентуры предписываетъ теперь, чтобы всѣ древнѣйшія легенды о святомъ были уничтожены, такъ какъ онѣ служили авторитетами, на которыхъ ссылалась оппозиція ревнителѣй. Р. Rinaldi приводитъ буквальный текстъ въ своемъ предисловіи къ легендѣ Фомы Челано. *Seraphici Viri Francisci vitae duae.* p. XI. Онъ гласитъ: „Item praecipit Generale capitulum per obedientiam quod omnes legendae de B. Francisco olim factae deleantur et ubi inveniri poterant extra ordinem ipsae fratres studeant amovere, cum illa legenda quae facta est per generalem sit compilata prout ipse habuit ab ore illorum qui cum

B. Francisco quasi semper fuerunt et cuncta certitudinaliter sciverint et probata ibi sint posita diligenter“. Изъ монастырей должны быть изгнаны легенды, укоряющія орденъ вѣрнымъ изображеніемъ того времени, когда еще соблюдались принципы, отъ которыхъ теперь минориты отступили, и которыхъ не одобряетъ курія. Чѣмъ сильнѣе былъ контрастъ между тѣмъ временемъ и настоящимъ, тѣмъ менѣе были желательны напоминанія о немъ. Какъ завѣщаніе основателя, такъ и древнія легенды были свидѣтельствами въ пользу строгаго направленія, и потому генеральный капитуль 1266 года приказываетъ въ силу долга послушанія, чтобы все прежнія легенды о св. Францискѣ были уничтожены, а гдѣ онѣ встрѣтятся внѣ ордена въ чужихъ рукахъ, вытѣснять ихъ, ибо полная истина содержится въ новой легендѣ. Дѣйствительно, біографія, написанная этимъ *doctor segraphicus*, надолго вытѣснила болѣе древнія произведенія, но именно поэтому она дала мѣсто новымъ попыткамъ. Тщетно властный эдиктъ Бонавентуры запрещалъ „прять шелковичному червю“. Въ своей собственной средѣ орденъ скрывалъ множество поэтическихъ талантовъ, времени для сочинительства у нихъ было сколько угодно, и оригинальная личность Франциска представляла слишкомъ сильный соблазнъ для нихъ. Такъ цѣлое богатство остроумныхъ вымысловъ, но и цѣнныхъ воспоминаній и рассказовъ находимъ мы въ *Fioretti di San Francesco* (Ed. Amoni, Roma 1889), въ которыхъ уже упоминается умершій въ 1270 году Людовикъ IX (Сар. 34), и которые, конечно, лишь въ 14-мъ столѣтіи были обработаны въ своемъ настоящемъ видѣ. Несмотря на то, біографическій элементъ носить иногда характеръ вѣрнаго преданія: горизонтъ умбрійскихъ горъ и марки Анконы, въ которыхъ происходятъ рассказанные факты, есть также ихъ горизонтъ. Такъ что эта книга содержитъ преданіе, сложившееся близко къ мѣсту дѣятельности и сохранившее по крайней мѣрѣ истинную окраску древняго францисканства. Въ ней рассказывается, что было извѣстно о Францискѣ въ народѣ и общинѣ, и, если эти рассказы часто легендарны, они все же составлены не съ столь намѣренной тенденціей, какъ офиціальная легенда. Отцовъ ордена окружаетъ уже ореолъ святости. Какъ Францискъ пережилъ жизнь Иисуса, Христа, такъ ученики его—жизнь апостоловъ. Подобно тому, какъ ученикамъ въ Эммауѣ является Христось, такъ имъ является ихъ учитель, и они узнаютъ его по стигматамъ; нѣкій невѣрующій Тома вразумляется его явленіемъ; Господь даетъ ученикамъ вѣщать по наитію Святого Духа и способность говорить на различныхъ языкахъ; есть также и Иуда, который покончилъ съ собою повѣсившись (Сар. 1). Это собраніе назидательныхъ рассказовъ изъ жизни святого и его апостоловъ служить прекраснымъ памятникомъ того духа любви, которымъ была проникнута вся личность Франциска. Образы отцовъ идеализированы, при чемъ они какъ братья до нѣкоторой степени близкіе сотоварищи и потому вездѣ называются „наши“.

Завершеніе этого идеализующаго процесса представляют собою *Liber conformitatum*, въ которой Вареломей Альбикъ, магистръ богословія въ Пизѣ, ок. 1385 года (Ed. Buschius. Bononiae 1590) вполне систематически проводитъ сорокъ аналогій изъ жизни Иисуса Христа и жизни святого Франциска, и *Speculum, beati Francisci et Sociorum ejus* отъ 15-го столѣтія, широко распространенное евангеліе францисканцевъ; это—книги, по словамъ Эразма Альбера, которыя были найдены въ такихъ монастыряхъ, гдѣ не было даже библіи (см. предисловіе къ изданію Лютера). Духъ нищенствующихъ орденовъ оставилъ по себѣ въ этихъ позднѣйшихъ переработкахъ легенды характерный памятникъ, но можно еще изъ этихъ позднѣйшихъ разсказовъ почерпнуть историческія свѣдѣнія о святомъ тринадцатаго столѣтія: древнѣйшіе документы и отрывки то тутъ, то тамъ выступаютъ и въ нихъ, какъ, напримѣръ, въ *Speculum* выдержки изъ *Tres socii*, которыя все еще приводятся со словами: „*nos qui cum ipso fuimus*“.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

БОРЬБА ЗА БЪДНОСТЬ.

Если пребудете въ словѣ моемъ, то
вы истинно мои ученики.

Ев. отъ Іоанна, 8, 31.

Монашествующій орденъ, возникшій изъ братства кающихся въ Ассизахъ, прежде всего имѣлъ то преимущество для церкви, что онъ въ большей степени, чѣмъ древнія конгрегаціи, принималъ во вниманіе соціальныя задачи, которыя ставило новое время. До крестовыхъ походовъ средневѣковый міръ былъ аграрнымъ міромъ. Господа и рабы, свободные и несвободные противостоятъ другъ другу, ихъ объединяетъ лишь общая зависимость отъ земледѣлія. Въ кругу этихъ аграрныхъ интересовъ заняли свое положеніе также древніе ордена съ ихъ большою земельною собственностью. Для населенія они были владѣльцами монастырей и землевладѣльцами. Цѣлыя столѣтія исторія не выходила изъ этого простого круга. Но, благодаря открытію Азіи и Африки во время крестовыхъ походовъ, развиваются, особенно въ Италіи, всемірныя сношенія, городская жизнь, торговля, промышленная жизнь, чему уже больше не отвѣчаютъ древніе ордена, основанные на аграрныхъ интересахъ и сросшіеся съ ними. Пышный расцвѣтъ торговли и промышленности имѣлъ слѣдствіемъ сильное умноженіе пролетаріата. Въ большихъ приморскихъ и торговыхъ центрахъ бѣдность и богатство очутились лицомъ къ лицу и глядѣли, какъ никогда раньше, прямо въ глаза другъ-другу. Церкви предстояли новыя задачи, которымъ не удовлетворяли уже ни древніе ордена, ни регулярное духовенство. Владѣтели монастырей, обремененные земельною собственностью, всюду стояли на сторожѣ господъ, такъ что мелкій горожанинъ и простолюдинъ искалъ себѣ назиданія въ темныхъ переулкахъ и на задворкахъ у религіозныхъ кружковъ и сектантовъ. Изъ этихъ-то условій развились въ Верхней Италіи религіозныя ассоціаціи рабочихъ, вошедшія въ сношенія съ вальденцами, и катары проникли даже въ замки знати. Силы церкви были недостаточны для духов-

наго попеченія въ большихъ городахъ съ ихъ ежедневно возрастающимъ пролетаріатомъ, а имѣющіяся налицо силы были непривычны заглядывать въ такіе углы. Именно тутъ и нашли ученики св. Франциска настоящую почву для своей дѣятельности. Монастыри, которые Францискъ допустилъ какъ скиты, переносятся теперь все чаще и чаще въ города, гдѣ братьямъ предстояло всего больше дѣла. Строгая партія въ орденѣ сожалѣетъ объ этомъ *evagasio per plateas et forum* ¹⁾, объ оставленіи скитовъ и о построеніи большихъ монастырей и францисканскихъ церквей среди шумной мірской суеты; но власти охотно идутъ навстрѣчу миноритамъ, потому что ихъ требованія не велики, и самая низкая работа для нихъ пріятнѣе всего. Со своею нищенскою сумою и постояннымъ кочеваніемъ минориты стоятъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ облѣбнившееся духовенство и разбогатѣвшіе монахи старыхъ орденовъ. Минориты особенно годились для духовнаго попеченія среди самаго низшаго слоя общества, который въ то время повсюду грозно поднялъ голову. Нѣкоторое время и высшему духовенству было также очень пріятно, что эти услужливые странствующие монахи сняли съ него тягостныя заботы. Нищенствующие монахи взяли на себя тяжелую задачу пещись о больныхъ и бѣдныхъ и даже заботиться о прокаженныхъ; и теперь - то священникъ могъ наслаждаться своей десятиной, бенедиктинецъ заниматься наукою, цистерціанецъ отдаться созерцанію въ готическомъ храмѣ и радоваться своимъ великолѣпнымъ монастырскимъ постройкамъ, картезіанскій монахъ жить богато въ безмятежномъ покоѣ и говорить при этомъ: *memeto mori*. Работу же и тяготу они предоставили миноритамъ, которые сами шли на то. Минориты искали народъ тамъ, гдѣ онъ былъ, за его работою и нуждою, и приносили ему утѣшеніе церкви.

Но естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что населеніе обратило свою любовь на новый орденъ, оказавшій ему любовь. Одни нищенствующие монахи казались чуждыми пороковъ роскоши, въ которыхъ упрекали свѣтское духовенство, и наступилъ переворотъ, гораздо раньше уже пережитый греческою церковью, — недовѣріе къ священникамъ породило почитаніе отшельниковъ и истиннаго монашества. Всякій, кто бывалъ охваченъ религіознымъ стремленіемъ времени, обращался теперь не къ священникамъ, а

¹⁾ *Nam intentio beati Francisci, ut patet ex primis locis ab eo receptis. fuit, quod loca fratrum minorum essent solitaria, et spiritus et animi quieti, et silentio apta, et a rumore secularium separata et ideo extra habitationes villarum constructa, etc. Ubertinus von Casale. Архивъ литературы и исторіи церкви, III, 168. Ср. 77, 116.*

къ нищенствующему монаху; кающіеся, ищущіе успокоенія отъ внутренней борьбы, толпами вступали въ новый орденъ, и даже болѣе строгіе клирики слѣдовали сами этому примѣру.

И вотъ въ непродолжительномъ времени орденъ св. Франциска сталъ самой могущественной изъ тогдашнихъ корпорацій. Именно съ тѣхъ поръ, какъ братства кающихся тѣсно примкнули къ ордену, минориты приобрѣли какъ терціаріи такое вліяніе на массы, какъ никакая другая община. Съ другой стороны минориты восполнили аристократическій строй церкви благотворнымъ для нея образомъ и дали ей демократическое основаніе. Самымъ меньшимъ и низшимъ братьямъ они открыли путь къ должностямъ провинціала и генерала и этимъ дали возможность иному таланту, который безъ нихъ никогда не развился бы, достигъ вершины земной власти. Илія, ремесленникъ, дѣлавшій матрацы, пройдя всѣ ступени францисканскаго ордена сталъ совѣтникомъ своего императора, а пастухъ Перетти возвысился до папскаго престола. Могло ли, слѣдовательно, населеніе не видѣть въ миноритахъ своихъ лучшихъ друзей и союзниковъ!

Поддерживаемые, такимъ образомъ, любовью массъ, минориты могли съ успѣхомъ приступить къ исполненію задачъ, возложенныхъ на нихъ Францискомъ, и они могли также примѣнить къ себѣ слова, что Господь далъ ученикамъ еще болѣшія знаменія, чѣмъ учителю, потому что кругъ ихъ вліянія поразительно расширился. Это обнаружилось прежде всего при проповѣди мира. По повелѣнію Франциска его ученики должны были быть проповѣдниками мира и примирять партіи, раздиравшія Италію междоусобными войнами. Именно эта миссія привела къ такому триумфу нищенствующихъ монаховъ, какого самъ Францискъ никогда не переживалъ. Въ томъ самомъ году, когда проповѣдникъ Коврадъ Марбургскій пытался вовлечь Германію въ войну противъ альбигойцевъ, т. е. черезъ семь лѣтъ по смерти св. Франциска, Италію охватило въ 1233 г. большое народное движеніе ¹⁾—Аллилуія, пропаганда вѣчнаго мира, начатая доминиканцами и францисканцами и организованная доминиканцемъ Іоанномъ Виченцскимъ. „Было такое время“, говоритъ Салимбене ²⁾, „которое позднѣе назвали аллилуія, время покоя и мира, когда оружіе войны повсюду было отложено, время радости и веселья, мечтаній и восторга, славословія и ликованія; хвалу

1) Ср. Карлъ Суттеръ, Іоаннъ Виченцскій, и вѣрныя описанія у Альфреда Дове въ его Каракоза.

2) Въ ук. м. Стр. 31.

воспѣвали Богу воины, конные и пѣшіе, горожане и поселяне, юноши и дѣвицы, старцы и молодые, всѣ города предавались набожности“. Неслыханныя скопища толпились вокругъ проповѣдниковъ, громившихъ роскошь знати, лихоимство богатыхъ; они требовали освобожденія заключенныхъ въ тюрьму за долги, заставляли партіи примиряться. На родинѣ Салимбене первымъ загрубилъ въ трубы одианъ отшельникъ, другъ миноритовъ ¹⁾). Его имя было Бенедиктъ; какъ второй Іоаннъ Креститель, онъ отпустилъ волосы и бороду, длинная, широкими складками падавшая одежда облекала его станъ, и спереди и сзади на ней былъ нарисованъ ярко красный крестъ, на головѣ онъ носилъ армянскую шапку. Онъ собиралъ вокругъ себя толпу, трубя подобно альпійскому пастуху въ мѣдный рогъ и извлекая изъ него то грозные, то нѣжные звуки. По этому рогу народъ прозвалъ его *frater Cornetus*. Сопровождаемый дѣтьми со знаменами и горящими свѣчами, отправлялся онъ на общественныя площади. Свою проповѣдь онъ начиналъ словами: *laudato et benedetto et glorificato sia lo Padre*, на что хоръ мальчиковъ отвѣчалъ: *laudato sia lo Fijo, laudato lo Spirito santo! Alleluja, Alleluja, Alleluja!* Послѣ того отшельникъ произнесъ краткую рѣчь и закончилъ своею пѣсней въ честь Пресв. Дѣвы Маріи:

Ave Maria
Clemens et pia.
Gratia plena,
Virgo serena,
Dominus tecum
Et tu mane mecum,
Benedicta tu in mulieribus.

Но Бенедиктъ былъ только предтечей. Вслѣдъ за нимъ пришелъ братъ Гирардо изъ Модены, личный ученикъ св. Франциска. Дѣйствіе его рѣчей на соборной площади въ Пармѣ было необыкновеннымъ и привело къ демонстративному примиренію партій; примирившіяся партіи поручили даже этому монаху на время управленіе городомъ, такъ что онъ игралъ въ Пармѣ роль, подобную роли, какую позднѣе взялъ на себя Савонарола во Флоренціи. Усиѣхъ былъ блестящій. Старѣйшіе враги стали друзьями, знатнѣйшіе рыцари надѣли монашескія рясы, основались монастыри миноритовъ и кларисенокъ; вся Парма обратилась на путь истинный, и однако все это возвышенное

¹⁾ Ann. Parm. maiores S. S. XVIII, 668. Chron. p. 32 сл.

зрѣлище было искусно подстроено. Одинъ миноритъ, братъ Салимбене, самъ съ гордостью посвящаетъ насъ въ тайныя махинаціи этихъ миссій. „Проповѣдники мира“, такъ рассказываетъ намъ Салимбене, сынъ рыцаря Адамо, самъ бывший родомъ изъ Пармы ¹⁾, „собирались отъ времени до времени на известномъ мѣстѣ и называли мѣсто, день, часъ и тему своихъ рѣчей. Одинъ говорилъ другому: держись точно того, въ чемъ мы условились. Такъ и было, какъ они обѣщали другъ другу. Братъ Гирардо, какъ я видѣлъ своими собственными глазами, послѣ того стоялъ на общественной площади въ Пармѣ на деревянныхъ подмосткахъ, которые онъ приказалъ построить для себя. Въ то время какъ народъ внималъ его рѣчи, онъ вдругъ прервалъ свою проповѣдь, надвинулъ на голову капюшонъ и принялъ такое положеніе, какъ будто онъ совершенно погрузился въ общеніе съ Богомъ. Народъ дивился. Послѣ долгой паузы онъ началъ опять словами Апокалипсиса: „Я былъ въ духѣ въ день воскресный и слышалъ возлюбленнаго брата Іоанна Виченцскаго, который проповѣдывалъ близъ Болоньи на каменистомъ берегу Рено; большая толпа народа окружала его, и онъ началъ проповѣдь словами: Блаженъ народъ, царь котораго нашъ Господь, народъ, который онъ избралъ себѣ въ наслѣдники“. Нѣчто подобное сказалъ онъ и о братѣ Іакобинѣ. А въ тотъ же самый часъ Іакобинъ имѣлъ предъ своими слушателями такое же видѣніе относительно брата Гирардо и Іоанна Виченцскаго, а послѣдній въ свою очередь о двухъ другихъ. На всѣхъ трехъ мѣстахъ, разумѣется, толпа была поражена такимъ видѣніемъ. Разослали посланныхъ разузнать истину. И, когда пришло подтвержденіе, оно возбудило чрезвычайное изумленіе, ужасъ и восторгъ. Въ истинности этихъ апостоловъ послѣ такихъ доказательствъ не могло больше быть сомнѣнія, и не мало людей, потрясенныхъ этимъ чудомъ, оставили свое свѣтское положеніе и поступили въ орденъ доминиканцевъ или миноритовъ“. Салимбене не находить для себя никакого соблазна въ этомъ *ria fraud*, напротивъ, хочетъ, вопреки этому, заставить насъ вѣрить, что братъ Гирардо удостоился при другихъ обстоятельствахъ сотворить дѣйствительныя чудеса. Противники же конечно сочинили сатиру на эти продѣлки:

Sunt ab eis mortui plures suscitati
Laeci, surdi, debiles, infirmi sanati,
Fugatique daemones, leprosi mundati

¹⁾ Salimbene. Chron. Пармское изданіе, 37.

Et aperti carceres, nautae liberati
 Et omnes audivimus aquam factam vinum
 Per Johannem scilicet et per Jacobinum ¹⁾).

Не взирая на то, самъ нашъ разсказчикъ, называвшійся тогда еще Онъибене, былъ подь сильнымъ впечатлѣнiемъ движенiя 1233 года. Влiянiе Гирардо, повидимому, сильно содѣйствовало его позднѣйшему поступленiю въ орденъ. Но и люди совершенно иного душевнаго склада были также потрясены до умопомраченiя краснорѣчiемъ, пророчествами и чудесами этого товарища святого Франциска. Въ тѣ дни брата Гирардо случилось, что вниманiе пармской синьорiи, расхаживавшей по паперти собора, было привлечено безобразнымъ проишествiемъ. Одинъ всадникъ волочилъ по площади привязаннаго къ хвосту его коня стараго человѣка, въ то время какъ слуга билъ привязаннаго и кричалъ: „Бейте разбойника!“ Синьоры дружно поддержали этотъ крикъ, потому что именно такъ доставляли въ острогъ воровъ. Тогда колодникъ поднимаетъ свое лицо и говоритъ: „Вы правы, какъ разбойникъ поступалъ я противъ Господа и своей собственной души“ ²⁾. Тутъ только рыцари узнали своего товарища, славнаго война Бернардо Бафуло; этимъ путемъ Бафуло пожелалъ вступить въ орденъ миноритовъ. Съ нимъ вмѣстѣ рѣшились на такой же шагъ два богатыхъ мѣнялы. Полученные проценты они вернули должникамъ и одѣли двѣсти бѣдняковъ. Одинъ изъ нихъ заставилъ водить себя по улицамъ съ кошелькомъ на шеѣ и бичевать. Остальное ихъ имущество, двѣсти фунтовъ золотыхъ, получили на построенiе монастыря минориты ³⁾. Ежедневно эта эпидемiя охватывала новыя жертвы. Такъ сводный братъ Онъибене, Гвидо, убѣдилъ свою жену поступить въ монастырь кларисянокъ, чтобы самому можно было сдѣлаться нищенствующимъ монахомъ. Вскорѣ подобное стремленiе обуяло самого Онъибене. Тотъ самый братъ Гирардо изъ Модены, который своими проповѣдями и мнимыми видѣнiями такъ воодушевилъ Парму, что этотъ городъ избралъ его на годъ подестою,

¹⁾ Ср. стихотворенiе, направленное противъ нищенствующихъ монаховъ и приписываемое Петру Винейскому (Petrus de Vineis). Huillard-Bréholles, vie et correspondance de Pierre de la Vigne. Paris 1865, p. 409.

²⁾ Salimbene, 364 сл.

³⁾ Salimbene, 365. Ту же самую сумму получилъ карликъ Curtuspasus отъ синьорiи за корону Фридриха II, добытую имъ въ лагерѣ Викторiя. Стр. 81.

устроилъ въ 1238 году за спиною родителей поступленіе въ орденъ подростка. За свой смѣлый поступокъ Онъибене былъ названъ Салимбене ¹⁾).

Несравненно большій успѣхъ имѣлъ Іоаннъ Виченцскій, доминиканецъ, выступившій какъ проповѣдникъ мира въ Виченцѣ, Падуѣ, Веронѣ, Болоньѣ. Его рѣчи сдѣлали то, что даже такой человѣкъ какъ Эццелино примирился съ гвельфами ²⁾, красивыя женщины снимали свои головные уборы и закрывали свои лица покрывалами; ему приписывали десять воскрешеній изъ мертвыхъ и двѣсти другихъ чудесъ ³⁾. Въ Падую и Верону онъ вѣхалъ на карроціо, колесницѣ со знаменемъ города. На его знаменитую проповѣдь мира 28 августа 1233 года на равнинѣ Паквара у Вероны собралось будто бы 400,000 человѣкъ. Это было наибольшее стеченіе народа въ средніе вѣка, съ которымъ нельзя сравнивать даже дней Клермонтскихъ. Но миръ, проповѣдуемый Іоанномъ Виченцскимъ, относился только къ вѣрующимъ. Въ Болоньѣ въ 1233 году возбужденная его рѣчами толпа разгромила дома ростовщиковъ, а въ Веронѣ въ томъ же самомъ году этотъ проповѣдникъ монахъ сжегъ шестьдесятъ еретиковъ. Три дня дымились на площади Эрбе и въ амфитеатрѣ костры, на которыхъ медленно сгорали катары и вальденцы, изблеченные братомъ Іоанномъ ⁴⁾. Движеніе въ пользу мира приняло характеръ народнаго движенія; передъ нимъ склонились даже самые сильные, подобно Эццелино.

Разумѣется, курія не медлила ковать желѣзо, пока оно горячо. Примиреніе верхне-итальянскихъ городовъ должно было сосредоточить ихъ силы противъ императора; оно заставило Эццелино, владѣвшаго ключомъ отъ Ломбардіи, оставить Фридриха. Виченцскій совѣтъ пожаловалъ великому миротворцу титулъ герцога, графа и высшаго третейскаго судьи; этотъ нищенствующій монахъ получилъ также право называться ректоромъ и герцогомъ веронскимъ ⁵⁾. Но хмель такъ же быстро прошелъ, какъ и пришелъ. Черезъ нѣсколько недѣль выступила опять на сцену старая вражда. Когда же обнаружилась тайна, какъ были подстроены чудеса и пророчества, тогда мѣсто восторга быстро заступила насмѣшка и досада. Едва

¹⁾ Salimbene, 401.

²⁾ Sigonio, hist. d. r. Ital. 44.

³⁾ Thomas von Chantimpré, Miracul. libri II. Ed. Colvenerius p. 613.

⁴⁾ Выдержки у Суттера, Joh. von Vicenza. Стр. 117.

⁵⁾ Maurisius, Исторія Эццелино. Muratori, S. S. VIII, 38. Epist. Saec. XIII, ed. Rodenberg I, 598.

Юанья оставилъ Болонью, какъ грамматикъ Бонкампаньо воспѣлъ все движеніе въ насмѣшливомъ тонѣ. Онъ осмѣялъ эту вепышку пляски св. Витта въ пѣснѣ:

Et Johannes johannizat
Et saltando choreizat,
Modo salta, modo salta,
Qui coelorum petis alta;
Saltat iste, saltat ille,
Resaltant cohortes mille;
Saltat chorus dominarum,
Saltat dux Venetiarum, etc. ¹⁾

При этомъ поэтъ увѣрялъ, что такіа чудеса, какъ чудеса Юанна Виченскаго, онъ также можетъ сотворить. Пойманный на словахъ, этотъ грамматикъ обѣщаль, что онъ вознесется на небо. Въ назначенный день половина Болоньи, старъ и младъ, мужчины и женщины собрались у холма св. Маріи in Monte ²⁾, чтобы присутствовать при вознесеніи магистра Бонкампаньо на небо. Весельчакъ профессоръ явился съ двумя большими крыльями, которыя онъ велѣлъ себѣ сдѣлать, и поднялся на вершину св. Луки, откуда онъ былъ виденъ всему народу. Весело и спокойно окинулъ онъ взоромъ толпу и затѣмъ сказалъ: „Идите, возлюбленные, Богъ да благословить васъ, будетъ съ васъ того, что вы видѣли лицо Бонкампаньо“, послѣ чего всѣ съ громкимъ хохотомъ разошлись. Однако, для Салимбене было большимъ утѣшеніемъ, что насмѣшникъ кончилъ свою жизнь какъ нищій въ одномъ госпиталѣ во Флоренціи. Но слава Юанна Виченскаго была также непрочна. Тщеславный монахъ, согласившійся принять титулъ герцога виченскаго и веронскаго, возстановилъ противъ себя даже курію, такъ какъ при публичныхъ процессіяхъ онъ выступалъ подъ балдахиномъ, подобно папѣ ³⁾. На четырехъ древкахъ былъ натянутъ шелковый платокъ, который держали надъ нимъ; при его выходахъ и выѣздахъ его окружала толпа приверженцевъ съ крестами и хоругвями, а его тѣлохранители безцеремонно прокладывали ему путь въ толпѣ палками и мечами ⁴⁾. Онъ

¹⁾ Salimbene, chron. 38.

²⁾ Теперь церковь Мадонны di S. Luca, куда стекаются паломники.

³⁾ Thomas von Chantimpré, Miracul. libri, II, p. 515.

⁴⁾ Bonatto, Tractatus de astronomia. Basil. 1550. Ed. Nic. Prucknerus p. 210.

сдѣлалъ себя смѣшнымъ своимъ тщеславіемъ и въ глазахъ братьевъ, такъ, напримѣръ, онъ осуждалъ цирюльника, за то, что тотъ бросилъ его волосы вмѣсто того, чтобы продавать ихъ, какъ реликвіи. Когда начальники ордена выговаривали ему за его безуміе, онъ угрожалъ разгласить продѣлки доминиканцевъ ¹⁾. Угроза подѣйствовала настолько, что его оставили въ покоѣ, но, когда монахи перестали его поддерживать, его популярность такъ же быстро пала, какъ возросла. Онъ упоминается еще мимоходомъ въ проповѣди крестоваго похода и гоненіяхъ на еретиковъ, но затѣмъ исчезаетъ изъ исторіи ²⁾. Хотя эта эпидемія въ народѣ прекратилась, однако до 1260 г., когда по предсказанію послѣдователей Іоахима долженъ былъ наступить вѣкъ св. Духа, не разъ еще повторялись взрывы ея. Сердце народа попрежнему лежало къ нищенствующимъ монахамъ, а жизненной стихіею этихъ послѣднихъ было религиозное возбужденіе, которое и разгоралось вновь то при какомъ-нибудь общественномъ несчастіи, то при радостныхъ событіяхъ.

Съ того времени, какъ минориты стали столь популярны, благотворительность обратилась преимущественно на основаніе общинъ, отчасти потому, что свѣтъ всегда предпочитаетъ новое старому, отчасти и потому, что несомнѣнно новый орденъ заботился о народѣ, тогда какъ древніе ордена лишь богатыли на его счетъ. Такимъ образомъ рядомъ съ сильнымъ религиознымъ возбужденіемъ идетъ всегда и извлеченіе практической пользы, и противники ордена упрекаютъ, напримѣръ, Іоанна Виченскаго въ томъ, что его дѣятельность въ Болоньѣ въ качествѣ чудотворца принесла доминиканцамъ въ самое короткое время 20,000 марокъ серебромъ ³⁾. Подобную же золотую жатву пожинали минориты, какъ показываетъ построеніе большихъ монастырей и великолѣпныхъ храмовъ.

Но какъ же уживалось съ положительнымъ запрещеніемъ основателя ордена имѣть собственность это обладаніе большими зданіями; построенныя въ новомъ стилѣ, наподобіе хижинъ, они лишь поставили искусству особенно оригинальныя и благодарныя задачи. „Братья должны остерегаться“, говоритъ завѣщаніе Франциска, „принимать церкви и дома и тому подобныя зданія, построенныя для нихъ, иначе, чѣмъ оно подобаетъ святой бѣдности, которой мы дали обѣтъ въ уставѣ, т. е. какъ гости, которые

1) Salimbene, 39.

2) С. Суттеръ въ ук. м. 156. и сл.

3) Bonatto, Tractatus de astronomia ук. м.

приходить и опять уходить“. Уже это постановление завѣщанія есть, конечно, отступленіе, компромиссъ съ дѣйствительностью по сравненію съ суровымъ первоначальнымъ требованіемъ. Поселяться навсегда въ монастырѣ не долженъ ни одинъ братъ, но патроны ордена могутъ строить для него особыя временныя пристанища, этого не отвергаетъ самъ Францискъ. Но, допустивъ построеніе собственныхъ монастырей для своихъ братьевъ, онъ этимъ самъ открылъ путь къ обходу его устава; а увѣреніе, что его братья и теперь также не владѣльцы, а гости въ своемъ домѣ, лишь дало поводъ къ софистическому спору, остаются ли эти имѣнья собственностью жертвователя, или же составляютъ имущество римской церкви или имущество ордена? Воображать себѣ, что уставъ соблюдается, тогда какъ онъ нарушался ежечасно, было чистымъ самообманомъ, ибо въ сущности тотъ, кто располагалъ подобнымъ имуществомъ, уже не былъ бѣднякомъ.

Гуго, высокій покровитель ордена, склонилъ Франциска на это искаженіе его первоначальной идеи, и этотъ же самый кардиналъ содѣйствовалъ окончательному отчужденію странниковъ-апостоловъ отъ ихъ первоначальныхъ цѣлей, сдѣлавъ ихъ особыми слугами папства. Тотъ самый орденъ, который столь торжественно несъ передъ собою пальмовую вѣтвь святого Франциска, вѣтвь мира, при случаѣ брался за мечъ, вложенный ему въ руку Григоріемъ IX. Папство тринадцатаго столѣтія было воинственною властью, ученики же Франциска должны были быть миротворцами. Привѣтствіе, которому Францискъ придавалъ такую большую цѣну, и которое онъ приписывалъ особому божественному внушенію, гласило: „миръ съ тобою“. А съ той поры, какъ нищенствующіе монахи стали служить интересамъ куріи, можно было сказать наоборотъ, что миръ бѣжалъ оттуда, гдѣ появлялась коричневая ряса. Минориты принесли Фридриху II въ Палестину проклятіе Григорія IX; минориты составляли свиту ужаснаго гонителя еретиковъ Конрада Марбургскаго и его покровителя Конрада Гильдесгеймскаго въ Германіи; минориты вели войну папы противъ англійской короны. Именно то, что они не имѣли родины, не имѣли собственности, сдѣлало ихъ самыми удобными орудіями въ рукахъ іерархіи, потому что, какъ говоритъ Маттеи Парисъ ¹⁾, „беззаботно поетъ передъ разбойникомъ нищій-странникъ; они ведутъ скитальческую жизнь и не берутъ ничего съ собою; такъ обходятъ они всѣ земли“. Осѣдлое монашество не смѣло слишкомъ раздражать населеніе,

1) Matth. Paris. Chron. ad. ann. 1241.

среди котораго оно жило; но какое было дѣло нищенствующему монаху до раздора посѣяннаго имъ, до горя принесеннаго имъ въ домъ; онъ зналъ, что его начальство отправить его въ другое мѣсто, если тутъ онъ станетъ неудобенъ. „Никто“, говоритъ одинъ приверженецъ Фридриха II ¹⁾, „не можетъ склонить своей головы, чтобы мирно отдохнуть, не опасаясь козней и клеветы, пока папа въ союзѣ съ императоромъ не усмирить нищенствующихъ монаховъ, ибо имъ дано лишить землю мира“. Точно такъ же употребленіе ихъ для проповѣди крестоваго похода, которая охотно была поручаема наиболѣе краснорѣчивымъ изъ братьевъ, привело ихъ къ нарушенію первоначальнаго обѣта, такъ какъ эта проповѣдь очевидно уже имѣла единственную цѣль лишь собираніе денегъ, необходимыхъ для политики папъ, и современники не замедлили указать на это противорѣчіе. Бенедиктинецъ Матѳей Парисъ смѣется, что папа изъ ловцовъ челоуѣковъ сдѣлалъ ловцовъ монетъ ²⁾, и рассказываетъ неоднократно, съ какимъ усердіемъ босовогіе монахи (францисканцы) отовсюду загребали золото для папы ко вреду императора ³⁾. Итакъ папа сдѣлалъ ихъ мытарями и сборщиками податей, не безъ нарушенія ихъ устава ⁴⁾. Нерѣдко случалось, что императоръ перехватывалъ миноритовъ, которые по приказанію своего начальства разносили тайныя письма, подстрекавшія князей къ войнѣ противъ него ⁵⁾; и минориты же благословляли собственныхъ подданныхъ императора на войну противъ него ⁶⁾. Правда, таковы отзывы осѣдлаго духовенства, которое всего суровѣе отзывается о миноритахъ, но описаніе ихъ вторженія въ Германію, составленное ихъ же собственнымъ руководителемъ Іорданусомъ, лишь подтверждаетъ, что нищенствующее движеніе очень скоро было принято населеніемъ, какъ одно изъ худшихъ народныхъ бѣдствій ⁷⁾. Ихъ собственный генераль Бонавентура жалуется, что встрѣча съ разбойникомъ будетъ скоро не такъ

1) Ср. стихотвореніе, приписываемое Петру Винейскому, изданное Huillard-Bréholles, *vie et correspondance de Pierre de la Vigne*. Paris 1865 p. 402 сл., ст. 405—416.

2) Matth. Paris. Ad. ann. 1247.

3) Matt. Paris. Chron. ad ann. 1239.

4) Ibidem ad ann. 1247.

5) Matth. Paris. Ad ann. 1243.

6) Ibidem ad ann. 1248.

7) Сравни также хронику Glasberger'a, изд. Эверса. Стр. 29.

страшна, какъ съ нищенствующимъ монахомъ, отъ назойливости котораго нельзя отвязаться безъ подавнїи.

И человѣкомъ, направившимъ учениковъ святого Франциска еще при жизни учителя на эту мірскую стезю, былъ его викарій Ілія Кортонскій. Этотъ монахъ съ душою политика, суровый, воинственный, опытный, былъ того мнѣнія, что орденъ не долженъ пренебрегать своимъ міровымъ назначеніемъ изъ-за причуды не входить въ хозяйственныя нужды этого міра. Сильное развитіе ордена въ то время, когда Францискъ совершенно замкнулся въ себя, было дѣломъ Іліи, который, будучи викаріемъ, правилъ какъ генералъ. Увеличеніе числа постоянныхъ монастырей, строгая дисциплина, рядъ цѣнныхъ привилегій были его дѣломъ. Бреше отъ 3-го декабря 1224 года ¹⁾ позволило братьямъ совершать мессу въ своихъ ораторїяхъ на переносномъ алтарѣ (*altare viatico* или *portatili*) и даже въ томъ случаѣ, если бы на окрестную мѣстность былъ наложенъ интердиктъ ²⁾. Спротивленіе, которое оказало духовенство этой привилегіи, одно уже указываетъ ея значеніе. Тамъ, гдѣ интердиктъ воспрещалъ всякое богослуженіе, населеніе могло удовлетворить теперь религіозной потребности у миноритовъ. На всякомъ отдаленномъ горномъ пастбищѣ, откуда пастухамъ приходится идти часами до ближайшей церкви, босоногіе монахи (францисканцы) могли поставить свои быстро воздвигающіяся молебни и благодаря своему переносному алтарю дать окрестнымъ жителямъ возможность участвовать въ благодати церкви. Курія хотѣла этимъ путемъ дать энергичный отпоръ успѣхамъ еретиковъ въ отдаленныхъ долинахъ; но для миноритовъ эти привилегіи означали безконечное усиленіе ихъ власти. Ілія потребовалъ еще и другого, не менѣе важнаго, полномочія отъ довѣрившаго ему Григорія IX и, разумѣется, къ сильному неудовольствію епископовъ; онъ пожелалъ, чтобы министрамъ ордена было дано право освобождать своихъ подчиненныхъ отъ церковной цензуры ³⁾. Всего этого добился Ілія въ то время, какъ Францискъ плакалъ и молился, и Ілія могъ хвалиться, что онъ былъ вторымъ основателемъ ордена. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ оскорбиться и счесть неблагодарностью то, что по смерти Франциска братья избрали генераломъ не его, а Іоанна Паренса (1227—1232).

1) Sbaralea. Bullarium Franciscanum, I, 20.

2) Ibidem, I, 9. Ср. Ehrle, die Spirituales. Archiv III, 571.

3) Sbaralea I, c. I, 28 отъ 13-го мая 1227 г.

Демократическія товарищества никогда не несут охотно ига выдающагося вожака, къ тому же суровость и высокоуміе бывшаго викарія не могли облегчить миноритамъ этого ига. Столкновение произошло изъ-за дорого стоившей постройки церкви, которую Илія хотѣлъ воздвигнуть въ честь святого. Едва 3-го октября 1226 года Францискъ закрылъ глаза, какъ викарій приступилъ къ построенію великолѣпной церкви въ память святого; съ освященіемъ этой церкви само собою должна была совпасть канонизація блаженнаго отца. Если братья не смѣли соперничать съ другими орденами въ постройкѣ монастырей, за то Илія хотѣлъ построить Франциску такую церковь, подобной которой не имѣли ни св. Бенедиктъ, ни св. Вернаръ. Но эта слѣпшая постройка церкви со всею погонею за деньгами, которую она вызвала, казалась строгой партіи насмѣшкой надъ ихъ идеаломъ бѣдности, и вотъ 30-го мая 1227 года, когда въ Ассизи собрался капитулъ на Троицынъ день, не бывший викарій, а Іоаннъ Паренсъ былъ избранъ преемникомъ святого. Но это было несправедливо, и потому за Илію все еще стояла сильная партія, и самъ Илія не отказался ни отъ одного своего плана. 29-го марта 1228 г. какъ мѣсто для постройки ему былъ указанъ прежній *collis inferni* въ Ассизахъ, а 17-го іюля того же года покровитель Иліи, папа Григорій IX, совершаетъ торжественную закладку новой церкви, причисливъ накануне сына Бернардоне къ лику святыхъ ¹⁾. Энергія, съ которой Илія продолжалъ постройку своего собора и обращалъ лобное мѣсто въ *collis paradisi*, ему доставила многочисленныхъ приверженцевъ, прежде всего въ Ассизахъ, такъ какъ благодаря этой церкви Ассизы становилась святымъ мѣстомъ для паломниковъ всѣхъ національностей. Но строгая партія въ орденѣ, руководимая прежними товарищами Франциска, возмущалась. Съ негодованіемъ рассказывали они другъ другу, что при гробницѣ святого, запрещавашаго даже прикасаться къ монетѣ, теперь выставлена кружка для пожертвованій на построеніе церкви. Однажды утромъ на мѣстѣ кружки лежали одни осколки. Ревнителі разбили ее. Несмотря на то уже черезъ два года нижняя церковь была закончена, и 25-го мая 1230 года въ нее были перенесены мощи. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, приверженцы Иліи добились допущенія ихъ на генеральный капитулъ и посадили силою Илію на мѣсто генерала ²⁾. Но крикуны были

¹⁾ Böhmer, Regesta imperii, III отд. стр. 1208. Ср. 6734 а. Въ Vita Gregorii, Murator, III, 577 показано 4-ое октяб. 1228 г.

²⁾ Thomas de Ecclesion. De adventu fratrum min. in Anglia. Ed. Brewer, Monum. Franciscana. Лондонъ, 1858 г. стр. 44 сл.

обезоружены проишествіемъ, напомнившимъ о примѣрѣ смиреннаго отца ордена. Іоаннъ Паренсъ смиренно сложилъ съ себя рясу, призналъ себя виновнымъ въ дурномъ управленіи и попросилъ уволить его. Пристыженные обвинители его умолкли; Іоаннъ Паренсъ опять былъ утвержденъ въ своемъ санѣ, а Ілія удалился въ свою келью близъ Кортонь и примирилъ противниковъ, наложивъ на себя строгое покаяніе. Однако долго отказывать ему въ руководящемъ положеніи въ орденѣ было невозможно; генеральный капитулъ 1232 года избралъ его въ генералы. А что избраніе его и теперь основывалось больше на повелѣніи папы, а не на починѣ братіи, свидѣтельствуеть то обстоятельство, что генеральный капитулъ былъ созванъ не въ Ассизи, какъ было въ обычаѣ до сихъ поръ, а въ Римѣ. Твердо рѣшившись не признавать ребяческихъ требованій ревнителей, Ілія отказался. Его большое тѣло, объявилъ онъ, не отвѣчаетъ больше предписаніямъ устава; пусть братья избирають другого, кто будетъ имъ лучшимъ примѣромъ отреченія. Но со всѣхъ сторонъ ему кричали: если онъ не можетъ ходить пѣшкомъ, пусть онъ ѣздитъ, пусть ѣстъ, что хочетъ, хоть золото, но онъ долженъ взять на себя управленіе, потому что наиболѣе къ тому способенъ. Такъ прежній ассизскій мастеровой, изготовлявшій матрацы, сталъ генераломъ этого интернаціональнаго нищенствующаго воинства. Сначала дѣла шли отлично. Орденъ быстро распространился въ Италиі и внѣ ея и получалъ отъ покровителя Ілии, Григорія ІХ, все новыя привилегіи. Челано въ то время также принадлежалъ къ почитателямъ великаго генерала. Въ его первой легендѣ Ілія изображается человекомъ по сердцу Франциску, его вѣрнымъ и заботливымъ попечителемъ, тѣмъ, кого самъ отецъ благословилъ быть его преемникомъ. Во второй легендѣ уже не говорится объ этомъ благословеніи, потому что Ілія ничѣмъ не оправдалъ его. Обращеніе Ілии какъ со знатными людьми, такъ и съ простымъ народомъ было напротивъ неутѣшительною противоположностью смиренію и любезной учтивости его учителя Франциска. Посѣтители находятъ его обѣдающимъ отдѣльно отъ другихъ изысканныя лакомыя блюда, ему прислуживають великолѣпно одѣтые пажи. Чрезвычайно яркое описаніе его обращенія даетъ Салимбене, рассказывая о своей первой встрѣчѣ съ генераломъ, когда онъ былъ свидѣтелемъ, какъ привѣтствовали послѣдняго высшіе сановники Пармы. Худощавый монахъ съ длинной козлиной бородой сидитъ на диванѣ, рядомъ съ нимъ пылаеть яркій огонь, чтобы согрѣвать его, а на головѣ его надѣта армянская шапка, къ которой онъ привыкъ во время своего пребывания на Востокѣ. Входитъ подеста рыцарь Гирардо да Корриджа, чтобы при-

вѣтствовать его отъ имени города, и къ своему изумленію Салимбене видятъ, что прежній мастеровой ассизскій не встаетъ при входѣ его свѣтлости и, отпуская подесту, не провожаетъ его ¹⁾. Въ то время это высокоуміе генерала могло внушить почтеніе юному просителю. Послѣ же паденія Иліи онъ вспоминаетъ слова сказанныя мудрымъ Соломономъ: „Предъ лицемъ сѣдаго возстани“, и находитъ, что изъ-за рясы проглядывалъ необразованный мужикъ. Съ такимъ же суровымъ высокоуміемъ обращался Илія съ высшими лицами въ своемъ орденѣ. Не созывая капитула, увольнял онъ и назначалъ настоятелей и министровъ, и чрезъ своихъ „визитаторовъ“ онъ управлялъ съ совершенно неограниченной властью. Въ своей кельѣ у Кортони онъ окружилъ себя толпою любимцевъ, съ которыми вмѣстѣ правилъ; въ ихъ числѣ былъ пользующійся дурною славою Іоаннъ de laudibus, бѣлецъ, который по приказанію Иліи, какъ ученый палачъ, завѣдывалъ розгами и орудіями пытки ²⁾. Министры-провинціалы должны были покупать благоволеніе генерала приношеніями на постройку церкви, а вскорѣ и прямо личными подарками Иліи. Ихъ власть постоянно подрывалась визитаторами, которыхъ посылалъ Илія въ отдѣльныя провинціи; они принимали жалобы на министра, а главное вымогали деньги, въ которыхъ Илія постоянно нуждался ради своей обширной политики. При такомъ деспотизмѣ самыя дорогія идеи святаго все больше и больше предавались забвенію. Предписанія о бѣдности Франциска казались Иліи, занятому всецѣло мірскими планами, лишь помѣхою для широкихъ цѣлей, которыя онъ имѣлъ въ виду; такъ какъ онъ не могъ уничтожить этихъ предписаній, онъ рѣшилъ обходить ихъ самыми грубыми способами. Когда повсюду въ большихъ городахъ возникли монастыри, то скоро выяснилось, что получать приношенія натурою среди городского населенія было не такъ легко, какъ деньгами. Но минориты, по строгому повелѣнію основателя, не должны были никогда брать денегъ. Илія однако нашелъ выходъ. Безъ сомнѣнія по его прояскамъ, Григорій IX позволилъ братьямъ назначать въ каждомъ районѣ одного изъ ихъ „друзей“ для сбора денежныхъ пожертвованій, на нихъ онъ пріобрѣталъ вещи, которыя были необходимы для монастырей, но которыя можно было имѣть только за деньги. При этомъ минориты дѣлали видъ, что этотъ *vir fidelis* или *pupcius* распоряжался поступающими деньгами не какъ собственностью братьевъ, а какъ собственностью жертвовате-

1) Salimbene 401 сл.

2) Salimbene, ed. Parm. 410.

лей, такъ что орденъ попрежнему не осквернялся прикосновеніемъ къ деньгамъ. Такимъ образомъ необезпеченность въ средствахъ пропитанія, въ которой Францискъ видѣлъ главное средство для упражненія въ добродѣтели, была благополучнѣйшимъ образомъ устранена.

Съ такимъ же пренебреженіемъ относится Илія и къ другой идеѣ святого, что братья должны быть миротворцами. Онъ выступилъ посредникомъ въ борьбѣ Григорія IX съ Фридрихомъ II, и это повлекло за собою постоянное нарушеніе монастырскаго мира, постоянные разѣзды братьевъ, разсылаемыхъ имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ новое сближеніе съ міромъ, такъ что старыя ученики, искавшіе въ скитахъ уединенія, смотрѣли на это безпокойное правленіе съ возрастающимъ неудовольствіемъ. Никто не оспаривалъ, конечно, что оно необычайно содѣйствовало росту и укрѣпленію ордена. Италия покрылась цѣлою сѣтью монастырей, которые постоянно высылали толпы монаховъ, подобно пчеламъ, роящимся круглый годъ. Особенно важно по своимъ послѣдствіямъ побѣдою Иліи Кортонскаго было проникновеніе францисканцевъ въ университетскій міръ. Какъ самъ онъ, будучи молодымъ человѣкомъ, промѣнялъ жалкое искусство набиванія матрацевъ на трость школьнаго учителя, такъ и теперь онъ посылаетъ братьевъ, которыхъ Францискъ училъ, что знаніе „дѣлаетъ надменными“, въ высшія школы и заботится о научномъ образованіи въ монастыряхъ. Вскорѣ всѣ европейскіе университеты были озабочены вторженіемъ нищенствующихъ монаховъ. Уже въ 1217 году доминиканцы появились въ Парижѣ и сначала, подобно Абельяру, жили на островѣ. Затѣмъ они перешли въ монастырь святого Іакова. Францисканцы явились въ 1220 году съ посланіями Гонорія III къ французскимъ епископамъ ¹⁾. Сначала они поселились въ С.-Дени, а затѣмъ перекочевали въ самый Парижъ. Въ Болоньѣ кардиналъ Гуго далъ имъ монастырь еще при жизни святого Франциска. Въ Оксфордѣ въ 1228 году знаменитый учитель, Александръ Галесъ, поступилъ въ орденъ св. Франциска и перенесъ свои лекціи въ монастырь, такъ что тамошнія лекціи затмили университетскія. Много учениковъ прошло черезъ его аудиторію, въ томъ числѣ два позднѣйшихъ генерала ордена, Іоаннъ Пармскій и Бонавентура. Это вторженіе нищенствующихъ монаховъ въ университетскую среду было уже большимъ успѣхомъ, но, какъ свидѣтельствуегь Салимбене ²⁾, Илія также въ

1) Посланія отъ 11-го іюня 1219 г. и 29-го мая 1220.

2) Chronicon ed. Pagn. стр. 405.

высшей степени дѣятельно поощрять занятія науками въ монастыряхъ. Но вслѣдствіе того въ орденѣ возникла аристократія, и такая аристократія, которую всего меньше выносила строгая партія, аристократія ума. Съ неудовольствіемъ смотрѣла она ¹⁾, какъ лекторамъ для болѣе покойнаго занятія наукою были отведены отдѣльныя кельи. Лекторы были освобождены отъ общей молитвы и остальныхъ работъ по дому и церкви, и, наконецъ, даже имъ былъ данъ братъ въ услуженіе. На капитулахъ они имѣли рѣшающій голосъ, и гвардіаны не умѣли ничего противопоставить ихъ краснорѣчію. Также трудно было удовлетворить всевозможнымъ ихъ личнымъ притязаніямъ. Естественно, что теперь многіе ученики стремились къ этому привилегированному положенію, и строгой партіи казалось, что вмѣстѣ съ мудростью этого міра „въ тихій садъ, насажденный св. Францискомъ, вползла блестящая змѣя рая“. Семь лѣтъ длилась эта тиранія, поправшая идеалы ордена; Илія могъ достичь такой деспотической власти только тѣмъ, что роздалъ мѣста министровъ своимъ любимцамъ и; вмѣсто генеральныхъ капитуловъ, созывалъ лишь итальянскіе капитулы ²⁾. Самые заслуженные отцы ордена терпѣли тяжелыя гоненія. Цезарій Шпейерскій, который подъ вліяніемъ самого Иліи вступилъ въ орденъ во время пребыванія своего во святой землѣ, за свое противорѣчіе былъ закованъ въ цѣпи и, заподозрѣнный братомъ-тюремщикомъ въ попыткѣ къ бѣгству, убитъ коломъ. Вернардо Квинтавалле, старѣйшій покровитель Франциска, долженъ былъ годами укрываться отъ подобной опасности въ лѣсахъ Monte Sefro. Одивъ братъ признавалъ завѣщаніе за уставъ, и за это экземпляръ этого завѣщанія былъ сожженъ у него на головѣ ³⁾. Но, такъ какъ несмотря на все это жалобы не умолкали, 14-го мая 1239 г. въ Римѣ собрался генеральный капитулъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Григорія IX, чтобы генерала потребовать къ суду за неповиновеніе уставу ⁴⁾. Вопреки всякому ожиданію, папа безъ большаго сопротивленія позволилъ изложить своего прежняго любимца. Только такимъ путемъ надѣялся онъ возстановить опять единство въ своемъ любимомъ орденѣ. Бывшій провинціалъ англійскій, Альбертъ Пизанскій, былъ назначенъ генераломъ вмѣсто Иліи. Новый генералъ утаилъ оправда-

1) Такъ Убертино да Казале, ср. Эрле стр. 580.

2) Salimbene, 410.

3) Tribul. 25 b. 26 b. Ср. Архивъ I, 532. Declaratio Ubertini, Archiv III, 168.

4) Salimbene, 410 сл. Ecclesion, collatio 12, стр. 45 сл., 71. Гласбергская хроника. Ed. Evers, стр. 57 сл.

тельное письмо Иліи къ папѣ и тѣмъ окончательно испортилъ его отношенія къ Григорію IX, Илія же въ раздраженіи сталъ на сторону императора Фридриха II, который принялъ его съ распростертыми объятіями. Этотъ жизнерадостный Гогенштауфенъ въ союзѣ съ миноритомъ разрѣшаетъ теперь богословскіе вопросы въ духѣ своего времени. Его указы теперь провозглашаютъ намѣреніе вернуть духовенство къ апостольской бѣдности, отъ которой отрекся римскій престолъ со временъ Сильвестра. Такое духовенство обыкновенно творило чудеса и зрѣло ангеловъ, тогда какъ Григорій черпаетъ вдохновеніе лишь изъ кубка вина и повергаетъ міръ въ смятеніе. Бенедиктинецъ Матѳей Парисъ приписываетъ лично Иліи эти пасквилы противъ своего прежняго покровителя, частная жизнь котораго и домашнія привычки теперь неоднократно становятся предметомъ публичнаго обсужденія. Уже въ одномъ посланіи конца февраля 1240 года папа называетъ Илію отступникомъ, и вслѣдствіе соединенія его съ императоромъ, отлученнымъ отъ церкви, Илія тоже подвергся отлученію. Такъ какъ Фридрихъ по отношенію къ своимъ приверженцамъ изъ духовенства выказалъ себя чрезвычайно щедрымъ, то часть миноритовъ, — по словамъ Салимбене, положимъ, ихъ было всего только двѣнадцать или четырнадцать, — оставалась вѣрною Иліи, надѣясь также на его возстановленіе въ санѣ генерала ордена ¹⁾). Напротивъ, Челано, который въ своей первой легендѣ изобразилъ Илію какъ вѣрнаго и благословеннаго сына святого, перешелъ теперь на сторону его побѣдившихъ противниковъ. Но хотя слѣдующіе генералы были врагами Иліи, однако отнюдь не приверженцами строгой партіи. Альбертъ Пизанскій оставался въ своемъ санѣ только годъ. За нимъ слѣдовалъ 1240—1244 Эмонъ Фаверсгамъ, *Naïno Anglicus*, который во многомъ велъ политику прямо противоположную политикѣ Иліи, но и съ своей стороны сдѣлалъ также большой шагъ къ ломкѣ старыхъ порядковъ ²⁾). Илія, какъ жалуется Салимбене, отдавалъ въ орденѣ предпочтеніе мірянамъ. На мірянъ опиралось его деспотическое правленіе, міряне были его союзниками въ борьбѣ съ авторитетомъ священниковъ ордена, міряне же были орудіями его свѣтской политики. Эмонъ Фаверсгамъ переиначилъ это и тѣмъ лишь ухудшилъ дѣло. Онъ объявилъ, что міряне не могутъ занимать никакихъ высшихъ должностей въ орденѣ, но этимъ онъ обратилъ бѣдняковъ ассизскихъ въ орденъ клириковъ, подобно старымъ конгрегаціямъ ³⁾). При жизни святого

1) Salimbene, 411. Ep. Greg. V, 777,

2) Cp, Salimbene, 60.

3) Эрле, стр. 581.

міряне имѣли одинаковыя права съ клириками и могли получать, такъ же, какъ и послѣдніе, любую должность. Теперь же братья изъ мірянъ, совершенно какъ и въ другихъ монастыряхъ, должны были лишь избавить клириковъ отъ заботы о домашнихъ нуждахъ, чтобы клирики могли отдаваться занятію наукой и другимъ важнымъ дѣламъ. Мѣсто предписаннаго раньше всѣмъ ручного труда теперь для клириковъ заняла дѣятельность духовниковъ и священниковъ; домашняя работа и сборъ милостыни возложены были на братьевъ изъ мірянъ; къ нимъ при случаѣ присоединялись, для упражненія въ добродѣтели или въ наказаніе, послушники или особые ревнители; клирики же освобождались отъ этихъ работъ. Такимъ образомъ францисканскій монастырь по своимъ обычаямъ еще на шагъ приблизился къ старымъ аристократическимъ учрежденіямъ. При Кресценціи 1244—1247 г. также продолжаютъ эти поблажки правленія. Посланіе Иннокентія IV отъ 14 ноября 1245 г. ¹⁾ устанавливаетъ должность нунція и разрѣшаетъ братьямъ обращаться къ этому распорядителю поступающими пожертвованіями не только ради средствъ жизни, но для полученія также иныхъ облегченій и удобствъ. Та же самая булла объявляетъ, что все имущество, находящееся въ распоряженіи ордена, есть собственность римской церкви, такъ что безъ согласія протектора ордена это имущество не можетъ быть отчуждаемо. Этимъ заранѣе устранялась возможность со стороны жертвователей потребовать обратно свою собственность, которой, по словамъ миноритовъ, они не владѣли, а только пользовались. Наконецъ булла отъ 19-го августа 1247 года приказала назначить прокураторовъ (*syndaci*), которые въ каждой провинціи распоряжались бы этою собственностью; по желанію и приказаніямъ братьевъ они продаютъ ее, расходуютъ или обмѣниваютъ; а Мартинъ IV даетъ еще приказъ ²⁾, чтобы эти прокураторы также вели процессы братьевъ и были представителями миноритовъ на судѣ по дѣламъ духовныхъ завѣщаній въ ихъ пользу.

Итакъ, вотъ чѣмъ сталъ орденъ, утверждавшій въ своихъ уставахъ, что ничего на землѣ онъ не называетъ своимъ, и намѣревавшійся совершенно не вмѣшиваться въ споръ о моемъ и твоёмъ. Но не безъ сопротивленія, однако, выносила строгая партія это усиливающееся ослабленіе дисциплины въ орденѣ. Семьдесятъ два брата, партія ревнителей, во время правленія Кресценціи (1244—47) выступили рѣшительно противъ нарушенія устава ³⁾.

¹⁾ У Эрле, 584.

²⁾ Посланіе отъ 18-го января 1283 г.

³⁾ Эрле, III. 590 и II, 256.

Такъ что новая папская привилегія отъ 14 ноября 1245 года не была принята орденомъ, ибо строгая партія опять взяла верхъ и въ 1247 году достигла своего—поставила себѣ генерала по сердцу въ лицѣ Іоанна Пармскаго.

Въ исторіи легенды можно также прослѣдять этотъ ходъ развитія ордена. Послѣ паденія Іліи порядокъ вещей въ орденѣ измѣнился, и новый правитель не удовлетворялся уже первой легендой Ѳомы Челано, такъ какъ человѣкъ, повергшій въ невыразимое бѣдствіе первыхъ товарищей Франциска, представляется въ этой легендѣ какъ благословенный самимъ святымъ; кромѣ того, эта легенда не такъ прославляла идеаль бѣдности, какъ того требовали ревнители; поэтому генуэзскій капитуль 1244 года постановилъ, чтобы всѣ братья, которымъ извѣстно что либо заслуживающее вниманія изъ жизни основателя, представили свои воспоминанія генералу. Такъ возникла легенда трехъ братьевъ, изъ которой, къ сожалѣнію, до насъ дошелъ лишь одинъ остовъ, и первая часть *vita secunda* Ѳомы Челано. Она еще не была закончена, когда генераломъ сталъ Іоаннъ Пармскій (1247—1257), съ избраніемъ котораго самая строгая группа ревнителей захватила бразды правленія въ свои руки. Немедленно замѣчаемъ мы воздѣйствіе этого событія и на легенду Челано. Вторая легенда становится главнымъ образомъ панегирикомъ дамъ-бѣдности, гораздо больше, чѣмъ первая: Ілія исчезаетъ изъ ряда любимыхъ учениковъ и даже въ весьма прозрачныхъ замѣчаніяхъ зло порицается. Въ одномъ отдѣлѣ позднѣйшаго происхожденія, который образовался изъ собранныхъ разсказовъ и впоследствии былъ вставленъ какъ приложение въ первый набросокъ *vita secunda* ¹⁾, Франциску самому даже приданы новыя черты, которыя по своей человѣчности, пожалуй, исторически вѣрнѣе, чѣмъ ангельскій образъ *vita prima*. Если первая легенда умалчиваетъ совершенно о протестахъ Франциска противъ преобразованія его братства въ папскій орденъ, то въ третьей части *vita secunda* Челано высказываетъ истину и приводитъ самые рѣзкіе отзывы святого объ упадкѣ общины и о высокопоставленныхъ искажителяхъ его ордена. Но Челано осмѣливается это сообщить лишь теперь, когда съ избраніемъ Іоанна Пармскаго побѣда казалась вполне обезпеченной за строгой партіей. Въ этомъ смыслѣ *vita secunda* есть достопамятное свидѣтельство новаго духа, наступившаго въ орденѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ Пармскимъ.

Салимбене съ благовѣніемъ изображаетъ намъ Іоанна Пармскаго, и образъ, нарисованный имъ, представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ,

1) У Амони, стр. 46—90.

что самъ рассказчикъ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ излишне строгимъ братьямъ. Іоаннъ Пармскій былъ избранъ въ Ліонѣ, гдѣ находилась въ то время курія Иннокентія IV вслѣдствіе разрыва съ Фридрихомъ II ¹⁾, и при Іоаннѣ во Франціи орденъ сильно распространился ²⁾. Іоаннъ былъ первымъ генераломъ, предоставившимъ терціаріамъ обоого пола особыя приемныя свидѣтельства, благодаря которымъ они теперь пользовались всѣми преимуществами членовъ ордена, что сильно помогло расиространенію ордена терціаріевъ ³⁾. Вообще Іоанна Пармскаго хвалятъ за его дальновидность, находчивость, рѣшительность и энергію, которыя удивительно совмѣщались въ немъ съ его склонностью къ мистикѣ и апокалиптическими мечтаніями. Такъ что Іоаннъ въ свою очередь не терялъ изъ виду выгодъ ордена, и его десятилѣтнее пребываніе въ должности генерала ознаменовалось новымъ рядомъ проявленій папской милости. Посланіе ⁴⁾ Иннокентія IV постановило 25-го февраля 1250 г., что не только минориты, но и посторонніе также могутъ быть погребаемы въ францисканскихъ склепахъ, и это повело за собою многочисленныя пожертвованія въ ихъ пользу. 28-го марта 1257 г. Александръ IV даетъ монастырямъ позволеніе назначать лекторовъ по богословію въ своихъ монастыряхъ и внѣ университетскихъ городовъ, при чемъ эти лекторы не нуждались въ чьемъ-либо утвержденіи ⁵⁾, такъ что каждый монастырь могъ обратиться въ школу богословія. При дворѣ Іоаннъ Пармскій былъ также желаннымъ гостемъ и пользовался довѣріемъ Людовика Святого и его брата, святоши Карла Анжуйскаго. Орденъ выигралъ и въ глазахъ населенія, поставивъ во главѣ въ лицѣ Іоанна Пармскаго опять дѣйствительно богоугоднаго челоуѣка, которому сочувственно раскрылись какъ сердца бѣдняковъ, такъ и богатыхъ. Извѣстный святостью и ученостью ⁶⁾, Іоаннъ показалъ еще разъ міру образъ смиреннаго минорита, какого свѣтъ не видалъ уже со смерти Франциска. Свои далекія путешествія онъ совершаетъ *per pedes apostolorum*. Въ ручномъ трудѣ, которымъ зарабатываютъ свой хлѣбъ спиритуалы, онъ принимаетъ дѣятельное участіе. За столомъ Людовика IX этотъ могущественный генералъ держитъ себя такъ скромно, какъ смиреннѣйшій нищенствующій монахъ; на приготовленную ему постель, достойную слу-

1) Salimbene, ed. Parm. 62.

2) Salimbene. 95 сл.

3) Salimbene, 128, 129.

4) Sbaralea, Bullar, Francisc, I. 537. Ср. Эрле, стр. 574.

5) Sbaralea, II, 208. У Эрле, 574.

6) Salimbene, edit. Parm. 60.

жить для опочиванія папы, онъ кладетъ своего спутника Салимбене ¹⁾. Когда колоколь въ монастырѣ даетъ знать, что огородникъ принесъ капусту изъ огорода, то онъ отправляется вмѣстѣ съ другими братьями на кухню, чтобы вмѣстѣ съ ними чистить овощи ²⁾. Нападки онъ отражаетъ своимъ подавляющимъ смиреніемъ, признавая противниковъ своими господами и учителями ³⁾. Онъ прикасается къ изысканнымъ винамъ и блюдамъ, подаваемымъ ему, только тогда, когда самый младшій братъ также получилъ ихъ ⁴⁾. Притомъ его правленіе строго и справедливо. Тѣ, которые стоятъ близко къ нему, передъ своимъ повышеніемъ подвергаются тѣмъ болѣе строгому испытанію ⁵⁾. Порицаніе онъ умѣетъ облечь въ дружескую шутивую форму ⁶⁾, и онъ суровъ лишь въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ самому себѣ. Итакъ, избравъ генераломъ такого человѣка, ревнители доказали, что и теперь еще была возможна бѣдная жизнь послѣ того, какъ орденъ превзошелъ всѣ остальные могуществомъ и вліяніемъ. Послѣ своего низложенія Іоаннь удалился въ скитъ Гречію въ долину Ріэти; тамъ онъ жилъ, подобно Франциску, вмѣстѣ съ лѣсными звѣрями и птицами, и Салимбене, посѣтившій его, увѣряетъ насъ, что большія лѣсныя птицы вили гнѣзда въ его кельѣ и позволяли ему гладить себя рукою, когда сидѣли на яйцахъ ⁷⁾, и что ангелъ прислуживалъ ему, когда мальчикъ-пѣвчій проспалъ заутреню ⁸⁾.

Низложенъ же былъ Іоаннь Пармскій за свое увлеченіе пророчествомъ аббата Іоахима Флориса, изученіе котораго по примѣру генерала ордена распространилось по всѣмъ монастырямъ. Такъ какъ спиритуалы усмотрѣли самихъ себя предсказанными въ этихъ пророчествахъ, то они преисполнились самогнѣніемъ, казавшимся нестерпимымъ бѣлому духовенству и другимъ орденамъ; съ другой же стороны послѣдователи Іоахима впали въ апокалиптическія мечтанія, почти вовсе не различившіяся отъ монтанистской ереси. Такъ занятіе этимъ великимъ пророкомъ вѣка Гогенштауфеновъ стало роковымъ для генерала и его друзей.

1) Salimbene, 126.

2) Salimbene, 136.

3) Salimbene, 130.

4) Salimbene, 134.

5) Salimbene, 127.

6) Salimbene, 159 сл.

7) Salimbene, 137.

8) Salimbene, 138.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВѢЧНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

И увидѣлъ я другого Ангела, летящаго по срединѣ неба, который имѣлъ вѣчное евангеліе, чтобы благовѣствовать живущимъ на землѣ.

Апок. 14, 6.

Постепенно и совершенно незамѣтно распространялось въ орденѣ суевѣрное суемудріе іоахитовъ и наконецъ при Іоаннѣ Пармскомъ вовлекло орденъ въ ожесточенную борьбу съ парижскимъ университетомъ, а вслѣдъ затѣмъ со всѣмъ бѣлымъ духовенствомъ. Іоахимъ Флорисъ, умершій еще въ 1202 году, до выступленія Франциска, былъ изъ духовенства. Онъ велъ странническую жизнь, побывалъ даже въ Іерусалимѣ, а затѣмъ принялъ монашество въ орденѣ святого Бернара. Ставъ цистерціанцемъ онъ много еще страствовалъ, пока, наконецъ, не получилъ сана аббата въ одномъ маленькомъ монастырѣ святого Іоанна у Фіоре, въ дикихъ горахъ Сила. Здѣсь, среди снѣговыхъ вершинъ Калабріи, съ которыхъ видны два моря на востокъ и на западъ, этотъ много странствовавшій на своемъ вѣку челоувѣкъ усиленно занялся изученіемъ пророковъ и Апокалипсиса, чтобы узнать будущее. Въ то время мистика цистерціанцевъ имѣла уже сильное стремленіе къ апокалиптикѣ, а среди монаховъ Калабріи, традиціи которыхъ восходили еще до святого Нила и греческой церкви, Іоахимъ нашелъ уже богатое наслѣдіе суевѣрій. Здѣсь не были забыты пророчества Сивиллы; роль, которую играли среди знати и черни арабскіе астрологи, соблазнила монаховъ, и языческому способу раскрывать будущее они противопоставили, дозволенный имъ, христіанскій способъ. Въ своихъ комментаріяхъ калабрійскій аббатъ проводилъ глубокомысленныя воззрѣнія, что исторія есть откровеніе Божества. Такъ какъ самъ Богъ есть Отецъ, Сынъ и Духъ, то Іоахимъ различаетъ также три періода въ развитіи міра (*status mundi*). Первая эра есть эра Отца, періодъ ветхозавѣтнаго закона, плоти, подчиненной закону, когда господствовали женатые и міряне. Второй періодъ—

эра Сына, то-есть Логоса, ставшаго плотью, слѣдовательно духа и плоти. Это время священниковъ, іерархіи, когда земное и небесное дѣйствуютъ на ряду другъ съ другомъ. Остается еще эра Святого Духа, которому такъ же будутъ поклоняться, какъ до сихъ поръ Отцу и Сыну ¹⁾). Евангеліе, возвѣщаемое Духомъ, это евангеліе, обѣтованное въ Апок. 14, 6: „И увидѣлъ я другого ангела, летящаго посреди неба, который имѣлъ вѣчное евангеліе, чтобы благовѣствовать живущимъ на землѣ“. Вѣчное евангеліе есть то чистое поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ, о которомъ говорилъ апостолъ Павелъ въ противоположеніе служенію буквѣ закона, а св. Іоаннъ въ противоположеніе несовершенному познанію первыхъ учениковъ. „Какъ изъ буквѣ слѣдуетъ смыслъ, такъ изъ эры буквы—эра Духа“. Вѣчное евангеліе, слѣдовательно, есть духовное и непреходящее въ евангеліи, то, что остается, хотя бы буква и исчезла ²⁾, а потому оно есть также *spirituale Evangelium Christi*, которое, по словамъ апостола Павла, сокрыто еще отъ дѣтей законности, но теперь откроется. Такъ что въ третью эру евангеліе будетъ проповѣдываться согласно своему духовному содержанію, а не буквѣ. Какъ въ эру закона господствуютъ женатые міряне, въ эру Сына—священники, такъ въ третью эру, по мнѣнію Іоахима, задача зажечь огонь истиннаго познанія, который истребитъ служеніе буквѣ, выйдетъ на долю созерцательнаго ордена. Слѣдовательно, вѣчное евангеліе для Іоахима не есть писаніе, а новое просвѣщеніе Духомъ Святымъ, которое дано будетъ спиритуаламъ, вдохновеннымъ монахамъ. Какъ въ вѣкъ іерархіи господствовали священники, такъ въ эру Духа выступитъ новый орденъ *contemplativus, justus, sapiens, spiritualis*. Тогда настанетъ совершенная Суббота, вѣчная Пасха. Тогда носителемъ церковной жизни будетъ не бѣлое духовенство, а орденъ, задача котораго — добровольная бѣдность и духовное толкованіе закона.

Такъ какъ, по толкованію Іоахима, событія, совершившіяся на низшей ступени, повторяются на высшей и въ той же самой послѣдовательности, то на основаніи этой *concordantia veteris et novi testamenti* можно вычислить, какія стадіи уже прошла вторая ступень, какія еще остались, и когда мы должны ожидать наступленія третьей, эры Духа. Такимъ образомъ

¹⁾ Joachim de Floris, *Psalterium* ed. Venet. 1527 fol. 2596. Archiv für Lit. u. R. G. I, 1. 1885. Денифле *Evang. aeternum*. Стр. 52. Выдержки у Гана, *Истор. еретиковъ въ средніе вѣка*. III, 263. Muratori, *Antiq. ib.* IX, 599.

²⁾ Выдержки у Денифле стр. 53.

это толкованіе писанія становится преимущественно предвѣщаніемъ будущаго. Всѣ событія, пережитыя на низшей ступени, повторяются на высшей, ибо все, что случилось съ отцами, случилось съ ними, говоритъ апостоль, какъ пророчество о насъ. Двѣнадцати патріархамъ на первой ступени соотвѣтствуютъ двѣнадцать апостоловъ на второй. Раздѣленію царствъ Іудейскаго и Израильскаго на первой соотвѣтствуетъ на второй ступени расколъ между Римомъ и Византіей; нашествію халдеевъ на Іудею соотвѣтствуетъ нашествіе на Италію германскихъ варваровъ.

Эти идеи повторялись затѣмъ съ безконечными варіаціями въ подлинныхъ и подложныхъ сочиненіяхъ, появлявшихся по большей части какъ комментаріи къ Библии. Какъ ветхозавѣтная исторія прообразуетъ новозавѣтную, такъ послѣдняя также таинственно указываетъ и на прошлое и на будущее. Захарія соотвѣтствуетъ Аврааму, Елисавета—Сарѣ, св. Петръ—типъ, противоположный ступени закона, Павелъ—представитель эпохи Сына, Іоаннъ—провозвѣстникъ эры Параклета. Точно такъ же три ступени различаются какъ вѣкъ мірянъ, священниковъ и монаховъ. Усиливающаяся ясность соотвѣтствуетъ свѣту звѣздъ, мѣсяца и солнца. Земля, вода и огонь также образы этой троячности. Первый періодъ былъ временемъ страха, второй—временемъ покоя въ вѣрѣ, третій—возгорится пламенемъ любви. Первый вѣкъ—вѣкъ крапивы, второй—розъ, третій—увѣнчается лиліями. Вѣкъ Отца раздѣляется соотвѣтственно семи днямъ творенія на семь періодовъ. Такъ и ступень Сына, на которой мы теперь стоимъ, должна пройти семь подраздѣленій, каждое изъ которыхъ опять-таки распадается на шесть временъ. Это слѣдуетъ изъ 42 поколѣній, черезъ которыя прошла первая ступень согласно Матѣ. 1, и изъ 42 мѣсяцевъ=1260 дней, о которыхъ говоритъ пророкъ, Апокалипсисъ 11, 2 и 3.

Теперь предстояла громадная работа—расчленивъ прошлое со времени Христа на эти части. Но всѣ приверженцы этого ученія были согласны въ томъ, что для человѣчества наступило уже седьмое время и даже послѣдняя, шестая часть. Наконецъ 1260 годъ былъ опредѣленъ какъ моментъ, съ котораго начнется эра Святого Духа.

Мѣриломъ для этого служатъ 42 поколѣнія первой ступени, Матѣ. 1, которыя, согласно *similitudo aequae proportionis novi ac veteris testamenti quoad numerum* ¹⁾, должны повториться на второй ступени. Сорокъ два поколѣнія, считая поколѣніе въ тридцать лѣтъ, указываютъ на 1260 годъ,

1) Ганъ стр. 264.

какъ на конецъ второго *status mundi*. Такъ и апокалипсисъ говорить о 1260 дняхъ скорби и ветхій завѣтъ о 1260 дняхъ вдовства Юдифи. Итакъ съ 1260 года начнется новый *status mundi*, эра Святого Духа.

Новое время, которое наступитъ тогда, есть вѣкъ монаховъ; въ это время одинъ орденъ будетъ „подобно Иосифу превознесенъ надъ всѣми своими братьями“, и на немъ исполнится слово Псалмопѣвца: „Онъ будетъ царить отъ моря до моря“. По всей вѣроятности, Иоакимъ, самъ бывший цистерціанецъ, подразумѣвалъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, подъ этимъ орденемъ, возвѣщаемымъ имъ въ *concordia*, учениковъ святого Бернарда, какъ подъ пятью церквами перваго посланія ап. Петра онъ понимаетъ также пять главныхъ аббатствъ своего ордена. Позднѣйшіе же іоакиты, опредѣляя спиритуаловъ какъ *parvuli, pueri, minores*, намекаютъ прямо на орденъ миноритовъ. Эти настоящіе монахи добровольно избранной бѣдности начнутъ собою вѣкъ Параклета, когда по одухотвореніи всѣхъ внѣшнихъ формъ будетъ господствовать поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ черезъ блаженство чистаго созерцанія. Это и есть новое благовѣствованіе, принесенное Иоакимомъ, вѣчное евангеліе. Такъ какъ минориты увидѣли себя предсказанными въ этомъ новомъ орденѣ, который будетъ царить отъ моря до моря, то во всѣхъ монастыряхъ образовались кружки іоакитовъ, которые усиленно занялись изученіемъ писанія, чтобы раскрыть будущее. Были вымыслены новыя предсказанія отъ имени Іоакима, а старыя для большей ясности поддѣланы. Особенно ревнители, обманутые благодаря Григорію IX и Иннокентію IV въ своемъ идеалѣ бѣдности, дали теперь исходъ своей ненависти къ іерархіи, погрязшей въ плотскомъ, въ комментаріяхъ къ пророческимъ книгамъ и собраніяхъ проповѣдей. Этотъ оппозиціонный элементъ усиливается вмѣстѣ съ возрастающимъ неудовольствіемъ притѣсняемыхъ ревнителей, и наконецъ полемика іоакитовъ нисколько не уступаетъ, по враждебности и рѣзкости, полемикѣ вальденцевъ. Развратившаяся церковь, это—Вавилонъ, папство—антихристъ. Свѣтское владѣніе, введенное въ церковь папою Сильвестромъ, было началомъ порчи, а свѣтская наука довершила эту порчу. Только тогда, когда вся церковь будетъ преобразована согласно принципамъ Франсиска по примѣру бѣдной жизни апостоловъ, тогда только наступитъ эра Духа, Господь же и Духъ говорить: „Смотри, я приду скоро“.

Въ высшей степени наглядную картину образа дѣйствій новой школы рисуетъ намъ опять таки Салимбене, который самъ былъ большимъ почитателемъ Іоакима. Мы видимъ, какъ при Іоаннѣ Пармскомъ въ каждомъ

монастырѣ живеть нѣсколько іоахитовъ, они обмѣниваются старательно другъ съ другомъ своими мыслями, вычисленіями, доказательствами; считая себя благочестивыми, они своею кружковщиною возстановляютъ другихъ противъ себя. Всѣ современныя событія отыскиваются въ пророческихъ книгахъ, и Салимбене нисколько не сомнѣвается, что Еноху и Илиі на первой ступени соответствуютъ на второй отцы Доминикъ и Францискъ. При началѣ крестоваго похода Людовика IX іоахиты находятъ въ своемъ спискѣ прообразовъ, что походъ французскаго короля кончится печально, согласно *concordantia veteris et novi testamenti*. Имъ было извѣстно, что предпріятіе потерпитъ неудачу, король попадетъ въ плѣнъ, войско будетъ поражено развительною болѣзью; и всякій разъ, когда въ ораторіяхъ молились за счастливый исходъ крестоваго похода, іоахиты бросали другъ другу насмѣшливые взгляды ¹⁾. Въ Фридрихѣ II, преслѣдовавшемъ теперь Иннокентія IV, какъ раньше Григорія IX, эта школа видѣла антихриста, который говоритъ хулу на Бога и Его помазанника ²⁾. Хотя Салимбене не совсѣмъ слѣпъ къ великимъ сторонамъ характера Гогенштауфена и чувствуетъ къ нему своего рода благодарность послѣ того, какъ прочиталъ посланіе императора къ Илиі Кортонскому, гдѣ императоръ открыто просилъ Илию осушить слезы своего отца, однако и Салимбене держался того же мнѣнія. Въ своей первой хроникѣ Салимбене перечисляетъ двѣнадцать преступленій, которыя совершилъ Гогенштауфенъ противъ Бога и Его церкви ³⁾. Однако этихъ двѣнадцати преступленій было недостаточно еще, чтобы съ полною очевидностью доказать, что Фридрихъ — антихристъ. Поэтому Салимбене ждетъ, что Фридрихъ перейдетъ наконецъ и къ другимъ предсказаннымъ ужасамъ антихриста. Въ цѣломъ потокѣ цитатъ изъ пророковъ, сивиллъ и предсказаній британскаго провидца Мерлина онъ показываетъ, что все, что случилось при Фридрихѣ, было предсказано раньше, и что Фридрихъ, Манфредъ, Карлъ Анжуйскій и Петръ Арагонскій ясно и точно описаны у пророковъ. Особенно въ одиннадцатой главѣ пророка Давіила описаны всѣ событія этого послѣдняго времени. Но, совершенно наперекоръ этой твердо установленной программѣ, въ 1250 году, т. е. за цѣлыхъ десять лѣтъ до назначеннаго іоахитами рѣшительнаго года, наступила смерть Фридриха. Сначала Салимбене просто не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, противному

1) Стр. 102.

2) Стр. 223.

3) Стр. 84.

программѣ. Именно это и предсказала сивилла объ антихристѣ: „Въ народѣ будутъ говорить, онъ умеръ, а онъ живетъ“ ¹⁾. Онъ былъ звѣремъ, который былъ, котораго нѣтъ, но который, однако, вернется, и міръ пойдетъ за нимъ. Но противъ этого убѣжденнаго ученика пророковъ выступилъ теперь такой свидѣтель дѣйствительной смерти Фридриха, которому онъ долженъ былъ вѣрить. Въ то время отъ 1249 — 56 г. Салимбене по большей части жилъ въ Феррарѣ. Иннокентій IV прибылъ теперь въ Феррару и подтвердилъ смерть Фридриха, которую все еще отрицалъ Салимбене. „Слушай же“, сказалъ ему одинъ братъ изъ Пармы, „императоръ умеръ, чему ты до сихъ поръ постоянно не вѣрилъ. Брось же ты твоего Іоахима и будь мудръ“ ²⁾. Послѣ этого вѣрный сынъ церкви не могъ больше сомнѣваться въ смерти императора, и онъ пишетъ: „Я содрогнулся и едва могъ этому повѣрить. Я вѣдь былъ іоахитомъ и вѣрилъ, ждалъ и надѣялся, что Фридрихъ причинитъ еще несравненно большее бѣдствіе, чѣмъ онъ дѣйствительно причинилъ, хотя онъ и много совершилъ зла“. Однако Салимбене далеко еще не испѣлился. По обычаю такихъ членовъ общины у іоахитовъ были уже наготовѣ новыя толкованія, которыя они утверждали съ такою же непогрѣшимостью, какъ и прежнія. Да и сношенія Салимбене съ этими пророками вовсе не были порваны; онъ оставался почитателемъ брата Гуго, основавшаго въ Іерѣ подобнаго рода общину, и почитателемъ генерала Іоанна Пармскаго, впавшаго въ подобное же заблужденіе. Также оставался онъ въ сношеніяхъ съ страстнымъ поборникомъ Іоахима, Гирардо изъ Борго Санъ Доннино, пока послѣдній не навлекъ на себя и на друзей Іоахима изъ-за своего писательства большія гоненія. Когда Гирардо былъ уже осужденъ и проѣзжалъ въ 1258 г. черезъ Модену, гдѣ въ то время жилъ Салимбене, они встрѣтились въ монастырѣ ³⁾. Оба іоахита тотчасъ же уединяются, и подъ виноградной лозой за спальной начинается слѣдующій разговоръ: „Когда и гдѣ родится антихристъ?“

„Онъ уже родился и уже великъ; скоро совершитъ онъ тайну зла“.

„Знаешь ты его?“

„Я не видѣлъ его въ лицо, но изъ писанія знаю я его хорошо“.

„Гдѣ это писаніе?“

„Оно въ Библии“.

1) Стр. 107.

2) Стр. 227.

3) Стр. 233 сл.

„Такъ скажи же его, потому что Библию знаю я достаточно“.

„Ни въ какомъ случаѣ не скажу я этого безъ Библии“.

Тогда Салимбене принесъ священное писаніе, и Гирардо отнесъ всю восемнадцатую главу Исаи къ Альфонсу Кастильскому. Однако Салимбене это толкованіе показалось вовсе неубѣдительнымъ, и онъ возражалъ. Бесѣда ихъ была прервана братьями и мірянами, живо обсуждавшими какое-то несчастное происшествіе. Салимбене подходитъ къ нимъ и узнаетъ, что архіепископъ равенскій захваченъ дьяволомъ Эццелиномъ, воздемъ гибеллиновъ. Разумѣется, это было на руку Гирардо. „Теперь ты видишь, что тайны уже начинаютъ открываться“. На этомъ они разстались. Между тѣмъ гирардовъ *introductionis* навлекъ погибель на всю школу и повергъ въ это великое бѣдствіе также достойнаго генерала Іоанна Пармскаго. Именно въ 1254 г. Гирардо издалъ въ Парижѣ три главныхъ сочиненія Іоахима съ введеніемъ. Онъ назвалъ эту книгу, „которая была толще Библии“, *introductionis in Evangelium aeternum*. Самъ Іоахимъ противопоставлялъ *Evangelium aeternum* какъ духовное просвѣщеніе буквѣ, но для Гирардо вѣчное евангеліе становится новымъ священнымъ писаніемъ¹⁾, обнимающимъ іоахимовское *concordia*, *expositio in apocalypsin* и *psalterium decem chordarum*. Его библия, слѣдовательно, состоитъ изъ ветхаго завіта, новаго завіта и вѣчнаго евангелія. Когда минориты стали комментировать одинъ экземпляръ этого *introductionis* на кладбищѣ у Notre-Dame, на островѣ, гдѣ нѣкогда училъ Абеляръ, то толпы студентовъ устремились туда, чтобы приобрести копіи. Весь Парижъ былъ въ сильномъ возбужденіи. Университетъ же нашель въ этой „книгѣ сатаны“ справедливое основаніе, чтобы опять вступить въ борьбу противъ вторженія нищенствующихъ монаховъ въ свою корпорацію преподавателей. Въ страстномъ полемическомъ сочиненіи *de periculis novissimorum temporum* возсталъ Вильгельмъ де С.-Амуръ противъ этой книги, представляющей сущую заразу, и, воспользовавшись этимъ случаемъ, объявилъ всю нищенствующую жизнь миноритовъ не евангельской, не апостольской, а антихристовой²⁾. Мѣтко бичуетъ противникъ высокоуміе нищенствующихъ, желающихъ стать выше духовенства и носящихся со своимъ обѣтомъ бѣдности, тогда какъ большинство изъ нихъ и раньше-то

1) Денифле, Стр. 59.

2) Salimbene, 130. *Le Roman de la Rose par Guillaume de Lorris et Jehan de Meung*. Ed. Méon. Paris, 1814. Tom. II, 368. V. 11999 cc. Выдержки у Рейтера, Исторія просвѣщенія въ ср. вѣка, II, 369.

ничего не имѣло и ни отъ чего не отказалось, кромѣ работы. При этомъ убійственными чертами рисуется онъ, какъ обыкновенно минориты удаляютъ сердца духовныхъ дѣтей отъ настоящаго духовника, какъ они налагаютъ контрибуцію на богатыхъ и вмѣшиваются во все, что ихъ не касается. Сочиненіе Вильгельма было самымъ сильнымъ нападеніемъ, какое когда-либо до сихъ поръ переживали нищенствующіе ордена, и несмотря на возраженіе Бонавентуры оно еще долго оставалось арсеналомъ, откуда брали свое оружіе враги миноритовъ.

Но и въ самомъ орденѣ болѣе разсудительные также порицали безуміе Гирардо, который, повидимому, считалъ сочиненіе Іоахима, откровеніемъ высшей ступени, выше ветхаго завета и даже выше евангелія Христа. Онъ далъ возможность противникамъ заподозрить правотѣріе іоахитовъ и уготовилъ тѣмъ ордену большія неприятности. Правда, большое впечатлѣніе произвела проповѣдь генерала Іоанна Пармскаго, произнесенная передъ всѣмъ университетомъ, студентами и профессорами, на тему, что орденъ Франциска есть насажденіе Божіе; растенія его суть члены университета, ставшіе миноритами; университетъ, слѣдовательно, остается ихъ господиномъ и учителемъ, онъ можетъ ихъ вырвать съ корнемъ, но евангеліе предостерегаетъ его отъ того. Скромность генерала была всѣмъ признана, но доктора, не желавшіе терпѣть нищенствующихъ монаховъ въ университетѣ, продолжали борьбу, и по ихъ настояніямъ папа Александръ IV, жившій въ то время въ Ананьи, назначилъ комиссію, которая осудила *liber introductorius* и наказала ея автора вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырѣ. Сами братья, бывшіе подъ строгимъ управленіемъ Бонавентуры, заковали несчастнаго пророка—*et sustentaverunt eum pane tribulationis et aqua angustiae* ¹⁾. Анджело Кларено, также спиритуаль, рассказываетъ, что Гирардо встрѣтилъ своего тюремщика съ улыбкою на лицѣ и со словами псалма (22, 2): „*In loco pascue ibi me collocavit*“. Еще въ теченіе восемнадцати лѣтъ славилъ Гирардо радостно Господа, какъ будто бы въ его распоряженіи были всѣ радости жизни ²⁾. Когда наконецъ смерть отозвала его, его тѣло зарыли въ углу сада. „*Sepultus est in angulo horti*“ ³⁾. Онъ не дожилъ до вѣва лилій, на его могилѣ росла крапива. И Іоаннъ Пармскій едва миновалъ той же участи. Въ 1257 году папа низложилъ его изъ

1) Salimbene, 103.

2) Angelo, historia tribul. Archiv für Lit. u. K. G. II, 284.

3) Salimbene, 103.

генераловъ, и лишь послѣ того, какъ онъ отрекся отъ своихъ заблужденій и совершилъ церковное покаяніе, съ него было свято произнесенное надъ нимъ отлученіе отъ церкви. Наконецъ благодаря заступничеству своего покровителя кардинала Оттобони, онъ могъ переселиться въ скитъ у Гречію, гдѣ нѣкогда Францискъ построилъ первый рождественскій вертепъ. Въ орденѣ знали, что въ душѣ онъ все еще держался своихъ іоахитскихъ мечтаній; даже то, что предсказаніе о кончинѣ міра въ 1260 году не сбылось, не поколебало ожиданій сѣдого мечтателя. Точно такъ же крѣпко держались іоахиты пророчества о возвращеніи императора Фридриха, главы апокалиптического звѣря, который былъ, и котораго нѣтъ, но который опять придетъ. Должно перенести потомъ это пророчество на Фридриха, короля Сициліи, внука Манфреда; нѣмцы же видѣли въ предсказанномъ императорѣ болѣе знакомаго имъ Барбароссу, который опять придетъ, чтобы наказать Римъ и духовенство, ожиданіе, изъ котораго, какъ извѣстно, выросла сага о Кифгейзерскомъ замкѣ.

Слѣдующимъ генераломъ миноритовъ былъ съ 1257 г. Бонавентура, который не могъ быть причисленъ ни къ одному изъ воинствующихъ лагерей. Получилъ онъ богословское образованіе въ Парижѣ и Оксфордѣ, но былъ слишкомъ хилъ, чтобы надѣяться, что тѣло его можетъ подчиняться строгому уставу ¹⁾. Въ своихъ частныхъ отзывахъ Бонавентура хвалилъ рвеніе строгой партіи, но по долгу службы онъ вынужденъ былъ преслѣдовать ее, поводомъ къ чему служило повальное увлеченіе пророчествованіемъ. Онъ конфисковалъ, понуждаемый куріей, сочиненія іоахитовъ; извѣстныхъ вожаковъ подвергъ церковному суду, который однихъ заставилъ отречься отъ своихъ заблужденій, а на другихъ наложилъ суровыя наказанія. Многіе, подобно Гирандо, покончили въ пожизненномъ заточеніи.

Но спиритуалы, отстаивая свои строгіе принципы, ссылались отнюдь не на одного Іоахима, но также прямо на завѣщаніе Франциска и офиці-

¹⁾ Ср. сообщенную Эрле стр. 516 выдержку изъ Оливиса относительно Бонавентуры: *fuit interius optimi et piissimi affectus in doctrine verbo semper predicans ea, que sunt perfecte puritatis, sicut ex supradictis ab eo satis liquere potest. Fragilis tamen fuit secundum corpus et forte in hoc aliquid humanum sapiens, quod et ipse humiliter, sicut ego ipse ab eo sepius audivi, confitebatur. Nec enim maior fuit Apostolo, dicente, in multis offendimus omnes. Nihilominus tamen in tantum dolebat de communibus laxationibus hujus temporis, quod Parisius in pleno capitulo me astante dixit etc.*

альные легенды, изъ которыхъ именно *vita secunda* Челано и легенда трехъ товарищей были написаны согласно точкѣ зрѣнія строгой партіи. Тогда капитулъ, созданный Бонавентурой въ 1260 году въ Нарбоннѣ, рѣшилъ поручить Бонавентурѣ составить новую исторію святого Франциска; и, когда послѣдній представилъ свою новую работу черезъ три года на генеральномъ капитулѣ 1263 года въ Пизѣ, она одна была признана канонической; слѣдующій капитулъ, созданный въ Парижѣ, постановилъ уничтожить всѣ составленныя раньше легенды о святомъ Францискѣ. Братья, которые найдутъ таковыя легенды распространенными внѣ ордена, обязаны уничтожать ихъ. Орденъ одинъ твердо устанавливаетъ, чѣмъ былъ Францискъ, чего онъ хотѣлъ, что сдѣлалъ и что перестрадалъ, и только Францискъ Бонавентуры можетъ быть предметомъ дозволеннаго церковнаго почитанія. О завѣщаніи Бонавентура не упоминаетъ и молча отмѣняетъ его силу.

Этимъ былъ ниспровергнутъ послѣдній оплотъ противъ усиливающагося въ орденѣ послабленія. Спиритуалы не смѣли ссылаться ни на завѣщаніе святого, ни на показаніе его товарищей. Тотъ самый капитулъ 1260 года въ Нарбоннѣ, который поручилъ Бонавентурѣ сочинить новую легенду, ревнители считали началомъ отпаденія общины отъ святой бѣдности ¹⁾. И дѣйствительно съ того времени орденъ все больше и больше приближается къ доминиканскому ордену и старымъ учрежденіямъ. Идея братства, не имѣющаго собственности, жива еще, но лишь какъ хитро сплетенная юридическая факція, и въ этомъ искусствѣ обходить уставъ курія пришла на помощь ордену. Булла Николая III отъ 1279 г. различаетъ имѣніе, владѣніе, пользованіе, право употребленія и фактическое употребленіе. Безъ фактическаго употребленія не можетъ обойтись также и тотъ, кто поклялся жить не имѣя собственности. Слѣдовательно, если миноритъ отрекся отъ собственности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ также отречься отъ пользованія. Итакъ, восхваляя уставъ святого Франциска, папа въ то же время лишаетъ его на практикѣ всякаго содержанія. Правда, противники думали, что въ нѣкоторыхъ вещахъ, напримѣръ, въ пищѣ, употребленіе безъ владѣнія совершенно немислимо, но Альварій Целагій отвѣчаетъ: мы употребляемъ также время, но не владѣемъ имъ, хотя даже само Писаніе говоритъ о владѣніи временемъ: „итакъ доколѣ имѣемъ время“, посл. къ Галат. 6, 10, или „тамъ былъ человекъ, имѣвшій 38 лѣтъ“, Іоан. 5, 6. Также св. дары употребляемъ мы, не владѣя ими, ибо никто не станетъ поклоняться тому,

¹⁾ Эрле ук. соч. IV, 48.

что составляет его собственность. Апостолы также пользовались пищей, одеждой, домами, хотя они отказались отъ права собственности, какъ говорить Петръ: „Вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою“ (Мате. 19, 27). Съ этой точки зрѣнія минориты утѣшали себя, что они исполняли уставъ и жили жизнью апостоловъ, хотя на дѣлѣ они отличались отъ остальныхъ орденовъ лишь по формѣ. Не владѣя деньгами, босоногіе монахи строили соборы, какъ Верхняя церковь въ Ассизахъ, С. Кроче во Флоренціи, св. Фортуната въ Тоди, св. Антонія въ Падуѣ. Въ церквахъ стояли кружки для пожертвованій, содержимое которыхъ вынималъ „другъ“ ордена, потому что миноритъ самъ не прикасался къ деньгамъ; у двери продавались восковыя свѣчи, плата за которыя составляла собственность римской церкви, продавцы же лишь имѣли право пользованія ею ¹⁾). Но пожертвованную свѣчу церковный служитель опять беретъ съ алтаря и продаетъ ее. Синдикъ принималъ наслѣдства, пожертвованія, дома, виноградники, земли, сады, которые должны были давать доходы монастырямъ, а иногда и отдѣльнымъ миноритамъ. Ибо какъ монастырь, такъ наконецъ и отдѣльное лицо могло имѣть казначея, который заботился за него о томъ, что было запрещено монаху его уставомъ. Изъ одного полемическаго сочиненія Убертино да Казале ²⁾ въ концѣ столѣтія мы видимъ, что многіе братья во время своихъ странствованій ведутъ съ собою мальчика, который хранитъ кассу и ведетъ счетъ, но не для нихъ, а для жертвователей (*est nuntius omnium illorum, qui rescipiam donaverunt*), ибо минориты заявляютъ притязаніе лишь на дозволенное имъ пользованіе. Даже если самъ францисканецъ, а не казначей, держитъ у себя ключъ отъ денежной кружки, то и тогда деньги все-таки собственность не монаха, а жертвователя, интересы котораго принимаются миноритомъ во вниманіе при расчетѣ съ казначеемъ. Разумѣется, этотъ способъ подражанія бѣдной жизни Иисуса подвергся язвительной насмѣлкѣ со стороны враждебныхъ орденовъ, и монахи-проповѣдники въ Швейцаріи рисовали картины въ церквахъ, на которыхъ изображали Христа съ сумою, или же одна рука Распятаго пригвождена ко кресту, а другую Онъ протягиваетъ за подаваніемъ.

1) Полемическое сочиненіе Убертино да Казале. Archiv III, 105. Alvarus Pelagius, de planctu ecclesiae lib. 2.

2) Archiv für Literatur und Kirchengeschichte III, 71.

3) Архивъ для исторіи Швейцаріи, XI, 84. 86. Joh. Vitodurani Chronicon. Ср. Эрле, Архивъ III, 121.

Вотъ почему строгіе братья, желавшіе жить подаяніемъ, не получали уже подаяній, такъ какъ люди отрицали, что братья ничего не имѣютъ. Но лекторы общины доказываютъ даже на публичныхъ диспутахъ, что всѣ эти облегченія устава, утвержденныя папою, никоимъ образомъ не нарушаютъ устава, и минориты по примѣру Франциска ведутъ поистинѣ евангельскую жизнь, не владѣя собственностью ¹⁾. Это забавная и лживая практика жизни неизбѣжно вызвала протестъ въ болѣе строгихъ элементахъ, и потому съ паденіемъ іоахимовъ оппозиція не была еще сломлена. Такъ какъ папы высказывались все рѣзкѣе противъ строгой партіи, возбуждавшей гнѣвъ іерархіи своими рѣчами противъ церковныхъ порядковъ, то эта партія сплотилась тѣснѣе, и имя спиритуала, которымъ раньше называли каждого строгаго и вѣрнаго уставу минорита, теперь стало именемъ партіи ²⁾. Во Франціи во главѣ этихъ ревнителей стоялъ Петръ Іоаннъ Оливи, который съ 1283 года въ конгрегаціи Нарбонской прочно организовалъ партію ревнителей. По его смерти сборникъ комментаріевъ на Апокалипсисъ ставшій извѣстнымъ съ 1297 года, обнаружилъ, что ревнители какъ раньше, упивались потихоньку іоахимскими мечтаніями. Оливи дѣлилъ со своей стороны ходъ всемірной исторіи на семь періодовъ; пятый періодъ это тотъ, когда римская церковь опять подчинила себѣ восточныя церкви, но въ то же самое время антихристъ поселился въ самомъ центрѣ римской церкви. Для уничтоженія его власти явился святой Францискъ, но антихристу удалось софистически исказить уставъ Франциска, такъ что теперь остается лишь небольшая кучка истинныхъ дѣтей Божіихъ. Но какъ Францискъ былъ распятъ со Христомъ, такъ и воскреснетъ онъ вмѣстѣ съ нимъ и явится какъ Ілія, который все приведетъ въ порядокъ. Другая группа ревнителей соединилась въ маркѣ Анкона вокругъ брата Анджело да Кларено, о многострадальной судьбѣ котораго намъ еще придется рассказывать. Нѣкоторые изъ этихъ ревнителей теперь отдѣлились отъ ордена и по внѣшности, и ихъ можно было узнать по болѣе короткой рясѣ и полному пренебреженію внѣшностью. Народъ называлъ ихъ фратичелли, подъ этимъ именемъ понимались тогда странствующие учителя апостольской бѣдности различныхъ направленій ³⁾. Иногда этимъ именемъ называются также апосто-

¹⁾ Эрле, Архивъ III, 107.

²⁾ Ср. Эрле, Архивъ ук. м. Стр. 601.

³⁾ Относительно этого вопроса, лежащаго внѣ рамокъ нашего разсказа, ср. Эрле, Архивъ IV, 155. Loofs. Theologische Litteraturzeitung. 1887, 329.

лики. Вѣра, что Францискъ пережилъ вновь всю жизнь Іисусову, была обща всему ордену, Салимбене также посвятилъ ей свою книгу, спиритуалы же и фратичелли прибавили къ ней еще послѣднюю черту: они учили, что Францискъ вновь придетъ на облакахъ небесныхъ и преобразуетъ церковь. Многие изъ нихъ были сожжены потому, что они не хотѣли даже прикасаться къ монетамъ и учили, что Римъ есть великій Вавилонъ, Францискъ же—Илія, который опять придетъ на облакахъ небесныхъ, чтобы устроить все ¹⁾. Арнольдистская ненависть къ обмірщившемуся папству нашла тутъ себѣ апокалиптическую основу.

¹⁾ См. многочисленные процессы противъ спиритуаловъ, опубликованные Францемъ Эрле въ Архивѣ для исторіи литературы и церкви въ средніе вѣка, 1887 и 1888 гг.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

СЕГАРЕЛЛИ.

Vien dietro a me, e lascia dir le
genti.

Данте, Чистил. 5, 13

Римской политикѣ удалось ввести въ іерархическую церковную организацію величайшее осуществленіе арнольдистской идеи, братство апостольскихъ бѣдняковъ ассизскихъ, и заставить это широко распространившееся братство странствующихъ и кающихся служить ей властолюбивымъ цѣлямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это было побѣдой римской церковной политики, имѣвшей важныя послѣдствія, но зато изъ учрежденія святого Франциска вышло противоположное тому, чѣмъ оно должно было быть. Задорное, неспокойное полчище монаховъ, ведшее всѣ войны папы, угнетавшее совѣсть, воздвигавшее монастырь за монастыремъ, принимавшее совершенно такъ же, какъ и другіе ордена, пожертвованія, но продолжавшее однако просить милостыни у бѣдняковъ, было для населенія бѣдствіемъ, а въ рукахъ папства страшнымъ оружіемъ, но оно не было осуществленіемъ идеи святого Франциска—идеи любви. Въ союзѣ съ Римомъ орденъ сталъ, пожалуй, могущественнѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать своихъ учениковъ Францискъ, быть можетъ, даже жизнеспособнѣе, но съ мечтою ассизскою онъ не имѣлъ уже ничего общаго. Первые минориты хотѣли отречься отъ всѣхъ благъ мірскихъ, изъ-за которыхъ идетъ борьба на землѣ, чтобы тѣмъ болѣе заставить внимать проповѣди мира ихъ учителя. Какъ противоположна теперь исторія ордена, полная вражды, ссоръ и зависти, этимъ идиллическимъ мечтамъ! Его-то именно и обвиняютъ теперь главнымъ образомъ въ несогласіяхъ церковныхъ!

Но простое арнольдистское положеніе, что только тотъ истинный послѣдователь апостоловъ, кто ведетъ апостольскую жизнь, обладало такою живучестью, что, какъ скоро прежніе защитники стали отрицать его своею жизнью, немедленно же появлялись новые защитники его. Община миноритовъ

оставила свое старое знамя, папскія посланія грозили отлученіем исповѣдникамъ его, но убѣжденіе, что *renovatio vitae Christi* есть истинно евангельская жизнь и представляетъ собою единственный, завѣщанный самимъ Христомъ орденомъ уставъ, глубоко укоренилось въ умахъ и еще послѣ отпаденія отъ устава миноритовъ вызвало новыя попытки осуществить „евангельское совершенство“. На старомъ полѣ сраженія Патаріи, въ Ломбардіи, откуда вышелъ Арнольдъ, и гдѣ Вальдо нашелъ себѣ самыхъ многочисленныхъ приверженцевъ, выступили новые проповѣдники бѣдной жизни, общавшіе блюсти обѣтъ, отъ котораго отпали нищенствующіе ордена. Ничего нѣтъ удивительнаго, что сыны Франциска, жившіе теперь въ роскоши, страшно ненавидѣли этихъ эпигоновъ, ежедневно своимъ примѣромъ коловшихъ имъ глаза ихъ собственнымъ отступничествомъ; но все поношенія, которыми осыпали минориты этихъ новыхъ представителей апостольскаго идеала, не уничтожаютъ того факта, что это апостольское братство дѣйствительно осуществляло въ своей жизни то, о чемъ минориты только говорили какъ объ идеалѣ, блюсти который будто-бы вѣрено лишь имъ и никому больше. Съ этой монополюной точки зрѣнія и нашъ главный рассказчикъ Салимбене, сынъ рыцаря да Адамо изъ Пармы, смотритъ съ неудовольствіемъ на продолженіе нищенствующаго движенія, и онъ ненавидитъ этихъ глупцовъ, которые дѣйствительно хотятъ быть бѣдняками, какъ ренегатъ ненавидитъ вѣрныхъ, вѣрность коихъ для него, въ глубинѣ души, есть вѣчный упрекъ. Для него это новое явленіе лишь плагіатъ, похищеніе у его ордена, и орденъ, по его мнѣнію, имѣетъ право запретить этимъ безумцамъ, обезьянствующимъ со святаго Франциска, считаться послѣдователями святаго ¹⁾. „Мы“, говоритъ Салимбене, „и монахи-проповѣдники научили всѣхъ нищенствовать, и каждый, кто только надѣнетъ капюшонъ, хочетъ придумывать уже уставъ нищенствующимъ“. Такъ, по словамъ Салимбене, прежде всего возникли саккати. „Гвардіанъ Гуго Пармскій“, такъ рассказываетъ онъ, „отказалъ двумъ неподходящимъ лицамъ, желавшимъ вступить въ орденъ, и далъ имъ совѣтъ идти въ лѣса и питаться корнями, ибо настали послѣднія времена согласно пророчеству Іоахима Флориса, когда два пророка апокалипсиса будутъ свидѣтельствовать, облеченные во вретиче. Но осмѣянные послѣдовали буквально этому совѣту, одѣлись во вретиче, надѣли сандалии на ноги и жили

1) Salimbene, Monumenta historica ad provincias Parmensem et Piacentinam pertinentia. Parmae ex officina Petri Fiaccadori. 1857, pag. 109.

въ уединеніи“¹⁾. Такъ возникъ орденъ саккати, который почти не отличался отъ настоящихъ миноритовъ, „ибо“, говоритъ со злобой Салимбене, „кто хочетъ составить какой-либо новый уставъ, тотъ выпрашиваетъ себѣ что нибудь у ордена святого Франциска, сандалии или веревку или даже рясу“. Такъ появилось не менѣе пяти различныхъ видовъ пустынниковъ, бриты, *gaudentes*, какъ самъ Францискъ при случаѣ называлъ своихъ учениковъ²⁾, ямбониты, т. е. приверженцы Іоанна Милостиваго (*Bonus*), и другіе. Наконецъ, папа Александръ IV принудилъ этихъ вольныхъ эремитовъ принять общій уставъ и защитилъ францисканцевъ отъ злоупотребленія ихъ рясою, давъ имъ привилегію. Однако новые нищенствующіе проникли всюду, гдѣ доминиканцы и францисканцы приучили населеніе къ подобнымъ нахлѣбникамъ, такъ что, по разсказу Салимбене, даже набожныя и усердныя посѣтительницы монастыря думали, что развилось ужъ достаточно нищенствующихъ съ сумами, чтобы опустошить всѣ житницы. И сынъ рыцаря да Адамо призываетъ Божій судъ на толпу этихъ *gibaldi, porcarii, stulti*, которые увѣряютъ, что они апостолы, ибо они не апостолы, а школа сатаны. „Они не отъ сѣмени тѣхъ людей, черезъ которыхъ пришло спасеніе Израилю, ибо они неспособны ни проповѣдывать, ни служить мессу, ни выслушивать исповѣдь, ни вести школы, ни быть духовными пастырями, ни молиться за тѣхъ, кто имъ дѣлаетъ добро. Они—празднопатающіеся и бродяги, которые и не молятся и не работаютъ“. Эту озлобленность нашего разсказчика слѣдуетъ принять во вниманіе, чтобы оцѣнить по достоинству его описаніе и пренебрежительную оцѣнку основателя апостольскаго ордена.

Если вѣрить Салимбене, то братъ Герардо Сегарелли, основатель апостольскаго ордена, былъ просто дурачкомъ, которому никто не придавалъ серьезнаго значенія. Однако тотъ, за кѣмъ, по свидѣтельству инквизитора Бернардо Гвидони, послѣдовали тысячи, подражая его бѣдной жизни, долженъ былъ обладать извѣстными нравственными качествами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ той чистой простотой, которая обыкновенно посрамляетъ мудрость мудрецовъ. Поэтому мы не придаемъ большого значенія насмѣшливому разсказу Салимбене, но обойтись безъ него нельзя: это самый обстоятельный разсказъ, какой мы только имѣемъ.

Когда самъ высокородный господинъ Салимбене жилъ въ монастырѣ въ Пармѣ, какъ онъ разсказываетъ намъ, около 1248 г. одинъ простой молодой

1) Salimbene, 119, 124.

2) Второй уставъ, сар. 7.

Крестьянинъ изъ близъ лежащаго Альцано ¹⁾, Gerardinus Segalellus, явился просить принять его. Но минориты уже настолько отступили отъ идеи своего основателя, что нашли Герардо слишкомъ простоватымъ для ихъ ордена, который однако, по мнѣнію основателя, долженъ былъ быть орденомъ простымъ. „Sint minores“ было забыто, и собратія Салимбене нашли, что альцанскій крестьянинъ недостойнъ быть принятымъ въ ихъ монастырь, ибо онъ низкаго происхожденія, не имѣетъ научнаго образованія и во всѣхъ отношеніяхъ идиотъ. Но юный поселенинъ, владѣвшій въ самой Пармѣ маленькимъ домомъ, не далъ запугать себя. Его рѣшенію искать въ орденѣ святаго Франциска истинно совершенной жизни по образу апостоловъ должно было предшествовать сильная душевная борьба, и онъ не успокоился послѣ отказа. Съ этого времени онъ сидѣлъ во францисканской церкви и часами смотрѣлъ на изображенія апостоловъ, нарисованныя на абажурѣ, закрывавшемъ церковную лампу. Апостолы были тамъ изображены въ сандаляхъ, въ широкихъ бѣлыхъ плащахъ, съ длинными волосами и бородой. Картина повидимому произвела глубокое впечатлѣніе на опечаленнаго, борющагося съ искушеніями юношу, и, когда онъ рѣшилъ попытать на свой страхъ подражать апостольской жизни, въ чемъ ему воспрепятствовалъ монастырь, онъ избралъ ту одежду, какаѣ, какъ онъ видѣлъ въ церкви, была изображена на апостолахъ, согласно преданію древнихъ живописцевъ. По образцу этого абажура, какъ насмѣхается Салимбене, онъ, отростивъ бороду и волосы, заказалъ себѣ платье и плащъ изъ бѣлой ткани, и, ему думалось, онъ нашелъ настоящее апостольское одѣяніе ²⁾.

Какъ Францискъ, привѣтствуя cadaго: „Господь да пошлетъ тебѣ миръ“, указывалъ этимъ на цѣль своей новой жизни, такъ и Сегарелли выбираетъ особое привѣтствіе, объясняющее его намѣренія. Онъ хочетъ возобновить проповѣдь апостоловъ: „Покайтесь и сотворите дѣла достойныя покаянія, ибо приближается царство небесное“, и потому онъ привѣтствуетъ cadaго встрѣчнаго словомъ: „Покайся“. Онъ продалъ свой домишко и, вставъ на камень передъ дворцомъ, откуда обыкновенно подеста говорилъ гражданамъ, разбрасывалъ изъ мѣшка деньги, вырученныя отъ продажи своего имущества, черни, находившейся на площади, крича: „Бери, кто хочетъ!“ Такъ точно начинали Вальдо и Францискъ, и у насъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что этимъ мечтателемъ руководило столь же серьезное

1) Salimbene, стр. 88. Muratori, Scriptores rerum Ital. IX, 826.

2) Salimbene, 123.

побужденіе, какъ и ими, стать совершеннымъ по совѣту въ ев. отъ Мате. 19, 21. Конечно, Салимбене думаетъ, что Сегарелли слѣдовало бы раздать деньги настоящимъ бѣднякамъ, а не нищимъ на соборной площади, которые ихъ промотали по своему обыкновенію или проиграли, ибо Иисусъ не сказалъ: продай, что ты имѣешь, и раздай бездѣльникамъ. Итакъ, нехорошо было начало затѣи Сегарелли, нехорошо было и продолженіе и конецъ. Все это такъ, но спрашивается только, какое право имѣеть францисканецъ порицать поступки, которые окружили главу его ордена ореоломъ святости, и къ которымъ, по всей вѣроятности, подвигла Сегарелли легенда о Францискѣ. Продолженіе же состояло въ томъ, что около Сегарелли составилъ кружокъ людей, истинное назначеніе которыхъ, по мнѣнію Салимбене, было пасти свиней и коровъ, и Сегарелли убѣдилъ ихъ жить пріятно и безъ работы подаваніемъ тѣхъ, въ комъ минориты и монахи проповѣдники съ большимъ трудомъ и добрымъ примѣромъ воспитали благотворительность. Но Сегарелли совершенно такъ же хотѣлъ пережить жизнь Иисуса Христа, какъ Францискъ; это ясно изъ собственнаго разсказа Салимбене, который, конечно, перечисляетъ лишь сумасбродныя выходки глупца. Не подлежитъ сомнѣнію, что буквальное исполненіе библейскаго слова можетъ привести къ страннымъ сценамъ, подобно тѣмъ, напримѣръ, которыя пережилъ міръ при анабаптистахъ. Но, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ праздное монашеское остроуміе изощрилось въ трапезной, рисуя подобныя послѣдствія. Такъ, Салимбене хочетъ насъ увѣрить, что новый апостолъ началъ свое воспроизведеніе жизни Христа съ того, что заперенанный легъ въ ясли, велѣлъ одной женщинѣ кормить себя грудью и на восьмой день былъ обрѣзанъ. Въ лѣсу у Гречію Францискъ передъ набожною толпою воспроизводилъ подобныя же сцены изъ Рождества Христова, и его стигматизація была также лишь подражаніемъ распятію Христа. Арнольдъ Брешианскій хотѣлъ слѣдовать Евангелію, Францискъ хотѣлъ воспроизвести его буквально, и на этомъ пути, повидимому, Сегарелли пошелъ еще дальше его. Но, если бы первые шаги Сегарелли были столь ребяческими, какъ это разсказываетъ Салимбене, то едва ли бы онъ привлекъ къ себѣ надолго тысячи и едва ли основалъ бы секту, существовавшую столѣтіе. Точно такъ же нелѣпъ разсказъ братьевъ францисканскаго монастыря въ Пармѣ о томъ, какъ новый проповѣдникъ покаянія отправился въ оди нъ посадъ около города и, привѣтствуя участниковъ праздничной прогулки, пригласилъ ихъ войти въ его виноградникъ, но они поняли плотски то, что пророкъ понималъ духовно, и разграбили окрестные виноградники, такъ что проповѣдь, задуманная съ благою цѣлью, имѣла весьма прискорб-

ный эпилогъ. Однако, и о Францискѣ разсказывается нѣчто подобное, только съ тою разницею, что онъ своею силою чудотворца вознаградилъ потерпѣвшаго за убытки, такъ что анекдотъ Салимбене весьма смахиваетъ на плагиатъ изъ собственной легенды ордена. Еще худшія вещи, какъ, напр., попытки доказать свою силу въ борьбѣ съ искушеніями набожнаго молодого поселяннина, разсказываютъ монахи о Сегарелли, и хотя позднѣйшее разслѣдованіе показало всю неосновательность клеветы, она опять всплывала, хоть десять разъ опровергнутая, когда только было желательно возбудить народъ противъ новаго ордена. Этому описанію Сегарелли какъ дѣятельнаго агитатора, привлекающаго къ себѣ глупую толпу сумасбродными выходками, конечно противорѣчитъ дальнѣйшій разсказъ самого Салимбене, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Сегарелли ходилъ по Пармѣ, безмолвный и презираемый, какъ удаляющійся отъ всѣхъ чужаковъ, въ своемъ бросающемся въ глаза одѣяніи, и велъ себя вполне согласно наставленію въ ев. отъ Луки 10, 4, ни съ кѣмъ не говорилъ и никого не привѣтствовалъ на пути. Единственнымъ привѣтствіемъ его было: „Покайтесь, penitentz agite!“ „Nesciebat enim exprimere, ut diceret poenitentiam agite“, прибавляетъ Салимбене въ сознаніи безупречности своей латыни. Однако, опозоренный должно быть произвелъ серьезное впечатлѣніе, такъ какъ самъ нашъ разсказчикъ говоритъ, что новое привѣтствіе вскорѣ стало лозунгомъ для многихъ, ищущихъ духовнаго просвѣщенія. На приглашенія къ завтраку или обѣду, или въ таверны этотъ дурачокъ всегда отвѣчалъ: „Или я приду, или не приду“—до мелочности доходящая любовь къ правдѣ, въ которой однако Салимбене видитъ противорѣчіе словамъ Господа: „Ваше слово пусть будетъ да, да или нѣтъ, нѣтъ“, и, когда однажды Сегарелли спросилъ у брата привратника францисканскаго монастыря объ одномъ монахѣ, тотъ отвѣтилъ такимъ же образомъ: „Или онъ въ монастырѣ, или нѣтъ“, что Салимбене находить чрезвычайно остроумнымъ. Однако, насмѣшка не помѣшала тому, что даже одинъ членъ монастыря, братъ-бѣлецъ Робертъ сталъ послѣдователемъ Сегарелли. Это былъ лишь монастырскій работникъ, утѣшаетъ себя лѣтописецъ, и монастырь лишь выигралъ отъ его ухода, такъ какъ тотчасъ получилъ лучшаго работника (*valde bonum*). Измѣнникъ къ тому же, подобно Іудѣ Искаріоту, былъ воръ; помимо другихъ небольшихъ вещей онъ взялъ съ собою скатерть, изъ которой, повидимому, сдѣлалъ себѣ бѣлую апостольскую мантию, потому что и онъ также появился въ этомъ апостольскомъ одѣяніи, чему не мало дивились жители Пармы.

Презрительный рассказ Салимбене опровергаетъ самъ себя; это ясно изъ того, что онъ не можетъ оспаривать успѣха новаго апостола. Число апостольскихъ братьевъ увеличилось уже до тридцати, и они собирались въ одномъ домѣ, гдѣ они вмѣстѣ ѣли и спали. Сбѣжавшій работникъ Робертъ былъ ихъ прокураторомъ, и Салимбене съ негодованіемъ замѣчаетъ, что жители Пармы, „его сограждане“, охотнѣе и больше даютъ пожертвованій этимъ тунеядцамъ, чѣмъ миноритамъ и монахамъ-проповѣдникамъ, хотя они за своихъ благодѣтелей не молятся, не читаютъ мессы, не проповѣдуютъ, не исповѣдуютъ, добраго совѣта не могутъ дать, потому что они не имѣютъ опытности духовнаго лица и не могутъ выступать какъ монахи, ибо они *portant et vassagum custodes*. Такъ нищенствующее движеніе вернулось опять къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ оно вышло нѣкогда въ Лионѣ.

Сильно помогло этимъ новѣйшимъ представителямъ нищенствующей жизни, по мнѣнію Салимбене ¹⁾, ихъ апостольское одѣяніе, которое доминиканецъ Бернардь Гвидони описываетъ такъ: длинная бѣлая туника; поверхъ нея надѣвалась бѣлая широкая мантія, подобно той, какую носили апостолы, прибавьте къ этому длинную бороду и отпущенные волосы, по образу Іоанна Крестителя, босыя ноги или же простыя сандаліи ²⁾. Въ оправданіе своего страннаго одѣянія они обыкновенно говорили, что апостолы также были назореями, не стригшими ни волосъ на головѣ, ни бороды, а такъ какъ населеніе благодаря картинамъ старинныхъ живописцевъ именно такъ представляло себѣ апостоловъ, то оно и вѣрило, что видитъ воочию истинную апостольскую жизнь. Съ другой стороны новые апостолы вредили францисканцамъ, ставшимъ смиренными и покорными рабами церкви, гѣмъ, что Сегарелли открыто порицалъ упадокъ церкви. Ихъ проповѣдь не ограничивалась призывомъ мірянъ къ покаянію, но эти новые апостолы возставали противъ общаго положенія церкви ³⁾, противъ прелатовъ, священниковъ и монаховъ. Въ противовѣсъ этому извращенію нравовъ они хотѣли указать людямъ путь, одобренный самимъ Іисусомъ Христомъ, т. е. жизнь безъ собственности, проповѣдь евангелія и собираніе подаенія по домамъ. Такъ событія, происшедшія при появленіи Вальдо въ Лионѣ, повторяются сто лѣтъ спустя въ деревняхъ и мѣстечкахъ округа Пармскаго.

¹⁾ Salimbene, стр. 123.

²⁾ Practica, 328.

³⁾ Practica, 327.

Такъ какъ новые апостолы не могли произносить публично своихъ рѣчей по большей части полемическаго содержанія, то они собирали свою паству тайно въ частныхъ домахъ или укромныхъ углахъ и учили, что они представляютъ собою духовную церковь среди церкви плотской.

Нѣкоторое время ихъ благодаря этому опять не замѣчали, пока ожиданіе новой эры—эры Духа, въ 1260 году, не обратило снова общественнаго вниманія на нихъ ¹⁾. Вторичное появленіе ихъ странныхъ фигуръ при наступленіи критическаго времени усилило возбужденіе населенія и оказало вмѣстѣ съ тѣмъ имъ большую поддержку. Распространенное іоахитами предсказаніе встрѣтило у всѣхъ вѣру настолько, что, какъ нѣкогда при приближеніи 1000 года, такъ и теперь ужась передъ наступленіемъ страшнаго суда охватилъ населеніе. А когда въ довершеніе всего въ 1259 году Италію постигла сильная смертность ²⁾, то сначала въ области Ассизи стали собираться кающіеся для взаимнаго бичеванія; во главѣ ихъ сталъ старый отшельникъ, Раньеро Фазани. Изъ Перуджіи, гдѣ Раньеро основалъ первую общину *disciplinati di Jesu Christo*, движеніе распространилось по всей Италіи. Лишь въ государствѣ Манфреда и нѣкоторыхъ другихъ владѣніяхъ гибеллиновъ не было этого сумасбродства. Съ быстротою орда, бросающагося на добычу, говоритъ Салимбене, распространилось движеніе по всей странѣ. Изъ города въ городъ шли бичующіеся на богомолье, почти обнаженные, предводимые священниками и монахами. Они шли съ ревностнымъ пѣніемъ и экстатическимъ восклицаніемъ: *misericordia!* Въ тактъ съ сочиненными ими самими гимнами и покаянными псалмами опускались бичи, и кровь указывала ихъ путь. Исповѣдальни такъ осаждались, что священники едва имѣли время поѣсть ³⁾. Салимбене самъ былъ съ недавняго времени въ Моденѣ и былъ принужденъ толпою, спустившеюся съ горъ, стать во главѣ ея. Большими обходами добрался онъ наконецъ до Пармы. Пржегія проповѣди мира, которымъ онъ внималъ въ 1233 году на площади, будучи мальчикомъ, теперь повторились подъ его руководствомъ и со всѣми тѣми же обстоятельствами, которымъ сопровождался во времена Аллилуіи, примиреніемъ враговъ, возвращеніемъ неправедно пріобрѣтеннаго, возвращеніемъ на родину изгнанниковъ и амнистіей всѣхъ для всѣхъ. Граждане должны

1) Bernardus Guidonis, *Practica*. Ed. Douais. Парижъ, 1886. Стр. 257
Эта часть известна уже изъ Muratori, *Rerum Ital. script.* IX, 447.

2) Salimbene, 238.

3) Стр. 239.

были волею-неволею подчиниться этому движенію, потому что на того, кто не бичеваль себя, смотрѣли какъ на существо, худшее діавола, и всѣ указывали на него пальцами, какъ на отмѣченнаго и принадлежащаго къ воинству зла. Случись съ нимъ какое-нибудь несчастіе, каждый посмотрѣлъ бы на это какъ на справедливое наказаніе. Лишь Паллавичини, тогдашній тиранъ кремонскій, не принялъ одного отряда бичующихся и загородилъ берегъ По палисадами, такъ что бичующіеся не могли проникнуть въ Кремону. Кремонцы, съ сильнымъ еврейскимъ населеніемъ, были заодно съ нимъ, ибо, говорить Салимбене, каковъ попъ, таковъ и приходъ. Однако „многіе мужественные юноши“ изъ Пармы рѣшили предпринять походъ бичующихся въ Кремону, чтобы ихъ благочестіе просіяло въ самомъ сердцѣ невѣрія. Но, когда подеста, не желавшій вовсе ссориться съ Паллавичини, запретилъ черезъ герольдовъ во всемъ пармскомъ округѣ эту затѣю, „мужественные юноши“ отказались отъ своего намѣренія, повинувшись правительству поставленному надъ ними. Цѣлый годъ іоахиты утопали въ блаженствѣ. Въ неистовствахъ флагеллантовъ они видѣли обѣтованное сошествіе Святого Духа и наступленіе эры Параклета¹⁾. Какъ скоро раздавались завыванія этихъ дикихъ дerviшей, они говорили: „Это голосъ Бога, а не человѣка“. Основывались новые ордена, и выступили самозванные проповѣдники покаянія, въ фантастическихъ одѣянiяхъ. Отъ нищенства нѣкоторые перешли къ грабежу. Салимбене смотрѣлъ косо на эти новые ордена, стѣснявшіе старыя, и возненавидѣлъ курію за то, что она терпитъ этихъ спасителей, спасающихъ лишь самихъ себя и приходящихъ во имя свое, а не во имя Бога. Въ такихъ смутахъ прошелъ пріятный годъ спасенія, и потокъ опять вернулся въ свое обычное русло, оставивъ лишь безобразные слѣды въ постигнутыхъ имъ мѣстностяхъ. Правда, Салимбене говорить объ этомъ возбужденіи съ умиленіемъ, какъ оно подобаетъ монаху, но онъ самъ признается, что неисполненіе всѣхъ пророческихъ предсказаній основательно излѣчило его теперь отъ мечтаній Іоахима. И чѣмъ напряженнѣе было ожиданіе іоахитовъ, тѣмъ сильнѣе было ихъ пораженіе. Эта партія и въ орденѣ потерпѣла ударъ, отъ котораго больше не оправилась. Правда, фанатики какъ и раньше усиленно изучали пророковъ, чтобы доискаться, въ чемъ была ошибка. Но Салимбене и этого было довольно. Прогулка изъ Модены въ Парму во главѣ завывающихъ поселянъ навсегда излѣчила его отъ пророчествованія. Только къ личности низложеннаго генерала Іоанна Пармскаго

1) Стр. 240.

сохранилъ онъ полное уваженіе, но не къ его ученію, и, когда кто-то укорилъ его: „Ты тоже, однако, былъ іоахимомъ“, онъ возразилъ: „Да, правда, и лишь по смерти императора Фридриха II и по истеченіи 1260 года, я совершенно отрекся отъ его ученія, и мое рѣшеніе теперь вѣрить лишь тому, что я вижу“. Кромѣ того, его вычисленія касательно будущаго были вызваны главнымъ образомъ тщеславіемъ и стремленіемъ играть роль. Послѣ же неудачи съ великимъ годомъ покаянія онъ увидѣлъ, что впредь, идя на этомъ пути, онъ сдѣлаетъ себя лишь смѣшнымъ. Къ тому же новый генералъ ордена, Бонавентура, былъ гонителемъ іоахимовъ, а Салимбене не имѣлъ ни малѣйшаго призванія къ мученичеству.

Иное дѣло Сегарелли. Религіозное возбужденіе всего больше было на руку его дѣлу. Толпа видѣла въ его фантастически одѣтыхъ братьяхъ-апостолахъ предсказанныхъ святыхъ монаховъ послѣднихъ временъ; а когда волненіе улеглось, то все же оно удесятирило ихъ число, и ихъ появленіе теперь относили къ великому 1260 году, подобно тому какъ другіе ордена отшельниковъ сохраняли воспоминаніе о 1000 годѣ ¹⁾). Разсказъ Салимбене доказываетъ, конечно, что проповѣдь покаянія Герардо была древнѣе, и Салимбене горячо оспариваетъ ссылку на предсказаніе Іоахима. По его мнѣнію, знаменитый аббатъ подъ Енохомъ и Иліею понималъ Доминика и Франциска, о Сегарелли же и его апостольскихъ братьяхъ нигдѣ не писано. Но въ то же время онъ самъ соглашается, что 1260 г. сильно содѣйствовалъ успѣху дѣла Сегарелли.

Послѣ того, какъ новое апостольское братство кающихся доказало свою жизнеспособность болѣе продолжительнымъ существованіемъ и ролью, которую оно играло въ великій годъ, Сегарелли рѣшилъ, что онъ можетъ заявить притязанія на утвержденіе церковью его ордена. Онъ послѣдовалъ примѣру святого Франциска и попросилъ своего земляка, магистра Альберта Пармскаго, одного изъ семи нотаріусовъ римской куріи, похлопотать о назначеніи папою отдѣльнаго ректора для ихъ ордена. Курія согласилась и дала имъ кураторомъ цистерціанскаго аббата изъ Фонтанавива, однако умыселъ при этомъ былъ скорѣе тотъ, чтобы наблюдать за новою общиною,

¹⁾ Бернардо Гвидони относитъ основаніе ордена къ 1260 году. *Additamentum Muratori IX, 448.* Eumericus, Director. Inquis., p. 268, говоритъ, что Герардо должно быть былъ сожженъ въ 1300 году, послѣ того, какъ въ теченіе сорока лѣтъ вводилъ свѣтъ въ соблазнъ. Точно такъ же Дольчино въ своемъ первомъ посланіи считаетъ отъ 1300 года.

чѣмъ содѣйствовать ей. Цистерціанецъ ничего и слышать не хотѣлъ объ основаніи новыхъ монастырей и напротивъ запретилъ братьямъ-апостоламъ основывать общины или собираться въ опредѣленныхъ домахъ; они должны были, согласно своей первоначальной идеѣ, странствовать по странѣ въ своемъ апостольскомъ одѣяніи и призывать къ покаянію, домами же пользоваться лишь какъ временные гости. Быть можетъ, курія думала, что, поймавъ этихъ мечтателей на словѣ, она тѣмъ легче избавится отъ нихъ. Братья-апостолы должны были буквально выполнять свой уставъ, жить безъ собственности и постоянныхъ жилищъ, и тогда,—такъ думали повидимому,—тѣмъ скорѣе бросятъ они свою затѣю; самъ опытъ приведетъ ихъ ad absurdum. Итакъ, аббатъ желалъ, чтобы это были церковные вальденцы, но отнюдь не новый орденъ съ монастырями или общины. Въ то время, какъ курія своимъ вмѣшательствомъ, слѣдовательно, скорѣе препятствовала сплоченію ордена, чѣмъ поощряла его, въ самомъ братствѣ произошелъ также внутренній расколъ. Появляются различные вожаки партій и образуютъ независимыя группы. Наконецъ, тотъ становится самымъ могущественнымъ, кто былъ богаче другихъ, и потому одинъ благородный и богатый житель Пармы, Гвидо Путаджи, другъ юности Салимбене, объявилъ, что главенство принадлежитъ ему, такъ какъ агитація велась на его средства. Подобно легату римской куріи, онъ проѣхалъ черезъ страну съ большою свитою, съ лошадьми и слугами, и давалъ въ городахъ блестящіе обѣды. Но большинство апостоловъ, однако, не одобряло этого свѣтскаго образа жизни и перешло къ брату Матѳею, который жилъ въ маркѣ Анкона, бывшей однимъ изъ коренныхъ мѣстъ нищенствующаго движенія. Сегарелли съ своей стороны отправился въ Романью, гдѣ онъ въ Фанцѣ заключилъ союзъ съ Гвидо Путаджи, такъ что по имени Сегарелли, а въ дѣйствительности Гвидо Путаджи былъ главою апостоловъ. Этотъ богатый гражданинъ Пармы приобрѣлъ въ Фанцѣ, на землѣ родственныхъ дворянъ, маленькую церковь и домъ, служившій его группѣ апостоловъ пристанищемъ. Но строгая партія въ маркѣ Анкона нашла, что Сегарелли, по своему положенію, принадлежитъ ей, и, страстно желая причислить къ своимъ членамъ перваго основателя ордена, она является въ Фанцу, чтобы увести Сегарелли въ марку Анкона, въ случаѣ нужды, даже противъ его воли. Такъ что дѣло дошло до форменной схватки на улицѣ, и апостоль нападалъ на апостола. Апостолы брата Матѳея вступили въ бой съ апостолами брата Гвидо на открытой площади, такъ что весь городъ пришелъ въ смятеніе. Въ концѣ концовъ побѣдилъ Гвидо, и Сегарелли остался въ Фа-

энцѣ. Салимбене въ то время былъ переведенъ въ монастырь миноритовъ въ Фаэнцу и имѣлъ случай близко наблюдать сектантовъ. Лицомъ, доставлявшимъ ему свѣдѣнія, былъ прежній монастырскій работникъ пармскаго монастыря, Робертъ, нѣкоторое время игравшій большую роль среди апостоловъ, теперь же отпавшій отъ нихъ, чтобы жениться на одной бывшей отшельницѣ. По словамъ Салимбене, Робертъ, и будучи апостоломъ, не могъ оставить воровства, и пряталъ получаемыя пожертвованія въ укромномъ уголкѣ. На эти-то сбереженія онъ и обзавелся теперь своимъ домикомъ. Салимбене убѣждалъ Роберта, что онъ долженъ былъ бы оставить жену и жить отшельникомъ, такъ какъ онъ все же далъ обѣтъ; однако брату Роберту надоѣло апостольство, и онъ остался въ своемъ уютномъ домикѣ. Братъ же Салимбене не постыдился развѣдывать о тайныхъ дѣлахъ братьевъ-апостоловъ у бывшаго монастырскаго работника, измѣнившаго имъ. Но тутъ именно и обнаружилось, что всѣ рассказы миноритовъ о распутствѣ братьевъ-апостоловъ были однимъ неосновательнымъ подозрѣніемъ, потому что отступникъ, не имѣвшій никакой причины щадить ихъ, рассказываетъ лишь, что Сегарелли очень держался за свое главенство, что онъ былъ неспособенъ руководить сектою и тому подобное. Братья хотѣли было удалить его, но Сегарелли настоялъ на томъ, чтобы остаться ихъ прелатомъ; до сихъ поръ, по его мнѣнію, онъ все велъ хорошо. Богъ силенъ въ слабыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его. Каждый долженъ нести свой крестъ и обязанъ дать отчетъ лишь одному Богу. Отсутствію пронизательнаго и способнаго главаря и приписывалъ Робертъ упадокъ общины. Ничего болѣе дурнаго не сообщилъ отступникъ, но Салимбене остается на своемъ посту и бдительно наблюдаетъ за подозрительнымъ братствомъ. Изъ его рассказовъ видно, съ какою жадностью минориты выслушиваютъ всякое наушничество, какъ они слѣдятъ за поведеніемъ неудобныхъ соперниковъ и шпионятъ, настороживъ глаза и уши, вокругъ дома противника; но все, что можетъ рассказать Салимбене, ихъ злой врагъ, лишь ребяческая сказка. Салимбене со злобою видитъ, какъ братья-апостолы приходятъ издалека къ мѣстожителю основателя ихъ ордена, чтобы повидать его, какъ они превозносятъ его похвалами, которыя послѣдній принимаетъ съ скромнымъ изумленіемъ. Ежедневно простоватаго брата Герардо окружала толпа, одѣтая въ бѣлыя мантии, и съ длинными волосами; по словамъ Салимбене, имъ нечего было сказать брату Герардо, и они сотни разъ называли Сегарелли *padre mio, padre mio*, и непрерывно пѣли *pater, pater, pater*, подобно дѣтямъ, выкрикивающимъ слова въ школѣ вслѣдъ за учителемъ. Вотъ все,

что могли шпионы Салимбене подслушать у дверей. Противникъ ставитъ столь прославленному Герардо въ укоръ даже тѣ вспомошествованія, которыя онъ оказываетъ своимъ, но они во всякомъ случаѣ доказываютъ безкорыстіе оклеветаннаго сектанта; судя же по почитанію, какимъ послѣдній пользуется, онъ вовсе не былъ совершеннымъ идиотомъ, какъ хочетъ увѣрить насъ Салимбене. Но источникъ этихъ вспомошествованій изсякъ, когда Гвидо Путаджи, охладѣвшій къ дѣлу и напуганный воспослѣдовавшимъ въ 1274 году на Ліонскомъ соборѣ запрещеніемъ неуполномоченныхъ нищенствующихъ орденовъ, рѣшилъ оставить Фаэнцу. Жители Болоньи, бывшіе на сторонѣ папы, готовились къ осадѣ гибеллинской Фаэнцы, которую они и взяли въ 1275 году ¹⁾. Во главѣ ихъ войска стоялъ двоюродный братъ Гвидо, Роландъ Путаджи, которому вождь апостоловъ вовсе не желалъ попасться въ руки. Такъ что Гвидо, павъ къ ногамъ Салимбене, умолялъ друга своей юности ходатайствовать за него. Но онъ былъ богатъ и принадлежалъ къ знати, ему было не трудно найти почетное прибіжище у темплизровъ, такъ какъ папа Григорій X постановилъ, что тѣ изъ вольныхъ эремитовъ, которые чувствуютъ себя связанными обѣтомъ, могутъ поступать въ другой орденъ. Повидимому съ отпаденіемъ Путаджи и колонія апостоловъ въ Фаэнцѣ, существовавшая на его средства, распалась. Но Сегарелли не пошелъ въ марку Анкона къ братьямъ, которые нѣкогда силою хотѣли завладѣть имъ, а вернулся обратно въ Парму, откуда былъ родомъ, и теперь вновь сталъ формально главою основаннаго имъ ордена. Первымъ актомъ управления Сегарелли было отправление апостоловъ во всѣ страны свѣта, чтобы учить народы и призывать ихъ къ покаянію. Нѣкоторые отправились въ Римъ, къ куріи, хлопотать объ утвержденіи ихъ ордена, чтобы тѣмъ предотвратить распаденіе ордена, которымъ угрожало рѣшеніе ліонскаго собора. Другіе пошли въ С.-Яго, въ С.-Микаель или за море. Но мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о миссіи въ испанской Галиціи и то позднѣе; во главѣ ея успѣшно дѣйствовалъ Рихардъ изъ Алессандріи и въ числѣ прочихъ обратилъ нѣкоего Петра Луго, который въ 1320 г. попалъ въ руки тулузской инквизиціи ²⁾.

Сегарелли остался въ Пармѣ. Конечно, послѣ рѣшительнаго повелѣнія папы и собора онъ долженъ былъ оставить свой апостольскій нарядъ ³⁾, но

¹⁾ Salimbene, 263.

²⁾ Limborch, Hist. inquis. p. 361.

³⁾ Salimbene, 117.

этимъ было выиграно не много. Въмѣсто этого одѣянiя онъ велѣлъ сдѣлать себѣ другое, также бѣлое, въ которомъ онъ скорѣе походилъ на скомороха, чѣмъ на духовное лицо. Въ бѣломъ одѣянiи, которое носилъ еще римскiй сцигга, Сегарелли, повидимому, вернулся опять въ ряды духовныхъ ярмарочныхъ ораторовъ, подобно тому незнакомцу, которому Вальдо Лионскiй былъ обязанъ своимъ обращенiемъ ¹⁾. Рѣчи этого новаго *joculator dei* самъ Салимбене признаетъ скорѣе наивными, чѣмъ зловредными. Такъ какъ духовный паяцъ—*ragliazzo*—скоро опять былъ окруженъ толпою послѣдовательницъ, то монахи снова стали распускать злостные слухи объ его тайныхъ дѣлахъ. Сегарелли даже былъ закованъ въ цѣпи, но судья объявилъ его свободнымъ, и епископъ Опицо изъ С.-Витале, племянникъ Инновентiа IV, умѣвшiй оцѣнить въ немъ духовную жизнь, взялъ его въ свою свиту какъ домочадца. Какъ нѣкогда Арнольдъ Брешианскiй нашелъ себѣ защиту отъ преслѣдованiя цистерцианцевъ у Германа Констанцскаго и легата Гвидо, такъ Сегарелли, гонимый францисканцами, проповѣдникъ реформы, нашелъ пристанище въ епископскомъ дворцѣ въ Пармѣ ²⁾. Но и здѣсь, конечно, онъ отнюдь не былъ въ безопасности отъ ядовитаго языка Салимбене. По словамъ Салимбене, Сегарелли присутствовалъ на пирахъ у епископа и ѣлъ за маршальскимъ столомъ. При этомъ онъ будто бы игралъ роль своего рода шута, нагло требуя отъ епископа лучшаго вина и развлекая епископа своими шутками. Возможно, что Сегарелли прикидывался *joculator dei*, какъ братъ Юниперъ и самъ святой Францискъ, но едва ли епископъ взялъ бы въ число своихъ домочадцевъ гонимаго проповѣдника покаянiя, если бы даже небольшая доля тѣхъ упрековъ, которыми осыпають нищенствующiе монахи своего неудобнаго соперника, имѣла основанiе. Эти упреки къ тому же такъ противорѣчивы, что опровергаютъ сами себя. Кто отдаетъ свое собственное имущество бѣднымъ, тотъ не потворствуетъ своимъ страстямъ, кто начинаетъ какъ кающiйся и проповѣдникъ покаянiя, врядъ ли кончаетъ какъ скоморохъ и придворный шутъ.

¹⁾ Salimbene, 372.

²⁾ Что онъ представился сумасшедшимъ и такимъ образомъ избѣжалъ наказанiя, объ этомъ говорится лишь въ одной замѣткѣ у Muratori IX, 447, и, конечно, это—преувеличенiе рассказа Салимбене, что онъ взялъ на себя роль шута при дворѣ епископа. Слова, цитируемыя Неандеромъ V, 2, 1231: *Amentiam finxit ideoque carcere ductus*, не встрѣчаются у Салимбене.

Если мы теперь спросимъ о причинахъ, которыя заставляли нищенствующихъ монаховъ вести борьбу съ родственнымъ имъ учрежденіемъ Сегарелли, то Салимбене нисколько не скрываетъ, что зависть играла тутъ главную роль. „Жители Пармы, мои сограждане, давали имъ больше и охотнѣе, чѣмъ намъ“ ¹⁾, говоритъ Салимбене вполне откровенно, и потому нищенствующій монахъ негодуетъ на людей, которые хотятъ жить работою и трудами другихъ и однако не приносятъ никакой пользы тѣмъ, кто даетъ имъ подаваніе ²⁾. Ибо только къ уполномоченнымъ папою относятся слова Писанія, что кто проповѣдуетъ евангеліе имѣетъ также право кормиться отъ евангелія ³⁾. Апостоль говоритъ: кто учится, пусть дѣлится съ тѣмъ, кто его поучаетъ, слѣдовательно, учителя имѣютъ право позволять, чтобы ученики содержали ихъ; вотъ почему во Франціи существуетъ похвальный обычай, что священники получаютъ десятину отъ всего, и отъ скота и отъ куръ; эти же неучи никого не могутъ поучать, слѣдовательно, они крадутъ хлѣбъ съ алтаря, ибо они не работаютъ, какъ крестьяне, не сражаются, какъ солдаты, не проповѣдуютъ, какъ клирики. Потому они и не имѣютъ права жить подаваніями прихода, какъ минориты и монахи-проповѣдники. Къ послѣднимъ однимъ относится, согласно Іоахиму Флорису, пророчество Іереміи; пророкъ понималъ подъ рыбаками и охотниками, которые нѣкогда должны прійти, ловцовъ и рыбарей людей, т. е. францисканцевъ и доминиканцевъ; также Інноцентій IV примѣнялъ къ *fratres minores* слова Господа: „Пустите *minores*, меньшихъ, и не препятствуйте имъ приходить ко мнѣ, ибо таковыхъ есть царство небесное“ ⁴⁾. Салимбене даже думаетъ, что Григорій X именно потому и преслѣдовалъ братьевъ-апостоловъ и саккати, чтобы оба утвержденные закономъ нищенствующіе ордена безъ помѣхи могли жить подаваніями.

Второй упрекъ, дѣлаемый Салимбене братьямъ-апостоламъ, тотъ, что вся идея нищенствующаго движенія необходимо подвергнется презрѣнію, разъ нищенствующіе монахи будутъ изъ подонковъ населенія. При этомъ сытъ рыцаря да Адамо перечисляетъ намъ свои собственныя научныя знанія и хвастается тѣмъ образованіемъ, которое онъ принесъ съ собою въ орденъ ⁵⁾. Его негодованіе, въ данномъ случаѣ, конечно, плохо со-

¹⁾ Стр. 114, 111.

²⁾ Стр. 116.

³⁾ Стр. 119.

⁴⁾ Тамъ же, 121.

⁵⁾ Тамъ же 120.

гласуется съ тѣмъ, что братья-апостолы часто перехватывали уже въ послѣдній моментъ у миноритовъ многообѣщавшихъ юношей, на которыхъ орденъ рассчитывалъ навѣрняка. Такъ, племянникъ одного минорита, заявившій уже о своемъ желаніи поступить въ орденъ, перешелъ къ братьямъ-апостоламъ, потому что генераль францисканцевъ нѣсколько замедлил рѣшеніемъ поданной имъ просьбы; между тѣмъ онъ горѣлъ желаніемъ произнести четыре или пять рѣчей, которыя выучилъ уже наизусть, и это заставило его обратиться къ братьямъ-апостоламъ, допустившимъ его немедленно къ проповѣди въ соборѣ ¹⁾. Богатаго и благороднаго Гвидо Путаджи Салимбене также не прощаетъ апостоламъ, и даже монастырскаго работника Роберта, о которомъ онъ говоритъ съ такимъ презрѣніемъ, онъ удостоиваетъ своихъ ученыхъ правоученій и не упускаетъ случая подробно сообщить намъ ихъ ²⁾. Эта борьба изъ-за послушниковъ, очевидно, также портила отношенія между обѣими родственными общинами.

Преимущество же братьевъ-апостоловъ передъ миноритами состояло именно въ ихъ бдѣльнейшей строгости, ею объясняются болѣе богатые пожертвованія, тяготѣніе къ нимъ толпы и вступленіе ревностныхъ сочленовъ. Братья-апостолы были дѣйствительно тѣмъ, за кого лишь выдавали себя нищенствующіе монахи. Слова евангельскія, на которыя они ссылались оба, буквально выполняли только братья-апостолы. Въ силу повелѣнія: кто имѣетъ два платья, отдай тому, у кого его нѣтъ, они запрещали своимъ сочленамъ имѣть больше одного платья. Въ этомъ они поступали совершенно въ духѣ святаго Франциска, который еще въ своемъ завѣщаніи жалуется, что это апостольское правило было выброшено изъ его устава; нашъ же францисканецъ лишь смѣется, что вслѣдствіе этого повелѣнія новые апостолы никогда не могутъ мѣнять своего платья, ни мыть его, ни носить двойное платье, когда дѣлается холодно. Поэтому они никогда не могутъ вычистить платья отъ грязи, пыли и наскѣкомыхъ. Салимбене даже рассказываетъ, какъ однажды два минорита зашли къ одной женщинѣ, и она смѣясь рассказывала имъ, что ей пришлось уложить одного апостола въ постель безъ всякаго платья, потому что ничего иного ей не оставалось сдѣлать, чтобы вымыть и высушить его апостольскую мантию ³⁾. Изъ этой неосторожной полемики, однако, слѣдуетъ лишь одно, что братья-апостолы исполняли на-

¹⁾ Стр. 117.

²⁾ Стр. 116.

³⁾ Salimbene, 121.

ставленія Спасителя въ рѣчи сказанной Имъ при отправленіи апостоловъ на проповѣдь, наставленія, первоначально составлявшія истинный уставъ миноритовъ, а минориты не исполняли ихъ. Это и было причиною, почему новые апостолы получали богатяя пожертвованія въ домахъ, гдѣ миноритами отказывали.

Другое преимущество новаго ордена также выдаетъ намъ неосторожный обвинитель. Воодушевленіе новыхъ апостоловъ сдѣлало ихъ краснорѣчивыми въ то время, когда у миноритовъ проповѣдь была возложена на особо назначенныхъ ученыхъ ораторовъ. Правда, Салимбене увѣряетъ, что братья-апостолы допускали до проповѣди людей, которымъ францисканцы не поручили бы даже мыть посуду и ходить съ сумою по домамъ. Однако, онъ же рассказываетъ, что тотъ мальчикъ, который такъ стремился говорить съ каедры, благодаря посредничеству братьевъ-апостоловъ могъ проповѣдывать во всѣхъ соборахъ. И разъ случилось, что, когда прославленный францисканскій проповѣдникъ, Бонавентура, проповѣдывалъ съ каедры въ францисканской церкви въ Феррарѣ, вдругъ во время проповѣди нѣкоторые встали и ушли. Когда Бонавентура спросилъ, что это значитъ, ему отвѣтили, что въ церкви святого Георгія въ скоромъ времени будетъ проповѣдывать этотъ юный апостолъ, и, такъ какъ народъ уже заранѣе стремился на его проповѣдь, то его слушатели боялись, что не найдутъ мѣста, и поспѣшили туда. Бонавентура объявилъ, что не можетъ удерживать тѣхъ, кто хочетъ бѣжать за этимъ мальчикомъ, но привелъ также нѣкоторыя укоризненныя мѣста изъ Священнаго Писанія противъ тѣхъ, которые учатъ, чему они не учились, и вспоминаетъ при этомъ слова св. Іоанна въ Апокалипсисѣ, глава 11, о двухъ свидѣтеляхъ, которые будутъ пророчествовать 1200 дней, будучи облечены во вретнице. По первоначальному смыслу, правда, это были Енохъ и Илія, теперь же подъ ними подразумѣвались также оба ордена, Доминика и Франциска, какъ это предвидѣлъ аббатъ Іоахимъ, относившій это мѣсто къ двумъ орденамъ, которые придутъ послѣ него. Еще мудрый Соломонъ говорилъ: горе странѣ, царь которой мальчикъ. „Итакъ, спѣшите же къ своему мальчику, котораго вы хотите слышать“. Знаменитый проповѣдникъ, конечно, ожидалъ, что его паства шумно потребуетъ продолженія его собственной проповѣди, но, едва только произнесъ онъ позволеніе, поднялись и остальные его слушатели и бросились изъ церкви, не дожидаясь другъ друга ¹⁾). Проповѣдь того же самаго маль-

1) Ibidem, 118.

чика слушала самъ Салимбене въ кафедральной церкви въ Равеннѣ; и тамъ также прихожане позабывъ всякое достоинство бѣжали въ соборъ; известная ревнительница къ посѣщенію храмовъ, Джульета, супруга рыцаря Гвидо Рицуги да Полента, жаловалась миноритамъ, что она не видѣла ни одной женщины, не обогнавшей ея, а когда она не торопясь, съ важностью пришла къ собору, то нашла только одно свободное мѣсто у дверей; а между тѣмъ знаменитая церковь Урсіано имѣла четыре боковыхъ нефа и могла вмѣстить громадное количество людей. Такъ слѣдовали они за этимъ мальчикомъ изъ города въ городъ, изъ собора въ соборъ, и повсюду было одно *admiratio soriosa*. Церковь положимъ даже позволяла, чтобы въ день невинныхъ младенцевъ юноша, показавшій себя достойнымъ избранія, сидѣлъ на епископскомъ мѣстѣ, но, по мнѣнію Салимбене, легко доказать, что эти люди не находились подъ наитіемъ благодати ¹⁾.

Итакъ, братья-апостолы давали каждому возможность приносить пользу, какую онъ умѣлъ, и это сильно помогло имъ, какъ и та роль, какую они позволили играть женщинамъ въ своемъ орденѣ. Положеніе, которое хотѣла занять во францисканскомъ монастырѣ Клара Шифи, въ чемъ ей помѣшалъ кардиналъ Гуго, здѣсь занялъ цѣлый рядъ энергичныхъ женщинъ, находившихъ, что постоянная странническая жизнь, участіе въ предпріятіяхъ мужчинъ, выступленіе въ собраніяхъ и даже, наконецъ, пользованіе оружіемъ на войнѣ не противорѣчатъ положенію женщины. Вмѣстѣ съ Гвидо Путаджи его сестра Трипіа ²⁾ также стала руководительницей апостольскаго ордена, и эта богатая и знатная дама дала примѣръ другимъ; помимо нея много женщинъ вступило въ новую армію спасенія. Казалось, что это также относится къ подражанію жизни Іисуса. Онъ, понятно, при случаяхъ ссылался на то, что въ числѣ слѣдовавшихъ за Іисусомъ Христомъ были также женщины, оказывавшія ему помощь своимъ имуществомъ ³⁾. Разумѣется, допущеніе женщинъ было истолковано монахами съ ядовитыми намеками, однако мы не имѣемъ никакого права представлять себѣ этихъ странствующихъ женщинъ и мужчинъ, проповѣдывавшихъ покаяніе и поддерживаемыхъ вѣрующими, какъ толпу кочующихъ цыганъ. Совершенно такой же образъ жизни вели вальденцы, строгіе нравы которыхъ ни для кого теперъ не подлежатъ сомнѣнію, несмотря на подобныя же обвиненія въ посланіяхъ Иннокентія III. Въ тотъ вѣкъ, когда столько

¹⁾ Стр. 119.

²⁾ Salimbene, ук. с. 120.

³⁾ Salimbene, 330.

было странниковъ, какъ къ концу крестовыхъ походовъ, на этотъ образъ жизни слѣдуетъ смотрѣть иначе, чѣмъ въ наше время.

Все-же это дикое движеніе нищенствующихъ стало общественнымъ бѣдствіемъ, такъ что церковь вскорѣ послѣ великаго движенія бичующихся выступила противъ него. Первымъ поднялъ вопросъ объ этомъ злѣ Теобальдъ Висконти изъ Пяченцы, вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Григорія X въ 1271 году, на знаменитомъ соборѣ, засѣдавшемъ отъ 7-го мая до 17-го іюля 1274 года въ Лионѣ; тогда воспослѣдовало запрещеніе вольныхъ нищенствующихъ орденовъ и ихъ непристойнаго апостольскаго одѣянія, о чемъ мы уже упоминали ¹⁾). Салимбене неустанно ссылается на это постановленіе собора противъ братьевъ-апостоловъ ²⁾), но имѣеть на то сомнительное право, такъ какъ эти постановленія собора означали реакцію бѣлаго духовенства вообще противъ нищенствующей идеи. Даже противъ собственнаго ордена Салимбене, противъ миноритовъ, заявлялись на соборѣ жалобы, гораздо болѣе многочисленныя и болѣе страстныя, чѣмъ противъ новыхъ апостоловъ ³⁾). Въ одномъ докладѣ, представленномъ епископомъ ольмуцскимъ Бруно по требованію папы, минориты и монахи-проповѣдники обвиняются въ томъ, что они благодаря сокращеннымъ мессамъ въ своихъ монастырскихъ церквахъ отвлекаютъ народъ отъ приходскихъ церквей, что они самовластно раздаютъ индульгенціи, что исповѣди, духовное попеченіе, посѣщеніе больныхъ, погребенія во многихъ мѣстахъ перешли совершенно въ ихъ руки, что они практикуютъ сильно вымогательство наслѣдствъ, и обращаютъ въ свою пользу завѣщанія въ пользу церкви. Самъ Салимбене цитируетъ ихъ обычную поговорку, которою они побуждаютъ больныхъ сдѣлать духовную: *Quod non accipit Christus accipit fiscus* ⁴⁾). Непопулярныхъ же порученій, какъ, напримѣръ, церковной цензуры и наложенія отлученія отъ церкви, монахи не желаютъ брать на себя, ихъ они скромно предоставляютъ власти епископовъ и бѣлаго духовенства.

Рядомъ съ этими жалобами на нищенствующихъ монаховъ этотъ докладъ говоритъ также, конечно, о мужчинахъ и женщинахъ, присвоивающихъ себѣ облаченіе и имя монаховъ, тогда какъ уставъ ихъ не утвержденъ апостольскимъ престоломъ; эти праздные болтуны скитаются съ мѣста на

1) Salimbene, 112, 116.

2) Salimbene, 112, 262, 329.

3) Cp. Mansi XXIV. p. 51.

4) Salimbene, 372.

мѣсто и главнымъ образомъ клевету на бѣлое духовенство, у котораго они не желаютъ ни исповѣдываться, ни совершать другихъ таинствъ, показывая тѣмъ, что таинство-де осквернено ихъ руками. Нѣтъ никакого основанія относить эти жалобы, приведенныя епископомъ ольмюцскимъ, именно къ братьямъ-апостоламъ Сегарелли; мы видимъ изъ нихъ лишь, что были еще живы арнольдистскія идеи даже по ту сторону Альпъ. Такъ что канонъ собора, на который безпрестанно ссылается Салимбене противъ братьевъ-апостоловъ, имѣетъ общее значеніе; а если этотъ канонъ исключаетъ миноритовъ и проповѣдниковъ изъ предписанныхъ ограниченій, то мы должны принять во вниманіе, что генераль францисканцевъ, только что возведенный въ санъ кардинала Бонавентура, лично присутствовалъ въ Лионѣ и назидаль отцовъ своимъ краснорѣчіемъ. Прежде всего этотъ канонъ (XXIII) повторяетъ запрещеніе четвертаго латеранскаго собора основывать новые ордена. Утвержденные же нищенствующіе ордена не должны никого допускать къ произнесенію монашескаго обѣта и не приобрѣтать никакихъ новыхъ стоянокъ безъ особаго разрѣшенія римскаго престола. Учрежденія, предоставленныя имъ, могутъ быть обращены на пользу святой земли или бѣдныхъ. Изъ этихъ постановленій исключаются лишь минориты и доминиканцы, потому что польза ихъ для церкви очевидна. Кармелиты же и отшельники-августинцы должны были оставаться *in suo stato* и ждать рѣшенія куріи.

Такъ какъ въ этихъ постановленіяхъ братья-апостолы не называются прямо, и потому могло возникнуть сомнѣніе, относится ли къ нимъ, получившимъ церковнаго куратора, запрещеніе неутвержденныхъ орденовъ, то ихъ сначала оставляли въ покоѣ; Салимбене приписываетъ это *miseria et pigritia* епископовъ ¹⁾. Въ то время какъ саккати, повинувая постановленіямъ собора, или поступаютъ въ другіе ордена, или по крайней мѣрѣ ведутъ себя смиренно и не принимаютъ больше послушниковъ, братья-апостолы обыкновенно говорили людямъ, выражавшимъ желаніе поступить къ нимъ: „Вотъ апостольская одежда, мы не имѣемъ права принять васъ, потому что это намъ запрещено, но вамъ не запрещено надѣть ее, итакъ, поступайте, какъ вамъ кажется лучше“. Если затѣмъ вновь принятые продавали свое имущество, то они не раздавали вырученныхъ денегъ бѣднымъ, но сохраняли золото у себя, что, разумѣется, очень облегчало рѣшеніе поступить въ орденъ. Такимъ путемъ, жалуются Салимбене, они постепенно усиливаются, и безчин-

¹⁾ Salimbene, 121, 262.

ство ихъ не прекратится, пока папа не прогнѣвается на нихъ и не рѣшитъ истребить ихъ съ корнемъ. Слѣдовательно, самъ противникъ этимъ допускаетъ, что постановленія собора 1274 года не достигли своей цѣли, хотя Салимбене постоянно ссылается на нихъ ¹⁾).

Точно такъ же и епископъ Опицо де Санъ-Витале не лишалъ Сегарелли своего покровительства до тѣхъ поръ, пока усилившаяся оппозиція нищенствующихъ монаховъ и нѣкоторые неосторожные поступки апостоловъ не заставили его избавиться отъ своего неудобнаго любимца.

Въ 1284 году общее вниманіе было привлечено двумя апостолами, за которыми слѣдовала толпа молодыхъ и старыхъ мужчинъ; они шли по большой дорогѣ между Моденою и Пармою. Цѣль ихъ паломничества была, какъ они говорили, Парма, такъ какъ они хотѣли видѣть брата Герардо Сегарелли. Къ его ногамъ вновь обращенные желали принести свое имущество и получить его благословеніе странствовать по всему свѣту и проповѣдывать. Въ одной церкви близъ Пармы Сегарелли совершилъ актъ рукоположенія и благословенія на проповѣдь. Разумѣется, пармскіе минориты не замедлили усмотрѣть въ этомъ нарушеніе декретовъ Григорія X и лійонскаго собора ²⁾. Но, едва улеглось возбужденіе, вызванное этимъ нарушеніемъ правилъ, по той же дорогѣ прошли двѣнадцать молодыхъ женщинъ, также одѣтыхъ въ апостольское одѣяніе; онѣ объявили, что онѣ сестры недавно поступившихъ и идутъ въ Парму, чтобы тоже принять посвященіе отъ Сегарелли. Изъ этого отдѣльнаго путешествія сестеръ слѣдуетъ, конечно, заключить, что въ орденѣ соблюдались дисциплина и порядокъ, и первая буллы также не упрекаютъ его въ противномъ. Раздраженіе же монаховъ возросло, когда женщины приняли также активное участіе въ этомъ движеніи, и когда посвященные ссылались въ оправданіе своей страннической жизни на Первое посланіе къ Коринѣ., 9, 5, гдѣ говорится, что апостолы водили сестеръ, женъ съ собою ³⁾. Но окончательную катастрофу вызвало происшествіе, случившееся въ 1286 году въ Болоньѣ. О святомъ Алексѣѣ рассказывали, что онъ въ день свадьбы принялъ рѣшеніе отречься отъ міра, и вмѣсто того, чтобы возложить на себя ярмо супружества, богатства, родства, онъ бѣжалъ къ свободѣ, въ міръ, на служеніе Богу. Въ стихахъ воспѣвали армарочные пѣвцы этого романтическаго святого и его трогательную

¹⁾ Стр. 262.

²⁾ Salimbene, 329. 330.

³⁾ Salimbene, 330.

судьбу. Такому человѣку, какъ Вальдо, этотъ разсказъ показался столь назидательнымъ, что онъ рѣшилъ стать вторымъ Алексѣемъ. Совершенно то же самое произошло, по словамъ Салимбене, въ Волоньѣ ¹⁾. Одинъ молодой дворянинъ, сынъ богатыхъ родителей, долженъ былъ вступить въ бракъ, соответствующій его положенію. На свадебномъ пиру богатые имѣли обыкновеніе угощать ярмарочныхъ пѣвцовъ и всякихъ странниковъ, и женихъ принялъ въ свой домъ трехъ новыхъ апостоловъ; они пріобрѣли надъ нимъ большое вліяніе, и онъ рѣшилъ, что его бракъ будетъ лишь фиктивнымъ бракомъ. Но вскорѣ ему показалось, что гости преслѣдовали сами его жену. Возможно, что жена или родители ея хотѣли путемъ подобнаго обмана излѣчить его отъ его причуды, какъ бы тамъ ни было, но онъ сталъ относиться съ недоверіемъ къ своимъ гостямъ и однажды въ гнѣвѣ донесъ на нихъ подестѣ, послѣ чего три апостола покончили на висѣлицѣ. Происшествіе надѣлало много шума, и недоброжелательство, которое оно навлекло на апостольскій орденъ, отразилось также на его основателѣ. Когда вѣсть объ этомъ происшествіи въ Волоньѣ дошла до епископа пармсаго Опицо, онъ лишилъ Сегарелли своего покровительства. Отецъ братьевъ-апостоловъ, бывший въ продолженіе одиннадцати лѣтъ его домохадцемъ, не только долженъ былъ покинуть епископскій дворецъ, но даже былъ высланъ изъ самой Пармы и всей епархіи и такимъ образомъ противъ воли снова долженъ былъ приняться за апостольское странствованіе. Мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать этотъ разсказъ Салимбене во лжи, такъ какъ онъ, разумѣется, прекрасно знаетъ все, что дѣлается въ Пармѣ. Но въ томъ же самомъ 1286 году Гонорій IV снова приказалъ епископамъ запретить братьямъ-апостоламъ ихъ особенное одѣяніе и странническую жизнь, такимъ образомъ изгнаніе Сегарелли легко можетъ быть поставлено въ связь съ этимъ папскимъ приказаніемъ, даннымъ архіепископамъ и епископамъ.

Съ этого времени извѣстія наши о дальнѣйшей судьбѣ Сегарелли становятся очень отрывочными, потому что Салимбене потерялъ изъ виду этого скитальца послѣ его ухода изъ Пармы. Относительно того, что было съ нимъ послѣ 1286 года въ послѣднія четырнадцать лѣтъ его страннической жизни, мы имѣемъ лишь скудныя извѣстія, которыя сообщаетъ инквизиторъ Бернардо Гвидони по случаю процесса Дольчино и объ учителѣ его Сегарелли ²⁾,

¹⁾ Salimbene, 371.

²⁾ Additamentum ad historiam fratris Dulcini, haeresiarchae. Muratori, Rerum Ital. script. IX, 448 сс. По словамъ Гуго Саксеа, Бернардо Гви-

Изъ этого разсказа явствуетъ, что несмотря на изгнаніе Сегарелли нищенствующее движеніе продолжалось повсемѣстно, но теперь оно направило свои удары пуще прежняго противъ обмірщившейся церкви, которой апостолы противопоставляли свою бѣдную жизнь, полемизируя въ духѣ арнольдистовъ и вальденцевъ противъ пышности, великолѣпія официальнаго духовенства и забвенія имъ своихъ обязанностей. Это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ положенія, которое недавно приняла курія по отношенію къ союзу апостоловъ.

Въ 1284 году на престолъ св. Петра вступилъ Гонорій IV, бывшій, подобно Гонорію третьему, изъ семьи Савелли. Салимбене называетъ его врагомъ нищенствующихъ монаховъ, хотя и онъ издалъ не мало эдиктовъ въ ихъ пользу ¹⁾. Во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ для нихъ столько, сколько они желали, и по мнѣнію Салимбене, это былъ старикъ, удрученный подагрой и общею слабостью, скупой и жалкій, настоящій римлянинъ (homo Romanus). По словамъ Салимбене, онъ хотѣлъ причинить обоимъ большимъ нищенствующимъ орденамъ величайшее безчестіе и тяжкое оскорбленіе, намѣреваясь отнять у нихъ проповѣдническія каеэды и исповѣдальни. Этотъ нищенствующій монахъ, жадный до сплетенъ, даже говоритъ о той суммѣ, за которую извѣстные прелаты купили у святого отца это распоряженіе ²⁾. Конечно, авторъ хроники долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе для своего опасенія, и, если лицо, занимавшее высшее мѣсто, такъ мало сочувствовало нищенствующему движенію, апостольскій орденъ всего менѣе могъ разсчитывать на симпатію папы. Дѣйствительно, ударъ, котораго минориты напрасно опасались для себя, разразился надъ нищенствующими братьями: 11 марта 1286 года была обнародована булла ко всеѣмъ архіепископамъ и епископамъ ³⁾, напоминавшая имъ, что уже Григорій X въ 1274 году на ліонскомъ соборѣ, ссылаясь на извѣстное запрещеніе четвертаго латеранскаго собора, упразднилъ и навсегда запретилъ все новыя ордена, не утвержденныя апостольскимъ престоломъ. Не взирая на то, появилась новая община, подъ именемъ ордена апостоловъ, присвоила себѣ особую одежду, въ которой странствуетъ по свѣту, при чемъ занимается тѣмъ, что ей не

дони и братьевъ-апостоловъ, этотъ тулузскій инквизиторъ начала четырнадцатаго столѣтія былъ авторомъ *additamentum*. Ср. параллельныя мѣста въ *Practica*, éd. Douais. Стр. 258 и др.

1) Salimbene, 371. Ср. тутъ регесты Потгаста № 22225.

2) Salimbene, 371.

3) *Practica*, 328.

подобаетъ, къ погибели своей собственной души и къ великому неудовольствію большинства, тѣмъ болѣе, что среди нихъ должны находиться нѣкоторые заподозрѣваемые въ ереси. Вотъ почему папа напоминаетъ объ исполненіи упомянутыхъ предписаній. Слѣдовательно, упрекъ въ ереси дѣлается не ордену или его основателю, а лишь нѣкоторымъ членамъ и то весьма неопредѣленный; точно такъ же намеки на непристойное поведеніе весьма общіе. Поэтому ничего не говорится о наказаніи, а только о запрещеніи этого занятія, подающаго поводъ къ большому соблазну и противорѣчащаго положительнымъ постановленіямъ соборовъ и папскихъ декретовъ. Вслѣдствіе этого епископы должны, когда въ ихъ епархіяхъ появятся эти апостолы, увѣщевать ихъ оставить свое противозаконное занятіе, а въ случаѣ нужды путемъ церковныхъ наказаній заставлять ихъ снять свою особенную одежду. Тѣ же, которые чувствуютъ себя связанными обѣтомъ, могутъ перейти въ одинъ изъ утвержденныхъ орденовъ. Если нѣкоторые будутъ упорствовать и не захотятъ подчиниться церковной цензурѣ, то ихъ должно хватать и заточать, а въ случаѣ нужды обращаться за помощью къ свѣтской власти. Это распоряженіе епископы должны сообщить населенію и увѣщевать его не давать пристанища никому изъ тѣхъ, кто стравствуетъ въ одеждѣ подобной апостольской, не давать имъ подаяній и никоимъ образомъ не оказывать имъ поддержки. Самую папскую буллу должно чаще напоминать христіанскому народу, ибо папа твердо рѣшилъ совершенно искоренить эту общину, которая не столько орденъ, сколько вредная секта, чтобы она своею обманчивою внѣшнею святою жизнью не обманывала и не вводила въ искушеніе довѣрчивыя сердца вѣрующихъ ¹⁾. Итакъ, не тайное распутство, которое Салимбене ставитъ въ вину братьямъ-апостоламъ, и не положительныя ереси были поводомъ уничтоженія ордена братьевъ-апостоловъ, а ихъ стремленіе противопоставить свою собственную апостольскую жизнь, съ ея, повидимому, большею святостью, какъ контрастъ съ жизнью церкви или, какъ выражается нашъ рассказчикъ Бернардо Гвидони ²⁾, ихъ смѣлость указывать церкви новый путь, не обдумавъ, насколько вѣрнѣе старыя испытанныя пути.

Но всѣ подобныя церковныя запрещенія только тогда имѣютъ полную силу, когда на ихъ сторонѣ стоитъ общественное мнѣніе, въ данномъ же случаѣ этого не было. Такъ что единственнымъ слѣдствіемъ его, которое мы можемъ

1) Muratori IX. 447. Practica, 328.

2) Practica, 327.

подтвердить, было повтореніе папскаго запрещенія на иностранныхъ соборахъ; оно подтверждаетъ разумѣется также слова Бернардо, который говоритъ, что безчиство этихъ новыхъ апостоловъ уже успѣло распространиться по всему свѣту. Очевидно, во вниманіе къ буллѣ, изданной въ 1286 году, вюрцбургскій соборъ въ слѣдующемъ году (1287) ¹⁾ предписываетъ такой канонъ: „Ни одинъ духовный, ни мірянинъ не долженъ принимать и содержать лже-апостоловъ, странствующихъ въ необычайной одеждѣ“. И въ Англии Чичестерскій соборъ 1289 года предостерегаетъ отъ лжемонаховъ, которые выдаютъ себя за членовъ ложнаго, такъ называемаго апостольскаго ордена, т. е. странствуютъ въ одѣвннн апостольскомъ, отпустивъ подобно апостоламъ волосы и бороду, и, непризванные, захватываютъ церковныя каѳедры и исповѣдальни ²⁾. Здѣсь, слѣдовательно, лжеапостолы пошли уже дальше, чѣмъ въ Италіи. Если Путаджи въ Фаэнцѣ и Сегарелли въ Пармѣ пользуются церквами, все же до сихъ поръ ихъ не обвиняли въ присвоеніи исповѣдаленъ. Если допустить связь между этими болѣ смѣлыми сѣверными братьями-апостолами съ италіянскими, то по всей вѣроятности посредниками тутъ были римскіе паломники, познакомившіеся въ Италіи съ новымъ апостольствомъ и видѣвшіе, какое впечатлѣніе производило оно на вѣрующихъ. Зная силу, которую повсюду имѣла еще надъ умами идея апостольской жизни, мы не удивляемся тому, что булла Гонорія IV въ концѣ концовъ была лишь ударомъ по воздуху. Папа умеръ уже въ 1287 году, и, какъ думаетъ Салимбене, Господь отозвалъ его именно потому, что то, чтѣ онъ замышлялъ противъ нищенствующихъ орденовъ, привело бы къ большому вреду для душъ ³⁾. На конклавѣ 1288 года партія, доброжелательная нищенствующимъ орденамъ, одержала блестящую побѣду. На папскій престолъ вступилъ францисканецъ изъ марки Анкона, братъ Іеронимъ, принявшій имя Николая IV. Для нищенствующаго движенія самого по себѣ это было выгодно; но францисканцы видѣли въ братьяхъ-апостолахъ лишь обезьянничаніе съ ихъ дѣла, что могло подвергнуть насмѣшкѣ нищенствующіе ордена, и потому новый папа, францисканецъ, продолжалъ борьбу своего ордена противъ конкурентовъ и вновь напомнилъ епископамъ въ 1290 году о предписаніи своего предшественника ⁴⁾. Однако то же самое

1) Mansi XXIV, 850—868. Canon 34.

2) Salimbene, 371.

3) Concilia magnae Britanniae ed. Dav. Wilkins, II, 172.

4) Eumerici director. inquis. p. 270. Practica, 329.

народное настроеніе, благодаря которому возвысился самъ Николай, было на руку также болѣе вѣрнымъ представителямъ апостольской жизни, и именно въ это время, въ 1291 году, со вступленіемъ энергичнаго и краснорѣчиваго Дольчино дѣло ордена, вопреки папскому запрещенію, опять подвинулось впередъ ¹⁾. Правда, нашъ рассказчикъ хвалится, что папскія буллы имѣли хорошее дѣйствіе, что вѣрующіе все больше и больше удалялись отъ лжеапостоловъ, однако, онъ самъ прибавляетъ, что вслѣдствіе простоты народа и равнодушія епископовъ зло все же продолжало усиливаться незамѣтно, и въ то же время Сегарелли исправлялъ пока попрежнему свою должность главы ордена, сыновья Веліала умножались въ числѣ.

Послѣ того, какъ Сегарелли долженъ былъ оставить епископскій дворецъ въ Пармѣ, онъ вернулся къ своей прежней апостольской дѣятельности, и между его учениками и учениками Вальдо больше почти нѣтъ различія. „Братья-апостолы не выступаютъ больше публично, какъ раньше“, говоритъ нашъ рассказчикъ, „но втайнѣ обращаются къ вѣрующимъ“ ²⁾. Они теперь выступаютъ со своимъ лжеученіемъ лишь осторожно и исподоволь, нападая то на тотъ, то на другой порядокъ въ церкви, смотря по представившемуся случаю. Ихъ главная тема—испорченность духовенства и дурная жизнь епископовъ и монаховъ. Они умѣютъ заставить вѣрить, что ихъ только потому преслѣдуютъ священники, что они учатъ евангельской истинѣ. Если они созываютъ собранія, то выступаютъ вполне пристойно. Они говорятъ: „Бодрствуйте и молитесь, ибо это спасительно для души“. Затѣмъ произносятъ Отче нашъ или Ave Maria и читаютъ символъ вѣры. Если они проходятъ черезъ деревни, то поютъ духовныя пѣсни въ родѣ *Salve regina*. Если встрѣчаютъ на площадяхъ толпу, то обращаются къ ней съ привѣтствіемъ Сегарелли: „Покайтесь и обратитесь, ибо приблизилось царствіе Божіе“. При томъ она умѣютъ прикидываться добрыми и благочестивыми и не упускаютъ случая выказать страхъ Божій, такъ что они сначала кажутся безвредными и вѣрными церкви людьми, ведущими болѣе строгую жизнь—жизнь покаянія. Если инквизиція подцѣпнитъ кого-нибудь изъ нихъ, то почти невозможно изобличить ихъ въ положительной ереси. Именно потому, такъ предполагаетъ нашъ рассказчикъ, и труденъ процессъ, что сектанты хотя и обѣщаютъ клятвенно говорить правду, остерегаются однако сознаваться въ своихъ лжеученіяхъ или отвѣчать безъ обиняковъ на пред-

¹⁾ Practica, 330. Muratori IX, 449.

²⁾ Muratori IX, 458. Bernardi Guidonis, Practica 459 сл.

ложенные вопросы ¹⁾. Ихъ показанія всегда очень осторожны, очень лукавы и двусмысленны. У нихъ постоянно найдется путь къ отступленію, они прибѣгаютъ ко лжи, защищаютъ взаимно другъ друга и имѣютъ наготовѣ всякія отговорки. Вотъ почему для инквизиторовъ еретиковъ пришлось составить особое руководство, гдѣ указанъ методъ, какого они должны держаться при допросѣ и изобличеніи обвиняемыхъ апостоловъ ²⁾.

Преслѣдованіе усиливается, однако, впервые при вступленіи на престолъ Бонифація VIII. Его пышное первосвященство вызвало сильнѣйшее противодѣйствіе сектъ бѣдной жизни; а самый способъ, какъ онъ достигъ папства, уже съ самаго начала представлялъ собою рѣзкій и ненавидный контрастъ эремитамъ и спиритуаламъ всего монашескаго міра. Итакъ, исторія апостольскаго ордена еще разъ сплетается съ ходомъ развитія великой церковной политики.

Когда 4-го апрѣля 1292 года скончался папа-францисканецъ Николай IV, то партію спиритуаловъ охватила сильная радость, когда намѣстникомъ св. Петра сталъ одинъ изъ ихъ братьевъ, эремитъ изъ Абруццевъ. Конечно, это чудо было вызвано не наступленіемъ обѣтованной эры Параклета, напротивъ, оно было связано съ чисто политической борьбою. Два года и три мѣсяца боролись партіи въ конклавѣ, прежде чѣмъ онѣ согласились поставить папою отшельника Петра да Мурроне. Орсини боролись съ Колоннами; за Орсини стоялъ Анжу съ Неаполемъ, за Колонна Арагонія съ Сициліей. Тогда отшельникъ Петръ да Мурроне изъ своего скита у Гранъ-Сассо въ Абруццахъ провозгласилъ, что Господь наслетъ тяжелую кару, если паства будетъ оставаться долѣе безъ пастыря. Когда партіи увидѣли, что ни одна не имѣетъ настолько силы, чтобы побѣдить другую, то онѣ рѣшили посадить на папскій престолъ самого пустытника изъ Гранъ-Сассо. Его первосвященство дало бы время набрать приверженцевъ для большинства при слѣдующихъ выборахъ. Итакъ, идея Арнольда Брешианскаго, въ лицѣ бѣднаго апостольскаго нищаго, вступила на престолъ св. Петра, какъ того давно уже требовали арнольдисты; послѣ Сильвестра I, возвѣщали отнынѣ братья-апостолы, Целестинъ V былъ первымъ папою угоднымъ Богу. Петръ да Мурроне образовалъ изъ отшельниковъ въ горахъ Сольмона (Сульмо) и Кіети одну общину, которая въ 1264 году по приказанію Урбана IV приняла бенедиктинскій уставъ.

1) Тамъ же стр. 460.

2) Practica, Bernardi Guidonis ed. Douais. Стр. 261 сл.

Отшельникъ-апостоль совершалъ чудеса и исцѣленія, такъ что его избраніе было принято народомъ съ необычайнымъ ликованіемъ ¹⁾,—доказательство, какою симпатією пользовалось отшельничество среди сельскаго населенія. Этотъ отшельникъ подъ именемъ Целестина V былъ посвященъ и коронованъ въ Аквилѣ, на границѣ Церковной области, въ построенной имъ самимъ церкви de colle madio. Согласно своему прошлому, Целестинъ V выступилъ какъ патронъ строгой партіи и въ францисканскомъ ордентѣ, и ему тотчасъ представился къ тому случай. Въ маркѣ Анкона, старой родинѣ отшельниковъ ²⁾, мнориты, жившіе въ скитахъ, были очень встревожены около 1274 года вѣстью, переносимой изъ скита въ скитъ, будто папа Григорій X намѣревается на соборѣ, предстоящемъ въ Лионѣ, обязать всѣ нищенствующіе ордена принять общее имущественное обезпеченіе, достаточное для содержанія ихъ. Строгая партія была въ негодованіи и объявила, что она никогда не допуститъ принужденія ее къ такому нарушенію обѣщаннаго ею отреченія отъ имущества. Хотя на соборѣ вовсе не было такого постановленія, и, слѣдовательно, заявленіе спиритуаловъ оказалось лишеннымъ смысла, однако одному провинціальному капитулу 1274 г. это заявленіе о намѣреніи не повиноваться постановленіямъ собора показалось предосудительнымъ и заслуживающимъ наказанія. Поэтому большинство на капитулѣ потребовало взятія назадъ этого заявленія. Большинство братьевъ дало его, но три брата отказались и потому были лишены монашескаго платья и заточены въ различныя скиты. Такъ какъ споръ продолжался, то и другихъ постигла такая же кара, въ числѣ ихъ Анджело да Кларено, автора *historia tribulationum*. Заключение были лишены книгъ, никто не смѣлъ разговаривать съ ними, въ причастіи и христіанскомъ погребеніи имъ было отказано, и сторожъ ежедневно два раза осматривалъ ихъ цѣпи, чтобы лишить всякой возможности побѣга. Братья, порицавшіе этотъ приговоръ, понесли то же самое наказаніе. Лишь избранный въ 1289 году генераль, Раймундъ Гауфреди, освободилъ этихъ мучениковъ за свой принципъ пзъ ихъ ужаснаго положенія, отправивъ ихъ въ Арменію, такъ какъ царь Арменіи просилъ о присылкѣ мноритовъ. Но на Востокѣ началась та же самая борьба между присланными

1) Ср. Raynaldus, Contin. Annal. Baron. ad. an 1294. Acta S. S. IV. Май, 493.

2) Angelo da Clareno, *historia tribulationum*. Archiv für Lit u. K. G. II, 301 сл. I, 523 сл.

обсервантами и представителями общины, среди которых находились старые противники Кларено, принимавшие участие в гонениях в маркѣ Анкона. Когда нежеланные пришельцы были изгнаны остальными миноритами и подверглись преслѣдованію, какъ еретики, то эти друзья Кларено рѣшили вернуться вѣ Италію. Но тутъ счастье имъ улыбнулось: именно вѣ этотъ моментъ Петръ Мурроне, издавна дружественный имъ отшельникъ изъ Гранъ-Сассо, былъ избранъ папоу. Они встрѣтили его вѣ Аввилѣ осенью 1294 года и просили его позволить имъ отдѣлиться отъ общины и образовать свое собственное братство, которое бы дѣйствительно исполняло предписанія святого Франциска. Целестинъ V желалъ исполнить ихъ желанія, но, чтобы не раздражить миноритовъ, предложилъ имъ примкнуть къ его собственной общинѣ отшельниковъ и называться „бѣдными эремитами“. Когда они согласились, онъ объявилъ, что освобождаетъ ихъ отъ повиновенія начальникамъ миноритовъ, руководителемъ ихъ поставилъ ихъ брата Либератоса, назначилъ имъ необходимые скиты и сдѣлалъ кардинала Орсини ихъ протекторомъ. Однако, минориты вовсе не были намѣрены дать имъ свободу. Община не желала допустить никакого братства, которое бы утверждало, что оно соблюдаетъ вѣрнѣе уставъ святого Франциска, чѣмъ сама община. Она видѣла вѣ бѣдныхъ эремитахъ воплощенный протестъ противъ ея отступничества; и, когда 13-го декабря 1294 года Целестинъ сложилъ съ себя папскій санъ, поднялось гоненіе на строгую партію съ удвоенною яростью, которое распространилось теперь также и во Франціи.

Спиритуалы вѣрили, что съ Целестиномъ начнется судъ надъ домоу Господнимъ, особенно же о братьяхъ-апостолахъ рассказывается, что они объявили Целестина V единственнымъ благочестивымъ папоу послѣ великаго отпаденія со временъ Сильвестра I ¹⁾. Но нелюдимый пустынный не могъ ориентироваться вѣ лабиринтахъ папской политики и придворныхъ интригахъ. Вмѣсто того, чтобы отправиться вѣ Римъ, онъ уѣхалъ вѣ Неаполь, гдѣ Карлъ II вынуждалъ у него одну привилегію за другой, пока онъ самъ не увидѣлъ, что неспособенъ править церковью. Кардиналъ Бенедиктъ изъ Гаэты, желавшій стать папой, старался усилить еще тоску отшельника по своимъ горамъ, а такъ какъ послѣдній сомнѣвался, подобаешь ли папѣ отказываться отъ своего сана, то будто бы хитрый кардиналъ ночью черезъ искусно продѣланное отверстіе сказалъ легковѣрному святому, что онъ не долженъ

¹⁾ Muratori, IX, 457. Practica, стр. 259.

дольше оставаться въ мірѣ жи, но лишь служить Богу, чтобы не погубить своей души, и слова его святой привялъ за божественное указаніе. Но эремиты въ Грань-Сассо не желали, чтобы ихъ глава отрекся отъ папской тиары. Извѣщенные королемъ о всемъ происходящемъ, они появились 6 декабря 1294 года въ Неаполѣ передъ крѣпостью, служившей резиденціей Целестину V; ихъ сопровождала необозримая толпа народа, и они вызывали святого отца. Послѣдній появился и осѣнилъ толпу своимъ благословеніемъ. Однако, семь дней спустя Целестинъ V все-таки сложилъ съ себя папскую тиару и объявилъ въ официальномъ указѣ, что онъ неспособенъ оставаться въ своемъ высококомъ санѣ по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и незнакомства съ дѣлами. Это отречение эремита многими изъ строго мыслящихъ прославлялось какъ удивительный примѣръ побѣды надъ міромъ. Но другіе думали подобно Данте, осуждавшему Целестина за то, что онъ „проживлялъ свою власть вязать и разрѣшать на лѣнивый покой“. Поэтъ находитъ его въ аду:

„И тѣнь того, который изъ страха и унынія трусливо отрекся отъ величія“¹⁾.

Новый папа Бонифацій VIII отмѣнилъ всѣ постановленія, сдѣланныя Целестиномъ „не въ силу его власти, а въ силу его неразумія“, и потому немедленно вступилъ въ пререканія съ эремитами Целестина V. Недовѣрчивый новый правитель не позволилъ самому Целестину V вернуться въ его скитъ у Грань-Сассо, но аббатъ изъ Монте-Казино долженъ былъ привезти его въ Римъ. Старикъ бѣжалъ и встрѣтился опять со своими приверженцами въ Сольмонѣ, жители которой приняли его съ большими почестями. Но Бонифацій разыскивалъ его. Вѣглецъ долженъ былъ бѣжать дальше въ лѣса Апуліи, но чудесныя исцѣленія, совершаемыя имъ повсюду, выдали его слѣды. Онъ уже вступилъ на корабль, который долженъ былъ отвезти его въ Грецію, но противные вѣтры опять пригнали его къ берегу, и Карлъ II теперь самъ выдалъ чудотворца Бонифацію VIII. Въ любимомъ мѣстопребываніи новаго папы, въ Ананьи, схваченный Целестинъ бросился къ ногамъ своего преемника. Его водворили въ Фумоне въ кельѣ, которая въ сущности была его темницею. Здѣсь его посѣщали лишь его эремиты, и здѣсь онъ мирно скончался. Онъ былъ погребенъ въ Феррентино въ церкви святого Антонія. Но даже и теперь онъ не былъ безвреденъ, ибо сотни чудесъ и исцѣленій совершались на его могилѣ. Послѣ того, какъ Филиппъ

¹⁾ Inferno, 3, 58. 27, 104.

Красивый, чтобы повредить памяти своего врага Бонифация, принудил папу Климента V в 1313 году причислить отшельника Петра Исповѣдника къ лику святыхъ, его тѣло въ 1327 году было перенесено въ Аквилу въ церковь св. Маріи, построенную имъ самимъ; и целестинскіе эремиты обогатили теперь легенду о своемъ святомъ исторіей его мнимой мученической смерти. Ежегодно два раза показывали они народу въ церкви св. Маріи тѣло Петра Исповѣдника съ отверстіемъ въ черепѣ, которое несомнѣнно произошло отъ гвоздя. Надпрестольный образъ изображаетъ Целестина погруженнымъ въ молитву въ то время, какъ позади него убійца готовится вбить ему гвоздь въ голову, а окрашенный кровью гвоздь, показываемый въ числѣ реликвій, подтверждалъ подлинность разказа. Когда Бонифаціи кончилъ позоромъ и помѣшательствомъ, тогда распространилось еще пророчество, въ которомъ умирающій Целестинъ восклицаетъ, обращаясь къ своему преемнику: „Ты вкрался подобно лисѣ, ты будешь править, какъ левъ, а умрешь какъ собака“.

Послѣ этого рѣзкаго столкновенія съ партіей эремитовъ и спиритуаловъ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Бонифаціи VIII съ самаго начала создалъ себѣ противниковъ въ лицѣ ревнителей всѣхъ орденовъ. Къ тому же первосвященство его было таково, что лишь укрѣпило приверженцевъ бѣдной жизни въ ихъ вѣрѣ, что папство осуществляло собою противоположное тому, чего хотѣлъ Христосъ, а потому оно есть истинный антихристъ. Но прежде, чѣмъ исполнилось надъ Бонифаціемъ мнимое проклятіе Целестина, новый папа еще разъ показалъ весь блескъ папской всемірной монархіи. Со времени Иннокентія III свѣтъ не видѣлъ духовнаго государя, подобнаго ему. Къ коронѣ, надѣваемой поверхъ тиары, онъ прибавилъ вторую, чтобы указать на верховную власть св. Петра, какъ сюзерена, надъ свѣтскими государствами; онъ старается принудить королей запада по очереди признать это право. Онъ былъ сюзереномъ обѣихъ Сицилій въ силу старыхъ договоровъ своихъ предшественниковъ съ норманнами. Венгрія принадлежала ему, потому что Стефанъ I принялъ отъ Сильвестра II въ подарокъ къ коронаванію золотой обручъ; Венцеславу Богемскому онъ пишетъ ¹⁾: „Насъ беспокоитъ, что ты въ своемъ письмѣ самовластно и съ малою смѣлостью называешь себя также королемъ Польши. Ты этимъ выказываешь пренебреженіе римской церкви, матери и наставницѣ всѣхъ вѣрующихъ, которой принадлежитъ Польша, какъ это каждому извѣстно“.

1) Брече отъ 10-го іюня 1302 года.

Ирландія и Данія принадлежали святому престолу, потому что пророкъ Исаія пророчествовалъ: „Славьте Господа на островахъ морскихъ“, а пророкъ Софонія говорилъ: „Ему будутъ поклоняться всѣ острова язычниковъ“. „Ибо по древнему праву“, такъ рассказывалъ уже Іоаннъ Салисберійскій, „на основаніи сдѣланной и пожалованной Константиномъ дарственной записи, всѣ острова должны принадлежать римской куріи“¹⁾. „Съ древнихъ временъ“, пишетъ дальше Бонифацій Эдуарду I Англійскому²⁾, „Шотландія принадлежитъ римской церкви, и никогда не была она леномъ королей англійскихъ... Тебѣ должно также быть не безызвѣстнымъ, что она обратилась въ католическую вѣру, благодаря реликвіямъ апостола Андрея, и что архіепископъ іоркскій, пытавшійся распространить свои митрополичьи права на шотландскихъ прелатовъ, потерпѣлъ неудачу. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Шотландія принадлежитъ римской церкви, и ты не имѣешь права взять ее въ свою собственность, на погибель души твоей“. Сама Англія также должна принадлежать папѣ послѣ того, какъ Іоаннъ Безземельный получилъ ее въ ленъ отъ Иннокентія III. Испанскія королевства принадлежать ему, потому что вся страна, отвоеванная у язычниковъ по праву креста, есть собственность святого Петра, давшаго побѣду. Право раздавать римскую императорскую корону по своему благоусмотрѣнію Рудольфъ Габсбургскій ясно уступилъ папѣ Григорію X, и во время борьбы изъ-за престола между его сыномъ Альбрехтомъ и Адольфомъ Нассаускимъ Бонифацію VIII представляется случай воспользоваться этимъ правомъ. Такъ папство послѣ послѣднихъ смуть еще разъ поднялось на верхъ величія, и Бонифацій пытался отстоять всѣ притязанія на свѣтскую власть, которыя когда-либо выводили его предшественники изъ дарственной записи Константина.

Легко представить себѣ, какъ подѣйствовало также на апостоловъ бѣдной жизни это хвастовство свѣтскою властью папъ. Арнольдисты признали эту дарственную запись Константина подложною, вальденцы и братья-апостолы приписывали ей порчу церкви и объявили, что со времени Сильвестра I ни одинъ папа не былъ истиннымъ намѣстникомъ св. Петра, за исключеніемъ Целестина V, который былъ умерщвленъ Бонифаціемъ. Утвержденіе арнольдистовъ, что свѣтская власть церкви служитъ ей лишь во вредъ, было

1) Joh. Saresb. Metalog. I, 14 cap. 42. Ed. Giles, стр. 205.

2) Бreve отъ 27-го іюня 1299 года.

пунктомъ, на которомъ Бонифацій немедленно столкнулся со строгими францисканцами, спиритуалами, братьями-апостолами и эремитами.

Целестинъ V желалъ положить конецъ все болѣе и болѣе страстному спору спиритуаловъ съ общиною такимъ путемъ, что онъ предоставилъ строго мыслящимъ жить самимъ по себѣ подъ именемъ бѣдныхъ эремитовъ и держаться первоначальнаго устава въ духѣ завѣщанія святого Франциска. Враждующіе братья должны были мирно разойтись навсегда. Но Бонифацій VIII отмѣнилъ въ числѣ многихъ и это распоряженіе, и гоненіе на спиритуаловъ возобновилось еще съ большею силою, чѣмъ раньше. Положеніе обострилось, когда Убертино да Казале, одинъ изъ ихъ вожаковъ, сталъ оспаривать законность избранія Бонифація, и спиритуалы утверждали, что папа вовсе не можетъ отречься отъ сана, а потому избраніе Бонифація VIII недѣйствительно. Съ того времени Бонифацій видѣлъ въ спиритуалахъ своихъ личныхъ враговъ и затѣмъ распространилъ преслѣдованіе и на братьевъ-апостоловъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ представителямъ апостольской бѣдности была предоставлена свобода громить въ своихъ проповѣдяхъ пышность іерархіи. Деспотическому и высокомѣрному Бонифацію VIII было недостаточно возобновить самыя смѣлыя притязанія этой іерархіи, но отлученія отъ церкви всею тяжестью обрушились также на тѣхъ, которые своею нищенствующею жизнью хотѣли показать, какъ въ зеркалѣ, чѣмъ должна быть церковь, и чѣмъ она стала.

Итакъ съ одной стороны разразившееся въ 1294 году гоненіе на братьевъ-апостоловъ было результатомъ системы, вошедшей въ силу съ Бонифаціемъ VIII, съ другой же стороны уже раньше въ самомъ мірѣ нищенствующихъ орденовъ произошли перемѣны, ухудшившія отношенія апостольскаго ордена къ церкви. Новый вождь его, сравнявшійся съ Сегарелли съ 1291 года, Дольчино изъ энархіи Новары, принялъ по отношенію къ существующимъ церковнымъ злоупотребленіямъ несравненно болѣе рѣзкій тонъ, чѣмъ пармскій узникъ, и отстаивалъ свои арнольдистскія требованія съ бурнымъ краснорѣчіемъ; вслѣдствіе чего теперь монахи-проповѣдники также выступили противъ ордена, который, вопреки всѣмъ постановленіямъ соборовъ и папскимъ бреве, продолжалъ свою общественную дѣятельность. До сихъ поръ братьямъ-апостоламъ приходилось страдать лишь отъ зависти миноритовъ, такъ какъ они выступили ихъ конкурентами въ Пармѣ. Не задолго до вступленія на престолъ Бонифація VIII орденъ проповѣдниковъ принялся преслѣдовать апостоловъ сначала въ Парижѣ, и вскорѣ запылала

костры ¹⁾. По этому поводу мы узнаем также кое-что о послѣднихъ дняхъ Сегарелли.

Послѣ того, какъ основатель ордена апостоловъ былъ изгнанъ изъ Пармы, онъ большею частью бродилъ по Ломбардіи, этой старой родинѣ всѣхъ патаровъ, арнольдистовъ и радикальныхъ вальденцевъ, и, быть можетъ, дѣйствительно усвоилъ себѣ тамъ всякія еретическія ученія, какъ по крайней мѣрѣ утверждали позднѣе инквизиторы. Когда Бернардо Гвидони, какъ онъ самъ показываетъ, писалъ въ 1306 году свои замѣтки, прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ процессовъ, и враждебное церкви ученіе Дольчино вытѣснило въ сектѣ болѣе мягкія воззрѣнія Сегарелли. Поэтому рассказчикъ легко могъ смѣшать ихъ. Однако все же интересно узнать, что считалось ересью въ орденѣ, официальная программа котораго гласила: подражаніе бѣдной жизни апостоловъ.

Ех confessione Gerardi, а также изъ показаній такихъ учениковъ Дольчино, которые вернулись къ истинной вѣрѣ, для инквизиторовъ выяснилась слѣдующая сущность дѣла. Братья-апостолы исходятъ изъ стараго арнольдистскаго ученія, что власть, переданная Христомъ его апостоламъ, не подобаешь прелатамъ католической церкви, ибо они вовсе не истинные послѣдователи апостоловъ. Испорченность духовенства давно уже сдѣлала обѣтованіе недѣйствительнымъ, такъ что римская церковь съ ея папою, кардиналами, священниками и монахами — не есть церковь Божія, но церковь развратная, ибо она не приноситъ плодовъ, т. е. она — блудница Апокалипсиса ²⁾. Напротивъ, вся духовная власть, которую далъ Христосъ церкви въ началѣ, перешла на орденъ братьевъ-апостоловъ. Началомъ этой истинной церкви была проповѣдь Сегарелли, который возстановилъ бѣдную жизнь, какъ училъ тому самъ Христосъ апостола Петра. Такъ что братья-апостолы одни представляютъ собою истинную церковь, достигшую совершенной жизни первыхъ апостоловъ Христовыхъ. Они не обязаны также повиноваться папѣ, потому что чрезъ свой уставъ, непосредственно исходящій отъ Христа, они имѣютъ право на свободную и совершенную жизнь. Поэтому также папа не могъ ни запрещать имъ ихъ устава, ни исключать ихъ изъ общества Христова. Скорѣе всякій, какого бы званія или ордена онъ ни былъ, долженъ перейти къ ихъ жизни, будетъ ли онъ монахомъ, или міряниномъ, мужъ безъ согласія жены, а жена безъ согласія мужа, ибо

¹⁾ Muratori IX, 448—60. Practica, 330.

²⁾ Practica, ed. Douais, 258. Muratori IX, 456.

братья-апостолы могут то, чего не может ни одинъ прелать римской церкви,—расторгать бракъ. Напротивъ, смертный грѣхъ выходитъ изъ ихъ ордена, потому что никто не долженъ переходить отъ лучшей жизни къ худшей, и никто не получить царства небснаго, кто не походитъ на нихъ. Кто преслѣдуетъ ихъ, грѣшитъ и лишенъ благодати. Совершенно словами Арнольда Брешианскаго говорится затѣмъ дальше: право разрѣшенія отъ грѣховъ имѣеть только тотъ намѣстникъ св. Петра, который, слѣдуя его примѣру, живетъ въ бѣдности и безъ имущества, въ ничтожествѣ, не ведетъ никакихъ войнъ и никого не преслѣдуетъ, но предоставляетъ каждому жить на свободѣ. А такъ какъ со временъ Сильвестра не было такого папы, то всѣ они лжепастыри и соблазнители, за исключеніемъ одного лишь брата Петра Мурроне, который, будучи папою, назывался Целестиномъ V. Также всѣ монашескіе ордена, священники, дьяконы, поддьяконы и прелаты всѣхъ степеней католической церкви служатъ лишь къ усилению ея вины. Они составляютъ *ecclesia carnalis*, церковь плотскую, живущую въ роскоши и великолѣпіи, какъ описалъ ее ев. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ. Но въ ней и рядомъ съ ней скрывается *ecclesia spiritualis*, церковь благочестивыхъ, составляющихъ духовную церковь. Она состоитъ изъ спиритуаловъ нищенствующаго ордена, набожныхъ эремитовъ, а главнымъ образомъ изъ общины братьевъ-апостоловъ. Эта паства одна образуетъ церковь, имѣющую обѣтованія, тогда какъ прелаты плотской церкви обречены страшному суду¹⁾. Потому міряне не должны платить десятины священникамъ, усердно поддерживать только тѣхъ, которые живутъ въ апостольской бѣдности подобно братьямъ-апостоламъ. Жить безъ обѣта лучше, чѣмъ давъ обѣтъ. Освященная церковь столь же мало приноситъ пользы для молитвы, какъ любая конюшня или хлѣвъ. Въ лѣсу такъ же хорошо можно молиться Христу и даже лучше, чѣмъ въ церкви. Клятвенно утверждать должно только истинную вѣру и заповѣди Божіи. Если васъ принуждаютъ поклясться передъ епископами или инквизиторами, что скажете истину, то это не обязываетъ васъ давать согласныя съ истиной показанія, объявлять свое ученіе и созаваться въ своихъ заблужденіяхъ, напротивъ, въ такомъ случаѣ скорѣе позволительна тайная оговорка. Отрекаться подъ присягою также можно не колеблясь, если только сердце остается вѣрнымъ истинѣ. Вообще позволительна всякая хитрость, чтобы спастись отъ власти инквизиторовъ. Но, если обвиненному предстоитъ вѣрная смерть, тогда онъ долженъ стоять за

1) Practica, 297.

истину, защищаться и мужественною и стойкою смертию засвидѣтельство-
вать ее, но ни подъ какимъ видомъ не выдавать своихъ соучастниковъ и
единовѣрцевъ. Эти показанія даютъ вполне законченную картину преслѣ-
дуемой арнольдистской секты, ищущей своего спасенія не въ обмірившейся
церкви, но въ слѣдованіи бѣдной жизни апостоловъ; но одно обвиненіе
идеть совершенно въ разрѣзъ ригористическому духу остальныхъ поло-
женій¹⁾. Обвиняемые, говорятъ, признавались въ тѣхъ безнравственныхъ
испытаніяхъ своей неискушаемости, въ которыхъ раньше упрекали Сегарелли;
но тогда однако судьи не нашли ни одного доказательства, подтвер-
ждающаго ихъ, такъ что епископъ немедленно освободилъ Сегарелли и взялъ
его даже въ число своихъ домощадцевъ и застольниковъ. Если вспомнить,
что тотъ же самый упрекъ церковь дѣлала всѣмъ тайнымъ обществамъ²⁾,
если вспомнить въ какихъ, напримѣръ, невозможныхъ гнусныхъ дѣлахъ обвинялъ
Григорій IX катаровъ въ такъ называемой буллѣ противъ Штедингеровъ³⁾,
то мы не придадимъ большого значенія этимъ показаніямъ. Они, разумѣется,
исходятъ отъ тѣхъ свидѣтелей, „которые вернулись къ католической вѣрѣ“,
т. е. которые купили свое помилованіе подобными показаніями. Practica
также удостовѣряетъ, что братья апостолы не всѣмъ сообщали это ученіе⁴⁾,
но лишь извѣстнымъ посвященнымъ, и это совершенно лишаетъ вѣроятія
вышеупомянутое обвиненіе. Эта черта слишкомъ расходится съ общей кар-
тиной аскетической жизни, чтобы быть правдоподобной. Повидному, сама
инквизиція не вѣрила этому обвиненію, распускаемому больше монахами
ради возбужденія черни, ибо въ числѣ вопросовъ, которые должны быть
предложены, согласно Practica, обвиненнымъ братьямъ-апостоламъ, видѣ-
нътъ вопроса о подобныхъ эксцессахъ, хотя Гвидо сообщаетъ цѣлый рядъ
самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и формулъ клятвеннаго отреченія. Итакъ
проповѣдь Сегарелли была ученіемъ Арнольда, что истинный преемникъ святого
ап. Петра только тотъ, кто ведетъ апостольскую жизнь, подобно Петру, что
причастіе, данное недостойнымъ священникомъ, ведетъ не къ спасенію, а къ
погибели, что лучше исповѣдываться передъ праведнымъ міряниномъ, чѣмъ
развращенному клирику, что Господь вездѣ одинаково близокъ къ намъ, въ

1) У Muratori IX, 456 § 15 и 16. Practica, 260.

2) Ср. сообщенные Эрле процессы противъ спиритуаловъ. Archiv für Literatur u. Kirch. d. Mittelalters. T. 4. Выпускъ 1888 г. стр. 1—190.

3) См. ниже, примѣчаніе на стр. 321

Пер.

4) Practica, стр. 260.

церкви и въ церкви. Мы не встрѣчаемся тутъ съ новыми идеями, все же, Сегарелли не могъ быть такою незначительною и простоватою личностью, какою рисуется его тщеславный и самодовольный Салимбене. Это доказывается извѣстіемъ, что приверженцы Дольчино также начинали послѣднюю эру съ проповѣди Сегарелли, который, будучи посланъ Богомъ, первый избралъ опять жизнь апостольской бѣдности и совершенства, и прошло уже сорокъ лѣтъ, какъ Герардо Сегарелли изъ Пармы началъ собою эту послѣднюю мировую эпоху ¹⁾.

Хотя съ того времени, какъ Сегарелли опять началъ свою странническую жизнь, онъ не разъ попадалъ въ тюрьму, но всегда давалъ такіа каеволическія объясненія, что къ нему ни въ чемъ нельзя было придаться, и его опять должны были выпускать на свободу. Но теперь вступили въ борьбу съ сектантами и монахи-проповѣдники, они сами хвалились, какъ счастливо усовершенствовались они искусство ловить и избличать еретиковъ. Благодаря этому новому искусству допрашиванія еретиковъ, доминиканцамъ пармскимъ удалось въ 1294 году избличить нѣсколькихъ братьевъ-апостоловъ не только въ неповиновеніи, какъ до сихъ поръ, но и въ положительной ереси. Въ годъ вступленія на престолъ Бонифація VIII, въ 1294 г. въ округѣ Пармскомъ было сожжено двое мужчинъ и двѣ женщины изъ ордена апостоловъ *propter haeresin* ²⁾. Самъ Герардо Сегарелли, который дерзнулъ опять появиться въ округѣ Пармскомъ, что ему было воспрещено, былъ также выслѣженъ доминиканцами и присужденъ епископомъ къ пожизненному заточенію. Слѣдовательно, и на этотъ разъ не удалось обвинить его въ ереси, заслуживающей смерти, однако наше извѣстіе говоритъ о многихъ лжеученіяхъ и тяжелыхъ проступкахъ, побудившихъ его прежняго покровителя, епископа Опицо, наказать его такъ сурово. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что одно уже пренебреженіе повелѣніемъ оставить родину достаточно объясняетъ приговоръ къ заключенію. Какъ кажется, еще шесть лѣтъ Сегарелли провелъ въ этомъ не особенно суровомъ заточеніи, не будучи болѣе тревожимъ. Только въ 1300 году, въ юбилейномъ году, когда преслѣдованіе еретиковъ вновь усилилось, вспомнили также о забытомъ руководителѣ

¹⁾ Practica, ed. Douais. Стр. 258, 259.

²⁾ Chron. Parmen. въ Edit. Parm. Fiaccadori II, 88. У Muratori IX, 826. Когда *chronika abbreviata de factis civitatis Parmae* ed. Fiaccadori II, 336, относитъ смерть Сегарелли къ 1294 году, то она смѣшиваетъ тутъ даты.

секты, первомъ виновникѣ всѣхъ безпорядковъ, произведенныхъ братьями-апостолами ¹⁾).

По всей вѣроятности, это безславное преслѣдованіе еретиковъ, которымъ ознаменовалось начало новаго столѣтія, стояло опять-таки въ связи съ болѣе общими церковными событіями. 1300 годъ былъ знаменитымъ годомъ выдуманнаго Бонифаціемъ юбилейнаго отпущенія грѣховъ. Въ послѣдній годъ столѣтія папа даровалъ всякому, кто посѣтитъ гробницы апостоловъ, не только полное, но даже полнѣйшее прощеніе всѣхъ грѣховъ. До сихъ поръ лишь паломничество въ Іерусалимъ имѣло это спасительное дѣйствіе, теперь же безопасное посѣщеніе святынь Рима давало такую же благодать. Вся Італія пришла въ движеніе, и, такъ какъ духовенство само показало добрый примѣръ, ежедневно черезъ итальянскіе города проходили толпы пилигримовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Въ Римѣ они наводнили всѣ улицы. Иногда собиралось въ одинъ день 200,000 человекъ. Многіе были задавлены, но другіе получали исцѣленія, ибо каждый день священники объявляли о новыхъ чудесахъ, совершенныхъ выставленными реликвіями. День и ночь на алтари церквей во имя св. ап. Петра и Павла сыпались звонкія пожертванія пилигримовъ, при чемъ два особо для того назначенныхъ священника загребали деньги посохами, имѣющими форму крючка. Одною мѣдною монетою было собрано на 50,000 золотыхъ гульденовъ. Со времени знаменитаго года паломничества бичующихся не переживалось подобнаго религіознаго возбужденія, волны котораго докатились до отдаленнѣйшихъ долинъ. Въ Германіи подобные религіозные грозовые дни разражались обыкновенно надъ еврейскими кварталами. Въ Італіи подобной ненависти къ евреямъ не существовало, здѣсь обыкновенно сектанты должны были платиться за свое отстраненіе отъ общаго воодушевленія и несли тяжелыя кары. Возможно, что это чудовищное шарлатанство съ отпущеніемъ грѣховъ по случаю празднованія новаго столѣтія вызвало болѣе громкій протестъ среди апостоловъ бѣдной церкви, а этотъ протестъ въ свою очередь сильнѣе воспламенилъ фанатизмъ черни противъ оппонентовъ. Но достоверно, что юбилейный годъ былъ ознаменованъ кровавымъ преслѣдованіемъ еретиковъ, жертвою котораго палъ и престарѣлый Сегарелли.

Когда вновь возгорѣлось гоненіе, то вспомнили о забытомъ въ темницѣ основателѣ братства апостоловъ. 18-го іюля 1300 года онъ предсталъ пе-

¹⁾ Practica, 330.

редь судьями въ епископскомъ дворцѣ, и нашъ рассказчикъ ¹⁾ хвалится, что новый инквизиторъ, братъ Манфредъ Пармскій, сумѣлъ такъ искусно и хитро допросить заключеннаго, что теперь обнаружались его лжеученія, раньше оставшіяся неоткрытыми. Въ Practica Бернардо Гвидони мы имѣемъ *modus inquirendi et examinandi*, достигавшій этого результата; изъ него мы видимъ конечно, что отъ высокаго искусства доминиканцевъ не было спасенія тому, кто не признавалъ прямо римской церкви, такъ, какъ она была, истинною, единственною и вполнѣ угодною Богу. Вопросы сводились къ тому, знали ли обвиняемые, что такъ называемый орденъ апостоловъ былъ запрещенъ папою, и почему тѣмъ не менѣе они держались его? Были ли у нихъ помимо общественнаго богослуженія особыя собранія, и придавалось ли послѣднимъ особое значеніе? Молились ли они, пѣли ли и проповѣдывали ли публично, не будучи уполномочены на то епископами или прелатами? Убѣждали ли они кого-нибудь посѣщать ихъ собранія и принять одѣяніе и образъ жизни апостоловъ? Исповѣдывались ли они на Пасхѣ и кому? Вѣровали ли они, что разъ въ году должно исповѣдываться своему священнику и причащаться у него? За этими общими вопросами, на многіе изъ которыхъ едва ли Сегарелли могъ отвѣтить утвердительно, слѣдовали другіе, относившіеся спеціально къ содержанію ихъ ученія. Сектантовъ должно спрашивать, вѣруютъ ли они, что папская церковь, которая ихъ преслѣдуетъ, добрая и святая церковь; имѣетъ ли эта церковь власть вязать и разрѣшать, дѣйствительно ли лишаетъ спасенія отлученіе отъ нея? Имѣетъ ли она, и исключительно только она, полную власть, данную Христомъ святому Петру? Считаютъ ли они хорошею или дурною секту братьевъ-апостоловъ, которая требуетъ отъ своихъ вѣрующихъ апостольской жизни? Вѣруютъ ли они, что ея члены могутъ быть блаженны, хотя папа осудилъ ихъ общину? Находятъ ли они дозволеннымъ переходить изъ другого ордена въ этотъ? Вѣруютъ ли они, что и внѣ апостольскаго ордена также можно спастись? Вѣруютъ ли они, что епископы и инквизиторы, преслѣдующіе ихъ, подлежатъ вслѣдствіе того вѣчному осужденію? Признаютъ ли они, что члены апостольскаго ордена обязаны повиноваться епископамъ и прелатамъ римской церкви? Считаютъ ли они позволительною клятву и считаютъ ли себя обязанными говорить правду, когда они поклялись передъ судомъ? Считаютъ ли они позволительнымъ скрывать ученія своей секты и участниковъ въ ея собраніяхъ? Признаютъ ли они вынужденную

1) *Historia Dulcini* ук. м. и *Practica*, 330.

клятву необязательной и въ случаѣ крайности ложь дозволительной? ¹⁾). Такого рода были вопросы, установленные доминиканскимъ орденомъ съ цѣлью изобличенія лжеапостоловъ, и братъ Манфредъ Пармскій удивительно искусно умѣлъ ставить эти вопросы, такъ что ему удалось то, что не удавалось всѣмъ его предшественникамъ, именно доказательство, что Сегарелли еретикъ.

Послѣ такого допроса старикъ, которому такъ долго удавалось ускользнуть отъ костра, предсталъ передъ судомъ законовѣдовъ и богослововъ города Пармы, — большинство судей составляли монахи и клирики, — въ епископскомъ дворцѣ, гдѣ онъ прожилъ одиннадцать лѣтъ. Этотъ судъ нашель, что старикъ, шесть лѣтъ уже какъ лишенный свободы и ставшій такимъ образомъ совершенно безвреднымъ, долженъ считаться неисправившимся еретикомъ. Такъ послѣ сорокалѣтняго странствованія Герардо окончилъ свою долгую странническую жизнь на кострѣ. „Братъ же Манфредъ продолжалъ выслѣживать мудро и неутомимо прежнихъ спутниковъ и спутницъ Сегарелли, носившихъ его одѣяніе, слѣдовавшихъ его образу жизни, слушавшихъ его проповѣдь; онъ налагалъ на нихъ различныя наказанія и поступалъ сурово и круто съ сектою“. Многие были схвачены, нѣкоторые раскаались и отреклись, послѣ чего они были сурово наказаны, смотря по своей винѣ. Другіе перемѣнили свое мѣстопробываніе и скрывались, большинство же искало новой родины за предѣлами епархіи, такъ что Парма навсегда была избавлена отъ этой синогоги сатанинской ²⁾). Такъ со звономъ монетъ, падавшихъ на алтари папы, слились стоны апостоловъ бѣдной жизни, сжигаемыхъ въ 1300 г., въ томъ юбилейномъ году, когда всѣ добрые христіане за малую плату получали между тѣмъ полное прощеніе своихъ грѣховъ.

1) Practica, 343 cc.

2) Practica, 330. Muratori IX, 450.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ДОЛЬЧИНО.

Блаженны всѣ алчущіе и жаж-
дущіе правды. Мате. 5, 6.

Сожженіе Сегарелли не вызвало замѣтной перемѣны въ исторіи братьевъ-апостоловъ. Старикъ, послѣднія шесть лѣтъ проведеній въ тюрьмѣ своего епископа въ Пармѣ, едва ли могъ оказывать большое вліяніе на развитіе своего ордена, и прежде еще, чѣмъ онъ сошелъ со сцены, за нимъ пришелъ сильнѣйшій, о которомъ старецъ, такъ державшійся за свое главенство, долженъ былъ бы сказать: „Онъ возвеличится, а я умаленъ буду“. Бернардо Гвидони рассказываетъ, что послѣ того, какъ самъ Сегарелли былъ лишенъ возможности вредить, ему послѣдовалъ въ проповѣди заблужденія и пагубной вѣры одинъ изъ его учениковъ, Дольчино, глава и знаменосецъ всей, не апостольской, а вѣроотступнической (apostaticus) секты, одинъ изъ апостоловъ Сегарелли, усилившій старыя заблужденія и прибавившій къ нимъ новыя¹⁾.

Есть преданіе, что Дольчино первоначально подготовлялся въ священники, и два его посланія, содержаніе которыхъ сообщено намъ, подтверждаютъ, что онъ получилъ богословское образованіе. Если на вальденцахъ можно прослѣдить вліяніе романскихъ переводовъ Библии, то воззрѣнія Дольчино предполагаютъ обстоятельное знакомство съ вульгатой, которую Дольчино толковалъ по образцу послѣдователей Іоахима. Въ его посланіяхъ читатель видитъ беспорядочное, спутанное нагроможденіе страстныхъ и яркихъ образовъ, которые онъ черпаетъ изъ Іезекіиля, Давіила, Ісаиі Іереміи и Апокалипсиса, образы, подобныя картинамъ страшнаго суда у старыхъ итальянскихъ художниковъ и ночнымъ видѣніямъ у Данте, раздѣлявшихъ съ сектантами религіозную тревогу своего времени. Но именно въ этомъ и заключается непреходящее значеніе Дольчино. Онъ далъ исходъ мечтаніямъ хиліастовъ, ютившимся въ теченіе столѣтія въ мо-

1) Practica, 330.

настырскихъ кельяхъ; тихо тлѣющіе уголья вспыхнули теперь яркимъ пламенемъ и затѣмъ угасли съ несчастнымъ исходомъ войны, начатой Дольчино. Такъ что Дольчино имѣетъ известное сходство съ Берндомъ Роттманномъ и Іоанномъ Лейденскимъ, и его Сіонъ на горѣ Цебелло отчасти напоминаетъ замки альбигойцевъ, отчасти мюнстерскихъ анабаптистовъ. Салимбене не могъ еще знать о широкомъ развитіи дѣятельности Дольчино, но возможно, что онъ упоминаетъ о его начинаніяхъ, не называя его. Именно, если не допустить, что секта располагала нѣсколькими выдающимися проповѣдниками, производившими большую сенсацію, тогда легко отождествить Дольчино, знаменитаго своими вкрадчивыми рѣчами оболстителя народа, съ тѣмъ юнымъ проповѣдникомъ апостоловъ, боготворимымъ народомъ, которому братья-апостолы повсюду открыли церкви, и ради котораго люди уходили даже съ проповѣдей Бонавентуры, чтобы только не пропустить проповѣди юноши ¹⁾). То, что рассказывается о начинаніяхъ Дольчино, не противорѣчитъ этому предположенію, но недостатокъ преданій не позволяетъ прійти къ твердому заключенію ²⁾).

1) Salimbene, 117 сл.

2) Главнымъ источникомъ для жизнеописанія Дольчино служитъ намъ *historia Dulcini*, исторія замѣчательной войны, которую велъ храбрый ересіархъ съ 1306 года съ епископомъ Райнеромъ изъ Верчелли. Этотъ рассказъ написанъ въ томъ же самомъ году и, конечно, по порученію епископа Райнера изъ Верчелли, такъ какъ авторъ восхваляетъ громкія хвалы епископу (*Historia fratris Dulcini* находится у Muratori IX, 427 сс.). Очень подробное изложеніе хода войны заставляетъ предполагать, что авторъ самъ участвовалъ въ походѣ противъ братьевъ-апостоловъ; онъ относится къ нимъ съ злѣйшею яростью, но не приписываетъ имъ однако тѣхъ пороковъ, въ которыхъ инквизиторъ пармскій заставилъ будто бы, согласно упомянутому раньше рассказу, сознаться учениковъ Сегарелли. Въмѣстѣ съ этой исторіей Дольчино Муратори издалъ *additamentum*; въ недавнее время было признано, что это—записка доминиканца Бернардо Гвидони, начальника тулузской инквизиціи, написанная 1-го мая 1316 года и воспроизведенная имъ въ его *Practica inquisitionis* въ расширенномъ и исправленномъ видѣ (Muratori IX, 443 сс.). Гуго Саксе, *Bernardus Guidonis*. Rostock 1891, стр. 45, въ статьѣ, написанной по случаю юбилея Бухта.—*Practica Inquisitionis Heretice Pravitatis auctore Bernardo Guidonis*, ed. C. Douais. Paris, Picard. 1886. Третьимъ главнымъ источникомъ служатъ толкованія, приложенныя Беневенуто изъ Имола къ тому мѣсту въ Дантовскомъ Адѣ, 28, 55 сс., гдѣ пѣвецъ Божественной комедіи посылаетъ привѣтствіе Магомета лжепророку съ горы Цебелло. Беневенуто приводитъ полную біографію Дольчино.

Когда въ 1304 году Дольчино появился въ епархіи Верчелли въ бѣломъ апостольскомъ одѣяніи, онъ былъ homo incognitus ¹⁾. Его считали сыномъ священника изъ Новары. Отцомъ его былъ, какъ говорятъ, пре- свитеръ Юлій изъ долины Оссола. Только самый позднѣйшій источникъ, Беневенуто изъ Имола, рассказываетъ объ юности этого проповѣдника покаянія, столь почитаемаго впослѣдствіи, всевозможныя, не къ чести его служащія исторіи, которыя передалъ ему потомокъ врача Дольчино изъ Бергамо. Отецъ Дольчино, по словамъ этого разказчика, живетъ въ Прато, у Кастро Романьяно, въ долинѣ Сессіа и посылаетъ сына въ Верчелли, гдѣ онъ воспитывается у священника Августа при церкви святой Агнесы. Въ латинской школѣ мальчикъ выдвинулся, благодаря своимъ способностямъ и хорошимъ успѣхамъ, и за свою веселость, миловидность и ловкость былъ очень любимъ. Но уже здѣсь, такъ думаетъ нашъ разказчикъ, проявился

Въ ней много вздорныхъ слуховъ, но въ заключеніи однако авторъ называетъ источникъ. „Врачомъ этого Дольчино былъ Райнальдъ изъ Бергамо, внукъ котораго многое рассказывалъ мнѣ объ этомъ чело- вѣкѣ“ (Muratori, Antiquit. Ital. medii aevi I, 1027 сл. Разказъ этотъ на стр. 1120). Показанія одного храбраго и выдержавшаго стойко долгое суровое заточеніе апостолика находятся въ протоколахъ тулузской инквизиціи, изданныхъ Лимборхомъ. (Такъ называемая *liber sententiarum*, у Limborch, *historia Inquisitionis*. Amsterdam 1692. Стр. 360 сл.). Испанецъ Петръ Луго изъ церковной провинціи Компостелла попалъ въ сѣти тулузской инквизиціи, и его допросъ даетъ достовѣрныя свѣдѣнія объ ученіи братьевъ-апостоловъ. Затѣмъ идутъ случайныя сообщенія испанскаго доминиканца Эймерика (14-го столѣтія) (*Scriptores ordinis Dominic. ed. Quetif et Schard. I, 709 сл.*); его *directorium Inquisitorum* содержитъ цѣльныя замѣтки, онѣ были научнымъ образомъ пояснены и пополнены испанскимъ юристомъ Францемъ Пегма въ началѣ семна- дцатаго столѣтія. (*Commentarii in directorium Inquisitorum Nicolai Eumerici, Venet. 1703*). Частью этотъ же самый матеріалъ находится въ *Practica officii inquisitionis* Бернарда Гвидони, бывшаго начальникомъ инквизиціи въ Тулузѣ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія (*Practica officii inquisitionis ed. Douais. Paris, 1886*). Объ отношеніи *Practica* къ *additamentum* Му- ратори см. Гуго Саксе, Бернардъ Гвидони въ упомянутомъ выше юби- лейномъ сборникѣ Ростокскаго юридическаго факультета, Ростокъ 1891). Исторіи Сегарелли и Дольчино инквизиторъ касается лишь мимоходомъ, но ученіе ихъ излагаетъ подробно и сообщаетъ именно полностью судо- производство инквизиціи, допросъ, отреченіе и кару со всѣми формаль- ностями и формулами для примѣненія въ другихъ трибуналахъ.

1) *Historia Dulcini*, 429. *Additamentum* p. 450. Edit. Douais. Стр. 258.

его дурной характеръ. Онъ укралъ у своего воспитателя деньги и сумѣлъ сдѣлать это такъ ловко, что подозрѣніе пало на другого, на одного друга дома, по имени Патраса. Послѣдній схватилъ юнаго вора и подъ угрозою пытокъ вынудилъ у него признаніе въ своемъ проступкѣ. Воспитатель, любившій мальчика, воспрепятствовалъ выдачѣ его судьямъ, чтобы духовная карьера не закрылась передъ нимъ, но теперь самому молодому человѣку стало слишкомъ непріятно оставаться въ Верчелли, и онъ бѣжалъ въ Тридентъ. Оба болѣе раннія извѣстія, весьма недоброжелательныя Дольчино, ничего еще не знаютъ объ этомъ пятнѣ на имени Дольчино, иначе не упустили бы случая упомянуть о немъ, и намъ кажется весьма мало правдоподобнымъ, чтобы герой, храбрость котораго засвидѣтельствована въ исторіи, былъ въ своей юности трусливымъ воромъ. Затѣмъ нашъ рассказчикъ повѣствуетъ, что мальчикъ, очутившись безъ средствъ къ жизни, поступаетъ въ орденъ фратичелли. Коричневая одежда фратичелли, укороченная ряса францисканцевъ, не имѣетъ ничего общаго съ бѣлой апостольской мантией Дольчино, но иногда, случайно, братья-апостолы назывались также фратичелли ¹⁾. Итакъ, Дольчино самъ отъ себя возвѣщалъ евангеліе бѣдной жизни безопаснымъ и суевѣрнымъ пастухамъ въ горахъ Тридента, черезъ которыя нѣкогда проходили ученики Фравциска во время своихъ походовъ въ Германію, но Дольчино не приходилось довольствоваться „god begrad“, напротивъ, онъ скоро сталъ добрымъ другомъ простодушныхъ альпійцевъ. Позднѣйшія извѣстія, имѣющія характеръ повѣстей ²⁾, рассказываютъ, что красота одной послушницы Маргариты заставила Дольчино наняться въ работники въ женскій монастырь въ Тридентѣ, откуда онъ затѣмъ покидаетъ свою возлюбленную и начинаетъ странническую жизнь въ духѣ вальденцевъ. Беневенуто рассказываетъ лишь, что Дольчино сначала дѣйствовалъ въ скалистыхъ долинахъ Трентино, при чемъ онъ проповѣдывалъ, что въ любви все должно быть общимъ, имущество и жены. Но *historia Dulcini* ничего не знаетъ о подобныхъ крайностяхъ. Такъ какъ спутница Дольчино Маргарита была родомъ дѣйствительно изъ Тридента — *Margarita de Trideno* называетъ ее *historia Dulcini* ³⁾, то дѣятельность Дольчино въ этой мѣстности имѣетъ

1) См. Эрле, *Archiv IV*, 155.

2) См. *Fra Dolcino*, Юл. Кроне, стр. 30, по свѣдѣніямъ, найденнымъ Бажжіолини въ Архивѣ Верчелли и якобы современнымъ. Уже Неандеръ относится къ нимъ по справедливости весьма осторожно.

3) *Muratori IX*, 439.

вѣроятность, хотя Бернардо Гвидони и не упоминаетъ о ней. Но Дольчино, супругъ молодой, прекрасной и благородной женщины, руки которой еще въ послѣднюю минуту добивались католическіе рыцари, чтобы спасти ее отъ костра, навѣрное не проповѣдывалъ общности женъ. Клеветы монаховъ на Сегарелли, какъ и на Дольчино противорѣчатъ сами себѣ. Апостоликъ возмущалъ народъ противъ духовенства, и этого было достаточно, чтобы приписывать ему нелѣпѣйшія ученія, вотъ все, что слѣдуетъ изъ этихъ разсказовъ. Едва ли Дольчино былъ великимъ человѣкомъ, но онъ былъ храбрецомъ, причинившимъ много хлопотъ своимъ противникамъ, и они мстили ему за это по-своему.

Когда епископъ тридентскій, рассказываетъ далѣе Беневенуто, изгналъ изъ своей епархіи Дольчино и его возлюбленную подругу, то оба перекочевали въ Далмацію ¹⁾, но это извѣстіе весьма мало правдоподобно, и мы ничего не узнаемъ о томъ, въ чемъ состояла его тамошняя миссія. Собственно поле для своей дѣятельности, въ этомъ согласуются всѣ извѣстія, Дольчино нашелъ впервые въ Ломбардіи, гдѣ многочисленные въ городахъ еретики давали ему вѣрныя пристанища. Брешія, Бергамо, Комо и Миланъ стали театромъ его агитаціи ²⁾, далеко не оставшейся безплодною. Но инквизиція слѣдовала за нимъ по пятамъ. Три раза, такъ признался онъ самъ на послѣднихъ допросахъ, онъ попадалъ въ руки инквизиторовъ, но, такъ какъ онъ не задумываясь отрекался отъ своихъ заблужденій, его опять выпускали на свободу ³⁾. Инквизиторъ Бернардо Гвидони рассказываетъ о томъ, какъ онъ принималъ новыхъ членовъ въ общину, слѣдующее: онъ приводилъ увѣровавшихъ, пожелавшихъ посвятить себя апостольской жизни, къ алтарю какой-нибудь церкви или же представлялъ ихъ общинѣ на площади. Здѣсь вновь поступающій долженъ былъ снять съ себя свое платье, какъ это сдѣлалъ Францискъ передъ епископомъ ассизскимъ, въ знакъ того, что онъ отрывается отъ своей прежней жизни и отъ всего своего имущества и желаетъ отнынѣ жить въ евангельской бѣдности. Съ тѣхъ поръ новый апостолъ не долженъ прикасаться къ монетѣ, онъ живетъ при-

1) Muratori IX, 429. Note 7, не называя своихъ источниковъ. Кроне, Fra Dolcino, стр. 24, ссылается, отставивъ предположеніе о дѣятельности Дольчино въ Далмаціи, на Фарлати. *Illyricum sacrum* VI, 322. VII, 328, 362, не приводя выдержекъ.

2) По Беневенуто изъ Имола.

3) *Historia Dulcini*, 436.

4) *Ed. Douais*, стр. 258.

ношеніями, подаваемыми ему добровольно. Подаяніе было небеснымъ хлѣбомъ, манною, отъ которой онъ не смѣлъ сохранять ничего для слѣдующаго дня. Онъ отказывается также отъ всякаго служенія людямъ, чтобы отнынѣ повиноваться лишь Богу, а не людямъ, какъ это дѣлали первые апостолы. Затѣмъ, поступившихъ новыхъ членовъ учать, какъ осторожно распространять ученіе апостоловъ, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ свойствамъ обращаемого раскрывать ему то одно, то другое положеніе ихъ лжеученія, указывать на дурную жизнь духовенства, располагать къ себѣ людей кротостью и привѣтливостью и тогда только открывать уже, что они дѣйствительно члены апостольскаго ордена, который духовенство преслѣдуетъ изъ ненависти къ истинѣ, потому что подобный образецъ ему служить постояннымъ укоромъ. Когда они выступаютъ публично ¹⁾, говорить нашъ инквизиторъ, они обыкновенно говорятъ о самыхъ достойныхъ уваженія вещахъ. „Бодрствуйте и молитесь“, говорятъ они тогда, „ибо это спасительно для души“. Они произносятъ также въ приподнятомъ тонѣ Отче нашъ и Ave Maria, или: „Вѣрую во единого Бога Отца“ и т. д. Или же ихъ видятъ проходящими черезъ деревни, при чемъ они поютъ духовныя пѣсни. Встрѣчнымъ они говорятъ: „Покайтесь и обратитесь, ибо приблизилось царствіе Божіе“. Они напоминаютъ слова Іисуса Христа: „Вотъ я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ. Да не страшится сердце ваше, не бойтесь“. Или они поютъ также: *Salve regina* и другія прекрасныя пѣсни, чтобы собрать вокругъ себя слушателей, а свою набожность они выказываютъ въ дѣлахъ благочестія, что нравится толпѣ; они умѣютъ такъ сдѣлать, что ихъ считаютъ за строгихъ подвижниковъ, ведущихъ совершенную жизнь. Свой столъ устраиваютъ они на площади и ѣдятъ, что имъ даютъ. Изъ остатковъ они не берутъ ничего себѣ, чтобы не заботиться о слѣдующемъ днѣ. У нихъ нѣтъ также домовъ и другихъ жилищъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ походить на апостоловъ. Такимъ образомъ они выпрашиваютъ свое пропитаніе. Римская же церковь, живущая въ богатствѣ и роскоши, для нихъ есть вавилонская жена Апокалипсиса, такъ что обѣтованія, данныя Христомъ истинной церкви, отняты у нея и перешли къ братьямъ-апостоламъ, какъ къ спиритуаламъ и избраннымъ въ послѣднее время ²⁾. Все это уже встрѣчалось намъ въ извѣстіяхъ о Сегарелли; собственно новый моментъ у Дольчино это—іоакимовское пророчество о предстоящемъ

¹⁾ Practica, 260 сл.

²⁾ Bern. Guidonis, ed Douais, 259. 331.

послѣднемъ судѣ, который Сегарелли изображалъ иначе. Сегарелли былъ пророкъ, Дольчино—апокалиптикъ.

Намъ извѣстна уже метода калабрійскаго аббата открывать въ библейскихъ прообразахъ изображенія настоящаго и предугадывать его вѣроятный дальнѣйшій ходъ. То, что еще не исполнилось, исполнится, и потому для знатока пророковъ будущее вовсе не представляется закрытою книгою. Когда изъ этихъ пестрыхъ, въ безпорядкѣ понадерганныхъ мѣстъ изъ священнаго писанія составляется картина будущаго, то, конечно, сначала намъ кажется, будто мы слышимъ тысячеголосый хоръ безумцевъ, но, лишь только мы узнаемъ собственную политическую точку зрѣнія пророка, тогда его надежды представляются вполне понятными, и оказывается, что въ основѣ этихъ замысловатыхъ іероглифовъ лежитъ вполне разумный смыслъ. Дольчино — гибеллинъ. Какъ всѣ вожаки антиклерикальной оппозиціи отъ Арнольда до Данте, отъ восстановления римской имперіи онъ ждалъ также умаленія папы и реформы церкви. Представителемъ гибеллинской идеи, на которомъ сосредоточивались всѣ надежды на возрожденіе Италіи, былъ для него Фридрихъ Сицилійскій, внукъ Манфреда. Эту надежду раздѣляло съ нимъ въ 1300 г. большинство гибеллиновъ.

Ни на одно государство не имѣлъ Бонифацій VIII столь основательныхъ притязаній, какъ на островъ Сицилію, притязаній, которыя основывались не только на Исаи, Софоніи и дарѣ Константина, но и на признанныхъ ленныхъ договорахъ и ленной присягѣ. Именно тутъ гордый первосвященникъ, заявившій притязаніе на всѣ короны Европы, съ самаго начала потерпѣлъ рядъ постыдныхъ пораженій. 26-го февраля 1266 года Манфредъ, незаконный сынъ Фридриха II, потерялъ при Беневентѣ сраженіе и жизнь; а 29-го октября 1268 года Карлъ Анжуйскій послалъ на эшафотъ послѣднюю надежду гибеллиновъ, Конрадина. Но въ лицѣ Петра III Арагонскаго, мужа Констанціи, зятя Манфреда, возсталъ мстителъ за Гогенштауфена. Вслѣдствіе Сицилійской вечерни 1282 года Петръ Арагонскій завоевалъ островъ. Когда сынъ его Іаковъ, уставши отъ борьбы съ папою и Франціей, отрекся отъ короны Сициліи въ 1291 году, сицилійцы провозгласили королемъ младшаго сына Петра, Фридриха. Въ неестественномъ союзѣ съ Бонифаціемъ VIII и Карломъ II Неаполитанскимъ пытался Іаковъ II, бывшій въ ссорѣ со своимъ братомъ, опять вернуть островъ дому Анжуйскому и сюзерену — папѣ, но папство встрѣтило въ лицѣ Фридриха противника, который воскресилъ всѣ надежды гибеллиновъ. Неутомимый и неустрашимый, обладающій богатыми средствами и даромъ

находчивости и изворотливости, мудрый законодатель, храбрый полководец и кроткій правитель, онъ очаровалъ своею личностью легко увлекающихся сицилійцевъ, презиралъ проклятія церкви и съ большой строгостью подавлялъ мятежное духовенство. И Фридрихъ сталъ надеждою всѣхъ противниковъ папства. На него были обращены взоры всѣхъ гибеллинскихъ городовъ, императорскаго дворянства и еретическихъ обществъ, и благодаря ему Сицилія стала ихъ сборнымъ пунктомъ и убѣжищемъ. Листивыя рѣчи Бонифація, VIII такъ же мало дѣйствовали на него, какъ римскія отлученія отъ церкви. Его братъ Іаковъ продалъ свои права на Сицилію куріи и въ союзъ съ Карломъ II Неаполитанскимъ хотѣлъ отнять у Фридриха островъ, но Фридрихъ разбилъ на голову войска обоихъ. Преданные Риму священники возмущали народъ и хотѣли отворить городскія ворота святому отцу; Фридрихъ раскрылъ ихъ козни и приказалъ повѣсить поповъ. Корабли союзниковъ угрожали его берегамъ, онъ уничтожилъ ихъ флотъ и завоевалъ ихъ гавани. Вслѣдствіе неосторожности, юный герой, опьяненный побѣдами, потерпѣлъ въ 1299 году у мыса Орлядо, недалеко отъ Санъ Марко, большое пораженіе, но не отчаялся. Уже къ концу года онъ поправилъ свою ошибку; между противниками царил несогласіе, папа самъ изъ алчности сломалъ свой мечъ. Какъ онъ заставилъ родъ Колонна перейти на сторону противниковъ, такъ своимъ, незнающимъ мѣры, вымогательствомъ, онъ довелъ теперь Карла II до того, что тотъ отступился отъ него. Въ юбилейный годъ первосвященникъ, упоенный своимъ финансовымъ успѣхомъ, обратилъ свои громы въ великій четвергъ на гибеллиновъ въ Генуѣ и Сициліи, но это не произвело сильнаго впечатлѣнія, такъ какъ населеніе уже успѣло привыкнуть къ тому, что на церковномъ небѣ постоянно сверкаютъ молніи. На выручку отъ юбилейнаго отпущенія грѣховъ папа подкупилъ нѣкоторыхъ военачальниковъ Фридриха, но народъ былъ непоколебимъ въ своей вѣрности и частью даже самъ казнилъ измѣнниковъ. Были сдѣланы попытки убить изъ-за угла Фридриха, но женщины, любившія до безумія юнаго героя, открыли ему замыслы своихъ мужей. Всѣ хитрости куріи потерпѣли неудачу передъ человекомъ, въ жилахъ котораго, благодаря Констанціи, текла кровь Гогенштауфеновъ. Къ тому же и на войнѣ онъ оставался кроткимъ мирнымъ государемъ. Когда онъ освободилъ Мессину, почти умирающую отъ голода, онъ взялъ безпомощныхъ съ собою; на его конѣ ѣхали дѣти изнуренныхъ матерей, и онъ дѣлилъ съ ними свой собственный хлѣбъ. Такъ что его сила въ значительной мѣрѣ опиралась на любовь и поклоненіе благодарнаго населенія острова.

Но въ колчанѣ папы была еще одна стрѣла. Онъ предложилъ графу Карлу Валуа, брату Филиппа Красиваго, завоевать Сицилію и Византію и тѣмъ опять возстановить старую политику норманновъ. Этотъ почетный выборъ брата Филиппа въ то же время долженъ былъ обязать по отношенію къ куріи и самого непокорнаго французскаго короля. Валуа появился въ Италіи въ 1301 году, и немедленно возгорѣлась старая вражда между гвельфами и гибеллинами во всѣхъ итальянскихъ городахъ. Всего больше неистовствовала она во Флоренціи, гдѣ Данте и отецъ Петрарки были отправлены въ изгнаніе продажными судьями въ апрѣлѣ 1302 года. Но Фридрихъ отразилъ и это новое вторженіе. Онъ задерживалъ французскія, неаполитанскія и папскія войска до того времени, пока лѣтняя жара не вызвала чумы въ ихъ плохо продовольствуемыхъ отрядахъ и не разогнала весь ихъ лагерь. Бракосочетаніе сестры Карла II съ арагонскимъ героемъ въ 1302 году, когда Сицилія была отдана ему въ видѣ свадебнаго подарка Элеоноры, закончило эту долгую вражду къ невыгодѣ папы. Въ ноябрѣ 1302 года Валуа вернулся во Францію, оставивъ часть своихъ наемниковъ въ Церковной области; съ помощью ихъ въ слѣдующемъ году французскій канцлеръ Ногаретъ напалъ на папу въ Ананьи и повергъ его въ позоръ и безуміе. Началъ исполняться предсказанный судъ надъ римскимъ Вавилономъ.

Высокомѣріе Бонифація VIII впервые встрѣтило отпоръ въ Фридрихѣ. Духовный мечъ св. Петра оказался тупымъ, свѣтскій же сломался, владыка острововъ не смогъ отвоевать своего собственнаго острова, и потому въ буллѣ отъ декабря 1302 года онъ принимаетъ короля-побѣдителя опять въ лоно церкви съ условіемъ, чтобы онъ не назывался королемъ Сициліи,—титулъ этотъ останется за королемъ неаполитанскимъ,—но королемъ Тринакрии, кромѣ того, чтобы Фридрихъ призналъ папскія ленныя права. Фридрихъ далъ это обѣщаніе, но не сдержалъ его.

Эти политическія событія легли въ основу пророчествъ Дольчино, изъ которыхъ мы видимъ, какія великія надежды возлагались итальянскими гибеллинами и еретиками верхне-итальянскихъ городовъ на юнаго палермскаго героя. Они ожидали отъ него не болѣе не менѣе какъ возстановленія римской имперіи и реформы церкви, и, кто знаетъ, быть можетъ, королю Фридриху отправлялись потихоньку письма, подобныя тѣмъ, которыя посылались друзьями Арнольда Конраду III и Фридриху I. Мы знаемъ, что часть знати въ епархіяхъ Новара и Верчелли помогала Дольчино, и самъ собою возникаетъ вопросъ, не объясняется ли эта поддержка тѣмъ, что по-

кровители Дольчино, подобно ему самому, были ярыми гибеллинами, ожидавшими вмѣстѣ съ нимъ спасенія отъ сицилійскаго героя.

Разсказчикъ, дающій намъ свѣдѣнія о процессѣ Сегарелли, приводитъ также разборъ окружныхъ посланій Дольчино къ его апостольской церкви; эти посланія даютъ намъ представленія о надеждахъ, которыя возбудила борьба Фридриха противъ куріи антихриста во врагахъ папства въ верхней Италіи. Эти посланія важны также тѣмъ, что знакомятъ насъ съ ученіемъ апостоловъ въ самой зрѣлой стадіи его развитія ¹⁾.

Какъ видно, три посланія написалъ Дольчино ко всѣмъ христіанамъ, въ частности же къ своимъ послѣдователямъ въ бѣдной жизни; два изъ этихъ посланій сообщаетъ намъ Бернардо Гвидони, подробно разбирая ихъ, третье же мы можемъ пополнить изъ другихъ источниковъ. Первое онъ написалъ въ августѣ 1300 года, въ годъ мученической смерти Сегарелли, и это посланіе, конечно, энциклика, которой Дольчино извѣщаетъ своихъ братьевъ, что онъ теперь беретъ на себя руководство орденомъ, оставшимся безъ главы. Но этотъ 1300 годъ былъ также тѣмъ годомъ, когда Бонифацій привелъ въ волненіе весь міръ своимъ отпущеніемъ грѣховъ по случаю юбилея, и когда на побѣды Фридриха папа отвѣтилъ угрозою отлученія отъ церкви всѣхъ гибеллиновъ въ Сициліи и Генуѣ и призывалъ Францію къ войнѣ противъ арагонца. Первое посланіе Дольчино и служитъ выраженіемъ этого лихорадочнаго времени. Нашъ доминиканецъ счелъ за лучшее выпустить кое-что, что, какъ ему думалось, не относится къ дѣлу; по всей вѣроятности, это были прямые нападки на того, кто выдумалъ юбилейное отпущеніе грѣховъ, но несмотря даже на смягченную форму ясно, что это посланіе направлено противъ чудовищной эксплуатаціи христіанъ алчнымъ и тщеславнымъ Бонифаціемъ. Энциклика прежде всего возвѣщаетъ евангеліе бѣдной жизни, которому послушны лишь вѣрующіе Дольчино, живущіе по образу апостоловъ въ апостольской бѣдности и замѣнившіе внѣшнее церковное повиновеніе внутреннимъ подчиненіемъ совѣсти. Они посланы въ эти „послѣднія“ времена призвать людей къ покаянію, ибо приблизилось время жатвы. Этой маленькой церкви свѣта противостоятъ послѣдователи антихриста, епископы, доминиканцы и францисканцы, преслѣдующіе пророковъ и апостоловъ, служители сатаны. По ихъ винѣ Дольчино и его ученики, которыхъ онъ называетъ спиритуалами,

¹⁾ См. Additamentum, Muratori, IX, 450 сл. Practica, стр. 330 сл. и Benevenuto da Imola.

не могутъ уже, какъ это дѣлали ихъ предшественники, открыто призывать народъ къ покаянію, а должны дѣйствовать тайно. Но близокъ день возмездія, и не останется ни одного епископа, ни одного монаха, за исключеніемъ такихъ, которые сами прикнутъ къ ордену апостоловъ. Чтобы возвѣстить этотъ день возмездія, посланъ Дольчино, ему открыты пророки и ветхаго и новаго завѣта, такъ что онъ разумѣетъ настоящее и будущее. Его толкованіе исторіи тѣсно примыкаетъ къ толкованію Іоахима Флориса. Вначалѣ, по словамъ Дольчино, были отцы ветхаго завѣта, т. е. патріархи, пророки и праведники до Христа. На этой ступени патріарховъ слѣдовало брать женъ, чтобы земля населялась, и размножался родъ людской. Но, такъ какъ многіе уклонились отъ простоты патріарховъ, надлежало прійти Христу и Его апостоламъ, чтобы научить человѣчество евангельской жизни. Такъ наступила вторая ступень. Апостолы показали чудесами, уничтоженіемъ, терпѣніемъ, бѣдностью, цѣломудріемъ и всякимъ добрымъ примѣромъ истинную вѣру, отъ которой уклонилось человѣчество первой ступени. Они были врачами больнаго міра, и на этой ступени дѣвство ставилось выше брака, бѣдность выше богатства, жизнь безъ имущества выше обладанія собственностью. Эта вторая эпоха продолжалась до папы Сильвестра и императора Константина, но послѣ нихъ начинается упадокъ. Уже на второй ступени во вторую ея половину мы не видимъ совершенства первой. При Константинѣ уже толпы язычниковъ, не обратившись, вступали въ церковь, и, когда охладѣла любовь къ Богу и людямъ, богатство стало считаться выше апостольской жизни, а власть выше служенія. Во время этого упадка на третьей ступени всякой другой жизни слѣдовало предпочесть жизнь святого Бенедикта, потому что эта жизнь была далека отъ всего земнаго. Точно такъ же, когда среди бенедиктинцевъ начался упадокъ, то предпочтенія сталъ заслуживать уставъ святого Франциска и уставъ Доминика, потому что эти уставы были попыткою возстановить апостольскую жизнь. Когда же и эти ордена также отделились отъ апостольской жизни, то въ послѣднее время призванъ былъ возлюбленный Богомъ братъ Герардо Сегарелли изъ Пармы и возобновилъ апостольскую жизнь въ своемъ братствѣ. Этимъ начинается четвертая ступень, такъ какъ жизнью, подобною жизни братьевъ-апостоловъ, было достигнуто христіанское совершенство. Эта жизнь заключается не въ томъ, чтобы, подобно ученикамъ Франциска и Доминика, владѣть многими монастырями и собирать въ нихъ пожертвованія, но въ истинно бѣдной жизни Искупителя. „Мы“, говоритъ Дольчино, „не имѣемъ домовъ, и намъ не дозво-

ляется также уносить то, что осталось отъ подаянія. Поэтому наша жизнь заслуживаетъ предпочтенія передъ всѣми, и она лучшее лѣкарство для всякаго“. Итакъ, согласно дольчинову пониманію исторіи, церковь прошла черезъ рядъ измѣненій. Она была блага, цѣломудренна, непорочна, радовалась мученичеству, пока при Константинѣ не проникла въ нее порча. Тогда она была тоже богата, въ чести, могущественна, но все еще святая церковь, насколько она слѣдовала примѣру святыхъ Сильвестра, Бенедикта, Доминика и Франциска. На современной ступени она противоположность всему этому. Богатство, власть и честь она имѣетъ въ избыткѣ, но она пала и зла, и такую останется до наступленія дня суда. Наступленіе же суда Дольчино предсказываетъ на 1303 годъ и, дѣйствительно, попадаетъ такимъ образомъ на тотъ годъ, когда небесный судъ поразилъ Бонифація VIII. Слѣдовательно, уже начался послѣдній періодъ. Въ этотъ періодъ церковь будетъ добра и бѣдна и будетъ радоваться мученичеству, преобразуется для апостольской жизни, какою уже мы видимъ ее въ кругу братьевъ-апостоловъ. Эту послѣднюю ступень открываетъ собою братъ Герардо Пармскій, Богомъ любимый, который учитъ совершенной жизни, что даетъ плоды вплоть до дня жатвы. Тогда будутъ говорить: „Радуйся безплодная, которая не рожала“, и еще будутъ говорить: „Безбожники не имѣютъ мира, говорить Господь“. Такъ возвѣщаль Дольчино о самомъ себѣ, говоритъ нашъ рассказчикъ, что онъ-де посланъ управлять апостольской церковью, ибо гонители умертвили брата Герардо, перваго проповѣдника примѣромъ и провозгласителя новой преобразованной жизни. Съ такимъ высокомѣріемъ оправдывалъ Дольчино своихъ и осуждалъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ его сектѣ.

Нашъ рассказчикъ благоразумно обходитъ молчаніемъ описаніе третьей ступени, т. е. современной порчи. Изъ передачи содержанія мы видимъ только, что Дольчино изобличалъ въ упадкѣ всѣ духовные саны и ордена, каждаго въ отдѣльности, особенно же беспощадной критикѣ подвергъ онъ Бонифація VIII, вступившаго въ то время на римскій престолъ, и упрекалъ его въ *plūgima mala*, при чемъ ссылался на книги пророковъ ветхаго и новаго завѣта. Другими словами, онъ называлъ Римъ вавилонской блудницей, а папу—антихристомъ, который былъ предсказанъ¹⁾. Окончанія же царства папы и побѣды надъ антихристомъ Дольчино ждалъ отъ короля, который долженъ скоро придти, ко-

¹⁾ Прямо такъ и называетъ ихъ апостоликъ Петръ Луго передъ инквизиціей тулуаской. Лимборхъ стр. 361.

того ему указало откровение, и котораго, ему думается, онъ узнаеть въ Фридрихѣ, сынѣ Петра Арагонскаго, узурпатора Сициліи. Онъ возстановитъ имперію и раздасть Италію въ ленъ десяти королямъ ¹⁾. Побѣдоносная война юнаго сицилійскаго героя противъ папы убѣдила, слѣдовательно, Дольчино въ томъ, что Фридрихъ—обѣтованный всѣми пророками король, и онъ совершитъ судъ надъ древнимъ Вавилономъ, опьянѣвшимъ отъ крови святыхъ и мучениковъ. Онъ возстановитъ имперію, распавшуюся послѣ Фридриха II на мелкія части, и положитъ конецъ времени междуцарствія, когда не было императора, времени, ужасному и для Италіи. Надежды, которыя возлагалъ десятилѣтнемъ позже Данте на Люксембургскаго Генриха VII, Дольчино относилъ къ Фридриху Арагонскому. Такое толкованіе было тѣмъ естественнѣе, что въ то время были также въ большомъ ходу предсказанія іоахимовъ, привѣтствовавшія въ лицѣ Фридриха Антиохійскаго, незаконнаго сына Фридриха II, возстановителя имперіи ²⁾. Такъ какъ римское государство въ видѣніяхъ Апокалипсиса имѣеть десять роговъ, что означаетъ десять государей, то императоръ Фридрихъ поставитъ десять королей; они предоставятъ въ его распоряженіе свои силы, чтобы бороться съ Римомъ и помочь ему при наказаніи Бонифація, его кардиналовъ, епископовъ и монаховъ. Слѣдовательно, Дольчино совершенно такъ же, какъ Арнольдъ Брешианскій и великій пророкъ, пришедшій послѣ него, Данте, ждалъ спасенія отъ имперіи. Онъ былъ гибеллинъ и доказывалъ право и будущее имперіи изъ пророковъ ветхаго и новаго завѣта по способу Іоахима ³⁾. Послѣ этой побѣды имперіи надъ папствомъ Господь самъ пошлетъ папу мира, который будетъ избранъ не кардиналами, потому что послѣдніе будутъ умерщвлены вмѣстѣ со всѣми остальными прелатами, но онъ будетъ призванъ самимъ Богомъ. Вокругъ него соберутся приверженцы апостольской жизни, и Господь изольетъ на нихъ Духа своего, и они умножатся, и новый императоръ Фридрихъ и папа мира, который заступитъ мѣсто убитаго Бонифація, будутъ править, пока, какъ возвѣстилъ св. ап. Іоаннъ, еще разъ не возстанетъ великій противникъ Богу, и наступитъ послѣдній судъ.

Къ сожалѣнію, нашъ доминиканецъ не захотѣлъ рассказать отдѣльныя указанія пророчествъ на знаменитыхъ современниковъ, и особенно на Бони-

¹⁾ Muratori IX. 458.

²⁾ De radice aquilae surget alius aquila, cujus nomen Fridericus. См. Мосгеймъ, Исторія ересей II, 343. То же предсказаніе Лютеръ относилъ къ Фридриху Мудрому.

³⁾ Practica, 333 сл.

фація VIII. Онъ находитъ заслуживающимъ вниманія лишь то еще, что Дольчино видѣлъ въ семи ангелахъ,—стоящихъ, согласно Апокалипсису, передъ алтаремъ Божиимъ,—главныхъ лицъ изъ исторіи церкви. Ангелъ Пергамскій—святой Сильвестръ, которымъ заканчивается доброе время церкви; а церковь, которой пишетъ ангелъ, это духовенство его времени. Ангелы Сардійскій и Лаодикійскій—святой Францискъ и святой Доминикъ, а церкви, которымъ они пишутъ, это мнориты и монахи-проповѣдники. Ангелъ Смирнскій былъ братъ Герардо Пармскій, ангелъ же Фіатирскій — самъ Дольчино. Наконецъ, ангелъ Филадельфійскій будетъ предсказанный папа мира. Церкви этихъ трехъ ангеловъ—это орденъ апостольскій, основанный Герардо. Ихъ святая троица даетъ міру три блага, основаніе, проведеніе и распространеніе апостольской жизни сообразно евангелію. Въ то же время они указываютъ на возстановителя римской имперіи, новаго императора Фридриха, который подчинитъ своему святому скипетру весь міръ, чего не удалось до него ни одному изъ его предшественниковъ.

Итакъ полнымъ великихъ надеждъ представлялось будущее пророку гибеллиновъ въ юбилейный 1300 годъ, но это будущее оправдало лишь угрозы его пророчествъ, надеждъ ихъ оно не исполнило.

Тотъ же самый 1300 годъ, когда курія загребала кучи золота на гробницахъ апостоловъ, пользуясь юбилейнымъ отпущеніемъ грѣховъ, ознаменовался полнымъ паденіемъ папскаго правленія. Не только побѣды Фридриха принудили папу къ отступленію въ Сицилію, но борьба Бонифація съ французскимъ королемъ привела и къ катастрофѣ, которая всѣми считается началомъ паденія средневѣковой папской власти. Если въ прежнихъ ссорахъ, которыя затѣвалъ папа по очереди со всѣми коронованными лицами въ Европѣ, онъ, положимъ, нигдѣ не былъ славнымъ побѣдителемъ, то все-таки не терпѣлъ и бросающихся въ глаза поражений; столкновение же съ Филиппомъ IV не только унизило его, но совершенно уничтожило. Во Франціи папа встрѣтилъ хорошо организованное государство, и къ тому же короля, которому доставляло удовольствіе унизить курію и доказать свѣту, что папа страшенъ лишь тѣмъ, кто его боится. Пророчества Дольчино обратились на ложные пути, когда исполненіе суда надъ папою они возлагали на потомка Арагонцевъ и Гогенштауфеновъ; съ самаго начала предназначеннымъ для того государемъ былъ французскій король, образъ дѣйствія котораго совершенно соотвѣтствуетъ предсказанію о государѣ новаго времени.

Филиппъ IV Красивый вовсе не походитъ на внука Людовика Святого и на потомка крестоносцевъ. Этотъ французскій король отказался отъ всѣхъ средне-

вѣковыхъ иллюзій. Для него каждая вещь была постольку цѣнна, поскольку она давала власти; была ли она стара, молода, издавна установлена, или возникла лишь вчера; санкціонирована ли она церковью, или надъ нею тяготѣли папскія проклятія,—все это было для него безразлично, лишь бы она служила его цѣлямъ. Во время его правленія пали въ прахъ послѣдніе остатки владычества христіанъ въ Сиріи. Внукъ Людовика Святого не пошевелилъ пальцемъ, чтобы поддержать гнилое зданіе. Папа предписалъ сборъ церковной десятины для крестоваго похода. Король собралъ ее и оставилъ золото въ собственномъ карманѣ. Курія расточала ему и всѣ почести и всякія карательныя мѣры, но Филиппъ Красивый относился и къ карамъ и къ почестямъ Рима съ одинаковой проніей въ душѣ. Съ мошеннической безсовѣстностью онъ отправилъ темпліеровъ на костеръ, въ полномъ сознаніи ихъ невинности, чтобы наследовать имъ. Онъ Бонифацію лично оскорблялъ скорѣе изъ мести, чѣмъ самозащиты. Но такой безусловно безсердечный человѣкъ расчета былъ необходимъ, чтобы показать наконецъ міру, что Римъ можетъ подчинить только тѣхъ, кто самъ гнетъ передъ нимъ шею. Самый поводъ къ ссорѣ, изъ-за котораго Филиппъ порвалъ съ папою, былъ искусно выбранъ королемъ. Когда Бонифацію буллою Clericis laicos запретилъ облагать податью духовенство, Филиппъ въ 1296 году отвѣтилъ запрещеніемъ вывоза золота въ Римъ. Бонифацію была чувствительна потеря французскихъ доходовъ, и онъ пошелъ на уступки. Онъ далъ своей буллѣ болѣе мягкое толкованіе, причислилъ дѣда Филиппа, Людовика IX, къ святымъ и предложилъ его брату, Карлу Валуа, въ ленъ Сицилію и Византію. Но война съ Фридрихомъ не принесла большой чести Валуа, онъ вернулся въ Парижъ, и въ 1301 году борьба съ папою возгорѣлась вновь. Филиппъ арестовалъ папскаго легата, который угрожалъ ему интердиктомъ, какъ государственнаго измѣнника; папскую буллу *ausculta fili*, написанную въ тонѣ отца, увѣщающаго своего блуднаго сына, король обнародовалъ въ извлеченіи, которое рассчитано было прямо на то, чтобы раздражить французовъ; послѣдовалъ обмѣнъ посланій, и литературные помощники Филиппа жестоко отдѣлали святаго отца. Чтобы прикрыться силою общественнаго мнѣнія, Филиппъ созвалъ въ 1303 году сеймъ, потребовавшій собора, который избавилъ бы церковь отъ ига этого еретическаго папы. Французскіе прелаты общали также, что, въ случаѣ если Бонифацію наложить интердиктъ, они откажутъ папѣ въ повиновеніи. Такимъ образомъ Бонифацію уже заранѣе былъ обезоруженъ. Если воспослѣдовало бы отлученіе отъ церкви, оно осталось бы безсильнымъ. Но Филиппъ не удовольствовался тѣмъ, что обезопасилъ домъ свой. Онъ узналъ, что въ

Ананьи была уже заготовлена булла, освобождающая французскій народъ отъ присяги ему и низлагавшая его самого съ трона. Нѣмецкій императоръ въ подобномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, отправился бы за Альпы съ войскомъ, оставилъ бы за спиной своей неудовольствіе, встрѣтилъ бы передъ собою національную вражду итальянцевъ. Французъ поступилъ практичѣе. Онъ послалъ въ Церковную область своего канцлера Ногарета съ однимъ изъ Колонна, у которыхъ ненасытный папа отнялъ лены. Въ Италиі еще оставались отряды войска, на вербованнаго незадолго передъ тѣмъ Карломъ Валуа для похода противъ Фридриха Сицилійскаго. Съ ними Ногаретъ напалъ на папу 7-го сентября 1303 года въ Ананьи и взялъ его въ плѣнъ. Въ первосвященническомъ облаченіи, увѣнчанный тіарою, съ золотымъ крестомъ и ключами св. Петра въ рукахъ ожидалъ Бонифацій враговъ. Но и эти устрашающія средства не произвели впечатлѣнія на жестокія сердца французовъ. Ногаретъ взялъ въ плѣнъ намѣстника Христова, наемники разграбили дворецъ и церковь и поживились папскою казною. Послѣдніе гроши, уцѣлѣвшіе отъ юбилейнаго года, когда Европа покупала себѣ прощеніе грѣховъ, попали въ карманы ландскнехтовъ. Однако, сила Ногарета оказалась недостаточной, чтобы отвезти въ Ліонъ высокаго плѣнника, какъ его называли. Граждане Ананьи и привлеченные набатомъ поселяне освободили Бонифація и принудили Ногарета и Колонну отступить. Жажущій мести Бонифацій VIII хотѣлъ теперь низвергнуть своихъ противниковъ посредствомъ собора. Онъ послѣдшилъ въ Римъ, но пережитый имъ ударъ повредилъ его рассудокъ. Повсюду ему чудились убійцы, и, дѣйствительно, Орсини принялъ мѣры, чтобы захватить папу въ свои руки. Когда кардиналы сообщили ему, что они не могутъ одобрить переселенія его изъ Латерана въ Ватиканъ, онъ впалъ въ бѣшенство. Придворные, хотѣвшіе перевезти его обратно въ латеранскій дворецъ, застали его кусающимъ свой жезлъ, призывающимъ Вельзевула, отчаявшись въ Богѣ; онъ бился головою объ стѣну, и его сѣдая голова была покрыта кровью. Такъ печально онъ кончилъ. 11-го октября 1303 года онъ умеръ въ Ватиканѣ, который надолго теперь опустѣлъ. Слѣдующій папа жилъ въ Перуджін, а дальнѣйшіе на Ронѣ.

Этотъ конецъ папы, обвинившаго папскую тіару второю короною, чтобы показать, что и свѣтская власть принадлежитъ ему, произвелъ огромное впечатлѣніе. Братья-апостолы, требовавшіе постоянно упраздненія свѣтской власти церкви и возвѣстившіе заранѣе предстоящее покараніе духовенства, думали, что настало время исполненія пророчествъ. Это настроеніе

сектантовъ нашло себѣ выраженіе во второмъ посланіи Дольчино, въ которомъ онъ удостоилъ своихъ послѣдователей новыми откровеніями.

Содержаніе этого пророчества покажется менѣе страннымъ, если мы припомнимъ, что спиритуалы ордена миноритовъ выступили въ то время съ совершенно такими же рѣчами и пророчествами противъ Бонифація и преемника его, доминиканца Бенедикта XI. Новый „скоморохъ Божій“, Якопоне да Тоби, который въ своей „Хвалѣ бѣдности“ превозноситъ въ суровыхъ стихахъ идеалы Франциска, восклицаетъ обращаясь къ Бонифацію: „Душу и тѣло отдалъ ты за то, чтобы возвысить домъ свой“ ¹⁾, а Убертино да Казале въ своей книгѣ *arbor vitae crucifixe*, написанной имъ въ 1305 году и сочиненной въ обществѣ женщинъ, ищущихъ духовнаго просвѣщенія, описываетъ обоихъ намѣстниковъ Христовыхъ, титулуя ихъ *Jesus falsificatus*. Бонифацій представляется ему звѣремъ съ семью головами и десятью рогами, о которомъ писалъ св. Іоаннъ ²⁾. А его преемникъ Бенедиктъ—звѣрь съ двумя рогами, а имя его *Benedictus* соотвѣтствуетъ апокалиптическому числу 666. Колонна, оспаривавшіе власть обоихъ папъ, для Убертино были орудія правосудія, движимыя Духомъ Божиимъ, а король Филиппъ по его мнѣнію, поборникъ Христовъ. Но Дольчино отклоняетъ внимательство французовъ и ждетъ спасенія отъ Фридриха Сицилійскаго; во всемъ же остальномъ онъ раздѣляетъ ту же самую точку зрѣнія. Одиннадцатаго октября 1303 года Бонифацій кончилъ въ отчаяніи и умопомѣшательствѣ, а буря, разразившаяся при его погребеніи и заставившая погребальное шествіе разойтись, казалась народу божественнымъ подтвержденіемъ предшествовашаго суда ³⁾. То, что новый папа назвалъ себя именемъ Бенедикта, однимъ изъ именъ Бонифація, и въ честь его, тотчасъ показало спиритуаламъ, чего они должны были ожидать отъ доминиканца, и Убертино немедленно находить въ писаніи второго звѣря, предсказаніе ко-его относится къ Бенедикту. Когда въ концѣ 1303 года Дольчино узналъ о вступленіи на престолъ Бенедикта XI, генерала доминиканцевъ, онъ обнародовалъ новое окружное посланіе. Судя по вступленію, въ которомъ братья, окружающіе Дольчино, различаются отъ братьевъ, находящихся въ Италіи, это посланіе написано внѣ Италіи. Нашъ рассказчикъ выдвигаетъ на первый

1) См. Ancona, Jacopone da Todi. Nuova Antologia. Выпускъ 1880 года. Стр. 193 и слѣд.

2) 5, 8; 12, 17; 12 и 13.

3) Ptolem. Luc. Muratori XI, 1223.

планъ то ¹⁾, что это посланіе прежде всего должно было оправдать прежнее пророчество, по которому послѣ Бонифація тотчасъ начнется святое правленіе ожидаемаго папы мира. Выборъ кардиналовъ не оправдалъ этого упованія. Преемникъ Бонифація, Бенедиктъ XI, еще будучи генераломъ ордена проповѣдниковъ, стоялъ во главѣ инквизиціи, казнившей Сегарелли и посягавшей на жизнь самого Дольчино. Послѣ новаго изученія писанія Дольчино думаетъ теперь, что было предсказано о двухъ добрыхъ и двухъ злыхъ пастыряхъ, при чемъ время правленія двухъ злыхъ находится между временами правленія добрыхъ. Добрый пастырь, предшествовавшій обоимъ злымъ, былъ Целестинъ V. На этого царя отшельниковъ указываетъ Исаія 21, 1 въ своей притчѣ о пустынѣ приморской. Огъ—Іаковъ, притѣсняемый Исавомъ, Авдїй 10; къ нему относится слово Апокалипсиса 2, 13: „Знаю, что ты живешь тамъ, гдѣ престолъ сатаны“. Вслѣдъ за нимъ долженъ прійти злой папа, Бонифацій VIII. Къ нему относится слово Исаи къ Севнѣ ²⁾, который былъ начальникомъ дворца: „Что у тебя здѣсь, и кто здѣсь у тебя, что ты здѣсь высѣкаешь себѣ гробницу? Вотъ, Господь переброситъ тебя. Свернувъ тебя въ свертокъ, броситъ тебя, какъ мячъ, въ землю обширную“. О его поведеніи относительно Целестина написано у Авдїа 10: „За притѣсненіе брата твоего Іакова, покроетъ тебя стыдъ, и ты истребленъ будешь навсегда“. Онъ тотъ глупый пастухъ, Захарїа XI, 15 и 17, который самъ ѣстъ овецъ вмѣсто того, чтобы пасти ихъ. О немъ говоритъ пророкъ: „Мечъ на руку его и на правый глазъ его!“ и рука папы это Карлъ I Анжуйскій, король неаполитанскій, а его правый глазъ Карлъ II, противникъ Фридриха. Съ ихъ помощію Бонифацій сталъ папою, и оба они воевали за него противъ Фридриха, избранника Господня. За первымъ дурнымъ пастыремъ, такъ говоритъ теперь Дольчино, долженъ слѣдовать другой дурной пастырь, и это—папа правящій теперь, инквизиторъ и гонитель апостоловъ. Но онъ не останется долго, ибо Іеремїа 50, 45 возвѣстилъ конецъ Вавилона и отверженіе Исавъ. И когда пророкъ спрашиваетъ Іеремїю, 50, 44: „Кто избранъ?“, то онъ думаетъ о вновь избранномъ; но, какъ левъ съ Іордана, ринется Фридрихъ и растерзаетъ лже-пастырей. Итакъ настало время, о которомъ говоритъ пророкъ: „Приходитъ конецъ, приходитъ конецъ для всѣхъ четырехъ странъ земли“. Поэтому Дольчино относитъ твердо къ 1304 году судъ, которому подверг-

¹⁾ Practica, 334.

²⁾ Исаія, гл. 22, 15 сс.

нетъ Фридрихъ Сицилійскій папу и всѣхъ кардиналовъ. Наконецъ четвертый папа будетъ святой Божій. Онъ—Елиакимъ, котораго Господь укрѣпитъ какъ гвоздь въ твердомъ мѣстѣ, Исаія 22, 23; Спаситель, о которомъ говоритъ Авдій 21: „На горѣ Сионъ будетъ Спаситель“, т. е. въ церкви будетъ святой папа, который будетъ править въ послѣднюю эпоху. Тогда будутъ говорить: „Горе пастырямъ Израилевымъ, которые пасли самихъ себя!“ Иезекиль 34. Овцы же, ст. 6, блуждающія по горамъ, это—братья-апостолы, которые должны скрываться въ горныхъ долинахъ отъ своихъ гонителей. Святой же папа это—ангелъ Филадельфійскій, передъ которымъ открыта дверь, и никто не можетъ затворить ее, „ты немного имѣешь силы и сохранилъ слово Мое, и не отрелся отъ имени Моего“. Этотъ обѣтованный папа будетъ избранъ не кардиналами, потому что императоръ Фридрихъ тогда умертвитъ кардиналовъ съ самимъ папою ихъ, но онъ будетъ призванъ Богомъ и явится во времена Фридриха; повсюду братья-апостолы избавятся отъ своихъ бѣдствій, и всѣ спиритуалы, находящіеся въ другихъ орденахъ, соединятся съ ними, и Господь изольетъ на нихъ Духа Своего и возстановитъ церковь Свою. Когда такимъ образомъ будетъ разрушено царство злыхъ, царство братьевъ-апостоловъ распространится до края земли. Все это совершится въ теченіе трехъ лѣтъ, ибо пророкъ Исаія говоритъ 16, 14: „Черезъ три года, считая годами наемничими, величіе Моавъ будетъ унижено со всѣмъ великимъ многолюдствомъ, и остатокъ будетъ очень малый и незначительный“. Итакъ, черезъ три года всѣ злые и всѣ развращенные священники будутъ умерщвлены, потому что они—Моавъ, воюющій съ истиннымъ Израилемъ.

Все это не было такъ безсмысленно, какъ оно звучитъ теперь. Оба дурные папы умерли, какъ возвѣстилъ имъ Дольчино, одинъ—въ сумасшествіи, другой—отравленный въ Перуджии. Оставалось одно—великій судъ, который долженъ былъ совершить Фридрихъ Сицилійскій, какъ римскій императоръ, надъ папою и кардиналами, монахами и монахинями, надъ доминиканцами и францисканцами и эремитами. То, что Дольчино ждалъ наказанія Рима не отъ Франціи, несмотря на успѣхи Филиппа Красиваго, а отъ Фридриха Сицилійскаго, не было лишь упорствомъ главы кружка: какъ итальянскій патріотъ Дольчино не могъ желать вмѣшательства французовъ, а какъ гибеллина онъ отстаивалъ права имперіи. Такъ что и теперь онъ предоставлялъ реформу церкви королю Сициліи, преемнику правъ Фридриха II. „Наказаніе прелатовъ“, удостоверяетъ нашъ рассказчикъ, „должно произойти черезъ Фридриха, римскаго императора, между 1303 и 1305 годомъ“.

Послѣ большихъ успѣховъ Фридриха надежды гибеллиновъ могли и въ другихъ мѣстахъ также получить подобный смѣлый полетъ, и многочисленныя члены партіи, скитавшіеся подобно Данте въ изгнаніи, мечтали о великомъ наказаніи шайки, изгнавшей ихъ, хотя этотъ судъ не представлялся имъ въ такихъ фантастическихъ размѣрахъ какъ ересіарху, преслѣдуемому инквизиціей. Кромѣ того, самъ Бернардо Гвидони сознается, что онъ выбираетъ лишь пустыя и фантастичныя мѣста изъ посланія, ибо остальное болѣе ошибочно и нездорово. Итакъ, слѣдуетъ допустить, что помимо мечтаній посланіе содержитъ еще нѣчто иное, чего доминиканецъ не осмѣлился повторить, потому что онъ не могъ не признать истины.

Что судъ чрезвычайно близокъ, относительно этого, какъ думалось Дольчино, онъ получилъ ясныя и прямыя откровенія отъ Бога; поэтому, пока не настало время суда, онъ будетъ скрываться, чтобы спасти себя и своихъ братьевъ отъ преслѣдованія. Лишь въ день суда выступятъ братья апостолы и соберутъ жатву предоставленную имъ. Но, конечно, именно въ этомъ и не сбылось пророчество Дольчино. Для нашего рассказчика достаточно указать на то, что ко времени, когда онъ писалъ, перваго мая 1316 года, прошло уже больше десятилѣтій, и ни одно изъ пророчествъ Дольчино не исполнилось ¹⁾. Изъ этого читатель можетъ видѣть, что пророкъ былъ вдохновенъ не Богомъ, а дьяволомъ, а его конгрегація не орденъ апостоловъ, а синагога вѣроотступниковъ и еретиковъ. Конечно, братья-апостолы могли возразить, что Дольчино все-таки не совершенно обманулся. Пророчество Дольчино относительно Бонифація VIII быстро исполнилось, и, если пророкъ еще въ теченіе четырехъ лѣтъ находилъ вѣрующихъ, жертвовавшихъ ему въ дикомъ фанатизмѣ имуществомъ и жизнью, то, разумѣется, ихъ вѣру въ Дольчино сильно укрѣпило то, что предсказанный судъ такъ быстро поразилъ высокомѣрнѣйшаго изъ папъ. Между тѣмъ Дольчино пока старательно скрывался. Онъ самъ признается, что его ученики не получили еще Духа силы съ небесъ ²⁾, потому они должны были возвѣщать свое евангеліе тайно, ночью, и въ страхѣ и трепетѣ. Но въ назначенный годъ спасенія, когда императоръ Фридрихъ явится въ своемъ величій, они получаютъ въ изобиліи Духа силы, какъ получили его апостолы въ день Пятидесятницы. Тогда отложить они всякій страхъ, будутъ открыто проповѣдывать всему міру, учить всѣ народы и обращать ихъ къ апо-

1) Practica, 336.

2) Muratori IX, стр. 438 и Practica, 331.

стольской жизни, безъ чего никто не можетъ стать блаженнымъ. Это заключеніе посланія вводитъ насъ въ тайную жизнь общины сектантовъ, скрывающихся въ альпійскихъ долинахъ и большихъ городахъ, а вступленіе даетъ возможность охватить объемъ движенія и характеръ его организаціи.

Предпосланное во вступленіи второго посланія привѣтствіе желаетъ спасенія всѣмъ, до кого дойдетъ это посланіе. Составлено же оно отъ имени настоятелей странствующихъ братьевъ и сестеръ и просто вѣрующихъ. Это подраздѣленіе показываетъ, что братья-апостолы распались, подобно вальденцамъ, на апостольскихъ странниковъ и странницъ и на осѣдлыхъ вѣрующихъ, на *perfecti* и *credentes*. Самъ Дольчино называлъ себя, какъ говоритъ Гвидони, ректоромъ ордена апостольскаго, а рядомъ съ нимъ стоитъ возлюбленная сестра его Маргарита. Затѣмъ отдѣльно упоминаемые братья были безъ сомнѣнія настоятелями ордена, какъ, напримѣръ, братъ Лонгинъ изъ Бергамо, происходившій изъ благородной фамиліи Катани ¹⁾ и потому упомянутый раньше всѣхъ остальныхъ. За нимъ слѣдуютъ братъ Фредерикъ изъ Новары, Альбертъ изъ Тарента и Вальдерихъ изъ Брешии. Рядомъ съ ними стоятъ болѣе ста другихъ мужчинъ и женщинъ, которые по образу вальденцевъ странствуютъ и проповѣдуютъ, страдаютъ и миссіонерствуютъ, какъ это слѣдуетъ изъ апостольской жизни. Рядомъ съ ними во вступленіи посланія упоминаются также братья и сестры въ Италіи, подобные вышеупомянутымъ, также свыше ста. Затѣмъ упоминаются еще свыше четырехъ тысячъ братьевъ, не связанныхъ съ орденомъ внѣшнимъ повиновеніемъ, но объединенныхъ внутреннею связью вѣры. Первые, слѣдовательно, *perfecti*, распространяющіе евангеліе, вторые—*credentes*, получившіе его. Такъ какъ первая сотня провозвѣстниковъ и провозвѣстницъ вѣры отличается отъ другой сотни въ Италіи, то по всей вѣроятности это посланіе было написано внѣ Италіи. Сомнительно, чтобы оно было написано въ Далмаціи, на которую распространяется дѣятельность Дольчино по словамъ перваго издателя посланія ²⁾; совершенно точно такъ же оно могло бы быть написано въ тѣхъ альпійскихъ долинахъ, принадлежавшихъ къ Германской имперіи, гдѣ Дольчино дѣйствовалъ съ успѣхомъ исходя изъ Тридента. Соборы въ Вюрцбургѣ, Трирѣ и другихъ мѣстахъ также были заняты борьбою съ братьями-апостолами, что указываетъ на распространеніе ихъ и по ту сторону Альпъ ³⁾.

¹⁾ Hist. Dulcini, 439. Practica, 334.

²⁾ Саксе, но онъ не называетъ своихъ источниковъ. Muratori IX, 429.

³⁾ Hefele, Исторія соборовъ VI, 250, 490, 721.

По собственному заявленію Дольчино, что братья-апостолы станут скрываться все время, пока не будутъ помазаны въ день спасенія Духомъ силы и крѣпости, самъ Дольчино скрывался въ ожиданіи наступленія этого дня. Но онъ внезапно появляется вновь въ 1304 году въ епархіи Верчелли ¹⁾. Его пророчество о Бонифаціи VIII сбылось; доминиканецъ-папа также скоропостижно умеръ 7-го іюля; началось междупарствіе въ Римѣ, которое привело, наконецъ, къ перенесенію папства во Францію. Въ это время, когда не было папы, когда положеніе было напряжено какъ никогда, вдругъ вновь разнеслась молва объ исчезнувшемъ безъ вѣсти про-рождѣ, возмущавшемъ старые еретическіе округа. Въ Гаттинарѣ, Серраваллисѣ и другихъ мѣстахъ онъ привлекалъ къ своему ученію мужчинъ и женщинъ. Здѣсь также впервые упоминается авторомъ *historia Dulcini* спутница Дольчино Маргарита, вѣрно слѣдовавшая за нимъ по всѣмъ странамъ, а также и въ смерти. Какъ только Дольчино узналъ, что инквизи-торъ изъ Верчелли опять выслѣживаетъ его, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мар-гаритой, въ чемъ ему помогли его друзья въ Серраваллисѣ. Но самое мѣ-стечко постигла за это тяжелая кара. Явились инквизиторъ и подеста изъ Вер-челли и привлекли къ отвѣтственности мѣстнаго священника и всѣхъ, кто покровительствовалъ бѣглой еретической четѣ. Если даже наше монашеское извѣстіе само называетъ наказаніе суровымъ, то можно себя представить, какъ неистовствовала инквизиція. Законы противъ еретиковъ, которые долженъ былъ утвердить Фридрихъ II ²⁾, предписывали: каждый домъ, въ которомъ завѣдомо давался пріютъ еретика, долженъ быть срытъ; иму-щество еретика конфискуется, самъ онъ попадалъ или на костеръ, или въ заточеніе; сынъ, который донесетъ на родителей въ ереси, дѣлается наслѣдникомъ всего состоянія. Раскаившіеся отличаются особымъ платьемъ и по воскресеньямъ наказываются плетью передъ приходомъ; во всѣхъ до-махъ, гдѣ ихъ принимали, они наказываются каеолическими хозяевами, не-знавшими, что они еретики. Вновь впавшіе въ ересь, хотя бы они это и отрицали, безъ всякаго снисхожденія отправляются на костеръ. Такой цер-ковный судъ разразился теперь со всею яростью, подъ личнымъ руково-дствомъ подесты изъ Верчелли, надъ злосчастной мѣстностью. Нерадивый священникъ въ Серраваллисѣ и всѣ, которыхъ, какъ думали, можно было

1) Hist. Dulcini, 429.

2) Ср. Фикеръ, установленіе закономъ смертной казни за ересь. Mit-
theilung des Instituts für österreich. Geschichtsforschung. Innsbruck, 1880.

уличить въ сношеніяхъ съ Дольчино, понесли наказаніе согласно этимъ ужаснѣйшимъ законамъ. Но, какъ бы ни свирѣпствовала инквизиція, тѣ, за которыми гналась она, самъ Дольчино и Маргарита, были своевременно предупреждены и укрыты своими самоотверженными друзьями. Несмотря на опасность, которою грозило ихъ присутствіе всей окрестности, Дольчино и Маргарита нашли себѣ пріемъ въ Кампертоліо въ верхней долинѣ Сессии (Сичиды), въ епархіи Новарской, у богатаго крестьянина Милана Сола. Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ ректоръ со своей возлюбленной подругой въ этомъ крестьянскомъ дворѣ, и отовсюду стекались братья и сестры секты къ убѣжищу, значить, оно было извѣстнымъ въ кругу братьевъ. Здѣсь вѣрующимъ учитель раскрывалъ свои пророчества и прочитывалъ тѣ мѣста изъ писанія, откуда онъ почерпалъ свои воззрѣнія. Когда же со времени его послѣдняго окружнаго посланія прошелъ назначенный трехлѣтній срокъ, а новый императоръ Фридрихъ не явился міру, то Дольчино составилъ третье посланіе для своихъ братьевъ, но оно не сообщено нашимъ рассказчикомъ. Однако же въ *historia Dulcini* находится рядъ пророчествъ, которые не содержатся въ обоихъ вышеупомянутыхъ посланіяхъ, и потому мы должны допустить, что они взяты изъ третьяго, утраченнаго, посланія. Списокъ ересей, приведенный въ *historia Dulcini* ¹⁾, упоминаетъ о пророчествѣ еретика въ такомъ видѣ, что Фридрихъ Арагонскій вѣдетъ въ осиротѣвшій Римъ на Рождествѣ 1305 года или въ мартѣ 1306 года и будетъ провозглашенъ римлянами императоромъ. Даже когда прошли эти два срока, Дольчино упорно ждалъ еще. вмѣсто десяти королей, какъ раньше, императоръ назначаетъ теперь только девять, и самъ входитъ такимъ образомъ въ число десяти, потому что у римскаго звѣря въ Апокалипсисѣ десять роговъ. По указанію Даниила, что послѣдняя эпоха совершенія суда будетъ черезъ два времени, время и полвремени, наступленія ея должно ожидать въ 1309—1310 годахъ. Эти три съ половиной года будутъ тѣмъ временемъ наказанія для развратившагося духовенства, о которомъ мечтали всѣ патары. Папа будетъ убитъ, а съ нимъ вмѣстѣ многіе прелаты, клирики, доминиканцы, францисканцы и другіе монахи. Всѣ богатства будутъ отняты у церкви и вся свѣтская власть, какъ того требовалъ Арнольдъ Врешіанскій. Тогда вся земля черезъ братьевъ-апостоловъ обратится въ новый орденъ, и церковью будетъ руководить новый, святой папа. Господь же изольетъ на нихъ Духа Своего, такъ что Дольчино и его апостолы будутъ имѣть того же самаго Духа, котораго по-

¹⁾ Стр. 435.

лучили Петръ и его ученики въ Пятидесятницу. Въ двухъ другихъ посланіяхъ Дольчино ясно отдѣляетъ самого себя отъ ожидаемаго папы мира, и, если теперь онъ будто бы называетъ себя этимъ святымъ, это, конечно, лишь ложное толкованіе его посланія ¹⁾. Поразительна также та черта, что при наступленіи послѣднихъ бѣдствій кончины міра Дольчино со своими учениками переносится въ рай къ Еноху и Іліи и тамъ будетъ избавленъ отъ всякой бѣды. До сихъ поръ онъ всегда указывалъ лишь своимъ приверженцамъ, что мѣсто уготовано имъ Богомъ, гдѣ церковь будетъ скрываться два времени, время и полвремени, и, такъ какъ потомъ, ему думалось, онъ нашелъ это мѣсто, именно, голый утесъ или гору Цебелло, то едва ли онъ въ своемъ посланіи подразумѣвалъ это мѣсто въ раю. Но онъ могъ пророчествовать, что по окончаніи времени бѣдствій онъ оиать выступить со своими учениками, чтобы обратить въ истинную вѣру всѣхъ христіанъ, которые будутъ еще въ живыхъ. Тѣ же апостолы, которые были сожжены прелатами и инквизиторами или вообще были умерщвлены и до конца пребыли въ ученіи апостоловъ, согласно его ученію, и теперь уже въ раю, и даже менѣе святые и тѣ не въ аду, а лишь въ чистилищѣ. Это пророчество безъ натяжки можетъ быть прибавлено къ прежнимъ, но оно въ свою очередь отдаляетъ срокъ на два или на три года; изъ этого ясно, что оно взято изъ третьяго посланія, которое было написано лишь по истеченіи прежнихъ сроковъ. Во всякомъ случаѣ Дольчино могъ сослаться на то, что обоихъ злыхъ папъ постигъ уже предсказанный имъ печальный конецъ, послѣ чего до іюня 1305 года, папство вообще не имѣло представителя и, наконецъ, совсѣмъ померкло во Франціи во власти короля Филиппа. Итакъ, Римъ былъ открытъ для арагонца, если бы онъ желалъ осуществить пророчества Дольчино. Эти надежды вовсе не страннѣе ожиданій другихъ іоахимовъ, ожидавшихъ возвращенія Фридриха II какъ антихриста. Въ сущности, если мы отбросимъ пророческую и апокалиптическую сторону, то пророчествованія Дольчино сводятся просто къ политической программѣ тогдашнихъ гибеллиновъ, что Фридрихъ Сицилійскій долженъ вступить въ права своихъ предковъ съ материнской стороны, возстановить имперію Гогенштауфеновъ, возстановить римское государство и произвести реформу церкви. Едва ли ожиданія Дольчино были такъ нелѣпы, какъ это разсказываютъ монахи, иначе тысячи не собрались бы вокругъ его знамени.

¹⁾ Hist. Dulcini. 436.

Если вѣрить комментатору Данте изъ четырнадцатаго столѣтія, то положеніе Дольчино въ епархіи Верчелли такъ усилилось, что легко понять, почему инквизиція долго не рѣшалась схватить его. Знатные гибеллины, богатые вдовы, множество недовольныхъ элементовъ въ старой провинціи патаровъ примкнули къ Дольчино, такъ что Дольчино становится, наконецъ, отцомъ новаго народа. Не только его пророчества нашли вѣрующихъ, но въ его орденѣ совершались чудеса, на нихъ ссылался одинъ испанскій апостольникъ, Петръ Луго, еще въ 1322 году передъ тулузской инквизиціей ¹⁾. На сторону Дольчино стали многочисленныя лица изъ знати и богатые крестьяне и горожане, и Бернардо Гвидони говоритъ ²⁾: „Дольчино привлекъ къ своей сектѣ и еретическому ученію тысячи людей обоего пола, особенно въ областяхъ Италіи и Тусціи и пограничныхъ съ ними“. Историкъ, описывающій его войны, рассказываетъ, что Дольчино былъ уменъ и въ высшей степени краснорѣчивъ и своею вкрадчивостью увлекалъ людей; кто разъ только началъ слушать его, тотъ не оставлялъ уже его больше. Къ аскетической вѣщности, создавшей нѣкогда Арнольду Брешианскому славу второго Іоанна Крестителя, въ Дольчино присоединилась мистическая; простолудину не мало импонировало то, какъ Дольчино умѣлъ толковать писаніе и подтверждать каждое свое предсказаніе десятку мѣстами изъ пророковъ. Въ странѣ, гдѣ церковь пошатнулась, онъ сталъ опасенъ для ненавистнаго духовенства. Со времени Арнольда Брешианскаго ни одинъ противникъ церкви въ Италіи не повелѣвалъ такою массою народа, какъ онъ. А такъ какъ съ силою своею онъ соединялъ большую храбрость, то дѣло дошло до кровавой борьбы, и сценамъ альбигойскихъ войнъ суждено было повториться теперь въ Ломбардіи. Самъ Дольчино выказалъ въ этой борьбѣ такую же рѣшимость, выдержку и храбрость, какою онъ восхизался въ Фридрихѣ Сицилійскомъ, и, если вѣрны насмѣшки противниковъ, что онъ намѣревался стать папою новаго императора Фридриха, союзъ этого незаконнаго Гогенштауфена и бѣглаго сына священника не былъ бы недостойнымъ союзомъ для нихъ обоихъ, ибо оба они были храбрые люди.

Въ 1305 году, въ началѣ французскаго палства въ Ліонѣ, куда Климентъ V, бывшій архіепископъ бордоскій, перенесъ временно курію, апостолики рѣшили основать общее, прочное поселеніе ³⁾. Мы узнаемъ,

¹⁾ Limborch стр. 361.

²⁾ Practica, 330.

³⁾ Muratori IX, 430.

что Дольчино вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ Миланомъ Сола и многими другими лицами отправился искать себѣ безопаснаго приставища. Апостолики всего округа продали свое имущество и примкнули къ нему. Толпа вѣрующихъ углубилась въ горы, и недалеко отъ первой родины Дольчино въ верхней долиинѣ Сессіи они построили дома и жилища около Бальманы и провели здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ началась война. Чтобы добыть себѣ продовольствіе, они подвергли грабежу и насилию всю верхнюю долину Сессіи, такъ что изгнанные жители молили о помощи противъ еретиковъ, уведившихъ ихъ скотъ и сожигавшихъ дворы. Ужасъ охватилъ жителей долины и безъ того только что перенесшихъ продолжительную тяжелую войну. „Когда Богу было угодно“, говорится въ одной грамотѣ, относящейся ко времени этой усобицы, „избавить всю долину нижней Сессіи отъ тираніи господъ изъ Бландрата, тогда большою долиною въ верхнемъ теченіи Сессіи завладѣли безбожные еретики, гаццары; они укрѣпились на горахъ долины Раксы и безбожно грабили, опустошали и жгли всю окрестную страну и распространяли несчастье 1)“. Изъ этого видно, что еретики забрали себѣ плодородную горную область въ долиинѣ верхней Сессіи. Грамота называетъ ихъ гаццарами, какъ называли обыкновенно однихъ катаровъ, и весьма возможно, что эти секта, все еще самая многочисленная въ верхней Италіи, значительно усилила отрядъ Дольчино. Епископы при своей беспомощности обратились, чтобы возбудить общее церковное дѣло, къ папѣ Клименту V, избранному 20-го апрѣля 1305 года, и просили курію принять мѣры. Наша грамота рассказываетъ объ успѣхѣ просьбы: „Святому отцу Клименту угодно было въ одно время съ извѣщеніемъ о своемъ возвышеніи оповѣстить также буллу о крестовомъ походѣ и отпущеніи грѣховъ противъ Дольчино и его приверженцевъ. Поэтому вассалы и общины, а съ ними многія знатныя фамиліи, искавшія себѣ прибѣжища и мира въ этихъ долинахъ послѣ несчастныхъ внутреннихъ смуть и вѣшнихъ войнъ, соединились и заключили союзъ на общемъ собраніи“. Прежде чѣмъ взяться за оружіе, были сдѣланы попытки къ мирнымъ переговорамъ. Посольство доминиканцевъ, отправленное вновь избраннымъ французскимъ папою къ еретикамъ, чтобы убѣдить ихъ сложить оружіе и примириться съ церковью, конечно, вернулось ни съ чѣмъ. Дольчино и слышать ничего не хотѣлъ о подчиненіи, хотя въ правящемъ теперь папѣ, третьемъ послѣ Целестина, онъ долженъ былъ бы признать, согласно своему пророчеству, папу мира 2)). Вѣшатель-

1) Muratori IX, 430.

2) Pegma ad Eumericum стр. 272. Eumeric. Director. 269.

ство куріи имѣло ту хорошую сторону, что теперь единодушно были приняты мѣры. Разъ епископъ въ Верчелли былъ уполномоченъ вести крестоносцевъ противъ еретиковъ, ему нельзя было отказывать въ переходѣ въ области Новару и Савойю, безъ чего невозможно было нанести рѣшительнаго удара еретикамъ. 24-го августа 1305 года въ церкви въ Скопа въ епархіи новарской собрались нѣсколько правовѣрныхъ рыцарей вмѣстѣ съ поселянами, изгнанными изъ долины Сессіи, и поклялись на евангеліи, что до тѣхъ поръ они не положатъ оружія, пока не прогонятъ еретиковъ. Въ тотъ же самый день должна была начаться осада, и каждый долженъ былъ приложить всѣ свои силы и не успокаиваться, пока еретики и поджигатели не будутъ изгнаны изъ епархіи ¹⁾. Но совершенно неожиданно весь походъ оказался ненужнымъ. Благодаря лазутчикамъ, которыхъ повсюду имѣла секта, Дольчино во-время получилъ извѣстіе о всемъ происходящемъ. Какъ ни была крѣпка его позиція, онъ однако не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы противостоять продолжительное время цѣлому войску крестоносцевъ, набранному епископами. И онъ рѣшилъ отступить. Совершенно незамѣтно онъ оставилъ свой лагерь и опасными горными тропинками удалился со своею толпою глубже въ горы. Когда войско крестоносцевъ поднялось на вершину, оно нашло лишь покинутое поселеніе. Побѣда для заключенной только что лиги оказалась болѣе легкой, чѣмъ она думала, но, такъ какъ для крестьянъ главное было обезопасить свои дома и стада, то этотъ неожиданный исходъ всѣхъ удовлетворилъ. Долина была свободна, и даже не оказалось нужнымъ предварительно выкуривать опаснаго осинаго гнѣзда. Довольные, что пристанище еретиковъ оставлено, и думая, что по обыкновенію странствующихъ сектантовъ братья-апостолы разсѣялись во всевозможныхъ направленіяхъ, крестоносцы вернулись въ Верчелли. Но Дольчино не распустилъ своего народа и бѣжалъ дальше въ горы въ страну Варалло. Тамъ, въ сѣверо-западномъ углу герцогства Миланскаго, гдѣ оно примыкаетъ къ высокимъ горамъ Валлиса, на такъ называемомъ голомъ утесѣ, возвышающемся надъ Варалло, Дольчино вновь воздвигъ укрѣпленный лагерь, который могъ считаться совершенно неприступнымъ благодаря отвѣснымъ склонамъ утеса. Когда распространилась вѣсть о новомъ поселеніи Дольчино, къ нему устремились и еретики изъ окрестныхъ областей. Въ Савойѣ, какъ и въ Ломбардіи, въ Зальцбургѣ, какъ и въ южной Франціи, были апостолики, спиритуалы, патары, вальденцы и другіе

¹⁾ Muratori IX, p. 430.

еретики, разсѣявшіеся и гонимые инквизиціей, устремившіеся теперь къ мѣсту, уготованному Богомъ, гдѣ они будутъ въ безопасности два времени, время и полвремени. Жены, бѣжавшія отъ мужей, мужа, бросившіе своихъ женъ, были въ ихъ числѣ ¹⁾, ибо Дольчино, какъ утверждаетъ Бернардо Гвидони, приписывалъ себѣ также власть разрѣшать бракъ и расторгать старыя узы. По наименьшей оцѣнкѣ толпа Дольчино состояла изъ 1400 человѣкъ, по высшей, безъ сомнѣнія, преувеличенной изъ 6000 слишкомъ ²⁾. Но даже разсказъ противниковъ выражаетъ удивленіе передъ тѣмъ авторитетомъ, которымъ Дольчино пользовался въ этомъ разношерстномъ военномъ лагерѣ святыхъ, гдѣ его повелѣнія исполнялись съ слѣпымъ повиновеніемъ. Противники разсказывали даже, что онъ заставлялъ почитать себя какъ папу, ему цѣловали туфлю, но эта черта мало идетъ къ военному лагерю, гдѣ раздавался звонъ оружія. Чтобы напасть на эту отчаянную, доведенную до крайности толпу, не было хорошо организованнаго войска. Къ тому же утесъ нельзя было взять штурмомъ, и можно было лишь охранять границы Верчелли, Новары и Савойи, которыя тутъ сходятся, если бы оба епископа и оба савойскихъ графа дѣйствовали рука объ руку, но именно объ этомъ пока нечего было и думать. Такъ что Дольчино пожалуй долго оставляли бы еще въ покоѣ, если бы онъ самъ не увидѣлъ себя вынужденнымъ начать войну противъ сосѣдей. Безъ подвоза извнѣ его толпу нельзя было продовольствовать на высокой горной вершинѣ. Это повело къ новому столкновенію съ окрестными жителями. Наконецъ, подеста изъ Варалло, новарецъ изъ благородной семьи Бруксати, призвалъ способныхъ носить оружіе жителей изъ мѣстечекъ Варалло, Рокка и Борго ди Сессіа, чтобы уничтожить крѣпость еретиковъ. Но уже въ первыхъ стычкахъ пророкъ съ голаго утеса оказался побѣдителемъ, и эта война доставила ему превосходный случай собрать провіантъ, такъ какъ онъ захватилъ плѣнниковъ, и они выкупались за большое количество хлѣба, скота или вина. При новомъ нападеніи крестоносцы попали въ засаду, и самъ подеста изъ Варалло былъ захваченъ еретиками. Окрестныя деревни вскорѣ были раззорены, церкви были разграблены; на десять миль кругомъ

¹⁾ Historia Dulcini, 435.

²⁾ Historia Dulcini насчитываетъ 1400. Villani, historie Fiorent. p. 432 говоритъ о 5000 мужчинъ и женщинъ. У Trithemius, annales Hirsaug. III, 90 значится 4000, а Pegma, ad Eumericum, стр. 272, насчитываетъ 6000 человѣкъ.

люди бросали свои старыя жилища, чтобы не попасть въ руки Дольчино. Распространяя повсюду страхъ передъ еретиками, бродили изгнанные и обнищавшіе поселяне по странѣ. Въ епархіяхъ Новара и Верчелли никто больше не чувствовалъ себя въ безопасности отъ союзниковъ новаго пророка. Однако, чѣмъ дальше опустошали фанатики апостолы окрестную страну, тѣмъ вѣрнѣе содѣйствовали они своей собственной гибели. Когда вся страна на десять миль кругомъ была обращена въ пустыню и покинута жителями, голодъ опять возобновился на голомъ утесѣ. Апостолы должны были ѣсть лошадей, затѣмъ собакъ, наконецъ мышей, крысъ и тому подобныхъ животныхъ. Наступившая зима принесла голодающимъ и занесеннымъ снѣгомъ въ ихъ плохонькихъ хижинахъ еретикамъ сверхчеловѣческія мученія и лишенія. Такъ бѣдствовалъ народъ Дольчино при наступленіи Великаго поста въ 1306 году. Пойманныя лошади и сѣно, сваренное вмѣстѣ съ жиромъ, были ихъ послѣднею пищею. День за днемъ рѣдѣли ряды святыхъ отъ болѣзни и смерти. Цѣлый годъ побѣдоносно велась война со всѣмъ свѣтомъ, но теперь Дольчино увидѣлъ, что его народъ совсѣмъ погибнетъ отъ голода и нужды, если онъ не выведетъ его изъ этой пустыни. Когда дороги опять стали проходимы, въ великій четвергъ, 10-го марта 1306 года, Дольчино велѣлъ трубить выступленіе. Неспособные къ походу остались на горѣ. Подобно Ганнибалу велъ Дольчино свое войско по дорогамъ, которыя всѣми считались недоступными, черезъ крутыя горы и большія снѣговыя поля въ епархію Верчелли, чтобы приняться за прежнее въ мѣстности еще неразграбленной, богатой и плодородной. Поблизости отъ Тривелли и Біеллы, на границѣ Савойи, пророкъ избралъ пунктомъ опоры малодоступную вершину Цебелло, и въ одинъ прекрасный день епископъ Райнеръ изъ Верчелли узналъ, что тысяча триста или больше голодныхъ и доведенныхъ до крайности еретиковъ устроили новое гнѣздо на горѣ въ его собственной епархіи. Въ первый же день еретики ограбили церкви и мѣстечко Тривелли, угнали стада, а жителей увели на гору, чтобы отпустить ихъ на свободу за большое количество провіанта. Хотя ихъ арьергардъ изъ тридцати четырехъ лучшихъ людей былъ окруженъ быстро собравшимся населеніемъ изъ окрестныхъ мѣстечекъ и уничтоженъ, но у нихъ опять было немного съѣстныхъ припасовъ, и они начали обстраивать свою и безъ того мало доступную гору въ неприступную крѣвость. Окрестные жители отъ страха и ужаса совершенно лишились мужества. Епископъ созвалъ свое войско и занялъ укрепленныя мѣста вокругъ горы, чтобы принудить голодомъ отчаянную толпу сдаться. Но и здѣсь также побѣда осталась за храбрымъ

войскомъ еретиковъ. Они сбрасывали камни съ высоты, и епископъ потерялъ много людей; дѣлая внезапныя нападенія, Дольчино захватывала все новыхъ плѣнниковъ, которыхъ отпускала потомъ за провіантъ, такъ что все время, пока люди епископа постились, весь Великій постъ еретики угощались мясомъ. Въ продолженіе этого времени была выстроена крѣпость на горѣ, и, такъ какъ единственный горный источникъ былъ всего въ тысячу шагахъ отъ крѣпостнаго вала, осажденные спустили штольню въ скалы и могли безпрятственно подходить къ источнику, а потомъ сумѣли провести его искусно въ свои укрѣпленія. Цѣлыя недѣли епископъ стоялъ лагеремъ, достигнувъ лишь того, что онъ препятствовалъ сношеніямъ Дольчино съ вѣнскими міромъ. Тогда Дольчино придумалъ военную хитрость. 1-го мая 1306 года онъ сдѣлалъ видъ, будто намѣревается оставить гору Цебелло, какъ раньше голый утесъ. Плѣнникамъ была возвращена свобода, и, когда на ихъ глазахъ предводитель съ главными силами скрылся изъ вида, немногіе оставшіеся на горѣ сказали плѣннымъ, чтобы они сообщили епископскому войску, что непріятель оставилъ гору, и ее можно занять безъ боя. Дольчино же вернулся въ крѣпость съ противоположной стороны и поставилъ свои отряды въ засаду. Епископское войско, прибывшее лишь къ вечеру, не осмѣлилось однако войти въ крѣпость, но расположилось на ночь передъ воротами; погода испортилась, дальнѣйшее наблюденіе стало невозможнымъ, и они повернули назадъ; но въ то время, какъ они спускались въ узкихъ ущельяхъ, еретики напали на нихъ во тьмѣ подобно дѣмонамъ, убили множество людей и захватили много плѣнныхъ. Когда они разграбили окрестныя мѣстечки Мокса, Коццуло, Флекія, Мортилано, Кревкѣръ, Курино и увели жителей, то съ ними пришлось вступить въ переговоры и обмѣнить взятыхъ ими въ плѣнъ опять на скотъ, вино и хлѣбъ. Единственное, что оставалось теперь сдѣлать епископу, это вторично представить святому отцу въ Лионѣ все дѣло. Тогда Климентъ V поддержалъ стѣсненнаго прелата цѣлымъ рядомъ посланій. Въ одномъ бреве отъ 26-го августа 1306 года онъ благословляетъ орденъ проповѣдниковъ (доминиканцевъ) на угодную Богу войну противъ еретика и обѣщаетъ всѣмъ, кто приметъ въ ней участіе, полное отпущеніе грѣховъ ¹⁾. Подъ этимъ же самымъ числомъ обращается онъ къ архіепископу миланскому и его викаріямъ и прямо указываетъ серьезность опасности со стороны еретиковъ. Такъ какъ мѣстность, гдѣ утвердился Дольчино, находилась подъ юрисдикціей графа Амадея Савой-

1) Practica, 340.

скаго или по крайней мѣрѣ прилежала къ его границамъ, то папа увѣщевалъ его или самому взяться за оружіе, или послать способнаго полководца, чтобы помочь доминиканцамъ въ искорененіи еретиковъ, осадить мѣста, занятые еретиками, и дѣлать все, что необходимо для достиженія указанной цѣли. Главнымъ же образомъ графъ обязывался охранять проходы и дороги, по которымъ доставлялся еретикамъ подвозъ и подкрѣпленія. Когда же еретики будутъ вынуждены покориться, то графъ долженъ выдать куріи, переселившейся теперь въ Бордо, архіеретика Дольчино и принять мѣры, чтобы этотъ опасный сектантъ опять не убѣжалъ. Архіепископу же предписывается всячески поддерживать свѣтскую власть, чтобы наконецъ покончить съ этимъ дѣломъ ¹⁾. Слѣдующее посланіе отъ того же самаго числа обращается къ графу Людвигу Савойскому, чтобы ему также вмѣнить въ церковную обязанность поддерживать инквизиторовъ во всѣхъ случаяхъ, когда имъ понадобится его помощь ²⁾. Вслѣдствіе этихъ папскихъ указовъ вновь проповѣдывался крестовый походъ противъ Дольчино, и епископъ изъ Верчелли и доминиканцы собрали значительные отряды, но опять-таки безъ успѣха, потому что повсюду въ Ломбардіи находились еретики и сообщники еретиковъ, хозяева пристанодержатели, покровители и соратники, которые умѣли мѣшать мѣропріятіямъ инквизиціи ³⁾. Также не упоминается, чтобы оба графа савойскихъ исполнили требованія французскаго папства; епархія оставалась и теперь предоставленной главнымъ образомъ самой себѣ и должна была рассчитывать на подкрѣпленіе всякимъ сбродомъ, жаднымъ до добычи, который стекался изъ Савойи и южной Франціи ⁴⁾. Такимъ образомъ составилось разношерстное войско, въ которомъ были даже женщины. Вдовы округа вооружили на свой собственный счетъ 300 воиновъ, вооруженныхъ арбалетами, и граждане Верчелли подъ предводительствомъ своего подесты выступили въ походъ. Съ такою поддержкою епископъ вновь началъ борьбу, укрѣпилъ гору напротивъ Цебелло и занялъ новую крѣпость гарнизономъ больше, чѣмъ въ 1200 человекъ, который постоянно долженъ былъ наблюдать за еретиками. На главной вершинѣ была поставлена приготовленная въ самомъ Верчелли большая метательная машина, которая безъ перерыва метала

1) Practica, 341.

2) Practica, 341 и слѣд.

3) Practica, 342.

4) Benevenuto in Dantem стр. 1121. Bernardus Guidonis. Muratori III, 674. Practica, 340 и слѣд.

камни въ еретиковъ. Второе укрѣпленіе препятствовало осажденнымъ напасть на эту позицію, такъ что положеніе Дольчино скоро стало безнадежнымъ. Люди епископа находились подъ начальствомъ обоихъ рыцарей Якова и Петра изъ Кваренія и Томы Казануова изъ семейства Авогадра, къ которому принадлежалъ самъ епископъ. Во главѣ отряда изъ Верчелли стоялъ лично городской подеста; тутъ же находился и самъ престарѣлый епископъ Райнеръ. Явились также *inquisitores haereticae pravitatis*, которые недавно повергли въ бѣдствіе Серраваллисъ ¹⁾. Сначала люди епископа хотѣли построить новое укрѣпленіе, чтобы преградить еретикамъ путь въ Селла ди Ставелло, примыкавшей къ Цебелло плоской возвышенности, откуда осажденные могли бы прорваться въ Ставелло или въ равнину. Но, когда воины церкви хотѣли занять вершины, братья-апостолы встрѣтили ихъ уже въ боевомъ порядкѣ. Послѣ ожесточенной борьбы побѣдителями оказались опять апостолы, и крестоносцы бѣжали, разбившись на отдѣльныя группы, въ Тривелли, Моксусъ и Кревкѣръ. Регулярное войско перенесло бы такую неудачу, но эти *crucesignati* были недисциплинированнымъ сбродомъ, сошедшимся со всѣхъ господскихъ земель только для того, чтобы поживиться добычей, и потому пораженіе рѣшило судьбу похода. Войско крестоносцевъ совершенно распалось, люди епископа также покинули окрестныя деревни и предоставили ихъ грабежу еретиковъ, поступавшихъ все съ увеличивающейся жестокостью съ населеніемъ. Вода въ рѣкѣ стала красною отъ труповъ отъ которыхъ побѣдители избавляли себя такимъ путемъ. Среди убитыхъ находились пять дворянъ изъ Кревкѣръ, они должны были помѣшать движенію еретиковъ на Селла Кауларія, но были уничтожены Дольчино. Послѣ этой большой побѣды Дольчино безпрепятственно построилъ шесть новыхъ укрѣпленій на ближайшихъ горахъ, откуда можно было грабить все большіе округа. Въ набѣгахъ принимали участіе также сестры апостольскаго ордена въ мужской одеждѣ; если дѣло доходило до сраженія, то онѣ, вооруженныя, составляли резервы, чтобы войско казалось больше. Нашъ рассказчикъ чувствуетъ, что онъ не въ силахъ описать все бѣдствіе, причиненное страгѣ этой проклятой, мерзкой и ужасной ордой еретиковъ. Въ самомъ Верчелли все трепетало при мысли о вторженіи этихъ дьяволовъ, и самые храбрые солдаты епископа, говоритъ нашъ рассказчикъ, бросали оружіе и бѣжали, какъ только издали завидѣть ихъ ²⁾. Итакъ случалось, что гореть еретиковъ разгоняла

1) Bernardus Guidonis. Practica, 351.

2) См. стр. 438.

цѣлыя полчища епископа. Кто не повѣрилъ бы, что имъ помогала нечистая сила! Епископскій историкъ мститъ за военный позоръ, о которомъ ему приходится рассказывать, тѣмъ, что перечисляетъ тутъ еще разъ всѣ ереси, въ которыхъ обвиняли этихъ дьяволовъ; его негодованіе по поводу еретическаго ученія Дольчино, что осажденный долженъ лучше убивать людей, чѣмъ умирать съ голоду, или по поводу ужаснаго утвержденія Дольчино, что папская цензура недѣйствительна для братьевъ - апостоловъ, могутъ у насъ вызвать лишь улыбку. Какъ онъ рассказываетъ, Дольчино возбуждалъ мужество своихъ послѣдователей обѣтованіемъ, что самое позднее на Рождествѣ 1305 г. или въ мартѣ 1306 г. императоръ Фридрихъ вѣдетъ въ Римъ. Онъ продолжалъ держаться этого обѣтованія даже тогда, когда дѣломъ 1306 года оба срока уже давно прошли. Конечно, этотъ новый Сіонъ фанатическихъ сектантовъ и опоясанныхъ мечами женщинъ долженъ былъ имѣть странный видъ; нашъ рассказчикъ однако заслуживаетъ похвалы за то, что несмотря на все свое негодованіе противъ дьяволовъ и лжеучителей, онъ однако постыдился повторять клеветы относительно ихъ нравовъ, распространяемыя инквизиторами, такъ что его рассказъ есть сильнѣйшее и неопровержимое свидѣтельство строгости ихъ образа жизни. Его упреки ограничиваются тѣмъ, что Дольчино разыгрывалъ роль папы, дѣлая участниками благодати разведенныхъ женщинъ и мужчинъ, позволялъ также своимъ вѣрующимъ ѣсть мясо въ Великій постъ, такъ какъ они не могли достать постной пищи. Когда епископъ запретилъ выкупать плѣнныхъ за провіантъ, то Дольчино приказалъ подвергнуть ихъ на глазахъ ихъ родственниковъ ужаснымъ пыткамъ, въ томъ числѣ находился одинъ десятилѣтній мальчикъ; другіе были ужасно изувѣчены или умерли въ его темницахъ. Нашъ рассказчикъ перечисляетъ длинный рядъ сожженныхъ деревень и дворовъ въ окрестности. Церкви были осквернены, священные сосуды, облаченія съ алтарей и вообще все, что имѣло какую-либо цѣнность, было похищено, образа разбиты, дома священниковъ разграблены, колокольни разрушены, и колокола разбиты. Съ жалостью описываетъ нашъ рассказчикъ, какъ здѣсь еретики опрокинули священный камень, тамъ отрубили Мадоннѣ руку, испортили или осквернили образъ, украли книги, чаши и церковныя украшенія. Все это, конечно, при превосходствѣ силъ епископскаго войска даетъ жалкое представленіе о храбрости Божіихъ воиновъ. Герои церкви явились для того, чтобы грабить и жечь деревни, рубить безоружныхъ или тащить ихъ къ доминиканцамъ, какъ это они равнѣе дѣ-

лали въ Провансѣ, а когда новые альбигойцы храбро ударили на нихъ, они обратились въ бѣгство, и поэтому нашъ монахъ плачется, что отъ сотворенія Адама міръ еще не видѣлъ такихъ гнусныхъ еретиковъ. Вполнѣ правдоподобно, что Дольчино велъ войну безъ пощады. Еретики, доведенные до крайности, не знали пощады, къ тому же они смотрѣли на себя какъ на ангеловъ мщенія Апокалипсиса; ихъ задачей, по словамъ Дольчино, было умертвить всѣхъ священниковъ и монаховъ въ три года, считая годами насмичными. Жестокости, о которыхъ рассказываютъ, черезчуръ уже напоминаютъ то, что рассказывалось объ ярости партій во время итальянскихъ междоусобныхъ войнъ. Такъ продолжалось все лѣто и осень 1306 года, пока наступившая зима не измѣнила положенія во всѣхъ отношеніяхъ. Борцы церкви вскорѣ нашли пребываніе въ снѣгахъ и льдахъ невыносимымъ; они предали свой лагерь пламени и ушли. Лишь въ сосѣдней вновь воздвигнутой крѣпости остался одинъ сторожевой отрядъ, но и этотъ гарнизонъ сократился до семисотъ человѣкъ. Вскорѣ оказалось, что невозможно продовольствовать даже этотъ послѣдній отрядъ, и онъ самъ каждую минуту опасался внезапнаго нападенія со стороны демоновъ съ горы Цебелло, такъ что епископъ наконецъ послалъ нѣсколькихъ проводниковъ, знающихъ дороги, и они безопасно провели воиновъ, которые хотѣли держать осаду, но сами очутились въ осадѣ, черезъ горы, покрытыя глубокими снѣгами. Это благополучное прибытіе героевъ, избѣжавшихъ рукъ еретиковъ, праздновалось въ Верчелли какъ побѣда. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ очистить всѣ деревни вокругъ Цебелло, чтобы лишить еретиковъ продовольствія. Несчастные выселенные разбрелись по всей епархіи и должны были искать работы или жить нищенствомъ, потому что епископъ объявилъ, что у него нѣтъ больше средствъ прокармливать ихъ. Оставленнымъ епископомъ и господами оставалось лишь прибѣгнуть къ помощи святыхъ; имъ были обѣщаны два новыхъ праздника, если они положатъ скорый конецъ войнѣ съ еретиками. Въ проходахъ и на дорогахъ были воздвигнуты теперь новыя укрѣпленія, чтобы съ одной стороны сдѣлать невозможными вылазки окруженнаго непріятели, съ другой препятствовать всякому подвозу провіанта и подкрѣпленію. Такъ какъ зима была суровая, и глубокіе снѣга и безъ того сдѣлали дороги непроходимыми, то эти новыя мѣропріятія вскорѣ оказались дѣйствительныѣ, чѣмъ прежняя борьба въ открытомъ полѣ. Уменьшившееся войско, разбросанное въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ и истощенное сверхчеловѣческими лишеніями, не могло нигдѣ прорваться, да къ тому же оно не

находило цѣли для дальнѣйшаго движенія. Холодъ произвелъ большія опустошенія въ рядахъ плохо содержимыхъ людей. Отдѣльныя вылазки были отбиты, и вскорѣ голодъ начался въ осажденныхъ крѣпостяхъ. Когда были съѣдены всѣ корни и растенія, то еретики стали варить кожаныя вещи¹⁾ и наконецъ питались, какъ рассказывали противники, трупами собственныхъ братьевъ. Оставшіеся въ живыхъ походили скорѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Это положеніе имѣеть въ виду Данте, когда его Магометъ велитъ сказать лжепророку на горѣ Цебелло, что, если онъ не желаетъ въ скоромъ времени послѣдовать за нимъ въ бездну ада, гдѣ мучатся схизматики, то пусть онъ запасется провіантомъ, иначе снѣга дадутъ ту побѣду новарцамъ, которую они не легко получаютъ безъ нихъ²⁾. Къ концу зимы многочисленныя перебѣжчики, молившіе о помилованіи церкви, доказали, что постепенно мѣсто прежняго фанатизма заступило малодушіе, и, когда въ мартѣ 1307 года епископъ снова созвалъ свое войско, это войско съ свѣжими силами имѣло дѣло съ совершенно истощеннымъ гарнизономъ. На самую страстную недѣлю епископъ приказалъ своимъ войскамъ занять опять прежнія позиціи, увѣренный, какъ говоритъ исторія Дольчино, что по милости Божіей и ходатайству патрона епархіи, святого Евсевія, побѣда на этотъ разъ останется за правымъ дѣломъ. Въ первыхъ сраженіяхъ онъ встрѣтилъ непріятеля ослабленнымъ, но рѣшившимся умереть лучше на полѣ битвы, чѣмъ на кострѣ. Въ великій четвергъ, 23-го марта 1307 года³⁾, епископу удалось взять штурмомъ первый оплотъ апостоловъ у Ставелло. Дольчино не хотѣлъ ждать того, что непріятель, превосходящій его силою, будетъ брать одно его укрѣпленіе за другимъ. Онъ собралъ свои гарнизоны и поставилъ ихъ передъ непріателемъ въ открытомъ полѣ у рѣчки около Ставелло. Битва продолжалась цѣлый день, и опять рѣка была окрашена кровью убитыхъ. Свыше тысячи воиновъ Дольчино нашли себѣ смерть въ пламени крѣпости, въ волнахъ потока и отъ меча непріятеля, прежде чѣмъ рѣшена была побѣда. Къ вечеру маленькая уцѣлѣвшая кучка была окру-

1) Benevenuto стр. 1122.

2) di a Fra Dolcin dunque che s'armi,
S'egli non vuol qui tosto sequitarmi,
Si di vivanda, che stretta di neve
Non rechi la vittoria al Noarese,
Ch'altrimenti acquistar non saria lieve.

Inferno 28, 55—60.

3) Historia Dulcini, 439.

жена и сдалась отъ изнеможенія. Полтораца человекъ положили свое оружіе, падавшее изъ рукъ ихъ, или были взяты живыми. Въ числѣ схваченныхъ находились Дольчино, Маргарита и рыцарь Лонгинъ изъ Бергамо, тщетно искавшіе смерти въ бою. „Ибо“, говорятъ *historia Dulcini*, „господинъ епископъ страстно желалъ имѣть ихъ живыми, чтобы ихъ можно было наказать по заслугамъ“. Когда побѣдитель предалъ укрѣпленія вмѣстѣ съ послѣдними ихъ обитателями пламени, печальное побѣдоносное шествіе направилось въ Верчелли. Въ день св. Христова Воскресенія схваченный еретикъ предсталъ передъ епископомъ. По законамъ церкви вся толпа еретиковъ могла быть приговорена къ общему *auto da fé*, но епископъ, повидимому, поколебался взять на себя такое возмутительное дѣло. Онъ распредѣлилъ плѣнниковъ по разнымъ замкамъ и рѣшилъ получить постановленіе папы. Дольчино и Лонгинъ были закованы по рукамъ, ногамъ и шеѣ и въ пасхальное воскресенье заточены въ замкъ Біелла. Радость гражданъ въ Верчелли, избавившихся отъ бѣдствій войны съ еретиками, была велика, но воспоминаніе объ обѣднѣніи населенія, объ опустошеніи епархіи, о ранахъ, нанесенныхъ войною каждой семьѣ, о злодѣянιάхъ сектантовъ вмѣстѣ съ религіозной ненавистью сдѣлало побѣдителей безпощадными по отношенію къ безоружному врагу. Хотѣлось неслыханнаго суда надъ преступниками, и это желаніе было удовлетворено. Во главѣ посольства, отправившагося во Францію къ Клименту V, стояли оба военачальника епископа, Петръ Кваренія и Тома Казануова. Они застали папу въ Пуатье. Это было въ томъ же самомъ году, когда Филиппъ Красивый повергъ церковь въ ужасъ, арестовавъ всѣхъ темпліеровъ ¹⁾, и когда курія Климента V при этомъ насиліи такъ вела себя, что возбудила величайшій соблазнъ во всемъ христіанствѣ. Соотвѣтственно положенію его относительно французскаго двора, первымъ дѣломъ Климента было сообщить французскому королю о великой побѣдѣ святой церкви, при чемъ онъ убѣждаетъ короля благодарить Бога за то, что сынъ Веліала, архіеретикъ Дольчино, наконецъ лишенъ возможности вредить. Посланнымъ было также поручено просить папу помочь епархіи, впавшей въ великую бѣдность. Дѣйствительно, они получили отъ папы три посланія; первое уполномочивало епископа обложить податями монастыри; второе пожизненно освобождало его отъ всякихъ взносовъ на общіе сборы, а третье передавало ему право назначенія многочисленныхъ мѣстъ канониковъ и при-

¹⁾ Вернардо Гвидови. *Muratori* III, 674.

ходовъ; это право, хотя и было дано лишь какъ отличіе храброму епископу, въ то же время считалось средствомъ поправленія епископскихъ финансовъ ¹⁾). Рекомендовать прямо симонію было нельзя, но тутъ она понимается сама собою. Но папа не заявляетъ притязанія на печальную честь судить Дольчино, онъ поручаетъ епископу поступить съ схваченнымъ еретикомъ согласно каноническому праву. Результатъ допроса Дольчино приводится въ списокъ ересей, сообщенномъ *historia Dulcini* и уже извѣстномъ намъ. Онъ былъ добровольнымъ признаніемъ ²⁾), слѣдовательно прибѣгать къ особымъ средствамъ, чтобы вырвать у него эти признанія, повидимому, было излишне. Казнь разсказывается обоими нашими главными свидѣтелями одинаково ужасно, но въ подробностяхъ есть разница. Согласно *historia Dulcini* епископъ назначилъ судъ изъ прелатовъ, монаховъ и свѣтскихъ судей, и этотъ судъ передалъ перваго іюня 1307 года Дольчино, Лонгина и Маргариту свѣтской власти, т. е. палачу. Сначала, согласно этому разсказу, была сожжена Маргарита, привязанная къ столбу, въ присутствіи Дольчино, который долженъ былъ смотрѣть на ея смерть ³⁾). Потомъ на площади, гдѣ толпа могла ихъ видѣть, палачъ жегъ Дольчино и Лонгина раскаленнымъ желѣзомъ; когда нѣкоторые члены ихъ тѣла были сожжены, ихъ вели дальше черезъ нѣсколько улицъ въ сопровожденіи ликующей толпы христіанъ; тамъ повторялась та же ужасная пытка, продолжалась на слѣдующемъ мѣстѣ, пока Дольчино не умеръ отъ мученій еще въ городѣ, а Лонгинъ только въ Бугелле. Разсказчикъ при этомъ говоритъ прямо, что всѣ три мученика остались вѣрны своему ученію, и, когда на каждой остановкѣ ихъ увѣщевали оказать честь истинной вѣрѣ, они не хотѣли отречься отъ своего ученія. „Для вѣрующихъ же была большимъ утѣшеніемъ казнь, постигшая ихъ къ радости добрыхъ, устрашенію злыхъ, а всей сектѣ къ вѣчному поношенію“.

Беневенто изъ Имола разсказываетъ дѣло въ нѣкоторыхъ пунктахъ иначе. Прежде всего онъ прибавляетъ, что на скорбномъ пути, который онъ описываетъ такъ же, какъ *historia Dulcini*, у мученика при всѣхъ пыткахъ не измѣнилась ни одна черта его лица. Только два раза онъ вскрик-

1) Посланія у Ughelli, Italia sacra IV, 799 и слѣд.

2) Prout sponte confessus fuit. Стр. 435.

3) Bernardus Guidonis говоритъ даже: Fuitque dicta Margareta ante Dulcini oculos membratim concisa. — *Histor. eccles. Ptolemaeus Lucensis, Muratori XI, 1227, 1228* предпочитаетъ отвести казнь ad furorem populi.

нуль при пыткахъ, которыя въ наше время невозможно рассказывать. При этомъ онъ постоянно убѣждалъ свою Маргариту, хотя ея вовсе тутъ не было, оставаться стойкой и не отречься. Но послѣдняя и не думала объ отреченіи. Такъ какъ она была красива и богата, то даже теперь еще нашлись рыцари, готовые жениться на ней, если она купитъ себѣ помилованіе дѣвою отреченія. Но она отклоняла всякія убѣжденія, и была, подобно своему возлюбленному, замучена до смерти раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы послѣдовать за нимъ въ адъ. „Если казнь дѣлаеть мучениковъ“, признается рассказчикъ самъ, „то столь мужественно умершіе стали бы мучениками“ 1).

Гора еретиковъ Цибелло еще многіе годы оставалась пустынною, и священники, умѣвшіе заклинать демоновъ, отсылали туда злыхъ духовъ. Много разъ пытались ближайшіе жители изъ Тривелли обработать землю, но всякій разъ градъ уничтожалъ молодые всходы. Но и тутъ священники нашли средство; они посовѣтовали гражданамъ изъ Тривелли построить на вершинѣ горы часовню святому Бернарду, съ двумя алтарями, многими картинами и статуями святой Дѣвы. Въ день святого Бернарда, память котораго празднуется 15-го іюня, собралось населеніе изъ Тривелли, Мокси, Косати и Коцоле съ церковными хоругвями и крестами, чтобы подъ предводительствомъ своихъ священниковъ и причта отправиться процессіей на вершину горы. Помимо участниковъ въ процессіи стеклась масса народа изъ Кревкѣръ, Куццини, Мортиллиани и другихъ деревень, чтобы пріобрѣсти отпущеніе грѣховъ, дарованное святымъ отцомъ въ Авиньонѣ часовнѣ святого Бернарда, и получить хлѣбъ, предназначенный къ раздачѣ благочестивыми гражданами Тривелли. Каждый хлѣбъ вѣсилъ фунтъ, рассказываетъ *historia Dulcini*, и нѣсколько разъ раздавалось богомольцамъ по 2000 и больше хлѣбовъ и ни разу не было меньше 1400. Три раза въ годъ, въ день святой Анны, Маргариты и святого Грата, жители Тривелли поднимались съ хоругвями и крестами на гору еретиковъ, называвшуюся теперь горою святого Бернарда; торжественной процессіей обходили они святилища, гдѣ священникъ изъ Тривелли совершалъ мессу, отъ cadaго очага общины участвовало лицо въ крестномъ ходѣ, во время котораго кругомъ святилища обносилась съ глубокимъ благоговѣніемъ икона святого Бернарда. Такъ удалось изгнать демоновъ; прекратился ли

1) Muratori, *Antiq. Ital.* I, 1122

также и градъ, объ этомъ *historia Dulcini* умалчиваетъ. Въ то время, какъ крѣпость Дольчино обращалась въ развалины, и камни послѣдней твердыни арнольдистовъ служили лишь къ построению святилища величайшему противнику Арнольда Бернарду, послѣдовалъ кровавый судъ надъ всеми братьями-апостолами въ Италіи. Повсемѣстно шли розыски этихъ сектантовъ, доказавшихъ, какая опасность грозитъ отъ нихъ всему свѣту ¹⁾. Кто подозрѣвался въ томъ, что принадлежалъ къ школѣ Сегарелли или Дольчино, могъ съ увѣренностью ждать розыска, ареста и кары. Доминиканцы пожинали богатую жатву. Арестованныхъ спрашивали, вѣруютъ ли они, что римская церковь блага, свята и угодна Богу, и горе тому, кто это отрицалъ. Многочисленные обвиненные обоого пола были подвергнуты публичнымъ казнямъ, смотря по степени своей вины. Годами содержались въ заточеніи упорствующие, оторванные совершенно отъ своихъ друзей и посаженные всегда въ особую темницу отъ остальныхъ еретиковъ. Если несмотря на всѣ мученія они оставались вѣрны своему убѣжденію, что папская церковь не есть церковь апостольская, ихъ передавали свѣтскому суду и сжигали. Нѣкоторые укрывались, большинство же оставило свою отчизну, чтобы основать новыя общины въ другихъ государствахъ, гдѣ ихъ не знали еще за еретиковъ ²⁾. Быть можетъ, нѣкоторые, какъ объясняетъ Бернардо Гвидони, были лишь неисправимыми бродягами, предпочитавшими жить нищенствомъ, чѣмъ трудомъ, и не знавшими другого предлога къ бродяжничеству ³⁾; но другіе, видимо были убѣжденными евангелистами, теперь ставшими фанатичными вслѣдствіе гоненія антихристового. Но какъ замкнутая община апостольскій орденъ не оправился уже отъ удара, нанесеннаго ему пораженіемъ Дольчино. Неисполненіе предсказаній Дольчино и трагическій конецъ героя съ горы Цебелло, повидимому, подѣйствовали на большинство братьевъ такимъ же образомъ, какъ взятіе Мюнстера на анабаптистовъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Разочарованіе вернуло многихъ въ лоно церкви, другіе же примкнули къ спиритуаламъ францисканскаго ордена, къ фратичелли, съ которыми они раздѣляли самыя главныя свои убѣжденія. Однако, еще долго встрѣчаются они и подъ старымъ своимъ именемъ и подъ этимъ именемъ фигурируютъ въ процессахъ.

1) *Practica*, 342.

2) *Practica*, 342, 343.

3) *Practica* 347.

Въ 1316 году мы видимъ инквизицію южной Франціи и Испаніи въ живѣйшихъ сношеніяхъ, такъ какъ инквизиторы напали на слѣды новыхъ миссій апостоловъ. Въ концѣ 1315 года или въ началѣ 1316 г. начальникъ тулузской инквизиціи, Бернардо Гвидони, посылаетъ въ Испанію весьма обстоятельное окружное посланіе ¹⁾, въ которомъ въ риторическихъ выраженіяхъ напоминаетъ, какъ многія milia milium нѣкогда пристали къ Дольчино. „Они скрывались въ горахъ, жили въ земляныхъ норахъ и пещерахъ, подобно ночнымъ совамъ“. Послѣ того, какъ вожаки ихъ были казнены, они разсѣялись повсюду и, какъ мнимое братство кающихся, продолжали свое дѣло. Своими набожными рѣчами они привлекали къ себѣ довѣрчивыхъ людей, устраивали тайныя общины, не принимали участія въ общественномъ богослуженіи церкви, утверждая, что они истинная духовная церковь. Они обратились главнымъ образомъ, какъ показываютъ розыски тулузской инквизиціи, къ Испаніи, гдѣ до сихъ поръ они были менѣе извѣстны. Имена этихъ лицъ извѣстны автору окружнаго посланія изъ сообщеній одного свидѣтеля, повидимому вкрадшагося къ нимъ шпіона инквизиціи; вотъ почему Бернардо Гвидони сообщаетъ о томъ испанскимъ епископамъ съ строгимъ предписаніемъ принять самыя строгія мѣры противъ лжеапостоловъ ²⁾. На это посланіе отвѣтилъ Родригецъ, архіепископъ изъ Компостелла, и канцлеръ королевства Леонъ 6-го марта 1316 года. Онъ сообщаетъ, что дѣйствительно схватилъ шесть апостоликовъ, и проситъ теперь переслать вопросныя пункты вмѣстѣ съ порядкомъ судопроизводства, который обыкновенно примѣнялся инквизиціей въ подобныхъ дознаніяхъ. По этому или подобному поводу возникли записки, дошедшія до насъ въ Практикѣ Бернардо Гвидони ³⁾ и въ additamentum Муратори ⁴⁾ почти въ той же самой формѣ. Въ Практикѣ приложены также вопросныя пункты и порядокъ судопроизводства, которыхъ просилъ для себя испанскій прелатъ. Изъ нихъ видно, какъ обстоятельно разузнавало грозное учрежденіе доминиканцевъ семейныя отношенія, дружественныя связи, знакомства, предыдущую жизнь, мѣста, гдѣ коренилась ересь, и лицъ, распространявшихъ ее, или

1) Относительно вѣрнаго указанія числа см. Саксе стр. 28 и слѣд. Число отъ 1 мая 1316 года ложно, потому что отвѣтъ архіепископа изъ Компостелла носить болѣе раннее число 6-го марта 1316 года.

2) Practica, стр. 350—355.

3) Стр. 327—50.

4) Rerum Ital. Script. IX, 447—60.

уже обращенныхъ въ ересь арестованными; какъ тщательно старался судья установить уклоненія отъ ученія церкви и различныя формы этихъ уклоненій. Изъ этого источника мы узнаемъ также, что кромѣ Сегарелли и Дольчино многіе другіе апостолики кончили свою жизнь на кострѣ ¹⁾).

Сохранилось также примѣненіе этихъ правилъ къ отдѣльному случаю въ сего, т. е. въ торжественномъ актѣ отреченія, которое сумѣла вынудить тулузская инквизиція у апостолика Петра Луго ²⁾. Одинъ изъ апостоликовъ, посланныхъ Сегарелли на проповѣдь, Рихардъ изъ Алессандріи, обратилъ Петра Луго къ бѣдной жизни приблизительно въ 1302 году, на родинѣ его, Галиціи. Петръ, покинувшій Испанію, былъ схваченъ въ 1320 году инквизиціей тулузской. Долго оставался испанецъ, несмотря на суровый и мучительный допросъ, при томъ, что одно лишь слѣдованіе бѣдной жизни даетъ спасеніе, что папа, если онъ отлучаетъ отъ церкви несправедливо, отлучаетъ самого себя, вслѣдствіе чего арестованный считаетъ Сегарелли праведникомъ, несмотря на папскія проклятія; онъ доказываетъ изъ многочисленныхъ мѣстъ писанія, что римская церковь не можетъ быть истинною церковью, потому что она обмірщилась со времени Сильвестра. Какъ различаетъ онъ двоякую бѣдность, истинную бѣдность братьевъ-апостоловъ и несовершенную бѣдность орденовъ, допускающихъ общее владѣніе, такъ различаетъ онъ также *ecclesia spiritualis* и *cahnalis*. Церковь спиритуаловъ—церковь благочестивыхъ, живущихъ въ совершенной бѣдности, униженіи и духовномъ повиновеніи Богу; плотская же церковь—это церковь прелатовъ, величающаяся въ роскоши, великолѣпіи и высокоуміи. Она — *meretrix Babylonica*, имѣющая семь главъ, т. е. служащая всѣмъ семи смертнымъ грѣхамъ, и десять роговъ, т. е. отвергающая всѣ десять заповѣдей. Она держитъ въ рукѣ чашу золотую, изъ которой пить всѣ народы земные, ибо она не гнушается золота, и ея золотая чаша переполнена отвратительнѣйшими грѣхами. Гдѣ нѣтъ бѣдности, тамъ нѣтъ также святости. Потому римская церковь со времени Сильвестра уже не истинная церковь апостоловъ. Петръ Луго отказывался сначала клясться, такъ какъ въ евангеліи заповѣдано: ты не долженъ клясться. Когда послѣ четырехнедѣльныхъ мученій въ темницѣ онъ былъ приведенъ опять, онъ ссылался на мѣста изъ евангелія и посланія Іакова, запрещавшія клятву.

¹⁾ Practica, 264, гдѣ подъ упомянутымъ апостоликомъ, приговореннымъ къ заточенію, подразумѣвается, конечно, Петръ Луго. См. также 296

²⁾ Limborch, Geschichte der Inquisition, Amsterdam, 1692, стр. 360.

Его инквизиторъ, много разъ упомянутый уже нами Бернардо Гвидони, доказывалъ ему противное, ссылаясь на апостола Павла и ангела Апокалипсиса, давшихъ клятву, и на каноны церкви, предписывающіе ее. Но арестованный остается при своемъ отказѣ. Спрошенный, признаетъ ли онъ за папою право отпускать грѣхи, онъ отвѣчаетъ, что одинъ ученый сказалъ ему: положеніе объ отпущеніи и оставленіи грѣховъ должно понимать такъ, что, какъ въ ветхомъ завѣтѣ священникъ рѣшаетъ, есть ли проказа у даннаго человѣка, или нѣтъ, но не имѣетъ власти дѣйствительно сдѣлать здоровымъ пораженнаго проказою, такъ и священникъ имѣетъ власть сказать, кто связанъ грѣхомъ, кто свободенъ отъ него, но его слова не измѣняютъ нисколько дѣйствительнаго состоянія человѣка, хотя есть такіе фарисеи, которые хотятъ предать смерти души живыя и назвать живыми тѣ души, что мертвы. Не иначе отвѣтилъ бы Арнольдъ Врешіанскій, если бы отъ него потребовали отвѣта за его ученіе. Много разъ еще отказывался Петръ Луго отречься. Приведенный вновь въ ноябрѣ, онъ клянется, что будетъ говорить сущую правду. На вопросъ, вѣрить ли онъ, что папа имѣетъ власть отлучать отъ церкви, онъ отвѣчаетъ словами Григорія Великаго: „Кто отлучаетъ отъ церкви несправедливо, отлучаетъ самого себя“. На вопросъ, вѣрить ли онъ, что братья-апостолы были отлучены несправедливо, онъ отвѣчаетъ утвердительно, потому что Богъ засвидѣтельствовалъ проповѣдь новыхъ апостоловъ чудесами. На новомъ допросѣ онъ опять отказывается дать клятву. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ снова отказывается клятвенно отречься отъ своихъ ересей, ибо онъ не знаетъ, можетъ ли онъ сдержать эту клятву. Но къ сентябрю 1322 года его настолько уже измучили, что онъ отрекается отъ всѣхъ ересей своей секты, ея ученій, обрядовъ, ея сужденій о католической церкви и порицаній противъ папы и увѣряетъ, что отнынѣ онъ считаетъ Сегарелли и Дольчино еретиками и вѣроотступниками, которые были осуждены справедливо. Онъ обѣщаетъ снять ихъ одѣяніе, избѣгать ихъ собраній, быть вѣрнымъ единой католической церкви и единому святому отцу Іоанну XXII въ Авиньонѣ, *extra cujus fidem et obedientiam non est salus*. Стоя на колѣняхъ, долженъ былъ онъ отречься отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, отъ одного положенія за другимъ, и клясться, что онъ не считаетъ католическую церковь за *heretrix*, о которой говорить св. Іоаннъ, но за чистую дѣву, о которой говорить св. ап. Павелъ, что она обѣщана одному жениху, именно Христу. Онъ клянется, что не было запрещено клясться, что папа справедливо осудилъ апостольскій орденъ. Когда онъ такимъ образомъ отрекся отъ всѣхъ своихъ убѣжденій, отъ

одного положенія за другимъ, примирился съ церковью и обѣщалъ помогать ей при выслѣживаніи всѣхъ своихъ бывшихъ сообщниковъ, ему было даровано помилованіе—пожизненное заточеніе. Эту милость раздѣляли съ нимъ еще четырнадцать другихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Бернардо же Гвидони продолжалъ свирѣпствовать, пока наконецъ въ награду за заслуги не былъ освобожденъ отъ своей трудной работы и назначенъ епископомъ въ Лоди ¹⁾.

Но даже и послѣ всѣхъ этихъ испытаній орденъ апостоликовъ не былъ совершенно уничтоженъ. Еще въ 1368 году соборъ въ Лаворѣ напечатать нужнымъ предписать въ своемъ 24 канонѣ: „Лжеапостоловъ должно избѣгать; ихъ слѣдуетъ хватать и наказывать“. Имя ордена исчезаетъ лишь постепенно, и оставшіеся братья-апостолы переходятъ въ различныя группы спиритуаловъ, на долю которыхъ, преимущественно, выпадаетъ теперь мученичество со времени папы Іоанна XXII Авіньонскаго.

¹⁾ Practica, 353.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такъ будетъ идти свѣтъ, враждебный доброду и благосклонный злуду, стена подь своимъ собственнымъ бременемъ.

Мильтонъ.

Рядъ мучениковъ за идею, описанныхъ нами, показываетъ, какъ тѣсно связаны судьбы поколѣній, какъ сплетаются звенья развитія черезъ цѣлыя столѣтія. Изъ міросозерцанія Абеяра Арнольдъ Брешианскій заимствовалъ основы своего ученія и призывалъ Италію къ борьбѣ съ обмирщившимся папствомъ. Искаженныя арнольдистскія идеи стали для Вальдо, Франциска, Сегарелли и Дольчино путеводными звѣздами, по нимъ каждый по-своему направлялъ ладью своей жизни, и этотъ идеаль гласилъ: бѣдная жизнь апостоловъ. Въ послѣднихъ главахъ Этики Абеяра уже развѣртывается то знамя, подь которое Арнольдъ Брешианскій собралъ своихъ ломбардцевъ, а Вальдо лонскихъ бѣдныхъ; это знамя Францискомъ было ввѣрено кающимся въ Ассизи; подь нимъ страдалъ Сегарелли, а Дольчино побѣждалъ и погибъ. Что открывалъ Абеяръ своимъ ученикамъ въ тихой аудиторіи, то Арнольдъ проповѣдывалъ на улицѣ, а Вальдо осуществилъ въ орденѣ странствующихъ апостоловъ. Этотъ самый идеаль пробовали осуществить Францискъ и Сегарелли въ своей личной жизни—жизни любви; Дольчино же имѣлъ мужество доказывать евангельское право бѣдности мечомъ и бился имъ храбро, пока мечъ не сломался. Пусть боевой кличь Дольчино плохо согласуется съ слѣдованіемъ апостоламъ, которое онъ проповѣдывалъ; послѣ всей крови, всѣхъ слезъ, въ которыхъ сталъ повиненъ Римъ, храбрымъ сердцамъ служило удовлетвореніемъ, что, наконецъ, хоть одинъ человекъ вспомнилъ слова писанія: „Какую чашею она вамъ подала, воздайте ей вдвое“. Это также написано въ писаніи, и мы хвалимъ того, кто поступаетъ согласно этимъ словамъ.

Идея исканія истиннаго счастья и настоящей свободы въ добровольной бѣдности теперь такъ далека отъ насъ, что мы уже не понимаемъ,

какъ два столѣтiя могли поклоняться ей какъ новому евангелiю. Но самъ Данте подтвердилъ въ вдохновенныхъ стихахъ, какимъ утѣшенiемъ было это евангелiе для тѣхъ обиженныхъ жизнью, гордость которыхъ нашла себѣ удовлетворенiе въ *добровольномъ* отреченiи. Онъ— „рожденный нѣкогда Флоренцiей, матерью безъ любви“, знавшiй по опыту, какъ круты лѣстницы дворцовъ на чужбинѣ, какъ горекъ хлѣбъ, предлагаемый гостепрiимствомъ, — утѣшаетъ себя мечтою о добровольной бѣдности и привѣтствуетъ горы ассизскiя гимномъ:

Тамъ, въ свѣтѣ святости, взошло яркое солнце, подобно солнцу, свѣтящему надъ Гангомъ. Поэтому не называй этого мѣста Ассизи, этого мало; кто узналъ его, какъ начало спасенiя, назоветъ его востокомъ.

Бѣдность для него вдова умершаго на Голгоѣ, за которую никто не сватался въ теченiе одиннадцати вѣковъ. И однако она любила Христа больше даже, чѣмъ Его Матерь. Последняя лишь стояла у креста и плакала, она же, бѣдная и нагая, вознеслась съ нимъ на крестъ. Когда Францискъ посватался за нее, то ея улыбка стала „источникомъ цѣлой толпы святыхъ мыслей“. Тогда Бернардо Квинтавалле „разулся, чтобы полнымъ мужества бѣжать за миромъ, и, когда бѣжалъ, вѣрилъ, что миръ его ждетъ“. Эгидiй и Сильвестръ „также стремились къ бѣдности, какъ къ истинному благу“. Отъ этой четы, Франциска и бѣдности, произошло множество сыновъ, опоясывавшихся веревкою. Подобно королю, не нагибая головы, стоитъ сынъ Бернардоне передъ Иннокентiемъ и предлагаетъ ему суровый планъ:

. Который, одобряя суровость, даетъ ему первую печать ордена. Паства быстро росла, такъ что скоро толпы шли за этимъ чудеснымъ человѣкомъ, жизнь котораго сумѣетъ воспѣть лучше небо ¹⁾).

Такъ самъ Данте находится еще всецѣло подъ обаянiемъ арнольдистскаго идеала. Его заступничество за право имперiи, его гнѣвъ противъ папъ, сочиняющихъ посланiя лишь для того, чтобы предать забвенiю присягу, обѣты, договоры, положенiя, постановленiя своихъ предшественниковъ ²⁾, папъ, попадающихъ по смерти въ адъ, гдѣ ихъ предшественники повергаются тогда еще глубже въ бездну,—вся эта полемика ставитъ великаго

1) Данте, Рай XI, 37 сс.

2) Рай, 18, 130.

пзгнанника подъ знамя Арнольда. А между тѣмъ Данте былъ вѣрующій католикъ. Въ его великой трилогіи царитъ неизблемо и величественно старая вѣра. Сектантовъ, подобно Дольчино, онъ повергаетъ въ ущелье, гдѣ дьяволъ преслѣдуетъ схизматиковъ мечомъ; какъ они причиняли расколъ въ церкви, такъ онъ наноситъ раны ихъ тѣлу, какъ они отрывали члены отъ тѣла Христова, такъ онъ отсѣкаетъ члены отъ ихъ собственнаго тѣла и увѣчить и обезображиваетъ ихъ такъ же, какъ они изувѣчили и обезобразили тѣло Христово. Но именно это самое рвеніе къ святой и нераздѣльной церкви дѣлаетъ Данте борцомъ противъ папъ, разоряющихъ ее. Когда великій поэтъ умеръ въ 1321 году, спиритуалы францисканскаго ордена продолжали эту борьбу. И Виклефъ, родившійся черезъ три года послѣ смерти Данте, находится еще подъ вліяніемъ стараго идеала бѣдности, и его ученіе о проповѣдничествѣ, это—ученіе вальденцевъ. Его лолларды были въ извѣстномъ смыслѣ ломбардцами Англии. Затѣмъ нищенствующее движеніе ослабѣваетъ. Августиновская оппозиція противъ церкви, видящей спасеніе въ добрыхъ дѣлахъ, вытѣсняетъ арнольдистскую оппозицію противъ церкви богатой; однако эти идеалы не исчезаютъ, ихъ можно видѣть еще въ гуситскомъ движеніи, они входятъ въ него какъ предпосылка и переходный моментъ. Но оппозиціонное движеніе съ теченіемъ времени становится все глубже. Арнольдисты нападали только на церковь, но не на ея догму, и, лишь когда вновь воскресшее ученіе св. ап. Павла показало, что порицаемая злоупотребленія коренятся въ искаженіи догмы, тогда только люди приблизились къ желанной реформѣ.

Примѣчаніе къ главамъ I, стр. 4 и слѣд. Замѣчательное сходство съ организаціей вагантовъ, какъ мы видѣли ее у вальденцевъ, нищенствующихъ монаховъ и братьевъ - апостоловъ, представляетъ секта голіардовъ или духовный орденъ вагантовъ, составившійся въ тринадцатомъ столѣтіи изъ многочисленныхъ *clerici vagantes* и имѣвшій опредѣленные статуты. См. Ник. Шпигель, Ваганты и ихъ орденъ. Программа гимназіи въ Шпейерѣ 1891 г. и диссертація того же автора: *Vaganten und Bachanten*. Аугсбургъ, Pfeiffer 1888. Число *clerici vagantes* въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ было велико, такъ какъ вслѣдствіе притѣсненій свѣтскихъ патроновъ или сосредоточенія приходовъ въ рукахъ придворныхъ часть клириковъ лишалась куска хлѣба. Такъ что церковь терпѣла этихъ странниковъ изъ духовенства, зарабатывавшихъ свой хлѣбъ духовными или

свѣтскими пѣснями и жившихъ гостепрѣимствомъ прихожанъ. Но въ тринадцатомъ столѣтїи изъ этого, такъ сказать, вагантскаго цеха образовался, благодаря болѣе прочной организаціи, орденъ вагантовъ, и, когда этотъ орденъ сталъ опасенъ лучше поставленному осѣдлому духовенству своими насмѣшливыми пѣснями и подстрекательствомъ прихожанъ, церковь заговорила также о сектѣ голіардовъ или вагантовъ. Во Франціи глава ордена назывался именемъ Голіааа, и это имя напомнило нѣкоторымъ ученымъ, что уже святой Бернаръ называлъ ваганта Абеяра Голіааомъ съ его щитоносцемъ Арнольдомъ. Въ Германіи же подобный начальникъ ордена назывался понтифексомъ, примасомъ или презулемъ. Члены ордена по образцу нищенствующихъ орденовъ раздѣляются на вѣрующіе, конвентуаловъ (монаховъ), конверсовъ и послушниковъ. Подобно нищенствующимъ монахамъ, они жили подаеніемъ и гостепрѣимствомъ народа, но зарабатывали подаеніе не проповѣдью и исповѣдью, а пѣснями и рассказами. Они были творцами пѣсней вагантовъ и распространяли ихъ по всей Европѣ. Такъ какъ свою легкомысленную жизньъ они сильно роняли авторитетъ духовенства, то начиная съ 1231 года французскіе соборы постановили, сначала въ Сенѣ, что у голіардовъ ихъ духовная тонаура должна обрѣзываться такимъ образомъ, чтобы ихъ не считали больше клириками. Но этимъ голіарды лишились своихъ духовныхъ привилегій, и они перекочевали преимущественно въ Германію, гдѣ съ 1259 г. соборы въ Фрицларѣ, Кельнѣ, Майнцѣ, Магдебургѣ запрещали прихожанамъ и приходскимъ священникамъ оказывать какую-либо поддержку *clerici vagantes*. Наконецъ у нихъ были отняты духовныя привилегіи, и соборъ въ Зальцбургѣ въ 1292 г. предоставилъ членамъ секты короткій срокъ для оставленія страны; по истеченіи этого срока они были бы подчинены, какъ свѣтскіе странствующие пѣвцы и актеры, правительству, отъ котораго до сихъ поръ были независимы, такъ какъ носили духовный характеръ. Съ этого времени они исчезаютъ въ остальной массѣ странниковъ, гдѣ ученые члены назывались обыкновенно цехомъ бахантовъ. Они были теперь свѣтскими бродягами, не представлявшими больше особаго интереса для церкви.

Примѣчаніе къ стр. 270. Штедингеры (т. е. прибрежные)—фризское племя на Везерѣ, долго отстаивавшее свою самостоятельность отъ покушеній графовъ Ольденбургскихъ и отказавшееся платить церковную десятину архіепископу Бременскому. За это ихъ причислили къ альбигойцамъ, разразились надъ ними интердиктъ, императорская опала и крестовый походъ (1207). Но двадцать лѣтъ они мужественно отражали всѣ попытки покоренія, и только въ 1234 году новое сорокатысячное войско крестоносцевъ (см. выше, стр. 202) послѣ страшнаго кровопролитія и жестокостей могло покорить ихъ. *Пер.*

Поправка. На стр. 78 слѣдуетъ вм. Санто-Даміано читать Санъ Даміано.
На стр. 184, стр. 16 св. вм. далеко—недалеко.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Глава I. Ученики Арнольда.	1
„ II. Вальденцы	19
„ III. Францискъ	68
„ IV. Жизнь въ нищетѣ .	82
„ V. Подражаніе Христу	95
„ VI. Церковная организація движенія мірянъ .	. 105
„ VII. Апостолы и вѣстники міра 116
„ VIII. Папскій нищенствующій орденъ .	. 127
„ IX. Идеаль и дѣйствительность.	. 151
„ X. Стигматы .	. 172
„ XI. Борьба за бѣдность	. 200
„ XII. Вѣчное евангеліе	. 222
„ XIII. Сегарелли	. 236
„ XIV. Дольчино .	. 275
Заключеніе	. 318

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из наследия мировой философской мысли»

«История философии»

Бэймкер К. Европейская философия Средневековья.

Штёкль А. История средневековой философии.

Вебер А. История европейской философии.

Форлендер К. История философии: Античность. Средние века.

Вундт В., Ольденберг Г. и др. Общая история философии: Истоки. Восточная, исламская, еврейская философия.

Гегель Г. В. Ф. Введение в философию: Философская пропедевтика.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения.

Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума».

Риль А. Введение в современную философию.

Корнелиус Г. Введение в философию.

Кюльпе О. Введение в философию.

Кюльпе О. Очерки современной германской философии.

Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. Кн. 1, 2.

Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы.

Тренделенбург А. Логические исследования. Кн. 1, 2.

Паульсен Ф. Введение в философию.

Бюхнер Л. Сила и материя.

Гартполь Лекки У. Э. История возникновения и влияния рационализма в Европе. В 2 т.

Фалькенберг Р. История новой философии: От Николая Кузанского до Канта.

Фалькенберг Р. История новой философии: От Канта до Вундта.

Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. В 2 т.

Рей А. Современная философия.

Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем.

Авенариус Р. Философия как мышление о мире.

Авенариус Р. Человеческое понятие о мире.

Юм Д. Диалоги о естественной религии.

Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма. Кн. 1, 2.

Беркли Дж. Трактат о началах человеческого знания.

Челпанов Г. И. Введение в философию.

Скрынченко Д. В. Ценность жизни по философскому и христианскому учению.

Козлов А. А. Понятия философии и истории философии. Философия восточная.

Радлов Э. Л. Философский словарь.

Кареев Н. И. Философия истории в русской литературе.

Серия «*Bibliotheca Scholastica*». Под общ. ред. *Апполонова А. В.* Билингва: параллельный текст на русском и латинском языках.

Бозций Дакийский. Сочинения.

Фома Аквинский. Сочинения.

Уильям Оккам. Избранное.

Роберт Гроссетест. Сочинения.

Блаженный Иоанн Дунс Скот. Трактат о первоначале.

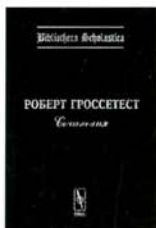
Апполонов А. В. Латинский аверроизм XIII века.

Немецкий историк и богослов. Родился в Карлсруэ. Образование получил в университетах Йены, Геттингена, Берлина и Гейдельберга. В 1861 г. стал приват-доцентом Гейдельбергского университета; с 1867 г. экстраординарный, а с 1872 г. — ординарный профессор.

По своим взглядам А. Гаусрат примыкал к так называемой Тюбингенской школе — направлению в немецкой протестантской теологии, развивавшемуся в университете Тюбингена; историки этой школы впервые попытались применить исторический подход к изучению Библии. В своих книгах «Апостол Павел» (1865), «История новозаветного времени» (Т. 1–3; 1868–1874) и «Иисус и новозаветные писатели» (Т. 1–2; 1908–1909) он развивал идеи основателя Тюбингенской школы Ф. Х. Баура о противоречиях между фракциями и их примирении внутри ранней церкви. Большую популярность имели ярко написанные им биографии (в том числе жизнеописание Мартина Лютера и известного философа, представителя Тюбингенской школы Д. Ф. Штрауса), а также исторические романы, изданные под псевдонимом Джордж Тейлор.

Наше издательство предлагает следующие книги:

11000 ID 156929

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ ТЕЛЕФОН / ФАКС +7 (499) 724-25-45
КООРДИНАТЫ (многоканальный) 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56